

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

- Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А.** Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая 3
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Гладышев С.А., Олсен Д.** Ранний этап верхнего палеолита Гобийского Алтая (по материалам стоянки Чихэн-2) 17
- Корниенко Т.В.** К вопросу о человеческих жертвоприношениях на территории Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита 42
- Окладников А.П., Медведев В.Е., Филатова И.В.** Первые стационарные исследования с получением радиоуглеродных дат на острове Сучу (1972 год) 50
- Табарев А.В., Каномата Й.** «Тропический пакет»: особенности каменных индустрий древнейших культур Тихоокеанского бассейна (на примере побережья Эквадора) 64

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

- Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А.** Рыба в погребальной практике носителей андроновской (фёдоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) 77
- Богданов Е.С.** «Камни жизни» из ноин-улинских погребений (по материалам раскопок в 2006–2012 годах) 91

ЭТНОГРАФИЯ

- Майничева А.Ю.** Этноконфессиональные маркеры самоидентификации русских в Сибири в XVII–XVIII веках: церкви с бочечным покрытием 100
- Зориктуев Б.Р.** Тюркская версия происхождения предания об Эргунэ-Куне: ошибки и заблуждения 107

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

- Зубова А.В., Чикишева Т.А.** Антропологический состав неолитического населения юга Западной Сибири по одонтологическим материалам 116
- Бородовский А.П., Тур С.С.** Барангольский некрополь пазырыкской культуры в горной долине нижней Катунь (антропологический аспект) 128
- Аксянова Г.Я.** Русскоустынский антропологический феномен 142

ПЕРСОНАЛИИ

- Профессор Владимир Васильевич Бобров:** к 70-летию со дня рождения 156

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 158

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 159

CONTENTS

PALEOENVIRONMENT. THE STONE AGE

- A.P. Derevianko, S.V. Markin, N.A. Kulik, and K.A. Kolobova.** Lithic Raw Material Exploitation in the Sibiryachikha Facies, the Middle Paleolithic of Altai 3
- A.P. Derevianko, S.V. Markin, S.A. Gladyshev, and J.W. Olsen.** The Early Upper Paleolithic of the Gobi Altai (Based on Materials from Chikhen-2) 17
- T.V. Kornienko.** On Human Sacrifices in Northern Mesopotamia in the Pre-Pottery Neolithic 42
- A.P. Okladnikov, V.E. Medvedev, and I.V. Filatova.** The First Systematic Excavations on Suchu Island and Radiocarbon Dates of the Site (1972) 50
- A.V. Tabarev and Y. Kanomata.** “Tropical Package”: Peculiarities of the Lithic Industries of the Most Ancient Cultures, Coastal Ecuador, Pacific Basin 64

THE METAL AGES AND MEDIEVAL PERIOD

- V.I. Molodin, I.A. Durakov, L.S. Kobleva, and L.A. Koneva.** Fish in the Burial Rite of Andronovo (Fedorovka) People, Based on Tartas-1 Cemetery 77
- E.S. Bogdanov.** “Life Stones” from the Noyon Uul Burials (Based on Findings of the 2006–2012 Field Seasons) 91

ETHNOLOGY

- A.Yu. Mainicheva.** Ethno-Confessional Markers of Russian Identity in 17th–18th-Century Siberia: Churches with Barrel-Shaped Domes 100
- B.R. Zoriktuev.** The Turkic Version of the Ergene-Kun Legend: Mistakes and Delusions 107

ANTHROPOLOGY AND PALEOGENETICS

- A.V. Zubova and T.A. Chikisheva.** Nonmetric Dental Trait Distribution in the Neolithic Populations of Southwestern Siberia 116
- A.P. Borodovsky and S.S. Tur.** Barangol: A Pazyryk Cemetery on the Lower Katun, Gorny Altai (Anthropological Study) 128
- G.A. Aksyanova.** Russkoye Ustye: Anthropological Study 142

PERSONALIA

- Professor Vladimir Vasilievich Bobrov** (in Honor of his 70th Birthday) 156

ABBREVIATION 158

CONTRIBUTORS 159

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 903.2

А.П. Деревянко, С.В. Маркин, Н.А. Кулик, К.А. Колобова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
markin@archaeology.nsc.ru
kolobovak@yandex.ru*

ЭКСПЛУАТАЦИЯ КАМЕННОГО СЫРЬЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СИБИРЯЧИХИНСКОГО ВАРИАНТА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ*

Комплексы сибирячихинского варианта среднего палеолита в технико-типологическом аспекте существенно выделяются на фоне других синхронных ансамблей Горного Алтая. В настоящем исследовании определена роль каменного сырья в формировании особенностей индустрий пещер Чагырская и Окладникова. Установлена близость расположения источников использованного каменного сырья, подтверждены основные принципы его эксплуатации – качество и доступность. Реализация этих принципов осуществлялась через селективный отбор как легкодоступного сырья хорошего качества, так и менее доступного высококачественного сырья – кембро-ордовикских засурынских яймоидов. Выявлены избирательное использование последних и роль качества сырья в обеспечении вторичных преобразований при формировании каменных орудий. Увеличение доли изделий из засурынских яймоидов в более поздних комплексах сибирячихинского варианта не связано с введением новых технологических приемов и может отражать возрастание доступности этого высококачественного сырья, а также развитие адаптивных навыков древнего населения.

Ключевые слова: средний палеолит, Горный Алтай, сибирячихинский вариант, петрографический анализ, модель эксплуатации каменного сырья.

A.P. Derevianko, S.V. Markin, N.A. Kulik, and K.A. Kolobova

*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
markin@archaeology.nsc.ru
kolobovak@yandex.ru*

LITHIC RAW MATERIAL EXPLOITATION IN THE SIBIRYACHIKHA FACIES, THE MIDDLE PALEOLITHIC OF ALTAI

The Sibiryachikha facies of the Middle Paleolithic differs from other contemporaneous industries of Gorny Altai in both technology and typology. We assess the role of lithic raw material in the origin of Okladnikov and Chagyrskaya industries. The proximity of sources of stone is established, and the main criteria of choice—quality and availability—are confirmed. These criteria could be followed by selecting either common rocks of satisfactory quality or less accessible high-quality material such as Cambrian-Ordovician Zasurye jasperoids. These were used selectively, and the quality of raw material determined secondary reduction techniques. The rise in the proportion of Zasurye jasperoids at the late stage of Sibiryachikha did not result from technological progress. Rather, it might reflect greater availability of high-quality material and more sophisticated extraction practices.

Keywords: Middle Paleolithic, Gorny Altai, Sibiryachikha facies, petrographic analysis, raw material exploitation.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.003-016

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Введение

Особенностью региона Горный Алтай является отсутствие одного универсального сырья высокого качества, каковым для палеолитических индустрий Европы, Ближнего и Среднего Востока служил кремль. В этих условиях древний человек использовал несколько разновидностей доступного каменного сырья. Основным критерием избирательности являлось качество, под которым понимаются: 1) технологические возможности использования каменного материала – размер отдельностей, твердость породы и ее пригодность к различным техникам расщепления; 2) потребительские свойства – прочность режущего края, хрупкость.

Качество каменного сырья контролируется главным образом двумя геологическими факторами [Деревянко, Кулик, Шуньков, 2000]. Первый – условия формирования пород региона, определяющие их петрографический состав и структуру. Все палеолитические памятники Северо-Западного и Центрального Горного Алтая располагаются в пределах одной Ануйско-Чуйской структурно-формационной зоны [Кузнецов, 1963], поэтому ее отдельные тектонические блоки (Чарышско-Инской, Талицкий, Ануйский) как части единого осадочного бассейна с ордовика по девон включительно имели общую геологическую историю. Это привело к формированию в условиях мелководного шельфа Сибирского континента однотипных терригенных и терригенно-карбонатных отложений – алевролитов, песчаников, вплоть до гравелитов и конгломератов, а также органогенных известняков карбонатной платформы, окаймлявших Сибирский континент с запада подобно барьерному рифу [Елкин и др., 1994]. Мелководные условия седиментации отразились на флишоидном характере части терригенных пород, для которых характерно чередование глинистых и песчаных прослоев мощностью от нескольких миллиметров до 20–25 см. При этом разновозрастные, но однотипные песчаники, алевролиты, песчаные сланцы мало различаются по петрографическому составу и облику. Их сходство усугубляется латеральной фациальной изменчивостью и общим слабым региональным метаморфизмом (фация зеленых сланцев), ввиду чего гальки в большинстве случаев неразличимы по возрастной принадлежности и возможно определение лишь петрографических разностей.

Близким по времени в пределах всей Ануйско-Чуйской структурно-формационной зоны является и магматизм: девонские эффузивы и их туфы в отличие от осадочных пород более индивидуальны по составу и облику, благодаря чему в ряде случаев их можно различать и в галечном материале. Это также полихронный (девон – пермь) Талицкий гранитоидный массив

в одноименном блоке с его сателлитами в Ануйско-Чуйском и Чарышско-Инском блоках, в контактовом ореоле которых за счет существенно глинистых терригенных пород различного возраста образовались биотитовые и кордиеритовые роговики.

Второй фактор, в значительной мере определяющий качество каменного сырья, – интенсивная тектоническая деятельность на протяжении всей геологической истории Горного Алтая. Установлено, что в формировании структуры докайнозойского фундамента, особенно в позднем палеозое и мезозое, тектонические разломы играли ведущую роль. Выделенная Ануйско-Чуйская структурно-формационная зона ограничена на юге и западе глубинными Чарышско-Теректинским разломом и Северо-Восточной зоной смятия, на востоке – Сарасинско-Курайской зоной глубинных разломов. В северо-западной части Горного Алтая Чарышско-Теректинский глубинный разлом образует три равноправные ветви, разграничивающие тектонические блоки (зоны), – Ануйскую, Талицкую и Чарышско-Инскую. Северная ветвь – Башелакский разлом северо-северо-западного простирания, по которому Ануйская зона сочленяется с Талицкой, средняя ветвь – разлом северо-западного простирания по границе Талицкой и Чарышско-Инской зон, южная ветвь, ограничивающая последнюю с юга, – субширотный разлом вдоль Тигирекского хребта, за которым оставлено общее название Чарышско-Теректинского. Все разломы сопровождаются смещениями, мощными зонами расланцевания и смятия и разрывными нарушениями более низкого порядка, часто диагональными по отношению к общему простиранию разломов, в результате чего образуются многочисленные более мелкие тектонические блоки [Елович, Перфильев, 1962].

Такая мощная тектоническая активность в течение всего палеозоя и мезозоя затронула все породы региона многократным брекчированием и расланцеванием и способствовала их эндогенному изменению: последующим окварцеванием осадочные породы были превращены в кварцитовидные метасоматиты, часто диагностируемые как кварциты и микрокварциты. В результате того же окварцевания по эффузивным породам образовались яшмоиды или переходные к ним кварцито- и халцедоновидные метасоматиты. В других случаях эндогенное изменение выразилось в эпидотизации и хлоритизации с изменением структуры пород. Очевидно, что эти процессы неизбежно меняли степень однородности и прочность пород, что напрямую влияло на качество каменного сырья. Кроме того, активизация тектонических движений по палеозойским разломам в более позднее время и новообразование кайнозойских разломов, сформировавших современный рельеф Горного Алтая [Добрецов и др., 1995], вызвали усиление дробления и появление трещиноватости пород, часто скрытой, потенциальной,

проявлявшейся при выходе пород на поверхность. Трещиноватость облегчала размыв и существенно влияла на размер и форму обломков, становившихся галечным материалом. Так, развитие косых к слоистости трещин кливажа определяло появление брусковидных и параллелепипедальных обломков осадочных пород, которые с точки зрения технологии были предпочтительным каменным сырьем. Вместе с тем скрытая трещиноватость пород, проявлявшаяся при обработке камня, часто значительно ухудшала качество даже очень хорошего сырья: она снижала его технологические возможности.

Геолого-петрографическим изучением каменных индустрий палеолитических памятников Северо-Западного и Центрального Горного Алтая установлено, что основным сырьем для них являлся галечный материал ближайших водотоков. Результаты исследований палеолитических комплексов региона выявили разнообразные подходы древнейшего населения к отбору и использованию различных видов каменного сырья [Природная среда..., 2003].

Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая

Сибирячихинский вариант среднего палеолита на территории Алтая был выделен по индустриям двух ключевых памятников: пещеры Окладникова и Ча-

гырской пещеры. Обе пещеры являются карстовыми образованиями в бортах рек Сибирячиха (Окладникова) и Чарыш (Чагырская) в предгорьях Северо-Западного Горного Алтая (рис. 1). Стоянки являются многослойными объектами: в пещере Окладникова в слоях 7, 6, 3–1 и в Чагырской пещере в слоях 6В/2, 6В/1, 6Б, 6А зафиксированы однотипные среднепалеолитические индустрии без признаков культурно-географического перерыва.

Хронологический диапазон обитания древнего человека в пещере Окладникова определяется следующими показателями: от 44000 ± 4000 л.н. для слоя 7 до 33500 ± 700 л.н. для слоя 1 [Деревянко, Маркин, 1992, с. 91]. Однако отмечается, что часть радиоуглеродных дат значительно омоложена из-за биотурбаций. Наиболее достоверными приняты урановые определения абсолютного возраста: $44,6 \pm 3,3$ и $44,8 \pm 4,0$ тыс. л.н., полученные для инситуных отложений в галерее 1 [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013, с. 91–92].

Согласно серии дат, материалы из Чагырской пещеры несколько древнее, чем из пещеры Окладникова. Так, даты для кровли слоя 6А > 49000 л.н. (MAMS 14957), средней части слоя 6Б $\rightarrow 49000$ л.н. (MAMS 14958), а его подошвы $\rightarrow 49000$ л.н. (MAMS 14959), > 52000 л.н. (MAMS 14353, MAMS 14354). Для кровли слоя 6В/1 получены даты 45672 ± 481 л.н. (MAMS 13033), > 49000 л.н. (MAMS 14960), > 52000 л.н. (MAMS 14355), для его средней части $\rightarrow 48724 \pm 692$ л.н. (MAMS 13034), для подошвы $\rightarrow$

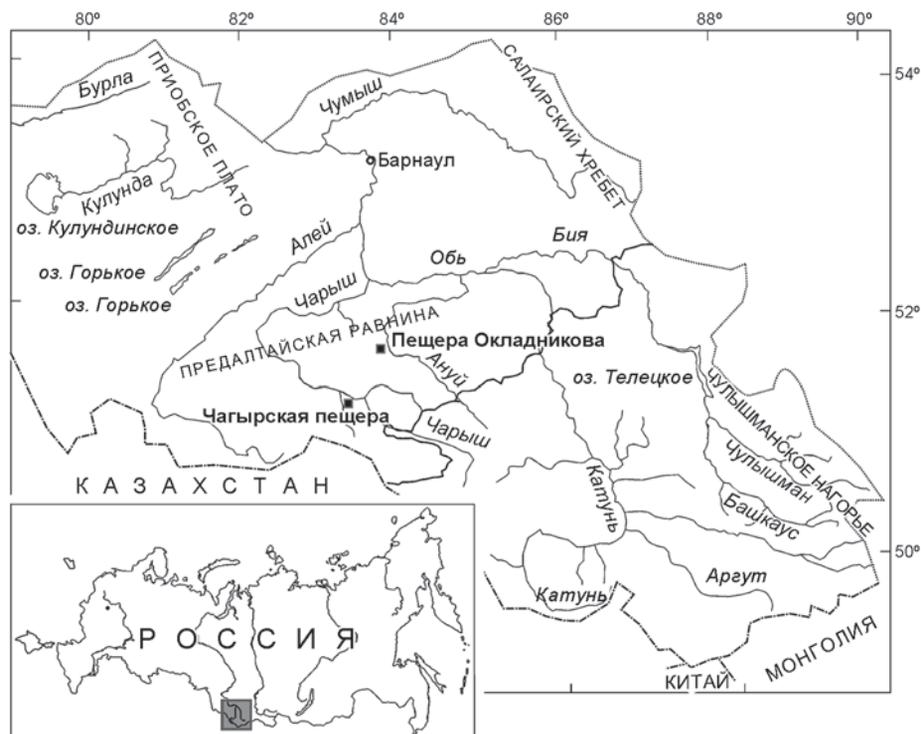

Рис. 1. Расположение памятников сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая.

50524 ± 833 л.н. (MAMS 13035), > 49000 л.н. (MAMS 14961–14963), > 52000 л.н. (MAMS 14356, MAMS 14357, MAMS 14358), для отложений слоя 6B/2 – > 49000 л.н. (MAMS 14964) [Там же, 2013, с. 92] (рис. 2). Обнаруженные в этих пещерах многочисленные антропологические материалы – одонтологические остатки и части посткраниального скелета – свидетельствуют о том, что люди, создавшие сибирячихинскую индустрию, принадлежали к неандертальскому антропологическому типу [Krause et al., 2007; Медникова, 2011; Viola, Markin, Zenin et al., 2011; Viola, Markin, Buzhilova et al., 2012].

Первичное расщепление на рассматриваемых объектах было основано на раскалывании плоскостных нуклеусов преимущественно радиальным методом. Доминирующим типом сколов-заготовок являлись массивные в поперечном сечении отщепы с осью скалывания, смещенной относительно длинной оси изделия. В качестве нуклеусов использовались также крупные двусторонние орудия.

Доли орудийных наборов в общей структуре индустрий рассматриваемых памятников очень значительны. В некоторых слоях Чагырской пещеры они

составляют до 35 % от общего количества вторично преобразованных артефактов, а в комплексах пещеры Окладникова – 48,6–72,7 %.

Наиболее выразительным компонентом наборов артефактов являются конвергентные орудия, включающие остроконечники и скребла различных форм, в числе которых имеются немногочисленные плосковыпуклые двусторонние формы (рис. 3–5). Среди скребел других типов преобладают одинарные, боковые и поперечные формы, меньше двойных с параллельными краями. Единичны образцы со следами ретуши по периметру, с брющка и противоположащей отделки. Необходимо отметить наличие разнообразных скребел-ножей, имеющих естественные и искусственные обушки либо противоположащие рабочим ретушированным кромкам, либо примыкающие к ним под углом (см. рис. 3, 5). Отметим, что присутствие в коллекциях обушковых форм является спецификой технокомплексов этих пещер. Немногочисленны группы зубчатых изделий с ретушированными анкошами и мутьерских остроконечников.

При изготовлении орудий обитатели обеих пещер использовали сходные приемы оформления.

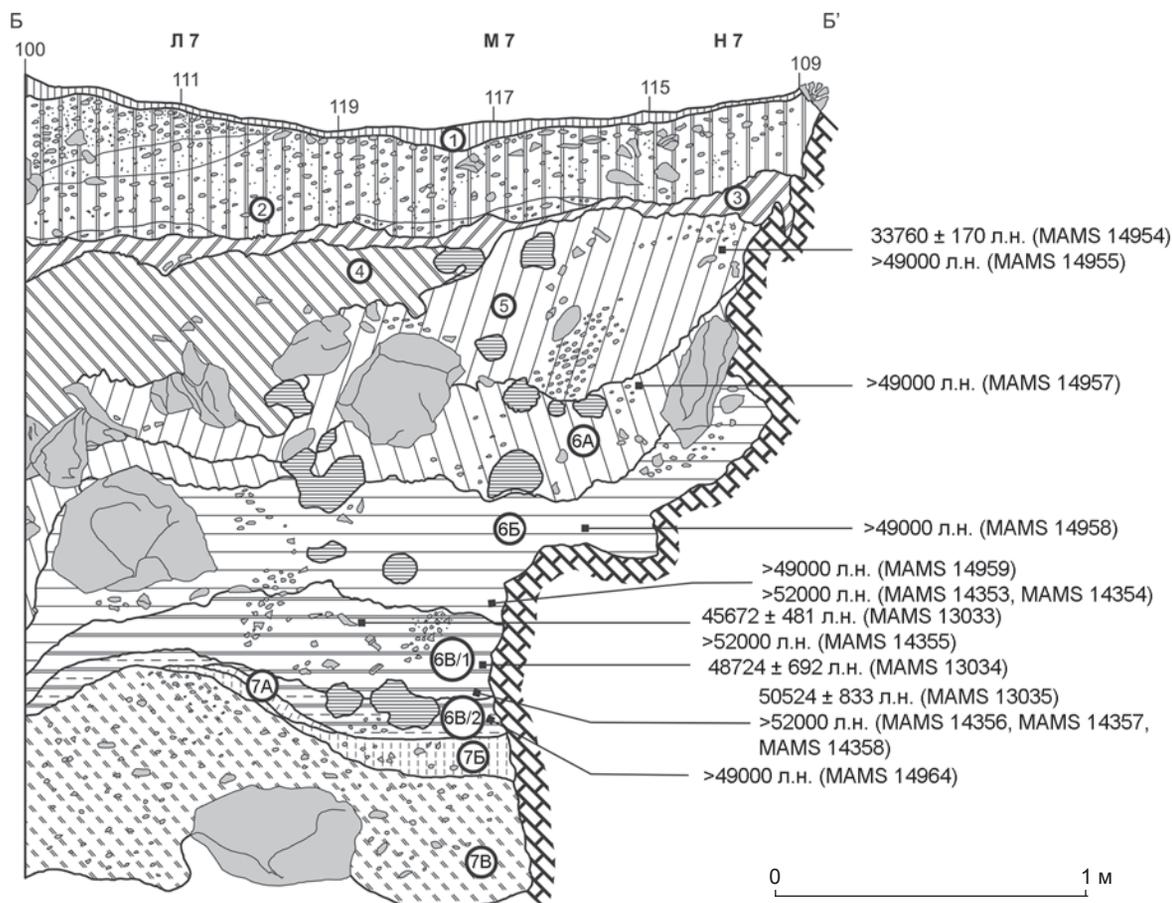

Рис. 2. Стратиграфический разрез Чагырской пещеры.

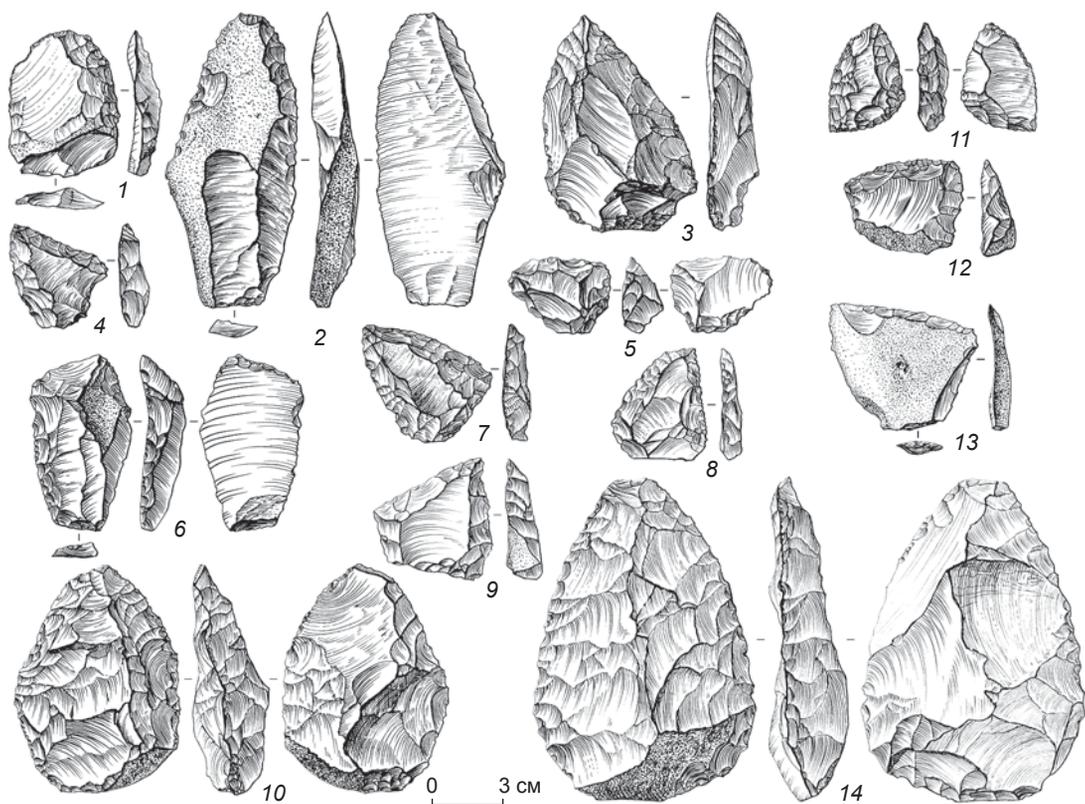

Рис. 3. Каменные орудия из слоя 6Б Чагырской пещеры.

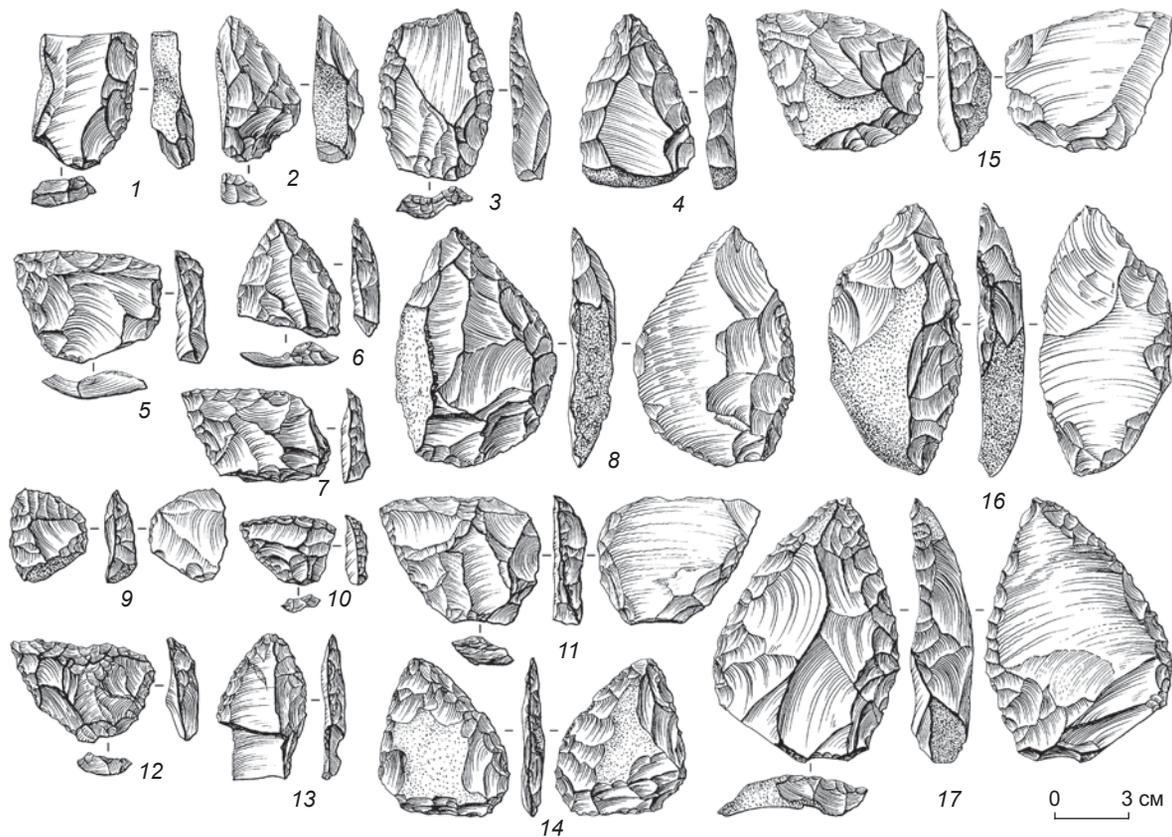

Рис. 4. Каменные орудия из слоя 6В/1 Чагырской пещеры.

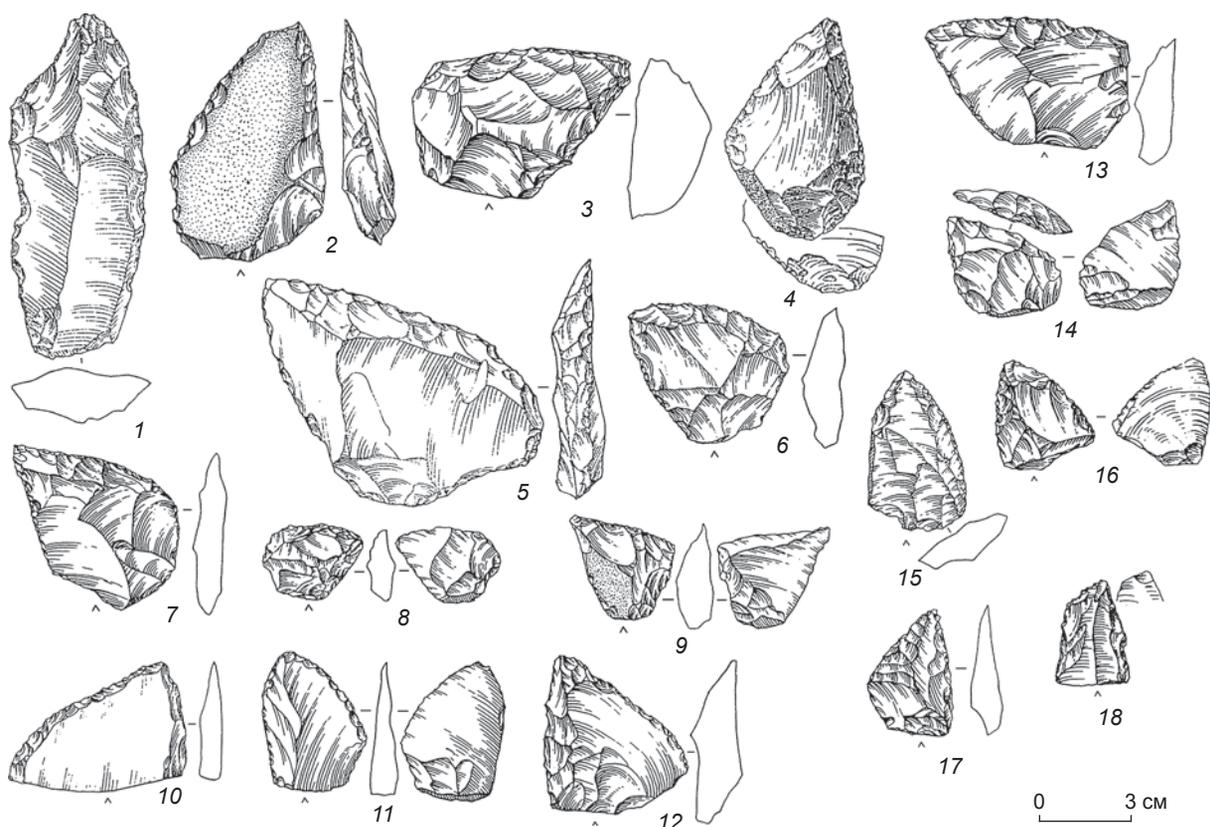

Рис. 5. Каменные орудия из слоя 2 пещеры Окладникова.

Вторичная обработка производилась в основном с помощью разнообразных видов ретуширования. Преобладающей была ретушь дорсальная, крутая и полукрутая, среднеразмерная, средне- и сильномо-дифицирующая, по форме фасеток – чешуйчатая. На большей части орудий элементы ретуши занимают половину периметра и более. С учетом этой характеристики и многочисленности орудий со следами разнообразной вентральной подтески и сколов оформления обушка можно сделать вывод об очень высокой интенсивности ретушной отделки исследуемых комплексов.

Стоянки в пещерах Окладникова и Чагырской, представленные преимущественно однотипными одно- и двусторонними скреблами, остроконечниками и скреблами-ножами, можно квалифицировать как охотничьи лагеря. Преобладание остатков бизона (более 54 %) в Чагырской пещере, возможно, является отражением охотничьей специализации древних популяций. Хозяйственная деятельность первобытных коллективов, населявших пещеру Окладникова, также была связана с охотой на крупных животных, в основном на лошадь, аргали, носорога, бизона, благородного оленя. Значительная часть орудий с этой стоянки имеет признаки использования для разделки и обработки охотничьей добычи.

Анализ каменных индустрий с технологических позиций показал, что главными факторами, влияющими на структуру орудийного набора и индустрию в целом, являются доступность и качество каменного сырья [Andrefski, 1998]. Сибирячихинские материалы предоставляют редкую возможность определить роль этих факторов и варианты использования каменного сырья для технокомплексов.

Геологическая обстановка в пещерах Окладникова и Чагырской

При анализе геологической обстановки в районе пещер Окладникова и Чагырской, расположенных в разных блоках Ануйско-Чуйской структурно-формационной зоны, следует учитывать, что однотипные синхронные образования при геологическом картировании получили в разных блоках различные наименования. Так, терригенно-флишоидный комплекс нерасчлененных кембро-ордовикских отложений в пределах Ануйской зоны носит общее название «горно-алтайской серии», в которой в Талицком и Чарышско-Инском блоках (зонах) выделяется целый набор свит (маралихинская, чарышская, засурьинская, суеткинская, ханхаринская). Кроме того, в новой редакции

геологических карт (2001 г.) даже в пределах одного блока приводятся измененные названия свит, толщ, а иногда и данные об их возрастной принадлежности, ввиду чего при расположении объектов на разных листах геологической карты невозможно использовать унифицированные обозначения одних и тех же стратиграфических образований. Однако изменение названий не меняет литолого-петрографического содержания прежних таксонов, а для целей исследования галечного сырья каменных индустрий этих памятников возрастные взаимоотношения однотипных осадочных пород не имеют принципиального значения, поэтому в настоящей работе в качестве геологи-

ческой основы приняты карты масштаба 1 : 200 000, серия Алтайская, л. М-44-VI [Елович, Перфильев, 1962], М-45-I [Гинцингер, Васютинская, 1959], а также схема геологического строения Северо-Западного Алтая [Ивата и др., 1997], несколько адаптированный вариант которой для целей настоящего исследования представлен на рис. 6.

Оба памятника – самые западные из известных палеолитических объектов Северо-Западного Горного Алтая – находятся почти на одной долготе, в сходной геологической обстановке и симметричны относительно Талицкого гранитоидного массива. Пещера Окладникова расположена вблизи границы Ануй-

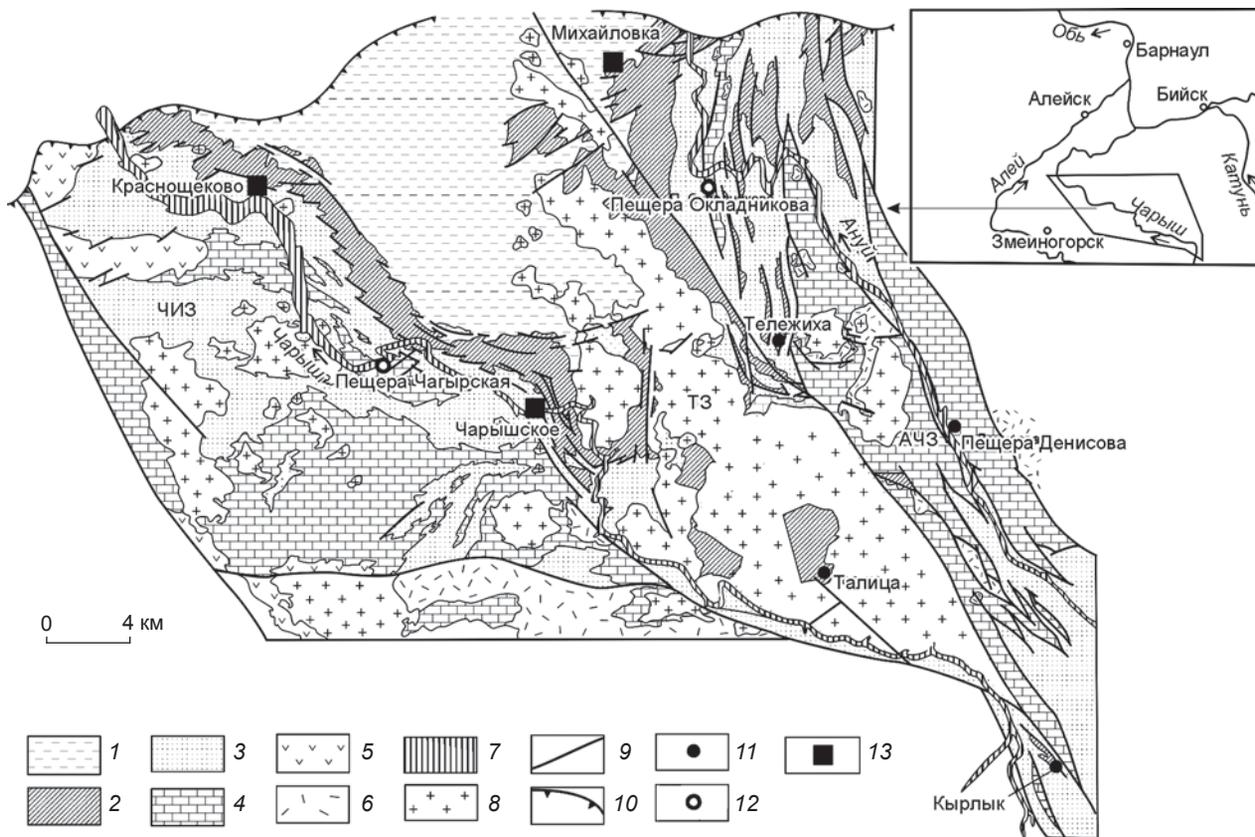

Рис. 6. Схема геологического строения Северо-Западного Алтая (по: [Ивата и др., 1997]).

АЧЗ – Ануйско-Чуйская (Ануйская) зона (блок); ТЗ – Талицкая зона (блок); ЧИЗ – Чарышско-Инская зона (блок).

1 – маралихинская свита R_3-V : сероцветная терригенная тонкообломочная толща с единичными будинами мраморизованных известняков; 2 – в пределах ТЗ засурьинская свита E_3-O : пестроцветная кремнисто-терригенная толща (зеленые, красные, фиолетово-серые, редко черные полимиктовые песчаники, алевролиты со слоями сургучно-красных массивных яшмоидов и кремнистых аргиллитов, пестрых кремнистых сланцев, гематитовых кварцитов-джаспероидов) с будинированными покровами и силлами базальтов; в пределах АЧЗ – нерасчлененная $E-O$ горно-алтайская серия: сероцветная алеврито-песчаниковая флишеидная толща; 3 – флишеидная толща, включающая зеленоцветную терригенную чарышскую свиту $E_{2,3}$, пестроцветную грубообломочную суеткинскую свиту E_3-O_1 , а также сероцветные терригенно-карбонатные отложения ордовика и силура (воскресенская, бугрышихинская, ханхаринская, чинетинская, чесноковская, полатинская, куимовская свиты в пределах ЧИЗ); 4 – фрагменты ордовикско-силурийской карбонатной платформы (массивы органогенных известняков); 5 – девонские вулканогенно-осадочные отложения среднего состава; 6 – девонские вулканы кислого состава; 7 – четвертичные аллювиальные отложения; 8 – гранитоиды (объединены одним условным обозначением без разделения на типы по химическому составу и возрасту) полихронного Талицкого (Башелакского) плутона и его сателлитов в ЧИЗ и АЧЗ (позднедевонские – позднепермско-раннетриасовые), а также среднедевонские – позднепермско-раннетриасовые гранитоиды ЧИЗ; 9 – разломы; 10 – кайнозойские фронтальные взбросы Алтайского горного сооружения; 11 – пункты палеонтологического опробования; 12 – пещерные археологические памятники; 13 – опорные населенные пункты.

ского и Талицкого блоков (зон), практически внутри Башелакского разлома, Чагырская – в Чарышско-Инской зоне, также в пределах разлома, ограничивающего Талицкий блок с юга. Обе пещеры приурочены к небольшим тектоническим блокам силурийских известняков (рис. 6), окруженным тектоническими же блоками терригенных пород кембро-ордовика, ордовика, силура и девона. Среди них особого внимания заслуживают лишь отложения базальтово-кремнисто-терригенной засурьинской свиты E_3-O_1 , окаймляющей Талицкий блок с севера и юга, одинаково пораженные зонами рассланцевания вдоль разломов. Оба памятника расположены симметрично относительно этой свиты, содержащей яшмоиды – высококремнистое сырье их индустрий.

Яшмоиды засурьинской свиты представляют собой тонкозернистые, реже мелкозернистые кварцито-видные породы с твердостью ок. 7 по шкале Мооса, со слабым восковым до шелковистого блеском, преимущественно сургучно-коричневые и сургучно-красно-коричневые, а также темные коричневато-серые или коричневато-черные до серых и черных. Помимо цвета, их макроскопическая диагностическая особенность – множество очень тонких, «волосных» черных кварцевых жилочек, одиночных и образующих характерные серии типа «конского хвоста», параллельных слоистости исходной осадочной породы, которая в местах скопления жилок мелко брекчирована и образует плоские обломки. Возможно, это брекчирование связано с образованием трещин усадки при диагенезе исходных высококремнистых осадков, и из отжимавшихся в трещины поровых растворов, насыщенных кремнеземом, кристаллизовался кварц жилочек, т.е. последние синхронны с диагенетическим преобразованием кремнистых осадков и превращением их в яшмоиды. Именно поэтому они являются естественной составляющей этих пород и никак не влияют на технологические и потребительские свойства сырья – самого высококачественного в районе расположения памятников. Однако в более позднее время в зонах долгоживущих региональных разломов засурьинские яшмоиды были раздавлены и брекчированы с последующей перекристаллизацией кварца и залечиванием им трещин: его жилки достигают мощности 2–5 мм и в местах пересечения образуют крупные и мелкие кварцевые гнезда. Кварц таких поздних жилок светлый, по сравнению с ранними, значительно более крупнозернистый (до 1 мм), слабее связан со стенками трещин, поэтому раскалывание породы часто происходило вдоль жилок. Это значительно ухудшало технологические качества брекчированных разностей засурьинских яшмоидов как сырья для каменных индустрий пещер Чагырской и Окладникова – на артефактах из них слишком много следов неровного и прерывистого скалывания.

Сырьевые ресурсы индустрий Чагырской пещеры

Чагырская пещера локализована в блоке известняков, пораженном разновозрастными тектоническими нарушениями. Об этом свидетельствует соседствующее с пещерой полиметаллическое месторождение в виде трубообразного тела с множеством жил-ответвлений [Елович, Перфильева, 1962]. Над пещерой (в 25 м выше входа) прямо на вмещающем ее известняке, под слоем современной почвы и задерновкой обнаружена галька эрозионно-цокольной террасы Чарыша, аналогичная по петрографическому составу его современному аллювию (см. таблицу). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что состав галечника оставался практически одинаковым на протяжении всего времени протекания здесь Чарыша, в т.ч. в период обитания человека в пещере.

Главным галечным материалом всегда были девонские эффузивы и их измененные разности («яшмоиды по эффузивам»), их общее содержание в современном аллювии превышает 80 % (см. таблицу). Это закономерно, поскольку на всем протяжении Чарыша ее левые притоки поставляют с Чарышско-Инского блока преимущественно девонские риолитовые и кварцевые порфиры и плагиоклазовые порфириты. Из остальных пород значимая доля приходится на гранитоиды, осадочные породы и роговики – Чарыш пересекает Талицкий гранитоидный массив и вмещающие его ороговикованные терригенные толщи на значительном протяжении своего течения выше пещеры. Обращает на себя особое внимание минимальное содержание в аллювии яшмоидов засурьинской свиты (см. таблицу).

Сырьем каменных индустрий стоянки в Чагырской пещере (анализировались 5 149 экз. из раскопок 2007–2008 гг.) являлся галечный материал Чарыша. Результаты петрографического анализа артефактов показывают, что в основном использовались четыре типа пород: эффузивы и их измененные разности, яшмоиды засурьинской свиты, осадочные породы (песчаники, алевролиты-песчаники) и роговики. В крайне небольшом количестве представлены артефакты из жильного кварца, гранитоидов и иных пород, часто неопределимых ввиду малого размера артефактов (рис. 7).

Подавляющее преобладание эффузивов в аллювии Чарыша, их сильное постмагматическое изменение с превращением в яшмоиды, которые использовались наравне со слабоизмененными эффузивами, делало их для древних обитателей пещеры самым доступным каменным сырьем хорошего качества (твердость по шкале Мооса 5,5–6 яшмоидов по эффузивам – 6,5–7). Это и определило широкую распространенность изделий из эффузивов (более 30 %) среди артефактов

памятника, хотя их доля в комплексах верхних культуросодержащих отложений в Чагырской пещере снижалась (рис. 7).

Сравнение содержания пород в артефактах и источнике каменного сырья указывает на избирательность отбора последнего: для обитателей стоянки в Чагырской пещере наиболее предпочитаемыми были яшмоиды засурьинской свиты, из них изготовлено 24,6–27,2 % изделий при содержании породы в аллювии менее 1 % (рис. 7). Вероятно также, что яшмоиды дополнительно доставляли с ближайших коренных выходов, расположенных в 7–10 км от пещеры выше и ниже по течению, где Чарыш вскрывает засурьинскую свиту (см. рис. 6).

Осадочные породы (песчаники, алевролитопесчаники, преимущественно олигомиктовые) в каменной индустрии Чагырской пещеры занимают третье место по частоте использования. Они различаются по зернистости, их средняя твердость 5,5–6 по шкале Мооса. С учетом распространенности этих осадочных пород в галечном сырье можно заключить, что они также ценились и отбирались более тщательно, чем самые распространенные в аллювии эффузивы (см. рис. 7). Такая избирательность могла быть связана с анизотропией механических свойств осадочных пород вследствие более или менее проявленной слоистости, позволявшей получать уплотненные сколы.

Использование роговиков в индустрии Чагырской пещеры (12–17 % артефактов при содержании их в аллювии менее 1,5 %; см. рис. 7) объясняется высоким качеством этих пород как сырья. Это плотные, одно-

Петрографический состав современного аллювия р. Чарыш и галечника цокольной террасы около Чагырской пещеры

Тип сырья	Современный аллювий	Галечник цокольной террасы
Эффузивы	78,8	87
«Яшмоиды по эффузивам»	4,6	1
Гранитоиды	3,3	0
Осадочные породы	8,2	6
Роговики	1,3	1
Засурьинские яшмоиды	0,4	0
Жильный кварц	1,5	3
Иные породы	0,2	0
Неопределимые породы	1,7	2

родные мелкозернистые биотит-кордиеритовые разновидности, в которых метабластовый свежий кордиерит обеспечивает вязкость породы при общей твердости 5,5 по шкале Мооса; при этом роговики мало трещиноваты и хорошо колются с образованием ровных удлиненных сколов.

При рассмотрении петрографического состава артефактов, представляющих первичное расщепление (нуклеусы и сколы), и орудий обращают на себя внимание практически одинаковые доли различных типов каменного сырья внутри групп орудий и сколов при незначительной доле ядрищ. Снизу вверх по разрезу проявляется тенденция к уменьшению доли изде-

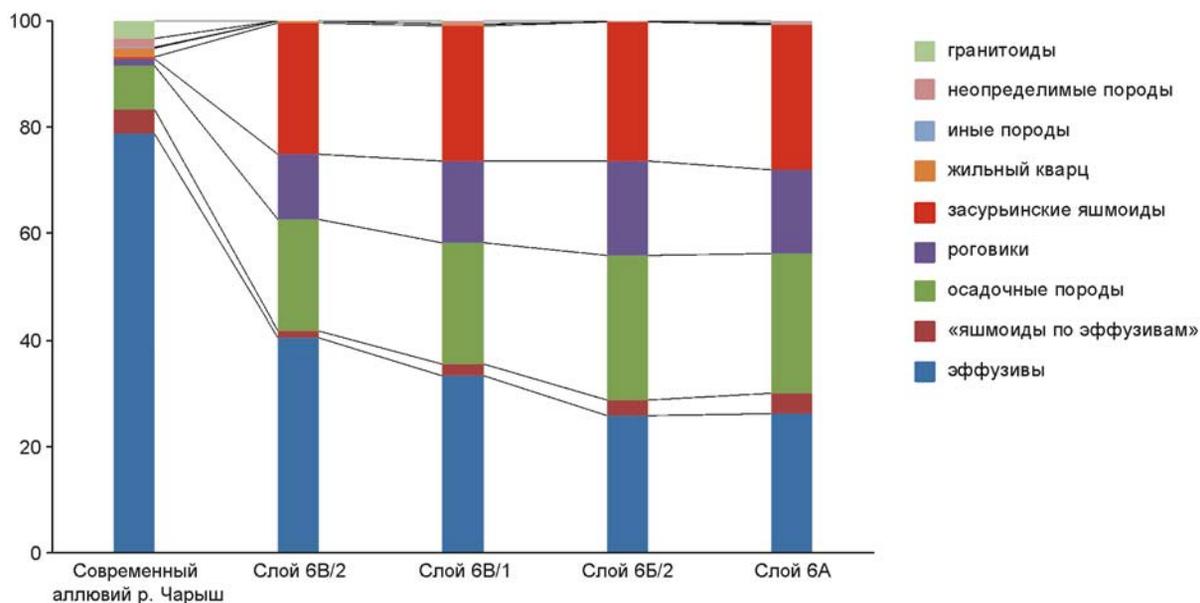

Рис. 7. Петрографический состав современного галечного материала Чарыша и комплексов культурных слоев Чагырской пещеры.

лий из эффузивов. При этом практически синхронно незначительно увеличиваются доли осадочных пород (в категории сколов) и засурьинских яшмоидов (в категории орудий) (рис. 8).

Анализ петрографического состава орудий в комплексах отдельных культурных подразделений показал несколько выраженных трендов (рис. 9): первый – поступательное уменьшение доли орудий из эффузивов снизу вверх по разрезу (от 43,3 % в слое 6В/2

до 15,7 % в слое 6А); второй – увеличение доли орудий из засурьинских яшмоидов снизу вверх по разрезу (от 29,8 % в слое 6В/2 до 39,6 % в слое 6А); третий – увеличение доли орудий из измененных разностей эффузивов («яшмоиды по эффузивам»). Таким образом, в индустриях Чагырской пещеры снизу вверх по разрезу проявляется тенденция избирательного использования каменного сырья более высокого качества для изготовления орудийных форм.

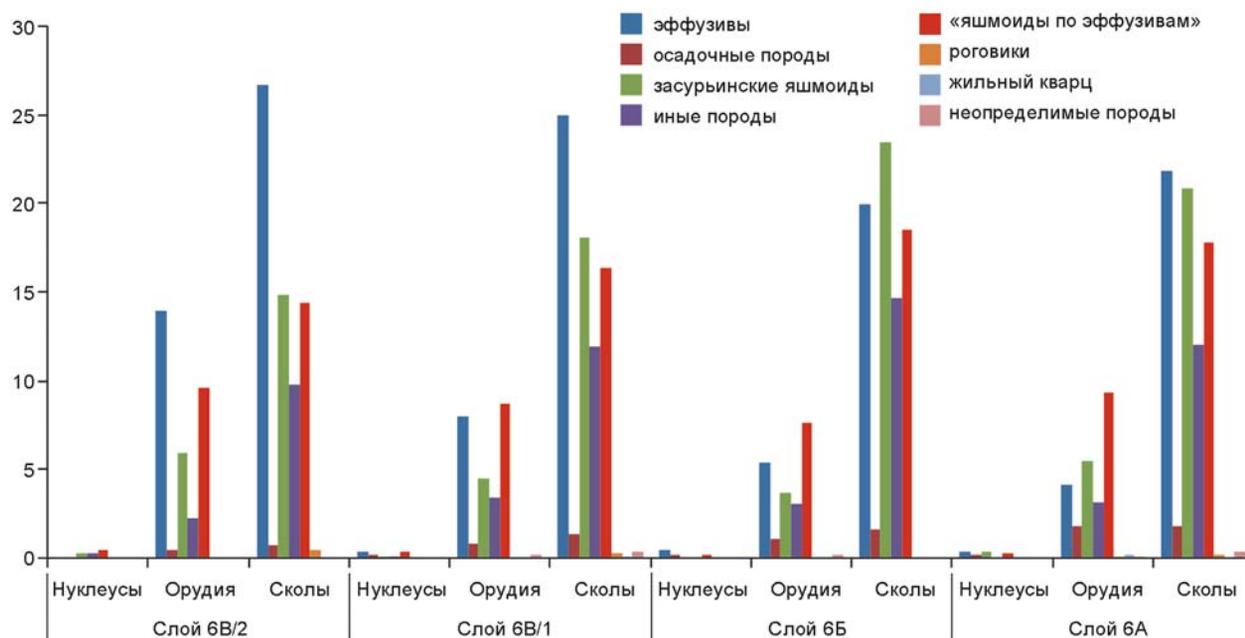

Рис. 8. Распределение артефактов различных категорий по типам сырья в индустриях Чагырской пещеры.

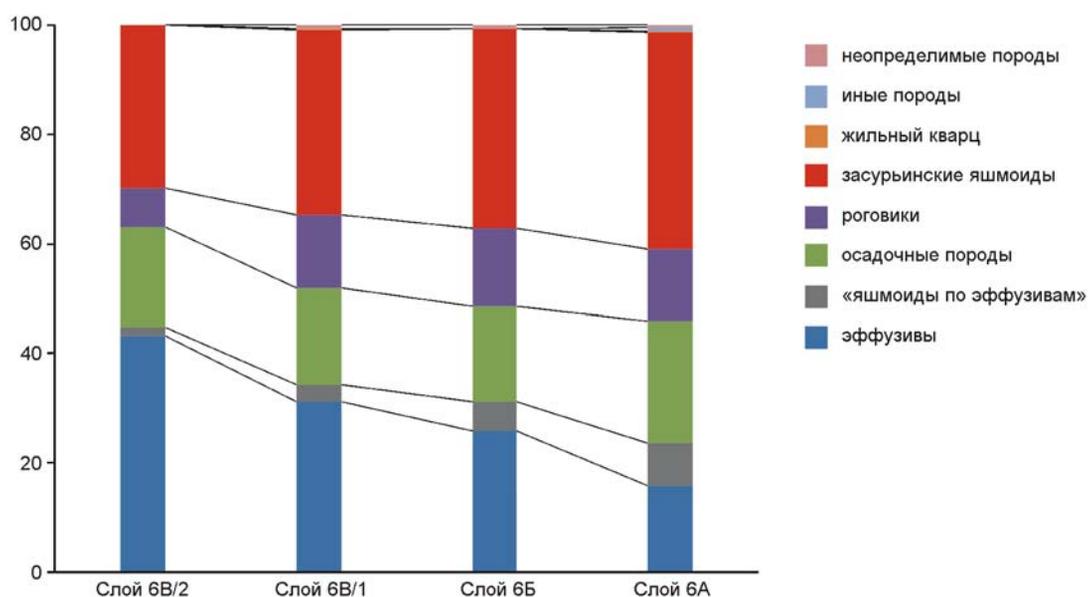

Рис. 9. Петрографический состав орудий в комплексах Чагырской пещеры.

Сырьевые ресурсы индустрии пещеры Окладникова

Пещера Окладникова расположена в 3 км от с. Сибирячиха и русла р. Ануй, на слиянии речек Сибиряченок и Сибирячиха (см. рис. 1). В комплексах объекта представлено главным образом галечное сырье, приносимое двумя последними водотоками непосредственно к пещере. Речки Сибиряченок и Сибирячиха берут начало в пределах маралихинской и засурьинской свит Талицкого блока и пересекают толщу ороговикованных силурийских и девонских осадочных пород в контактовом ореоле Талицкого гранитоидного плутона. Все дренируемые этими водотоками породы находятся в пределах зоны расщепления по Башчелакскому разлому, что в значительной мере определяет качество галечного сырья. Галька плохо окатана (1-й, 2-й класс), лишь роговики иногда окатаны до 3-го класса. Яшмоиды засурьинской свиты часто встречаются в виде плитчатых галек, однако ввиду скрытой внутренней трещиноватости при раскалывании дают мелкие обломки и сильно уклонившиеся сколы, что делает их малопригодными к пластинчатому расщеплению.

Основным галечным материалом Сибирячихи являются роговики. Значимые доли приходятся на осадочные породы и засурьинские яшмоиды (рис. 10). Петрографический состав артефактов из комплексов пещеры Окладникова (анализировались 872 экз.) свидетельствует о направленном отборе каменного материала. Так, роговики, хотя являются преобладающим материалом аллювия Сибирячихи, составляют в индустрии 2,1–9,7 %.

Такая избирательность наглядно демонстрирует зависимость использования доступного каменного сырья от его качества: роговики в окрестностях пещеры и в ее индустрии низкого качества. Они представлены крупнопятнистыми кордиеритовыми разностями с замещением кордиерита чешуйчатými хлоритом и мусковитом, что резко снижает однородность и твердость породы. Еще одной особенностью этого сырья здесь является сильная трещиноватость. Роговики хорошо различимы макроскопически по грубошероховатой, часто бугристой, галечной поверхности, поэтому их отбраковка, вероятно, не вызвала затруднений.

Осадочные породы в галечнике Сибирячихи представлены преимущественно песчаниками и песчанистыми алевролитами, т.к. значительная часть алевролитов в контактовом ореоле Башчелакского массива превращена в роговики. Сопоставление содержаний осадочных пород в индустрии и в галечнике свидетельствует о предпочтительном отборе сырья. Снизу вверх по разрезу доля осадочных пород постепенно сокращается за счет уменьшения доли мелкозернистых песчаников и алевролитов (рис. 10) [Кулик, Маркин, 2003].

Яшмоиды засурьинской свиты, судя по их содержанию в исходном галечном сырье и индустрии [Деревянко, Маркин, 1992], выбирались почти полностью, не брались лишь брекчиевидные разности, непригодные для обработки ввиду сильнейшей внутренней трещиноватости. Засурьинские яшмоиды приносились водотоком прямо к пещере (они составляют ок. 15,5 % в современном аллювии). В комплексах культурных слоев пещеры Окладникова.

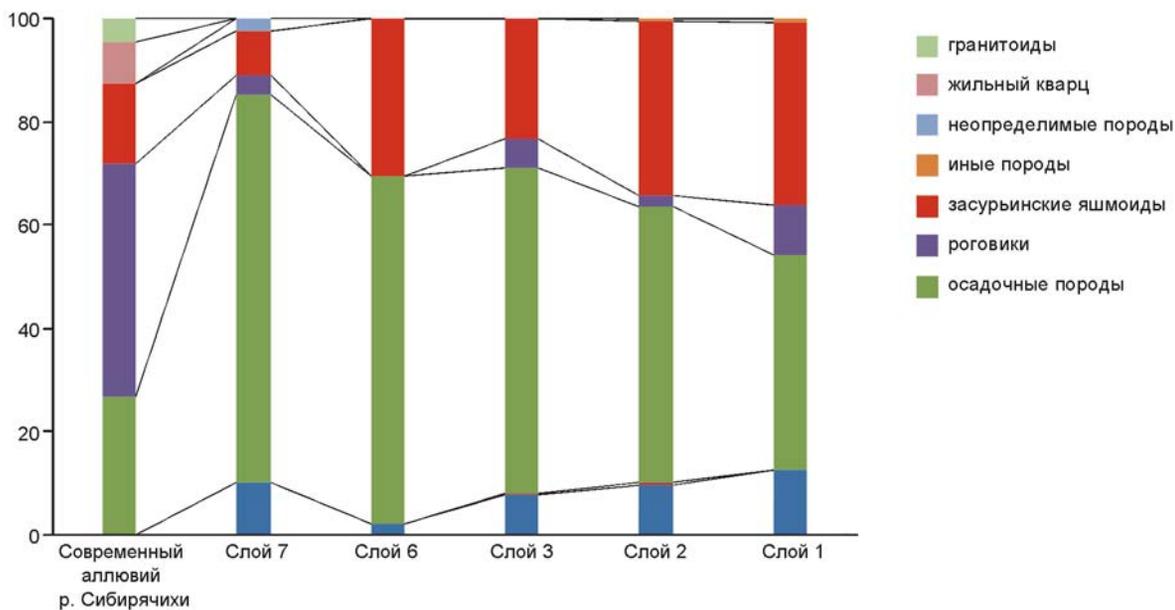

Рис. 10. Петрографический состав современного галечного материала Сибирячихи в комплексах культурных слоев пещеры Окладникова.

сах культурных слоев памятника доля изделий увеличивается от 8,6 (слой 7) до 35,4 % (слой 1). Можно заключить, что обитатели стоянки в пещере Окладникова это сырье считали наилучшим [Кулик, Маркин, 2003]. Наличие в индустрии пещеры Окладникова 2–12 % артефактов из эффузивов ануйского типа, источников которых нет поблизости, означает, что сырье доставлялось из галечника р. Ануй, находившегося в 3 км от пещеры.

Обсуждение

Комплексы сибирячихинского варианта в технико-типологическом отношении значительно выделяются среди других синхронных среднепалеолитических индустрий Горного Алтая. Для каменных комплексов данного варианта среднего палеолита региона характерны преобладание радиального способа плоскостного расщепления, доминирование в орудийных наборах одно- и двусторонних конвергентных скребел и широкое применение различного рода подтесок при формировании орудий. Такие характеристики имеют и другие среднепалеолитические индустрии региона, прежде всего комплексы денисовского варианта, однако доля радиальных нуклеусов, одно- и двусторонних конвергентных скребел и т.д. в денисовских комплексах значительно ниже, чем в сибирячихинских ансамблях [Деревянко, Маркин, Шуньков, 2013].

Комплексы Чагырской пещеры, как свидетельствуют предварительные результаты технологического изучения, отличаются от индустрий денисовского и кара-бумовского вариантов по стратегиям первичного расщепления. Если в комплексах Денисовой пещеры, Усть-Каракола-1, Кара-Бума, пещеры Страшной и др. применялось только нуклеусное расщепление, а редкие двусторонние формы служили исключительно орудиями, то в комплексах Чагырской пещеры для первичного расщепления использовались и нуклеусы, и двусторонние формы. То есть, двусторонние орудия и их заготовки в сибирячихинских комплексах являлись источником для получения целевых сколов, на которых впоследствии оформлялись орудия, хотя на данном этапе исследований можно констатировать явное преобладание нуклеусного расщепления над расщеплением двусторонних форм. Таким образом, комплексы сибирячихинского варианта радикально отличаются от денисовских и кара-бумовских индустрий не только в типологическом, но и в технологическом аспекте.

Как уже отмечалось, на формирование орудийных наборов сибирячихинских комплексов большое влияние оказывали приемы вторичной обработки. Отличительной чертой изучаемых ансамблей является высокая интенсивность вторичной обработки,

по сравнению с другими комплексами Горного Алтая [Рыбин, Колобова, 2005].

Орудия наиболее распространенных типов на своих поверхностях нередко имеют несколько ретушированных участков наряду с зонами вторичной отделки других видов. Как правило, конечная форма целевого изделия была результатом вторичной обработки, а не первичного расщепления. Логично предположить, что качество доступного каменного сырья, как и приемы первичного расщепления, не оказывало значительного влияния на облик индустрий. Однако полученные результаты петрографических исследований свидетельствуют об обратном.

Сравнение сырьевой базы и индустрий пещер Окладникова и Чагырской показывает, что галечный материал, доступный их обитателям, содержит один и тот же набор петрографических разновидностей пород. Это и обусловило, несмотря на значительные различия в их количественных соотношениях, принципиально сходный выбор сырья. По-видимому, именно в целом хорошее качество последнего, в т.ч. его способность к расщеплению, позволяло создателям индустрий обоих памятников заменять одни породы другими при условии, что такая замена давала возможность получать изделия определенного типа. То есть шел целенаправленный отбор.

На основе анализа петрографического состава ансамблей пещер Чагырской и Окладникова представляется возможным создать модель эксплуатации каменного сырья для сибирячихинского варианта среднего палеолита региона. Очевидно, что главными принципами этой модели остаются качество и доступность сырья. При этом принцип (параметр) качества обуславливает селективность отбора сырья, принцип доступности обеспечивает возможность реализации такого отбора. Отбор сырья для индустрии обоих памятников производился избирательно, с преимущественным использованием легкодоступных (добывавшихся непосредственно поблизости из аллювия) видов каменного сырья хорошего качества. Для комплексов Чагырской пещеры таким сырьем являлись наиболее распространенные в галечнике эффузивы. Качество самых распространенных в аллювии Сибирячихи роговиков оказалось неприемлемым, и это обусловило выбор в пользу столь же доступных осадочных пород как сырьевой основы индустрий пещеры Окладникова, что еще раз подчеркивает приоритет качества сырья при его отборе в условиях равной доступности.

Приоритет качества сырья подтверждается и постепенным уменьшением в ансамблях обоих памятников снизу вверх по разрезам доли сырья хорошего качества за счет увеличения доли высококачественного сырья – засурьинских яшмоидов. Однако характер этого увеличения в обоих памятниках различен.

В Чагырской пещере доля артефактов из засурийских яшмоидов, изначально составлявшая 24 %, в верху разреза увеличивается лишь до 28 %, Однако при этом доля орудий из засурийских яшмоидов в индустрии данного памятника возрастает снизу вверх по разрезу гораздо значительнее (от 29,8 % в слое 6В/2 до 39,6 % в слое 6А), что отчетливо показывает избирательность в использовании этого высококачественного сырья. Но такая избирательность свидетельствует о высокой роли второго параметра модели – доступности: при стабильно низком (ок. 1 %) содержании засурийских яшмоидов в аллювии вблизи пещеры они, даже с компенсирующей доставкой их с ближайших коренных выходов, оставались дефицитным сырьем, поэтому создателями индустрии Чагырской пещеры использовались преимущественно для изготовления орудий. Подтверждением дефицитности засурийских яшмоидов при несомненной тенденции замены удовлетворительного и хорошего сырья высококачественным служит параллельное увеличение вверх по разрезу доли яшмоидов по эффузивам.

В индустрии пещеры Окладникова доля артефактов из засурийских яшмоидов возрастает от 8 % в слое 7 до 35 % в слое 1, при содержании последних в современном аллювии Сибирячихи 15,5 %. Столь низкое, особенно при сравнении с ранними комплексами Чагырской пещеры, содержание засурийских яшмоидов в индустрии слоя 7 вовсе не означает отсутствие приоритета качества сырья и селективность его отбора у создателей ранних комплексов – об этом свидетельствует типологическое и технологическое сходство их индустрий и более поздних. Оно является отражением гораздо меньшей доступности засурийских яшмоидов как сырья при формировании ранних комплексов из-за существенно более низкого, чем современное, содержания этих пород в аллювии Сибирячихи. Различие связано с тем, что эродирующая способность реки невелика, и хотя ее истоки находятся непосредственно в пределах засурийской свиты, первоначально низкое содержание обломков засурийских яшмоидов в аллювии Сибирячихи увеличивалось лишь со временем, по мере усиления размыва свиты. Соответственно возрастала и доступность их для создателей более поздней индустрии. При селективном отборе и отсутствии другого сырья высокого качества этим и объясняется увеличение доли артефактов из засурийских яшмоидов в поздних комплексах этого памятника более чем в 4 раза. В отличие от индустрий Чагырской пещеры в коллекциях пещеры Окладникова избирательность их использования не выявлена, но обнаружение эффузивов ануйского типа, транспортировавшихся на расстояние в 3 км, дает основание полагать, что доступность засурийских яшмоидов, хотя и была

здесь в целом существенно выше, все же не обеспечивала полностью потребность в сырье высокого и хорошего качества.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило основные принципы эксплуатации каменного сырья – качество и доступность. Для сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая реализация этих принципов осуществлялась через селективный отбор как легкодоступного сырья хорошего качества, так и менее доступного высококачественного сырья, с избирательным использованием последнего. Так, при решающем значении приемов вторичных преобразований в формировании каменных орудий сибирячихинских комплексов весьма важной была роль качества каменного сырья, поскольку именно высококачественное сырье наилучшим образом обеспечивало модификации.

Увеличение доли изделий из засурийских яшмоидов в более поздних комплексах сибирячихинского варианта не связано с появлением новых технологических приемов и может отражать возрастание доступности этого высококачественного сырья и развитие адаптивных навыков древнего населения.

Подобные стратегии в отношении доступного каменного сырья приемлемого качества известны в регионе и на среднепалеолитических памятниках других вариантов (денисовского и кара-бумовского). Основным сырьевым отличием сибирячихинского варианта является изначально доступность и использование высококачественного сырья, в то время как для остальных, в силу палеоклиматических причин [Кулик, Шуньков, 2000; Природная среда..., 2003], те же засурийские яшмоиды стали доступны лишь с конца ермаковского времени, и их использование связано с распространением мелкопластинчатой технологии при переходе от среднего к верхнему и в верхнем палеолите региона.

Список литературы

- Гинцингер А.Б., Васютинская Н.В. Объяснительная записка к Геологической карте СССР м-ба 1 : 200 000; Сер. Алтайская, л. М-45-1 (Солонешное). – М.: Гос. Науч.-техн. изд-во лит. по геологии и охране недр, 1959. – 92 с.
- Деревянко А.П., Кулик Н.А., Шуньков М.В. Геолого-петрографический контроль качества сырья палеолитических индустрий Северо-Западного и Центрального Алтая // III века горно-геологической службы России. – Томск: Гала Пресс, 2000. – Т. 1. – С. 5–6.
- Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

- Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 89–103.
- Добрецов Н.Л., Берзин Н.А., Буслов М.М., Ермиков В.Д. Общие проблемы эволюции Алтайского региона и взаимоотношения между строением фундамента и развитием неотектонической структуры // Геология и геофизика. – 1995. – Т. 36, № 10. – С. 5–19.
- Елкин Е.А., Сенников Н.В., Буслов М.М., Язиков А.Ю., Грацианова Р.Т., Бахарев Н.К. Палеогеографические реконструкции западной части Алтае-Саянской области в ордовике, силуре и девоне и их геодинамическая интерпретация // Геология и геофизика. – 1994. – № 7/8. – С. 118–143.
- Елович Е.Л., Перфильев Ю.С. Объяснительная записка к Геологической карте СССР м-ба 1: 200 000; Сер. Алтайская, л. М-44-VI. – М.: Госгеолтехиздат, 1962. – 84 с.
- Ивата К., Сенников Н.В., Буслов М.М., Обут О.Т., Шокальский С.Д., Кузнецов С.А., Ермиков В.Д. Позднекембрийско-раннеордовикский возраст базальтово-кремнисто-терригенной засурьинской свиты // Геология и геофизика. – 1997. – Т. 38, № 9. – С. 1427–1444.
- Кузнецов В.А. Тектоническое районирование и основные черты эндогенной металлогении Горного Алтая // Вопросы геологии и металлогении Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1963. – С. 7–66. – (Тр. Ин-та геологии и геофизики СО АН СССР; вып. 13).
- Кулик Н.А., Маркин С.В. Петрография индустрии пещеры им. Окладникова (Северо-Западный Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2003. – Т. IX. – С. 148–153.
- Кулик Н.А., Шуньков М.В. Предварительные результаты петрографического изучения палеолитических изделий стоянки Ануй-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 156–160.
- Медникова М.Б. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода *Homo* из пещеры Окладникова на Алтае. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 128 с.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.
- Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 380–395.
- Andrejsky W.Jr. Raw-Material Availability and the Organization of Technology // *Am. Antiquity*. – 1998. – Vol. 59(1). – P. 21–34.
- Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia // *Nature*. – 2007. – Vol. 449. – P. 902–904.
- Viola B., Markin S.V., Zenin A., Shunkov M.V., Derevianko A.P. Late Pleistocene hominis from the Altai mountains, Russia // *Characteristic Features of the Middle to Upper Paleolithic Transition in Eurasia*. – Novosibirsk, 2011. – P. 207–213.
- Viola B.Th., Markin S.V., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Dobrovolskaya M.V., Le Cabec A., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J. New Neanderthal remains from Chagyrskaya Cave (Altai Mountains, Russian Federation) // *Am. J. of Phys. Anthropol.* – 2012. – Vol. 147, suppl. 54. – P. 293–294.

Материал поступил в редколлегию 01.06.15 г.

УДК 903.2

А.П. Деревянко¹, С.В. Маркин¹, С.А. Гладышев¹, Д. Олсен²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: derev@archaeology.nsc.ru*²*Аризонский университет, США**School of Anthropology, University of Arizona**1009 East South Campus Dr., P.O. Box 210030 Tucson, Arizona 85721-0030, USA**E-mail: jwo@arizona.edu***РАННИЙ ЭТАП ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ГОБИЙСКОГО АЛТАЯ
(по материалам стоянки Чихэн-2)***

Статья посвящена технологическому, типологическому и морфологическому изучению археологических комплексов слоев 3–2.5 многослойной стоянки Чихэн-2, расположенной в южных предгорьях Гобийского Алтая в Монголии. В работе приводится описание геоморфологической ситуации памятника и разреза рыхлых отложений, включающих археологические материалы. Анализируются техника скола, приемы вторичной обработки. В индустрии, представляющей первичное расщепление, зафиксировано преобладание одноплощадочных монофронтальных плоскостных, двухплощадочных бипродольных, торцовых нуклеусов, наличие ортогональных образцов и леваллуазских нуклеусов. Среди орудий выделены ретушированные пластины, концевые скребки на пластинах, зубчато-выемчатые изделия и скребла, различные микроорудия. Технокомплексы слоев 3–2.5 отнесены к ранней стадии верхнего палеолита. Рассматриваются широкие аналогии обсуждаемых комплексов с индустриями стоянок раннего верхнего палеолита как в Монголии (Чихэн-Агуй; Орхон-1, -7; Толбор-4, -15, -16), так и в Забайкалье, Северном Китае и на Алтае.

Ключевые слова: Монголия, Гобийский Алтай, ранний верхний палеолит, стратиграфия, технология расщепления, радиоуглеродное датирование, орудийный набор.

A.P. Derevianko¹, S.V. Markin¹, S.A. Gladyshev¹, and J.W. Olsen²¹*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia**E-mail: derev@archaeology.nsc.ru*²*School of Anthropology, University of Arizona,**PO Box 210030, Tucson, Arizona, 85721-0030, USA**E-mail: jwo@arizona.edu***THE EARLY UPPER PALEOLITHIC OF THE GOBI ALTAI
(Based on Materials from Chikhen-2)**

We present here a technological, typological and morphological analysis of the archaeological complexes excavated from Horizons 3–2.5 of the multicomponent Chikhen-2 site located on the southern piedmont of the Gobi Altai Range, Mongolia. Descriptions of geomorphology, stratigraphy, and archaeological finds are given, along with an analysis of reduction and secondary trimming techniques and retouch typology. Single-platform mono-frontal flat cores, double-platform bi-longitudinal cores, orthogonal cores, and narrow-front cores dominate the reduction strategy. Microcores are also present. Levallois-like cores appear initially in Horizon 2.7. Within the tools assemblage, retouched blades, endscrapers on blades, notched-denticulate tools and large sidescrapers (skreblos) were identified. There are also various microtools present, including bladelets with blunt edges, oblique points, and truncated tools. The lithic industries of Horizons 3–2.5 belong to the Early Upper Paleolithic; a conclusion supported by radiocarbon data (ca 30,000 BP). The lithic complexes described in this article are broadly analogous with other known Early Upper Paleolithic sites both in Mongolia (e.g., Chikhen-Agui; Orkhon-1 and 7; Tolbor-4, 15 and 16), and within a wider territory including the Trans-Baikal Region, North China, and the Altai.

Keywords: Mongolia, Gobi Altai, Early Upper Paleolithic, stratigraphy, flaking technique, radiocarbon dating, lithic toolkit.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.017-041

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Введение

Уже более века территория Монголии привлекает внимание специалистов, деятельность которых связана с древней историей человека. Проведение здесь первых широкомасштабных работ было инициировано гипотезой Центрально-азиатской прародины человека, выдвинутой Г. Осборном и В. Мэтью. Под флагом этой теории действовали экспедиция Американского музея естественных наук под руководством Р.Ч. Эндруса в 20-х гг. XX в. и китайско-шведские экспедиции в 1927–1935 гг. [Ларичев, 1969]. В 1949 г. в регионе начала работать Советско-Монгольская археологическая экспедиция под руководством С.В. Киселева. В ее составе был палеолитический отряд А.П. Окладникова, обнаруживший стоянку Мойлтын ам и палеолитические местонахождения в долинах рек Орхон и Тола.

Дальнейшее изучение палеолитической истории Монголии связано с изысканиями А.П. Окладникова и А.П. Деревянко. В 1960-е гг. А.П. Окладников раскапывает многослойную стоянку Мойлтын ам [Окладников, 1981]; маршруты его экспедиций охватывают восточную и центральную части страны. С 1983 г. действует совместная Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция под руководством А.П. Деревянко. Ее отрядами были исследованы: Монгольский Алтай и Котловина Больших Озер в западной части Монголии [Каменный век Монголии..., 1990], Долина Озер в центральной [Каменный век Монголии..., 2000], Гобийский Алтай и южные отроги Хангайской горной страны в восточной. В ходе многолетних работ открыты и изучены многослойные стоянки Орхон-1 и -7 в районе Харахорина [Деревянко, Петрин, 1990; Деревянко, Николаев, Петрин, 1992, 1994; Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010], комплекс памятников с поверхностным залеганием артефактов Орок-Нор-1, -2 и Нарийн-Гол-1–17 в Долине Озер. Стали известны пещерные комплексы Цаган-Агуй и Чихэн-Агуй в Гобийском Алтае.

Новый этап исследований в Монголии начался в 1995 г., когда была организована Российско-монгольско-американская археологическая экспедиция под руководством А.П. Деревянко. В последующие годы отрядам этой экспедиции удалось открыть большое количество местонахождений каменного века, правда, преимущественно с поверхностным залеганием артефактов. Поэтому для перспектив исследования первостепенное значение имели материалы погребенных комплексов, имеющих стратиграфическое и био-стратиграфическое обоснование. Маршруты экспедиции проходили по районам Гобийского Алтая и пустыне Гоби, долинам Орхона и Селенги, а также окрестностям оз. Хубсугул. Отдельными отрядами экспедиции изучались многослойные пещерные объекты Цаган-Агуй [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др.,

2000], Чихэн-Агуй [Деревянко и др., 2001] и открытая стоянка Чихэн-2 в Гобийском Алтае [Археологические исследования..., 2000; Деревянко, Маркин, Олсен и др., 2000].

В последние годы исследуются стратифицированные стоянки в горах Хангая (бассейн Селенги): многослойные памятники Толбор-4, -15 и -16 [Деревянко, Зенин, Рыбин и др., 2007; Деревянко, Рыбин, Гладышев и др., 2013; Коломиец и др., 2009; Zwyns et al., 2014]. Для комплексов толборских памятников получена большая серия радиоуглеродных дат, охватывающая период от раннего до финала верхнего палеолита [Деревянко и др., 2013]. Начальный этап верхнего палеолита, представленный горизонтами 6 и 5 стоянки Толбор-4 и нижними слоями Толбор-16, датируется 45–35 тыс. л.н. [Там же, с. 22, табл. 1]. Среди нуклеусов большую долю составляют торцовые, плоскостные и подпризматические двухплощадочные монофронтальные бипродольные разновидности для получения крупных пластин. Следующий этап начала верхнего палеолита характеризуют материалы памятников на территориях Хангайской горной страны (Толбор-4, -15 и Орхон-7) и Гобийского Алтая (грот Чихэн-Агуй, стоянка Чихэн-2), датируемые от 33 до 26 тыс. л.н. На этом этапе среди продуктов первичного расщепления возрастает доля плоскостных одноплощадочных монофронтальных нуклеусов, ориентированных на получение пластин средних размеров, и снижается удельный вес орудий, выполненных на пластинах, при этом сохраняются все типологические разновидности, представленные на предыдущем этапе. Материалы нижних слоев стоянки Чихэн-2 имеют большое значение, поскольку позволяют осветить процесс становления верхнего палеолита на юге Монголии.

Месторасположение и стратиграфия стоянки

Стоянка Чихэн-2 (Баян-Хонгорский аймак, сомон Баян-Ундер) расположена на южном склоне Гобийского Алтая (рис. 1). В 400 м к юго-востоку от нее находится еще один стратифицированный объект – многослойная пещера Чихэн, коллекция которой включает датированные материалы верхнего палеолита и раннего голоцена [Археологические исследования..., 2000; Деревянко и др., 2001]. Сохранность Чихэн-2 обусловлена прежде всего приуроченностью местонахождения к основанию коренных пород (тонкокристаллические известняки), выходящих на поверхность в виде рифовых массивов, которые возвышаются над широкой межгорной котловиной. В результате движения известняковых толщ, вызванного тектоническими процессами, произошла переориентация их слоистости, и в районе стоянки образовалась вертикальная скальная стенка (высота 5 м). У ее подножия сфор-

Рис. 1. Стоянки ранней поры верхнего палеолита на территории Монголии. 1 – Чихэн-2, Чихэн-Агуй; 2 – Орхон-1, -7; 3 – Толбор-4, -15, -16.

Рис. 2. Общий вид стоянки Чихэн-2 с востока.

мировалась горизонтальная поверхность (рис. 2). Последующее физическое выветривание затронуло площадку известняков и выработало в ней нишу, в которой законсервировались рыхлые отложения и включенные в них археологические остатки. Скальная стенка препятствовала проникновению на площадку большого количества грубообломочного материала, освобождаемого в ходе механического разрушения известняковых толщ, расположенных выше.

Первое зондирование объекта, проведенное в 1997 г. [Археологические исследования..., 2000], позволило определить характер толщи рыхлых отложений и культурные особенности археологических остатков. Раскоп 2000 г. площадью 30 м² затронул лишь часть отложений, сформированных на указанной площадке. Согласно наблюдениям, сделанным на стоянке, археологический материал находился *in situ*, и, возможно, претерпел лишь незначительные линейные перемещения.

В разрезе стоянки представлены следующие литолого-стратиграфические подразделения:

	Мощность, м
0. Современная поверхность, образованная пылеватыми частицами и остатками присутствия мелкого рогатого домашнего скота	0,02–0,03
1. Суглинок опесчаненный, темно-коричневый, с единичными плитками преимущественно угловатого и редкими фрагментами окатанного известняка, пронизан в некоторых местах мало-мощной корневой системой	0,08–0,12
2. Суглинок опесчаненный, желто-коричневый, насыщенный обломками известняка, щебнем и дресвой; отдельные участки породы в местах соприкосновения с коренным известняком обогащены карбонатом. Количественные соотношения грубого материала, находящегося в рыхлом теле, его гранулометрический состав, сортировка, сохранность и объем позволяют выделить в данном литологическом образовании следующие слои:	

2.1. характеризуется наличием грубого материала (мелкий щебень, крупная дресва, фракции известняка до 5 см), его доля составляет до 45 % объема породы. Среди обломков 15 % занимают слабоокатанные образцы	0,10–0,14
2.2. характеризуется несколько меньшим, чем в вышележащем осадке, количеством грубого угловатого материала (мелкий щебень, крупная дресва, фракции известняка до 5 см), занимающего до 30 % объема породы. В заполнителе практически отсутствует окатанный материал	0,08–0,16
2.3. характеризуется большим, чем в вышележащем осадке, количеством грубого угловатого материала (фракции известняка до 5–7 см, отдельные зерна мелкого щебня и крупной дресвы), занимающего до 50 % объема породы. В заполнителе практически отсутствует окатанный материал	0,10–0,16
2.4. резко уменьшается, по сравнению с вышележащим осадком, количество грубого материала (фракции известняка до 0,2 м), занимающего всего 1–3 % объема породы. Одновременно объем окатанного материала увеличивается до 5–7 %	0,08–0,12
2.5. характеризуется несколько большим, чем в слое 2.4, количеством грубого материала (зерна дресвы, щебня, фракции известняка до 10–15 см), занимающего до 10 % объема поро-	

ды; по сравнению с вышележащим слоем здесь больше (10–15 %) обломков с признаками слабой окатанности на одной поверхности

2.6. характеризуется большим, по сравнению с вышележащим осадком, количеством грубого материала (в основном средняя дресва), занимающего до 60 % объема породы. Примерно 20 % обломков имеют признаки окатанности

2.7. характеризуется меньшим, чем в вышележащем осадке, количеством грубого, исключительно угловатого материала (отдельные фракции известняков до 0,25 м, крупная дресва), занимающего до 40–45 % объема породы

2.8. характеризуется большим, чем в вышележащем осадке, количеством грубого материала (обломки известняка), занимающего до 65–70 % объема породы, преимущественно мелких фракций (до 0,1 м), и средней дресвы. Примерно 15–20 % обломков имеют признаки слабой окатанности, что выражается в сглаженности граней известняковых отдельностей

3. Суглинок опесчаненный, красновато-коричневый, с четкой границей с вышележащим осадком, плотный, крупитчатый, включающий единичные обломки известняка размерами до 0,16 м, некоторые из которых имеют признаки слабой окатанности. Представлен не по всему разрезу и перекрывает коренные породы на самых низких участках площадки коренных пород

0,10–0,18

0,05–0,12

0,10–0,16

0,10–0,18

0,05–0,20

женный участок коренных пород. Образование такого углубления на стадии физического выветривания известняков, вероятно, способствовало сохранности и консервации отложений, уничтоженных впоследствии на остальной части памятника в результате проявления различных форм денудации.

Археологический материал состоит из продуктов расщепления камня (табл. 1). Большая часть артефактов (80 %) относится к различным разновидностям сколов. Среди них более половины составляют чешуйки, гораздо меньше ядрищ (5 %) и орудий (15 %).

Технику первичного расщепления иллюстрируют два монофронтальных продольных нуклеуса параллельного принципа раскалывания (табл. 2). Рабочие поверхности изделий имеют негативы как пластинчатых снятий, так и поперечных сколов, сбитых с одной или двух боковых сторон. Один из нуклеусов является одноплощадочным, с гладкой скошенной площадкой (рис. 3, 1). Второе ядрище имеет скошенные, противоположащие, специально подготовленные площадки. Заготовки с него скалывались во встречных направлениях (рис. 3, 5).

Сколов 32 экз. (см. табл. 1). Отщепы и пластины (рис. 3, 2, 4) могли быть сняты с ядрищ, которые представлены в коллекции. Наличие микропластинки и пластинок с правильной огранкой спинки (рис. 3, 9, 10) подразумевает использование развитых микропластинчатых технологий, конечные продукты которых в виде ядрищ отсутствуют в материалах слоя.

Длина сколов (отщепов и пластин) варьирует от 10 до 30 мм (табл. 3). Значительная часть сколов представлена изделиями с показателями пропорций $L < I$ и $L > I$ (табл. 4). Три из шести сохранившихся площадок сколов относятся к гладким линейным поверх-

Технология расщепления, характеристика вторичной обработки, типология орудийного набора

Слой 3. Наиболее древний в разрезе стоянки. Представляет собой суглинок, заполняющий лишь пони-

Таблица 1. Артефакты из слоев 3–2.5 стоянки Чихэн-2, экз.

Артефакт	Слой					Всего
	3	2.8	2.7	2.6	2.5	
Плитка без следов обработки	–	–	–	–	1	1
Расщепленная галька	–	2	1	–	–	3
Расщепленная галька с единичными негативами	–	1	–	1	–	2
Ядрище	2	4	6	8	11	31
Нуклевидный обломок	–	–	1	–	4	5
Технический скол	–	1	1	1	–	3
Отщеп	10	40	75	112	192	429
Пластина	3	18	51	84	173	329
Микропластинка	1	–	1	8	6	16
Чешуйка	18	51	110	130	321	630
Осколок	–	1	–	–	1	2
Орудие	6	10	19	18	53	106
<i>Всего</i>	40	128	265	362	762	1 557

Таблица 2. Нуклеусы из слоев 3–2.5 стоянки Чихэн-2, экз.

Ядрища	Слой					Всего
	3	2.8	2.7	2.6	2.5	
Параллельного принципа снятия:						
одноплощадочные односторонние	1	2	2	–	5	10
двухплощадочные »	1	1	4	2	3	11
трехсторонние	–	–	–	–	1	1
Торцовые двухплощадочные односторонние	–	1	–	1	–	2
Клиновидные	–	–	–	1	1	2
Леваллуазские:						
треугольные односторонние	–	–	–	3	–	3
» двусторонние	–	–	–	1	–	1
овальные односторонние	–	–	–	–	1	1
<i>Всего</i>	2	4	6	8	11	31

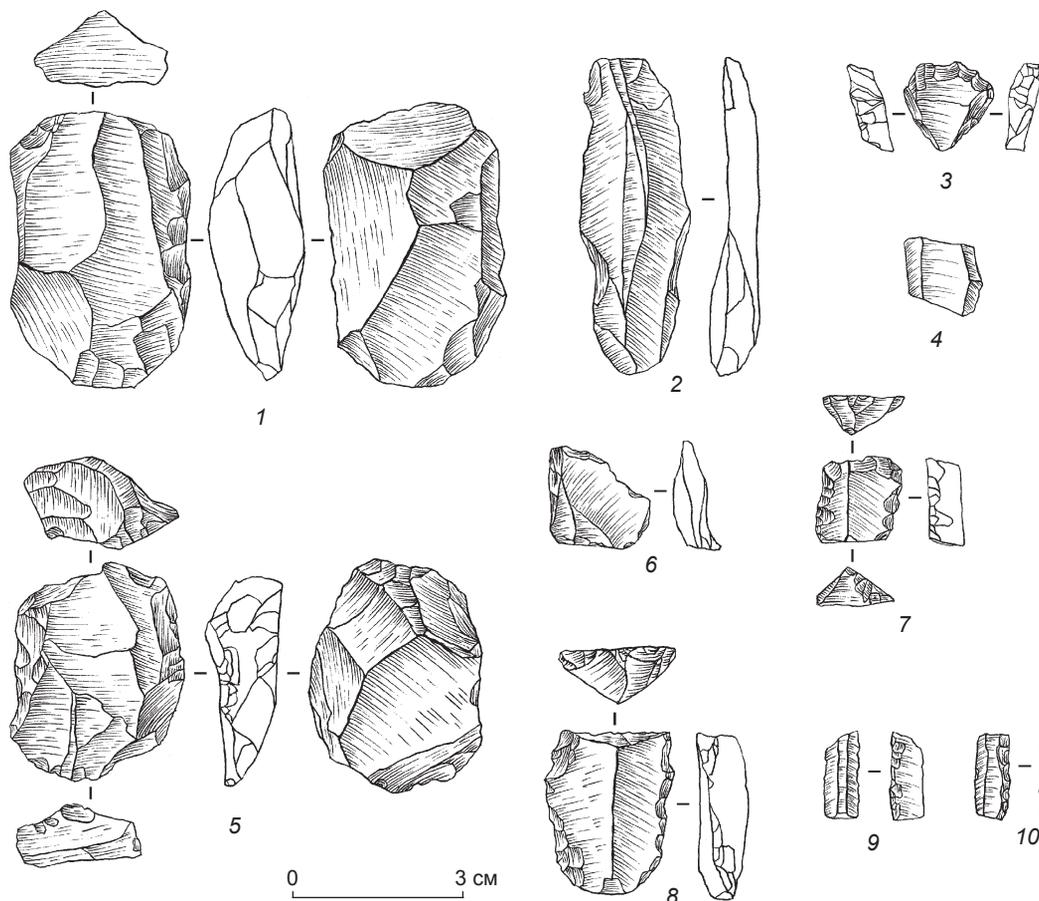

Рис. 3. Артефакты из слоя 3.

1 – одноплощадочное ядрище; 2 – пластина без признаков обработки; 3 – концевой скребок; 4 – фрагмент пластины; 5 – двухплощадочное ядрище; 6 – острие угловое; 7, 8 – тронкированные пластины; 9 – пластинка со следами брышковой ретуши; 10 – пластинка с притупленным краем.

Таблица 3. Пластины и отщепы из слоев 3–2.5 стоянки Чихэн-2*

Слой	Длина изделий, мм													Всего		
	< 10	10–20	20–30	30–40	40–50	50–60	60–70	70–80	80–90	90–100	100–110	110–120	120–130		150–160	180–190
	<i>Пластины (целые и фрагменты)</i>															
3	$\frac{1}{12,5}$	$\frac{5}{62,5}$	$\frac{1}{12,5}$	–	–	$\frac{1}{12,5}$	–	–	–	–	–	–	–	–	–	$\frac{8}{100}$
2.8	$\frac{3}{11,6}$	$\frac{12}{46,2}$	$\frac{3}{11,6}$	$\frac{5}{19,2}$	$\frac{1}{3,8}$	–	–	–	–	–	–	–	$\frac{1}{3,8}$	–	$\frac{1}{3,8}$	$\frac{26}{100}$
2.7	$\frac{7}{10,9}$	$\frac{28}{43,8}$	$\frac{15}{23,4}$	$\frac{6}{9,4}$	$\frac{5}{7,8}$	$\frac{2}{3,1}$	$\frac{1}{1,6}$	–	–	–	–	–	–	–	–	$\frac{64}{100}$
2.6	$\frac{23}{21,7}$	$\frac{47}{44,3}$	$\frac{21}{19,8}$	$\frac{10}{9,5}$	$\frac{2}{1,9}$	$\frac{2}{1,9}$	–	–	–	–	–	$\frac{1}{0,9}$	–	–	–	$\frac{106}{100}$
2.5	$\frac{24}{10,9}$	$\frac{101}{46,1}$	$\frac{46}{21}$	$\frac{24}{10,9}$	$\frac{6}{2,7}$	$\frac{2}{0,9}$	$\frac{7}{3,3}$	$\frac{1}{0,5}$	$\frac{1}{0,5}$	–	$\frac{2}{0,9}$	$\frac{2}{0,9}$	$\frac{1}{0,5}$	$\frac{1}{0,5}$	–	$\frac{219}{100}$
	<i>Отщепы (целые и фрагменты)</i>															
3	–	$\frac{10}{83,3}$	$\frac{2}{16,7}$	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	$\frac{12}{100}$
2.8	$\frac{2}{4,8}$	$\frac{21}{50}$	$\frac{13}{30,9}$	$\frac{3}{7,1}$	$\frac{2}{4,8}$	$\frac{1}{2,4}$	–	–	–	–	–	–	–	–	–	$\frac{42}{100}$
2.7	$\frac{3}{3,7}$	$\frac{35}{43,2}$	$\frac{25}{30,9}$	$\frac{9}{11,1}$	$\frac{6}{7,4}$	$\frac{2}{2,5}$	–	$\frac{1}{1,2}$	–	–	–	–	–	–	–	$\frac{81}{100}$
2.6	$\frac{8}{6,8}$	$\frac{53}{45,6}$	$\frac{32}{27,6}$	$\frac{9}{7,8}$	$\frac{8}{6,8}$	$\frac{1}{0,9}$	$\frac{2}{1,8}$	$\frac{1}{0,9}$	–	$\frac{1}{0,9}$	$\frac{1}{0,9}$	–	–	–	–	$\frac{116}{100}$
2.5	$\frac{11}{5,4}$	$\frac{120}{58,5}$	$\frac{43}{20,9}$	$\frac{17}{8,3}$	$\frac{7}{3,4}$	$\frac{3}{1,5}$	$\frac{2}{1}$	$\frac{1}{0,5}$	–	–	–	$\frac{1}{0,5}$	–	–	–	$\frac{205}{100}$

*В числителе – экз., в знаменателе – %.

Таблица 4. Сколы из слоев 3–2.5 стоянки Чихэн-2*

Слой	Скол	Соотношение длины (L) и ширины (l)													Всего		
		L<l	L>l	L>1,5l	L>2l	L>2,5l	L>3l	L>3,5l	L>4l	L>4,5l	L>5l	L>5,5	L>6l	L>9,5l			
3	Отщеп	$\frac{5}{41,7}$	$\frac{5}{41,7}$	$\frac{2}{16,6}$	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{12}{100}$
	Пластина	$\frac{2}{25}$	$\frac{2}{25}$	-	$\frac{1}{12,5}$	$\frac{3}{37,5}$	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{8}{100}$
	<i>Итого</i>	$\frac{7}{35}$	$\frac{7}{35}$	$\frac{2}{10}$	$\frac{1}{5}$	$\frac{3}{15}$	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{20}{100}$
2.8	Отщеп	$\frac{23}{54,7}$	$\frac{12}{28,6}$	$\frac{6}{14,3}$	$\frac{1}{2,4}$	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{42}{100}$
	Пластина	$\frac{1}{3,8}$	$\frac{7}{27}$	$\frac{8}{30,9}$	$\frac{1}{3,8}$	$\frac{4}{15,5}$	$\frac{1}{3,8}$	$\frac{1}{3,8}$	$\frac{1}{3,8}$	$\frac{1}{3,8}$	-	-	$\frac{1}{3,8}$	-	-	-	$\frac{26}{100}$
	<i>Итого</i>	$\frac{24}{35,3}$	$\frac{19}{27,9}$	$\frac{14}{20,4}$	$\frac{2}{2,9}$	$\frac{4}{5,8}$	$\frac{1}{1,5}$	$\frac{1}{1,5}$	$\frac{1}{1,5}$	$\frac{1}{1,5}$	$\frac{4}{6,3}$	$\frac{1}{1,5}$	$\frac{1}{1,5}$	$\frac{1}{1,5}$	-	-	$\frac{68}{100}$
2.7	Отщеп	$\frac{25}{30,9}$	$\frac{33}{40,7}$	$\frac{14}{17,3}$	$\frac{6}{7,4}$	$\frac{3}{3,7}$	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{81}{100}$
	Пластина	$\frac{7}{10,8}$	$\frac{11}{17,2}$	$\frac{24}{37,5}$	$\frac{10}{15,6}$	$\frac{6}{9,4}$	$\frac{1}{1,6}$	$\frac{1}{1,6}$	$\frac{4}{6,3}$	$\frac{1}{1,6}$	$\frac{1}{1,6}$	$\frac{1}{1,6}$	-	-	-	-	$\frac{64}{100}$
	<i>Итого</i>	$\frac{32}{22,1}$	$\frac{44}{30,3}$	$\frac{38}{26,2}$	$\frac{16}{11}$	$\frac{9}{6,2}$	$\frac{1}{0,7}$	$\frac{1}{0,7}$	$\frac{4}{2,8}$	$\frac{1}{0,7}$	$\frac{4}{2,8}$	$\frac{1}{0,7}$	-	-	-	-	$\frac{145}{100}$
2.6	Отщеп	$\frac{43}{37,1}$	$\frac{43}{37,1}$	$\frac{18}{15,5}$	$\frac{12}{10,3}$	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{116}{100}$
	Пластина	$\frac{18}{17}$	$\frac{35}{33}$	$\frac{20}{18,9}$	$\frac{14}{13,2}$	$\frac{12}{11,4}$	$\frac{1}{0,9}$	$\frac{1}{0,9}$	$\frac{4}{3,8}$	$\frac{1}{0,9}$	$\frac{106}{100}$						
	<i>Итого</i>	$\frac{61}{27,4}$	$\frac{78}{35,1}$	$\frac{38}{17,1}$	$\frac{26}{11,7}$	$\frac{12}{5,4}$	$\frac{1}{0,5}$	$\frac{1}{0,5}$	$\frac{4}{1,8}$	$\frac{1}{0,5}$	$\frac{222}{100}$						
2.5	Отщеп	$\frac{88}{42,9}$	$\frac{77}{37,6}$	$\frac{31}{15,1}$	$\frac{6}{2,9}$	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{205}{100}$
	Пластина	$\frac{22}{10}$	$\frac{53}{24,2}$	$\frac{65}{29,7}$	$\frac{35}{15,9}$	$\frac{27}{12,3}$	$\frac{8}{3,7}$	$\frac{8}{3,7}$	$\frac{5}{2,3}$	$\frac{5}{2,3}$	$\frac{3}{1,4}$	$\frac{3}{1,4}$	$\frac{1}{0,5}$	-	-	-	$\frac{219}{100}$
	<i>Итого</i>	$\frac{110}{25,9}$	$\frac{130}{30,7}$	$\frac{96}{22,6}$	$\frac{41}{9,7}$	$\frac{27}{6,4}$	$\frac{8}{1,9}$	$\frac{8}{1,9}$	$\frac{7}{1,7}$	$\frac{7}{1,7}$	$\frac{3}{0,7}$	$\frac{3}{0,7}$	$\frac{1}{0,2}$	$\frac{1}{0,2}$	$\frac{1}{0,2}$	$\frac{1}{0,2}$	$\frac{424}{100}$

*В числителе – экз., в знаменателе – %.

ностям, еще три – к двугранным асимметричным (табл. 5). Преобладают сколы со следами продольной огранки (табл. 6).

Вторичная обработка производилась исключительно среднефасеточной ретушью (табл. 7). По назначению отделка двух видов: придающая форму предмету и участвующая в создании рабочих частей орудий. К первому виду относится тронкирующая ретушь, которой оформлены две пластины с поперечно усеченными концами (рис. 3, 7, 8). Она вертикальная, параллельная или субпараллельная, полностью покрывающая торцы заготовки, двухрядная и лицевая. Возможно, в процессе подобной отделки уменьшалась длина артефактов. Ретушь второго вида крутая, притупляющая край (представлена на одной пластине (рис. 3, 10)) и крутая параллельная (выполнена на продольных краях скребка (рис. 3, 3)). В результате ее использования заготовка утратила значительные части и орудие приобрело треугольную форму.

В слое 3 обнаружены шесть орудий, выполненных на пластинах (4 экз.) и отщепях (2 экз.) (табл. 8). Все изделия длиной от 10 до 30 мм, за исключением одного, фрагментированы. К ним относятся концевой микроскребок (рис. 3, 3), угловое острие (рис. 3, 6), пластинка с притупленным краем (рис. 3, 10), пластинка с признаками брюшковой ретуши (рис. 3, 9). В слое найдены также два тронкированных скола пластин с поперечно усеченными ретушированными концами (рис. 3, 7, 8). Возможно, применение тронкированной ретуши позволяло получить миниатюрные орудия. Во всех случаях такая ретушь нанесена с брюшка на спинку (угол между торцом и нижней поверхностью от 78 до 110°, между торцом и спинкой – от 78 до 92°), т.е. она полностью покрывала торцы изделий, была лицевой, протяженной и сильно видоизменяющей очертания скола.

Слой 2.8. В археологической коллекции преобладают различные сколы (86%; см. табл. 1). Среди них чуть менее половины составляют чешуйки, имеются расщепленные наполовину небольшие и мелкие гальки с единичными негативами снятий (2,3%). В индустрии

слоя представлены нуклеусы (3,1%), технический скол в виде небольшого фрагмента оживления площадки нуклеуса с приустьевыми негативами снятий на рабочей поверхности (0,8%) и орудия (7,8%).

Техника расщепления характеризуется нуклеусами и сколами. К нуклеусам относятся четыре артефакта, демонстрирующие параллельный принцип расщепления (см. табл. 2). Два одноплощадочных продольных односторонних (рис. 3, 1, 2), а также двухплощадочные односторонний (рис. 4, 3) и торцовый (рис. 4, 4). Последнее ядрище имеет сильно скошенные естественные площадки. Оно образовано на плитке, широкие поверхности которой полностью покрыты коркой, а узкая торцовая – негативами пластинчатых снятий, произведенных во встречных направлениях. Коллекция слоя включает 110 сколов (см. табл. 1). Среди удлиненных заготовок определено десять пластинок правильной огранки с параллельными краями и гранями. Некоторые такие изделия на краях имеют следы сработанности в виде фасеток псевдоретуши (рис. 5, 3). Происхождение таких продуктов, вероятно, связано с эксплуатацией параллельных ядрищ, в т.ч. торцовых.

Показатели длины сколов, исключая чешуйки, фрагмент осколка и десять ретушированных предметов, свидетельствуют о преобладании снятий (72%) размерами от 10 до 30 мм. Однако более 60% сколов – это фрагменты. В составе индустрии имеются, хотя и в небольшом объеме (5,9%), сколы размерами от 40 до 60 мм. Длина двух заготовок превышает 100 мм (рис. 5, 1, 2). По размерам такие изделия превосходят нуклеусы, представленные в слое; их появление связано с ранними этапами расщепления горных пород (см. табл. 3).

Значительная часть сколов – это изделия с показателями пропорций $L < I$ и $L > I$ (см. табл. 4). Анализ соотношения длины и ширины сколов свидетельствует о развитии технологии, направленной в первую очередь на получение удлиненных заготовок. Среди 29 сохранившихся площадок большинство составляют гладкие. Другие виды обработки ударных площадок представлены примерно в равных долях (см. табл. 5). Характер огранения сколов указывает на преобладание продольных и бипродольных дорсальных поверхностей (см. табл. 6).

Вторичная обработка производилась только ретушью (см. табл. 7). Отмечены следы ретуши аккумуляции и образующей активные кромки изделий. К первой разновидности относится крутая отделка на пластинках с притупленным краем и усеченными концами (рис. 5, 6–10). Она средняя и мелкая, вертикальная, параллельная (в одном случае чешуйчатая), распространенная, захватывающая и краевая, протяженная, однорядная, глубокая (в одном случае неглубокая; рис. 5, 9), направленная с брюшка на спинку. На трех из пяти предметов отмечены следы ретуши

Таблица 5. Индексы ударных площадок сколов из слоев 3–2.5 стоянки Чихэн-2

Слой	Площадка			
	гладкая	фасетированная	двугранная	точечная
3	50	–	50	–
2.8	41,4	24,1	13,8	20,7
2.7	47	11,8	14,7	26,5
2.6	48,3	16,9	13,5	21,3
2.5	61,1	13,8	11,9	13,2

Таблица 6. Сколы со следами различной огранки дорсальных поверхностей из слоев 3–2.5 стоянки Чихэн-2*

Слой	Скол	Огранка														Всего	
		галечная	дорсально-гладкая	бессистемная	радиальная	радиально-краевая	продольная	продольно-краевая	биподольная	биподольно-краевая	ортогональная	ортогонально-краевая	подперекрестная	подперекрестно-краевая	перпендикулярная		перпендикулярно-краевая
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
3	Отщеп	-	$\frac{2}{16,7}$	$\frac{1}{8,3}$	-	-	$\frac{4}{33,3}$	-	$\frac{2}{16,7}$	-	$\frac{3}{25}$	-	-	-	-	-	$\frac{12}{100}$
	Пластина	-	-	-	-	-	$\frac{6}{85,7}$	-	$\frac{1}{14,3}$	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{7}{100}$
	Микропластина	-	-	-	-	-	$\frac{1}{100}$	-	-	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{1}{100}$
2.8	Итого	-	$\frac{2}{10}$	$\frac{1}{5}$	-	-	$\frac{11}{55}$	-	$\frac{3}{15}$	-	$\frac{3}{15}$	-	-	-	-	-	$\frac{20}{100}$
	Отщеп	$\frac{3}{7,1}$	$\frac{5}{11,9}$	$\frac{1}{2,4}$	$\frac{1}{2,4}$	-	$\frac{5}{11,9}$	$\frac{3}{7,1}$	$\frac{3}{7,1}$	-	$\frac{4}{9,6}$	-	$\frac{13}{31}$	$\frac{1}{2,4}$	$\frac{3}{7,1}$	-	$\frac{42}{100}$
	Пластина	-	-	-	-	-	$\frac{21}{80,8}$	$\frac{2}{7,7}$	$\frac{3}{11,5}$	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{26}{100}$
2.7	Итого	$\frac{3}{4,4}$	$\frac{5}{7,4}$	$\frac{1}{1,5}$	$\frac{1}{1,5}$	-	$\frac{26}{38,2}$	$\frac{5}{7,4}$	$\frac{6}{8,8}$	-	$\frac{4}{5,8}$	-	$\frac{13}{19,1}$	$\frac{1,0}{1,5}$	$\frac{3}{4,4}$	-	$\frac{68}{100}$
	Отщеп	$\frac{4}{4,9}$	$\frac{8}{9,9}$	$\frac{4}{4,9}$	$\frac{2}{2,5}$	-	$\frac{20}{24,7}$	$\frac{3}{3,7}$	$\frac{7}{8,7}$	$\frac{1}{1,2}$	$\frac{28}{34,6}$	$\frac{1}{1,2}$	$\frac{2}{2,5}$	-	$\frac{1}{1,2}$	-	$\frac{81}{100}$
	Пластина	-	$\frac{1}{1,6}$	-	-	-	$\frac{48}{76,2}$	-	$\frac{9}{14,2}$	$\frac{1}{1,6}$	$\frac{3}{4,8}$	-	$\frac{1}{1,6}$	-	-	-	$\frac{63}{100}$
2.6	Итого	$\frac{4}{2,7}$	$\frac{9}{6,2}$	$\frac{4}{2,7}$	$\frac{2}{1,4}$	-	$\frac{69}{47,6}$	$\frac{3}{2,1}$	$\frac{16}{11}$	$\frac{2}{1,4}$	$\frac{31}{21,4}$	$\frac{1}{0,7}$	$\frac{3}{2,1}$	-	$\frac{1,0}{0,7}$	-	$\frac{145}{100}$
	Отщеп	$\frac{4}{3,4}$	$\frac{17}{14,7}$	$\frac{7}{6}$	$\frac{1}{0,9}$	$\frac{2,0}{1,8}$	$\frac{25}{21,6}$	$\frac{4}{3,4}$	$\frac{4}{3,4}$	-	$\frac{42}{36,2}$	$\frac{4}{3,4}$	-	-	$\frac{2}{1,8}$	$\frac{4}{3,4}$	$\frac{116}{100}$
	Пластина	$\frac{1}{1}$	$\frac{1}{1}$	-	-	-	$\frac{77}{78,7}$	$\frac{2}{2}$	$\frac{5}{5,1}$	$\frac{1}{1}$	$\frac{9}{9,2}$	-	$\frac{1}{1}$	-	$\frac{1}{1}$	-	$\frac{98}{100}$
2.5	Итого	-	-	-	-	-	$\frac{8}{100}$	-	-	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{8}{100}$
	Отщеп	$\frac{5}{2,6}$	$\frac{18}{8,1}$	$\frac{7}{3,2}$	$\frac{1}{0,4}$	$\frac{2}{0,8}$	$\frac{110}{49,5}$	$\frac{6}{2,7}$	$\frac{9}{4,1}$	$\frac{1}{0,4}$	$\frac{51}{23}$	$\frac{4}{1,8}$	$\frac{1}{0,4}$	-	$\frac{3}{1,4}$	$\frac{4}{1,6}$	$\frac{222}{100}$
	Пластина	-	-	-	-	-	$\frac{8}{100}$	-	-	-	-	-	-	-	-	-	$\frac{8}{100}$

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
2.5	Отщеп	18 8,8	26 12,7	6 2,9	8 3,9	-	47 22,9	13 6,3	8 3,9	2 1	70 34,1	3 1,5	1 0,6	1 0,5	1 0,5	1 0,5	205 100
	Пластина	-	2 1	-	-	-	168 79,2	5 2,4	16 7,5	3 1,4	12 5,5	1 0,5	3 1,4	-	2 1	-	212 100
	Микропластина	-	-	-	-	-	6 85,7	-	-	1 14,3	-	-	-	-	-	-	7 100
	Итого	18 4,3	26 6,6	6 1,4	8 1,9	-	221 52,1	18 4,2	24 5,7	6 1,4	82 19,3	4 0,9	4 0,9	1 0,3	3 0,7	1 0,3	424 100

*В числителе – экз., в знаменателе – %.

Таблица 7. Орудия со следами вторичной обработки из слоев 3–2.5 стоянки Чихэн-2, %

Слой	Характеристика вторичной отделки													Протя- женность	Рядность			Глубина																		
	Размер, мм	Угол наклона, град.	Форма	Зона захвата	Дислокация			На орудиях с при- тупленным краем	Протя- женность	Однорядная	Двухрядная	Многорядная	Глубокая (сильно видоизменяет край)		Полуглубокая	Неглубокая																				
					На всех изделиях	На трон- кирован- ных из- делиях	На орудиях с при- тупленным краем										Непрерывная вдоль края		Прерывистая	Однорядная	Двухрядная	Многорядная	Глубокая (сильно видоизменяет край)	Полуглубокая	Неглубокая											
3	>15 (крупная)	70–90 (вертикальная)	10–30 (плоская приоткрывающая)	Параллельная	Чешуйчатая	> трети ширины (распространенная)	< трети ширины (захватывающая)	Край	Лицевая	Брюшковая	Бифасиальная	Поперечная (спинка – брюшко)	С брюшка на спинку	С спинки на брюшко	С спинки на брюшко	Со спинки на брюшко	Со спинки на спинку	Занимает всю толщину заготовки	Занимает половину толщины	Непрерывная вдоль края	Прерывистая	Однорядная	Двухрядная	Многорядная	Глубокая (сильно видоизменяет край)	Полуглубокая	Неглубокая	-	100	-	11	89	-	33	11	56
	2–15 (средняя)	45–70 (крутая, приоткрывающая)	35–45 (полукрутая)	Параллельная	Субпараллельная	> трети ширины (распространенная)	< трети ширины (захватывающая)	Край	Лицевая	Брюшковая	Бифасиальная	Поперечная (спинка – брюшко)	С брюшка на спинку	С спинки на брюшко	Со спинки на брюшко	Со спинки на спинку	С брюшка на спинку	Занимает всю толщину заготовки	Занимает половину толщины	Непрерывная вдоль края	Прерывистая	Однорядная	Двухрядная	Многорядная	Глубокая (сильно видоизменяет край)	Полуглубокая	Неглубокая	-	100	-	11	89	-	33	11	56
	< 2 (мелкая)	70–90 (вертикальная)	10–30 (плоская приоткрывающая)	Параллельная	Чешуйчатая	> трети ширины (распространенная)	< трети ширины (захватывающая)	Край	Лицевая	Брюшковая	Бифасиальная	Поперечная (спинка – брюшко)	С брюшка на спинку	С спинки на брюшко	Со спинки на брюшко	Со спинки на спинку	С брюшка на спинку	Занимает всю толщину заготовки	Занимает половину толщины	Непрерывная вдоль края	Прерывистая	Однорядная	Двухрядная	Многорядная	Глубокая (сильно видоизменяет край)	Полуглубокая	Неглубокая	-	100	-	11	89	-	33	11	56

Ретушь рабочего участка

2.8	-	75	25	-	75	25	-	100	-	25	75	88	-	13	-	-	-	-	-	-	-	-	75	25	63	38	-	38	63				
2.7	5,3	68	26	5,3	84	11	-	95	11	47	42	58	21	-	21	-	-	-	-	-	-	100	-	58	42	-	32	32	37				
2.6	6,3	63	31	38	50	6,3	6,2	88	25	25	50	94	-	-	6,2	-	-	-	-	-	-	94	6,2	44	44	13	81	19	-				
2.5	-	70	30	15	74	7,5	3,8	87	7,5	43	49	70	19	7,5	3,8	-	-	-	-	-	-	96	3,8	43	55	1,9	42	17	42				
<i>Тронкирующая ретушь</i>																																	
3	-	100	-	100	-	-	33	67	-	-	-	100	-	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-	-	100	-	-	-	-	-			
2.8	-	-	100	100	-	-	100	-	-	-	-	100	-	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-	100	-	-	-	-	-	-			
2.7	-	60	40	100	-	-	40	60	-	-	-	20	80	-	20	80	-	-	-	-	-	-	-	60	40	-	-	-	-	-			
2.6	-	29	71	100	-	-	57	14	29	-	-	43	57	-	42,9	57,1	-	-	-	-	-	-	-	43	43	14	-	-	-	-			
2.5	-	94	6,2	94	6,2	-	69	13	19	-	-	81	19	-	81,3	18,7	-	-	-	-	-	-	-	50	50	-	-	-	-	-			
<i>Пригупляющая ретушь</i>																																	
3	-	100	-	-	100	-	-	100	-	-	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-	100	100	-	100	-	-	-	-	-	-	-		
2.8	-	75	25	100	-	-	75	25	25	-	-	100	-	-	100	75	25	100	100	100	100	100	-	100	-	-	75	-	25	-	-		
2.7	-	100	-	100	-	-	67	33	33	-	-	33	67	-	67	33	67	100	100	100	100	100	-	33	33	33	67	33	-	-	-	-	
2.6	-	33	67	100	-	-	67	33	33	-	-	67	33	-	33	67	-	100	100	100	100	100	-	67	33	33	67	33	-	-	-	-	
2.5	-	82	18	100	-	-	36	64	64	-	-	73	27	-	27	73	27	73	100	100	100	100	-	50	50	91	91	9,1	-	-	-	-	
<i>Выемчатый скол</i>																																	
3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
2.8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2.7	-	100	-	-	100	-	-	-	100	100	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	100	-	-	-	-
2.6	-	100	-	57	43	-	-	-	100	100	-	57	43	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	100	-	-	-	-	-
2.5	-	83	17	33	50	17	-	-	17	67	17	33	67	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	83	17	-	-	-	-	-

Таблица 8. Тип-лист орудий из слоев 3–2.5 стоянки Чихэн-2, экз.

Артефакты	Слой					Всего
	3	2.8	2.7	2.6	2.5	
Пластины со следами ретуши:						
лицевой	–	1	1	2	10	14
брюшковой	–	–	–	–	2	2
попеременной	–	–	1	–	–	1
бифасиальной	–	–	–	–	1	1
Пластинки со следами ретуши:						
лицевой	–	1	3	1	2	7
брюшковой	1	–	2	–	2	5
Отщепы со следами ретуши:						
брюшковой	–	–	2	–	–	2
попеременной	–	–	1	–	–	1
Тронкированные сколы:						
пластины и пластинки	2	–	2	4	4	12
пластинки с усеченными ретушью концами	–	1	–	–	3	4
Пластины с притупленным краем	–	–	–	–	3	3
Пластинки » »	1	4	2	3	3	13
Скребки концевые на отщепах	1	–	–	–	3	4
Острия:						
срединные асимметричные	–	2	–	2	3	7
угловые	1	–	–	–	6	7
с притупленным краем	–	–	–	–	1	1
Долотовидные орудия	–	–	–	1	–	1
Комбинированные орудия	–	–	–	1	–	1
Бифасы	–	–	1	–	–	1
Скребла:						
продольные выпуклые	–	–	1	1	–	2
поперечные »	–	–	–	–	2	2
угловые	–	–	–	1	–	1
с утонченным корпусом	–	–	–	1	–	1
Выемчатые орудия:						
ретушированные	–	–	1	–	1	2
одинарные	–	–	–	1	3	4
Зубчатые орудия:						
поперечные	–	1	1	–	2	4
продольные	–	–	1	–	–	1
Сколы леваллуа (отщепы)	–	–	–	–	1	1
Неопределимые орудия	–	–	–	–	1	1
<i>Всего</i>	6	10	19	18	53	106

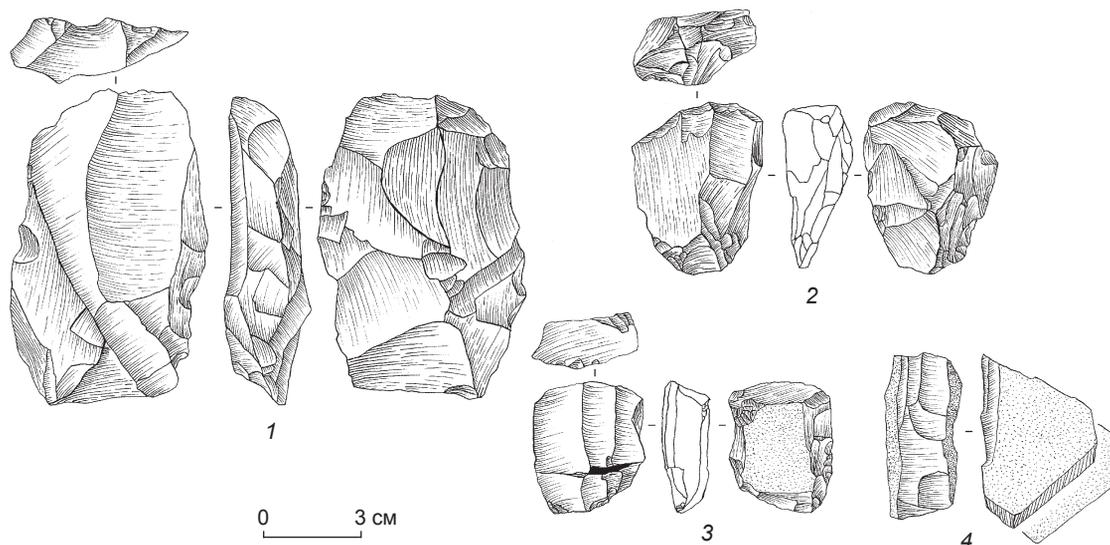

Рис. 4. Нуклеусы из слоя 2.8.
1, 2 – одноплощадочные; 3 – двухплощадочный; 4 – торцовый.

приспособления в сочетании с ретушью оформления рабочих краев. Ретушь, образующая активные кромки изделий, средняя, реже мелкая, крутая, реже полукрутая (пластинка с притупленным краем, зубчатое орудие), исключительно чешуйчатая, преимущественно краевая и реже захватывающая (кромки зубчатого орудия и острия), лицевая, редко бифасиальная (пластинки с притупленным краем), протяженная, в двух случаях прерывистая (ретушированные пластинка и острие), однорядная, редко двухрядная, неглубокая, реже полуглубокая. В индустрии слоя выделяется артефакт со следами плоской брюшковой подтески ударного бугорка (рис. 5, 4).

Орудийный набор представлен десятью изделиями. Из них восемь выполнены на пластинках, в т.ч. одна целая, и два – на фрагментированных отщепках (см. табл. 8). Выделены два срединных асимметричных острия (рис. 5, 1, 5) и две ретушированные пластинки. Одно изделие из числа последних принадлежит к разновидности широких, прямоостных пластин со следами ретуши, с сохранившейся коркой на лицевой поверхности и одним обработанным краем (рис. 5, 2). Другое орудие определяется как ретушированная пластинка (рис. 5, 11). Имеются также зубчатое орудие (рис. 5, 4), четыре пластинки с притупленным краем (рис. 5, 6–9) и одна с усеченными ретушью концами (рис. 5, 10). Последнее изделие по существу является уменьшенным аналогом тронкированных сколов и отличается от них лишь качеством ретуши.

Слой 2.7. В археологической коллекции преобладают сколы различных разновидностей (89,4 %;

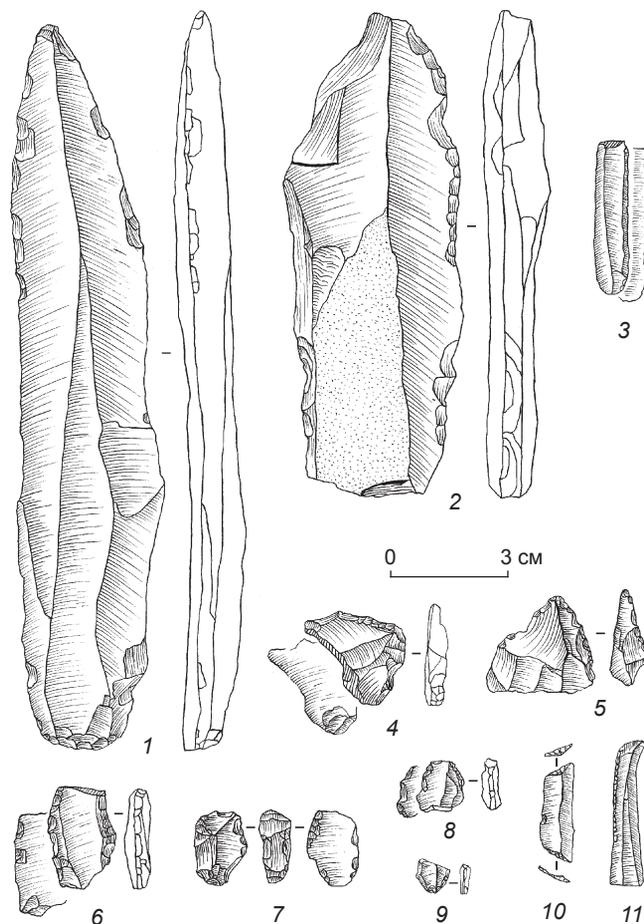

Рис. 5. Сколы и орудия из слоя 2.8.
1, 5 – острия срединные асимметричные; 2 – ретушированная пластинка; 3 – пластинка правильной огранки; 4 – зубчатое орудие; 6–9 – пластинки с притупленным краем; 10 – пластинка с усеченными ретушью концами; 11 – ретушированная пластинка.

см. табл. 1). Среди них чуть менее половины составляют чешуйки; к расщепленным галькам отнесено 0,4 % изделий. Кроме того, в индустрии имеются нуклеусы (2,3 %), технический скол в виде небольшого фрагмента оживления площадки нуклеуса с сохранившимися тремя приустьевыми негативами снятий на его рабочей поверхности (0,4 %), нуклеидные обломки (0,4 %) и орудия (7,1 %).

Техника расщепления каменного сырья представлена нуклеусами и сколами. Обнаружены шесть нуклеусов, которые демонстрируют параллельную технику раскалывания (см. табл. 2). Все они продольные, односторонние, различной степени сработанности и различаются только по количеству площадок. Определены два одноплощадочных (рис. 6, 1, 2) и четыре двухплощадочных нуклеуса. У второй разновидности ядрищ заготовки снимались с одного фронта во встречных направлениях (рис. 6, 3, 6–8). В слое 2.7 обнаружено 237 сколов (см. табл. 1). Среди отщепов, включающих шесть вторично обработанных заготовок, формы длиной от 10 до 20 мм составляют 43,4 % и от 20 до 30 мм – 30,8 % (см. табл. 3). Большая часть

орудий на отщепках выполнена на сколах длиной более 30 мм. Примерно такие же значения соответствуют удлиненным заготовкам, в т.ч. орудиям (см. табл. 3). Максимальная длина пластин не превышает 70 мм. Но поскольку эти значения соответствуют фрагментам заготовок (рис. 6, 4, 5, 9), можно предположить, что ранее пластины были, несомненно, больше по размерам. Отметим, что в коллекции удлиненных снятий 36,5 % составляют пластинки правильной огранки (рис. 7, 5–7), отличающиеся от настоящих микропластинок лишь размерами.

Значительная часть сколов представлена изделиями с показателями пропорций $L>I$ и $L>1,5I$, в их числе немало фрагментов (см. табл. 4). Среди 68 сохранившихся площадок сколов большинство составляют гладкие. Отметим, что неопределимые площадки включают поврежденные вторичной обработкой (см. табл. 5). Преобладают сколы с признаками продольной и бипродольной огранки, за ними следуют изделия с ортогонально оформленными спинками. Остальные типы огранок представлены малыми долями (см. табл. 6).

Вторичная обработка производилась с помощью ретуши и анкоша. Последний вид отделки представлен только на пластинке с притупленным краем (рис. 7, 8). Ретушная отделка весьма разнообразна по назначению и исполнению. Выделяются виды ретуши, способные придать предмету определенную форму. К ним относятся притупляющая и тронкирующая; с их помощью уменьшали размеры заготовок и оформляли обушки. Применялись также такие виды ретуши, как аккомодационная и образующая рабочие кромки орудий; фасетки последней были, как правило, средние по размерам и в редких случаях мелкие (см. табл. 7).

В слое 2.7 выделены 19 орудий. В их числе – 12 изделий, выполненных на целых (3 экз.) и фрагментированных (9 экз.) пластинах, а также 6 орудий – на целых (4 экз.) и обломанных (2 экз.) отщепках (см. табл. 8). В индустрии слоя имеется овальный бифас со следами сплошной обработки плоскостей (рис. 7, 16). Среди орудий обращают на себя внимание ретушированные пластины и пластинки (7 экз.). Это удлиненные заготовки, которые различаются по характеру и расположению отделки, затрагивающей краевые участки сколов (рис. 7, 1–7). Обнаружены две пластинки с притупленным краем. Одна из них имеет обработанные продольные края и поперечно усеченный ретушированный прямолинейный проксимальный конец (рис. 7, 8). Притупленная и тронкирующая

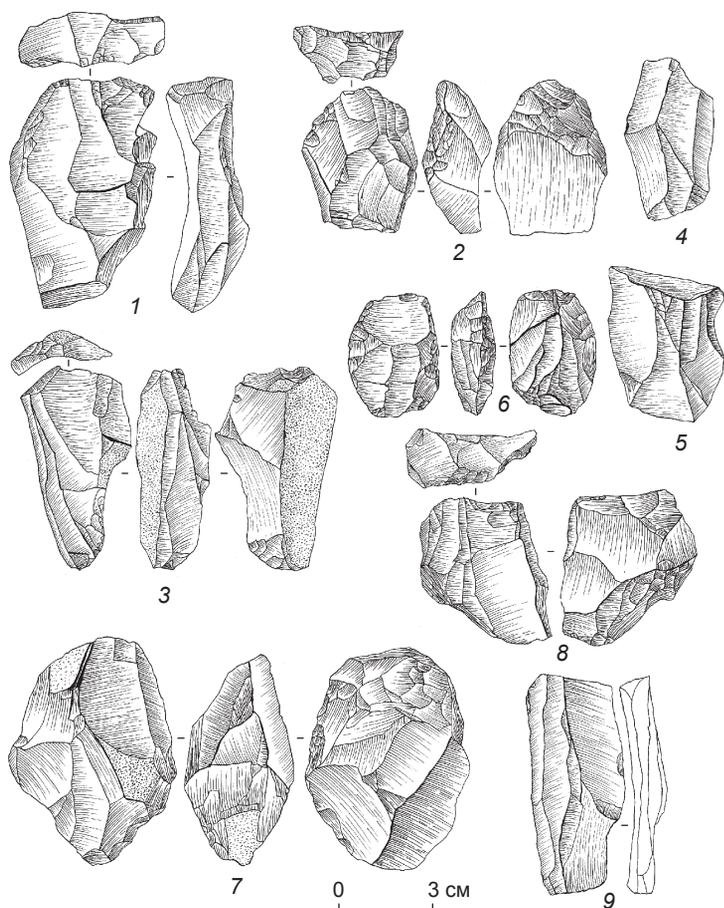

Рис. 6. Нуклеусы и пластины из слоя 2.7.

1, 2 – одноплощадочные ядрища; 3, 6–8 – двухплощадочные ядрища; 4, 5, 9 – пластины без следов обработки.

части орудия обработаны вертикальной, параллельной, глубокой, однорядной ретушью, направленной со спинки к брюшку и занимающей всю толщину заготовки. Другой артефакт также характеризуется притупленным краем и тронкированным прямым, слегка выпуклым концом (рис. 7, 9). Тронкированные сколы (2 экз.) представлены фрагментами пластин с усеченными ретушированными концами (рис. 7, 10, 11). Коллекция орудий включает также скребло с продольно-выпуклым лезвием (рис. 7, 19), два зубчатых орудия, выполненные на фрагментированных отщепах (рис. 7, 12, 13), и выемчатое орудие (рис. 7, 15). Найдено три ретушированных отщепа (рис. 7, 14, 17, 18).

Слой 2.6. Археологическая коллекция состоит из продуктов расщепления камня (см. табл. 1). Преобладают сколы различных размеров, среди которых немало мельчайших чешуек. Доля мелких расщепленных галек с единичными негативами сколов невелика (0,3 %). В индустрии слоя представлены нуклеусы (2,2 %), технические сколы (0,3 %) и орудия (5 %).

Техника расщепления характеризуется нуклеусами и сколами. В коллекции выделены восемь нуклеусов, которые демонстрируют параллельный и леваллуазский принципы расщепления. Имеются как крупные массивные образцы, так и сработанные до предела ядрища небольших размеров. Нуклеусы параллельного принципа скалывания составляют половину изделий. В их числе – два односторонних двухплощадочных ядрища со следами встречных скалываний заготовок (рис. 8, 1, 3). Имеются два торцовых односторонних двухплощадочных нуклеуса. Первый представляет стадию до торцового расщепления; возможно, он эксплуатировался как продольный одноплощадочный нуклеус (рис. 8, 2). Второе ядрище демонстрирует элементы технологии, характерные для создания клиновидных нуклеусов (рис. 8, 4). Леваллуазские нуклеусы (4 экз.) имеют треугольные очертания. Судя по последним негативам, эти предметы использовались для получения треугольных сколов. Выделено три леваллуазских нуклеуса, односторонних одноплощадочных, со специально обработанными площадками в форме *chapeau de gendarme* (рис. 9, 1–3). Среди леваллуазских нуклеусов имеется двухстороннее изделие со следами снятия заготовок в продольном и поперечном направлениях (рис. 9, 4). Технические сколы представлены продуктом лыжевидного удлиненного снятия (рис. 10, 18). В индустрии слоя 2.6 данный артефакт является свидетельством развития клиновидной технологии.

В коллекции определены 334 скола (см. табл. 1). По отщепам, среди которых четыре вторично преобра-

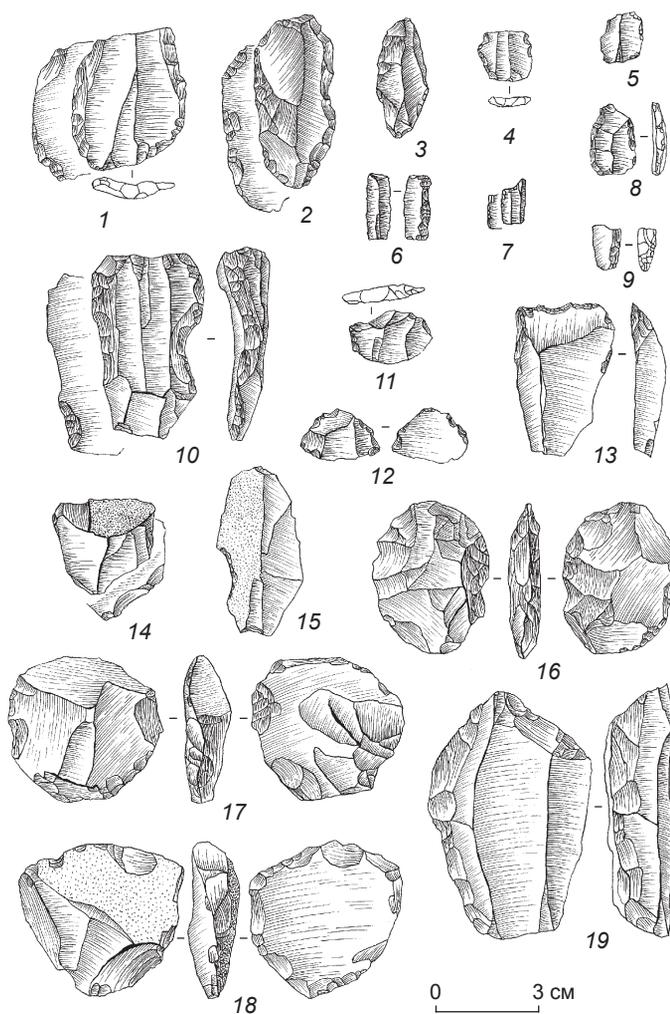

Рис. 7. Орудия из слоя 2.7.

1, 2 – ретушированные пластины; 3–7 – ретушированные пластинки; 8, 9 – пластинки с притупленным краем; 10, 11 – тронкированные сколы; 12, 13 – зубчатые орудия; 14, 17, 18 – ретушированные отщепа; 15 – выемчатое орудие; 16 – бифас; 19 – одинарное продольное скребло.

зованные заготовки, определено доминирование сколов от 10 до 20 мм. Орудия на отщепах изготовлены на сколах длиной 10–50 мм. Параметры удлиненных заготовок, включая орудия, также свидетельствуют о преобладании сколов длиной 10–20 мм. Наибольшая длина целой заготовки 111 мм. Обращает на себя внимание относительно большой объем сколов длиной менее 10 мм, все они имеют следы поперечных обломов. Орудия на пластинах, среди которых доминируют фрагменты (92,3 %), выполнены в основном на сколах длиной от 10 до 40 мм (см. табл. 3).

Значительная часть сколов представлена изделиями с показателями пропорций $L>I$ (35,2 %) и $L>1,5I$ (17,1 %) (см. табл. 4). Среди 89 сохранившихся площадок сколов большинство составляют гладкие. Отметим, что среди неопределимых площадок определено шесть поверхностей, поврежденных в ходе вторич-

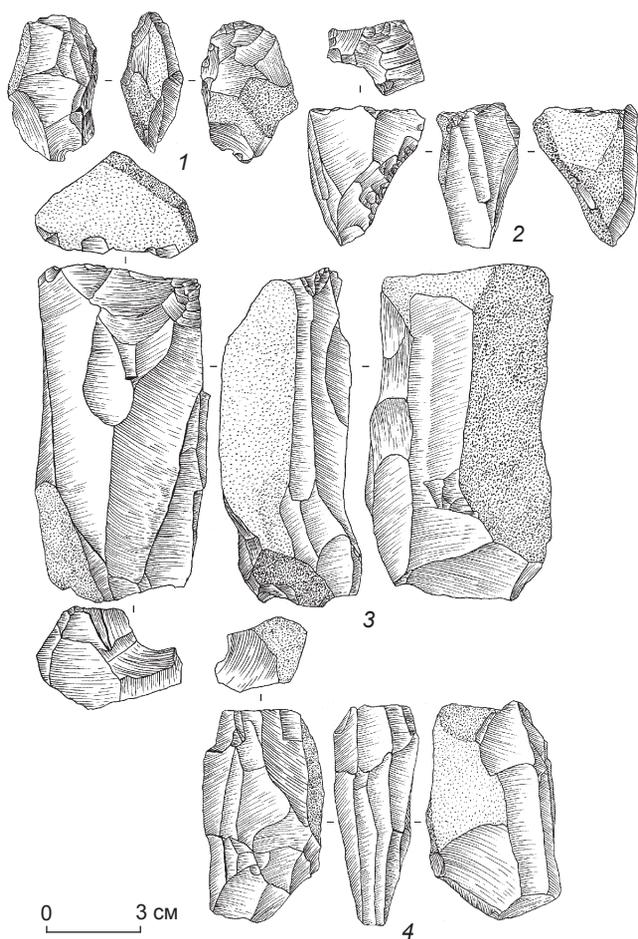

Рис. 8. Нуклеусы из слоя 2.6.

1, 3 – двухплощадочные; 2 – торцовый; 4 – клиновидный.

ной обработки (см. табл. 5). В данном слое, как и в предыдущем, большая часть сколов на спинках имеет следы продольной и бипродольной огранки (см. табл. 6).

Орудия из слоя 2.6 немногочисленны, однако они демонстрируют практически весь арсенал вторичной отделки – выемчатый и резцовый сколы, подтеску и ретуширование (см. табл. 7). Как и в индустриях других слоев памятника, в данной выделяется обработка, с помощью которой изменялись форма предмета, его размеры и создавались дополнительные элементы, например обушки. К такой аккомодационной отделке относятся некоторые разновидности выемчатого скалывания и ретуширования. Например, ретуширование позволяло сделать более толстыми края у пластинок с притупленным краем. В зависимости от толщины заготовки применялась ретушь мелкая или средняя, вертикальная, отвесная, протяженная, параллельная, реже чешуйчатая, одно- и двухрядная, занимающая половину утолщенного края скола. Тронкирующая отделка могла быть параллельной, субпараллельной и чешуйчатой, мелкой или средней, одно-, двухрядной или многорядной, но всегда вертикальной и глубокой. Такая отделка наносилась с бруска на спинку и наоборот. В зависимости от этого угол наклона ретуши к соответствующей поверхности изделия колеблется от 72 до 130°. Создание анкоша в качестве аккомодационной обработки использовалось для оформления обушков и выделения рабочей части изделий. Рабочие участки орудий образовывались прежде

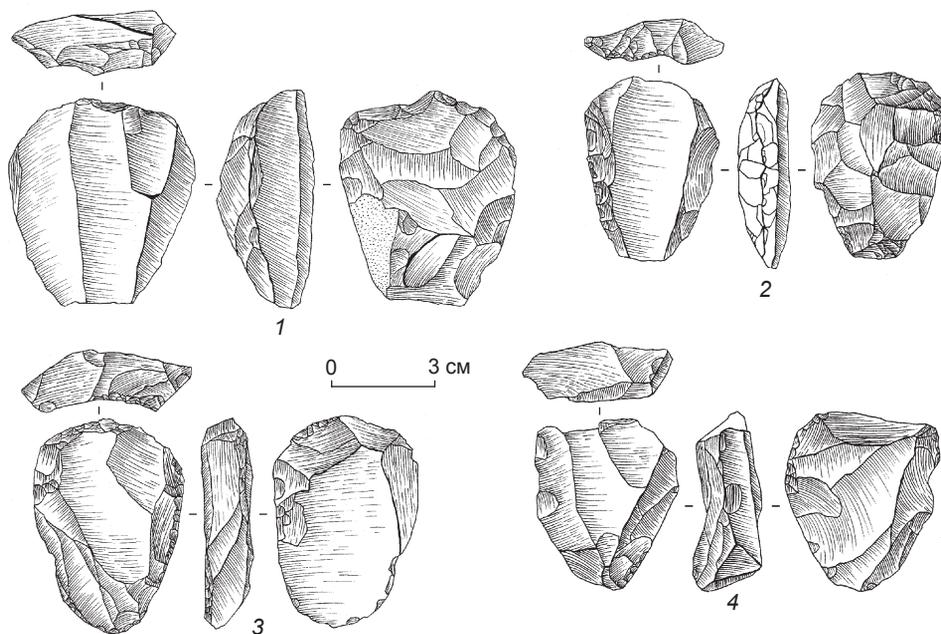
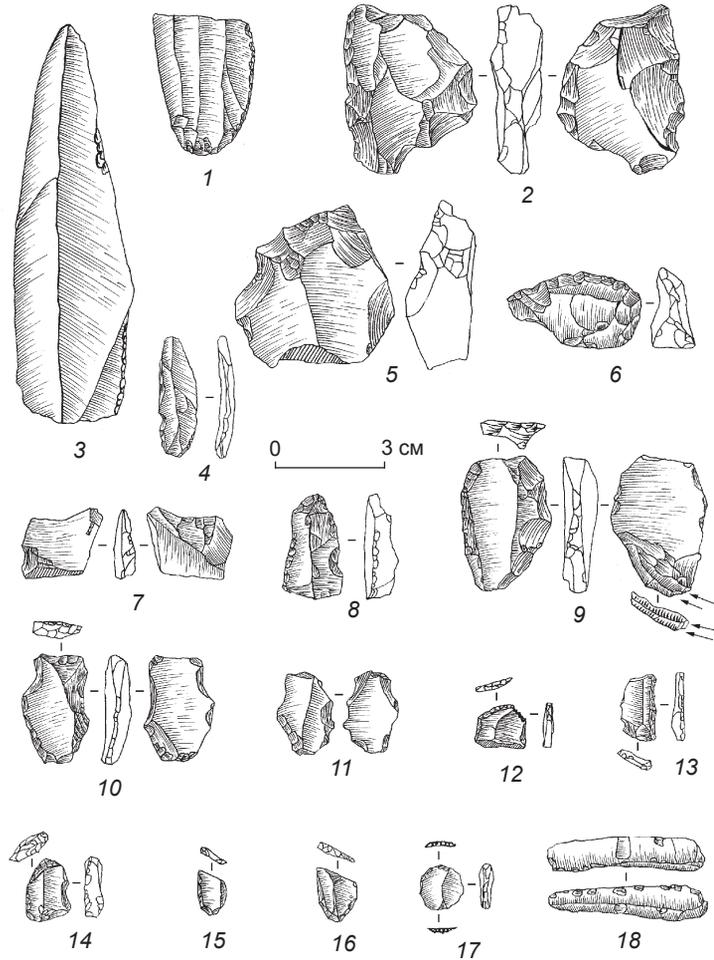

Рис. 9. Леваллуазские нуклеусы из слоя 2.6.

1–3 – односторонние; 4 – двухсторонний.

Рис. 10. Орудия из слоя 2.6.

1, 3 – ретушированные пластины; 2 – скребло с утонченным корпусом; 4 – ретушированная пластинка; 5 – скребло угловое; 6 – скребло продольное выпуклое; 7 – долотовидное орудие; 8, 12 – срединные асимметричные острья; 9 – комбинированное орудие; 10, 14–16 – тронкированные сколы; 11 – выемчатое орудие; 13, 17 – пластинки с притупленным краем; 18 – технический скол.

всего в ходе ретуширования: оно позволяло формировать линейные и вогнутые элементы. Единичные орудия (одно из скребел и комбинированное изделие) имеют следы утончающих сколов на нижней поверхности, в т.ч. в базальной части. Как правило, негативы таких снятий, устраняющих кривизну и уменьшающих толщину заготовок, перпендикулярны оси скола. На ряде орудий активные кромки образованы с помощью крутого, лицевого и брюшкового анкоша. В редких случаях для оформления рабочих участков использовались поперечный резовый скол, оставлявший негативы удлиненных снятий, и чешуйчатая подгеска. Последний вид отделки представлен мелкими и средними плоскими сколами, нанесенными на брюшко артефакта.

Орудийный набор представлен артефактами, выполненными преимущественно на фрагментах отщепов (4 экз.) и пластин (14 экз.) (см. табл. 8). У некоторых орудий имеются обушки в виде необработанного края (скребло, рис. 10, 5), утолщенной части скола оживления площадки нуклеуса (выпуклое скребло, рис. 10, 6), вогнутых краевых участков сколов, образованных анкошами (тронкированный скол и выемчатое орудие, рис. 10, 10, 11). Наконец, выделяются изделия с негативами брюшковых сколов с целью утончения заготовок (скребло и комбинированное орудие, рис. 10, 2, 9).

Коллекция орудий включает две ретушированные пластины (рис. 10, 1, 3) и пластинку (рис. 10, 4), а также пластинки с притупленным краем (рис. 10, 13, 17), четыре тронкированных скола (рис. 10, 10, 14–16), два срединных асимметричных острья со смещенными по отношению к оси заготовки рабочими кончиками (рис. 10, 8, 12). Кроме того, к орудиям относятся продольные и поперечные скребла (рис. 10, 2, 5, 6), долотовидное орудие на отщепе с поперечным обломом (рис. 10, 7) и выемчатое орудие на пластинке (рис. 10, 11).

Особый интерес вызывает комбинированное орудие. Его заготовка сочетает элементы концевой скребка на ретушированных пластинах и поперечно-го (трансверсального) реза (рис. 10, 9).

Слой 2.5. В археологической коллекции преобладают различные сколы (90,9 %; см. табл. 1). Пред-

ставлены также плитки горных пород без признаков обработки (0,1 %), нуклеусы (1,5 %), нуклевидные обломки (0,6 %) и орудия (6,9 %).

Техника расщепления слоя характеризуется нуклеусами и сколами. Нуклеусы отражают разные стадии расщепления и иллюстрируют параллельный и леваллуазский принципы раскалывания (см. табл. 2). Наиболее многочисленны ядрища параллельной системы расщепления, различающиеся по форме и количеству ударных площадок. Группа включает пять односторонних одноплощадочных нуклеусов, среди которых четыре продольных (рис. 11, 1–4) и один поперечный (рис. 11, 5), а также монофронтальные двухплощадочные ядрища бипродольного принципа раскалывания (рис. 12, 1, 2). К этой группе относятся трехсторонний (рис. 12, 3) и клиновидный (рис. 12, 5) микронуклеусы. Леваллуазское расщепление представляет нуклеус, служивший для получения овальных отщепов (рис. 12, 4). Для него характерна специально подготовленная поперечными сколами рельефная площадка, скошенная к оси предмета. С нее произведено овальное снятие на 2/3 рабочей поверхности, удалившее негативы радиальной оббивки, которая предваритель-

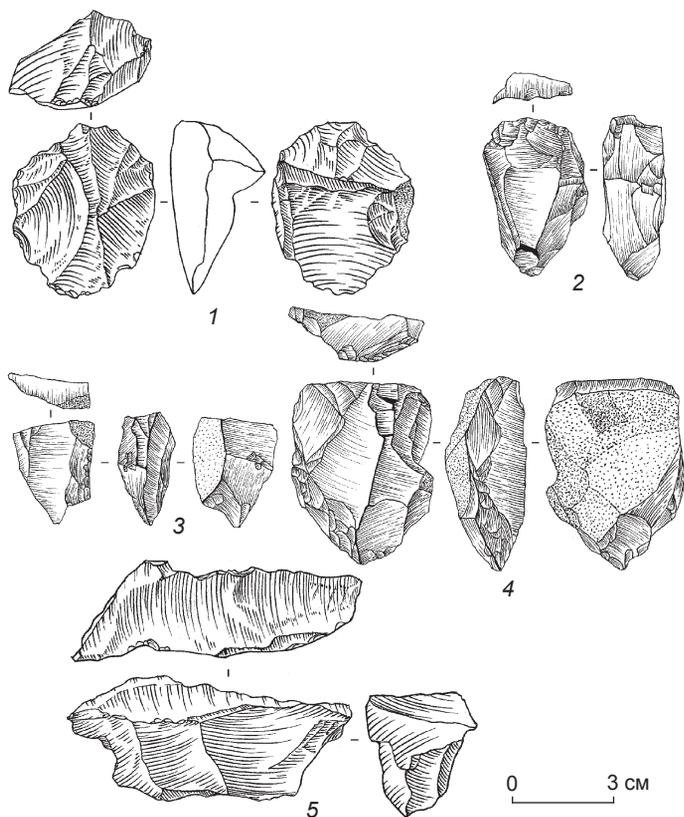

Рис. 11. Одноплощадочные нуклеусы из слоя 2.5.
1–4 – продольные; 5 – поперечный.

но подготовила фронт скалывания. Тыльная поверхность ядрища сплошь оббита продольно-поперечными сколами, которые оформляли продольное ребро, смещенное на один край артефакта.

В коллекции слоя выделены 693 скола (см. табл. 1). По отщепам (в их числе 13 заготовок с признаками вторичной обработки) и пластинам (в их числе 39 орудий) установлено доминирование сколов длиной от 10 до 20 мм и от 20 до 30 мм. Возможно, приведенные значения не совсем точны ввиду того, что представлены в основном фрагменты сколов (см. табл. 3). Большинство сколов составляют изделия с показателями пропорций $L > I$, $L > 1,5I$ и $L < I$ (см. табл. 4). Среди 159 сохранившихся площадок на сколах преобладают гладкие. В числе гладких площадок, помимо линейных разновидностей, имеются галечные и площадки со следами продольной подправки. Отметим, что к неопределимым площадкам относят-

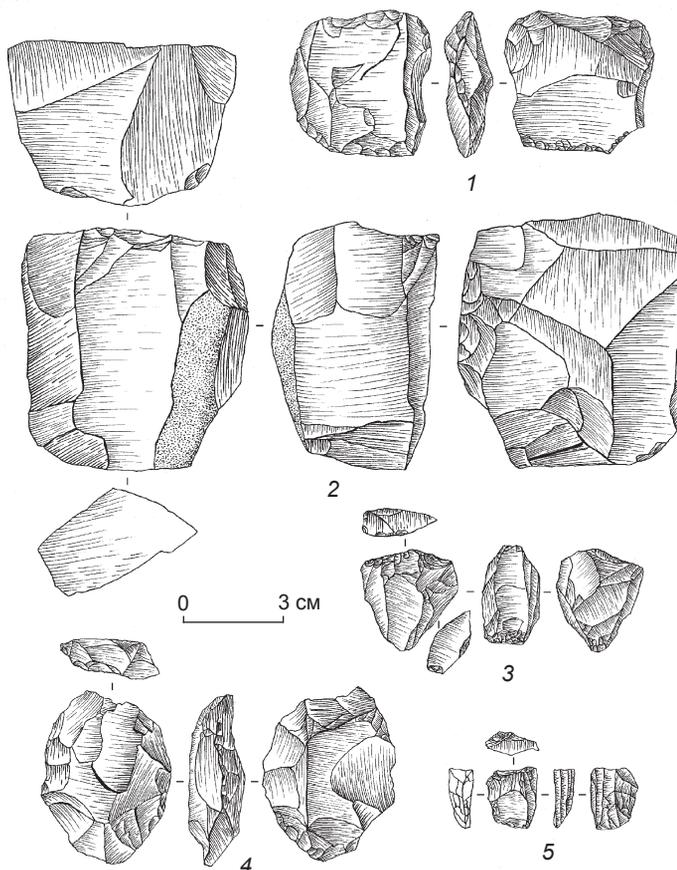

Рис. 12. Нуклеусы из слоя 2.5.
1, 2 – двухплощадочные; 3 – двухплощадочный трехсторонний; 4 – леваллуазский; 5 – клиновидный.

ся семь поверхностей, поврежденных в ходе вторичной обработки (см. табл. 5). Характер огранки сколов из данного слоя такой же, как и из других стратиграфических подразделений слоя 2 (см. табл. 6). Максимальная длина целой заготовки 155 мм. С учетом значительных размеров некоторых пластин (рис. 13, 1) и малых размеров нуклеусов (самый крупный длиной не более 75 мм) можно предположить, что часть сколов отражает ранние стадии расщепления, а ядрища – конечные этапы утилизации и переоформления нуклевидных форм, на которых получались сколы гораздо меньших размеров. Однако при этом ядрища, независимо от последовательности их расщепления, на каждом этапе сохраняли правильную огранку сколов и длину.

Вторичная обработка производилась с помощью ретуши и анкоша (см. табл. 7). Последний вид отделки, представленный нечасто в индустрии слоя, характерен для одинарных и двойных выемчатых орудий. Весьма разнообразна по назначению и исполнению ретушная отделка. На орудиях отмечены элементы ретуши, определяющей форму и размеры предмета. Представлены притупляющая и тронкирую-

щая виды ретуши, позволявшие уменьшать размеры заготовок и оформлять утолщенные участки. Ретушь приспособления наносилась на определенные части ряда орудий. Ретушь, образующая рабочие кромки орудий, средняя и мелкая. Ретушью, фасетки которой составляют менее 2 мм, обработаны, как правило, разнообразными пластинами и острья. Большинство рабочих кромок оформлено крутой ретушью. Гораздо реже использовалась отделка вертикальная (острия, скребки, орудия с анкошем и тронкированная пластина), полукрутая (орудия с анкошем, скребки, ретушированные пластинки) и плоская (рабочие участки пластинки с притупленным краем и пластины со следами лицевой обработки одного края). По форме фасеток ретушь преимущественно чешуйчатая. Следы субпараллельной отделки прослежены на скребках, скреблах, параллельной – на поперечном скребле и двух асимметричных и угловых остриях. По захвату ретушь занимает либо менее 1/3 ширины скола, либо только края. Элементы распространенной ретуши прослежены на угловом асимметричном острие, поперечном скребле, орудии с выемками и скребке высокой формы. У большинства орудий следы ретуши сосредоточены на лицевой стороне. Брюшковая ретушь нанесена на ряд ретушированных пластин и острий, попеременная – на угловое острие и выемчатое орудие, бифасиальная – на ретушированную пластину и зубчатое орудие. По глубине снятий глубокая, полуглубокая и неглубокая виды ретушной отделки представлены примерно в равных долях. Ретушированный край, как правило, линейный, редко зубчатый (зубчатые артефакты, пластинки со следами брюшковой ретуши, асимметричное острие) или выемчатый. Во всех случаях ретушь протяженная, одно- или двухрядная.

Орудийный набор включает 13 изделий, выполненных на отщепках, и 39 – на пластинах (см. табл. 8). Большую часть составляют фрагменты орудий (79,2%). На обломанных удлиненных заготовках изготовлено 34 изделия, на отщепках – 6 экз. Один артефакт образован на фрагменте микропластинки. У ряда орудий имеются специально подготовленные обушки. Выделены изделия с негативами брюшковых сколов, которые производились с це-

лю некоторого утончения заготовок. Среди них – ретушированные пластины, скребки, тронкированные сколы, выемчатые и зубчатые орудия и острья. Микроинвентарь представлен остриями, скребками, пластинками с притупленным краем и усеченными в ходе ретуширования концами. В типологический реестр орудий из слоя 2.5 входят 17 ретушированных пластин и пластинок, в т.ч. 2 целых предмета и 15 фрагментов. Данные орудия различаются по размерам заготовок, характеру и количеству обработанных краев. Эта самая многочисленная группа орудий слоя

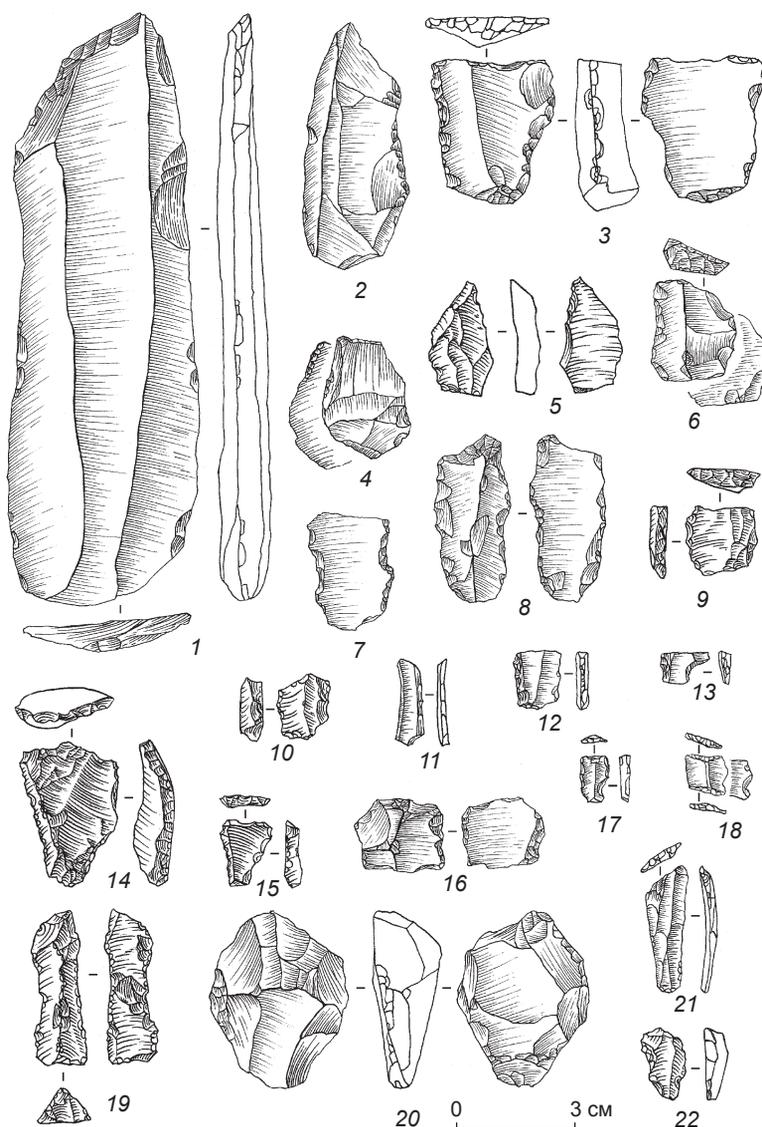

Рис. 13. Каменный инвентарь из слоя 2.5.

1 – крупная пластина с признаками лицевой ретуши; 2 – пластина со следами лицевой ретуши на одном крае; 3, 6 – пластины со следами лицевой ретуши на двух краях; 4, 5 – пластины со следами брюшковой ретуши на одном крае; 7 – пластина со следами брюшковой ретуши на двух краях; 8 – пластина со следами бифасиальной ретуши на двух краях; 9, 10 – пластины с притупленным краем; 11–13 – пластинки с притупленным краем; 15, 19, 21, 22 – пластинки с усеченными ретушью концами; 17, 18 – тронкированные пластинки; 14, 16, 20 – концевые скребки.

включает пластины со следами лицевой ретуши как на одном крае (7 экз.; рис. 13, 2), так и на двух (3 экз.). Их характеризуют следы регулярной вторичной ретуши, непрерывно наложенной по краям заготовки, и тронкирующей ретуши, с помощью которой были укорочены концы артефактов (рис. 13, 3, 6). К этой же группе относятся две пластины с элементами брюшковой ретуши на одном крае (рис. 13, 4, 5), две пластинки со следами лицевой ретуши на одном крае, фрагмент пластинки с признаками брюшковой ретуши на одном крае, пластина со следами брюшковой ретуши на двух краях (рис. 13, 7) и массивная в сечении пластина, оформленная бифасиальной ретушью с

двух краев (рис. 13, 8). У последней с помощью тронкирующей ретуши отсечен дистальный конец.

Среди орудий, извлеченных из слоя 2.5, выделены также четыре тронкированных скола (рис. 13, 17, 18), в т.ч. две пластины (рис. 14, 1), и три пластинки с поперечно усеченными ретушированными концами. Они миниатюрны и близки к тронкированным сколам, но отличаются от них размерами и тонким сечением, а также тщательностью мелкой отделки поперечных торцов (см. рис. 13, 15, 19, 22).

Определены шесть пластин и пластинок с притупленным краем, среди которых только одно изделие целое. Артефакты различаются по размерам и толщине в сечении. К пластинам отнесены три орудия, в т.ч. два с обломанными концами (см. рис. 13, 9, 10). Два орудия, помимо притупленного края, имеют тронкированные поперечно усеченные прямые ретушированные проксимальные концы (см. рис. 13, 21). К пластинкам с притупленным краем отнесены три фрагмента артефактов с параллельными и расширяющимися краями (см. рис. 13, 11–13). Во всех случаях ретушь вертикальная, наносилась с брюшка на спинку.

Концевых скребков 3 экз. Один выполнен на целом отщепе и два – на фрагментах (см. рис. 13, 14, 16, 20).

Острий 10 экз. Два изготовлены на целых отщепах и один – на фрагменте, семь – на пластинах. Острия представлены разными вариантами. Срединные асимметричные острия (3 экз.; см. рис. 14, 2, 3, 6) различаются по размерам заготовок, оформлению рабочих концов, смещенных вправо от оси заготовки и основания. Угловые острия (6 экз.) характеризуются выделенным рабочим выступом на краю заготовки (см. рис. 14, 4, 5, 7–10). Острие с притупленным краем образовано на фрагменте тонкой пластинки, изогнутой в профиле (см. рис. 14, 11). Оно относится к разновидности микроорудий с симметричным рабочим краем, образованным сходящимися краями, один из которых ретуширован. В орудийном наборе слоя выделены также два поперечных скребла с выпуклым рабочим краем (см. рис. 14, 12, 15), четыре выемчатых орудия, из них три изготовлены на пластинках и один – на фрагменте отщепа (см. рис. 14,

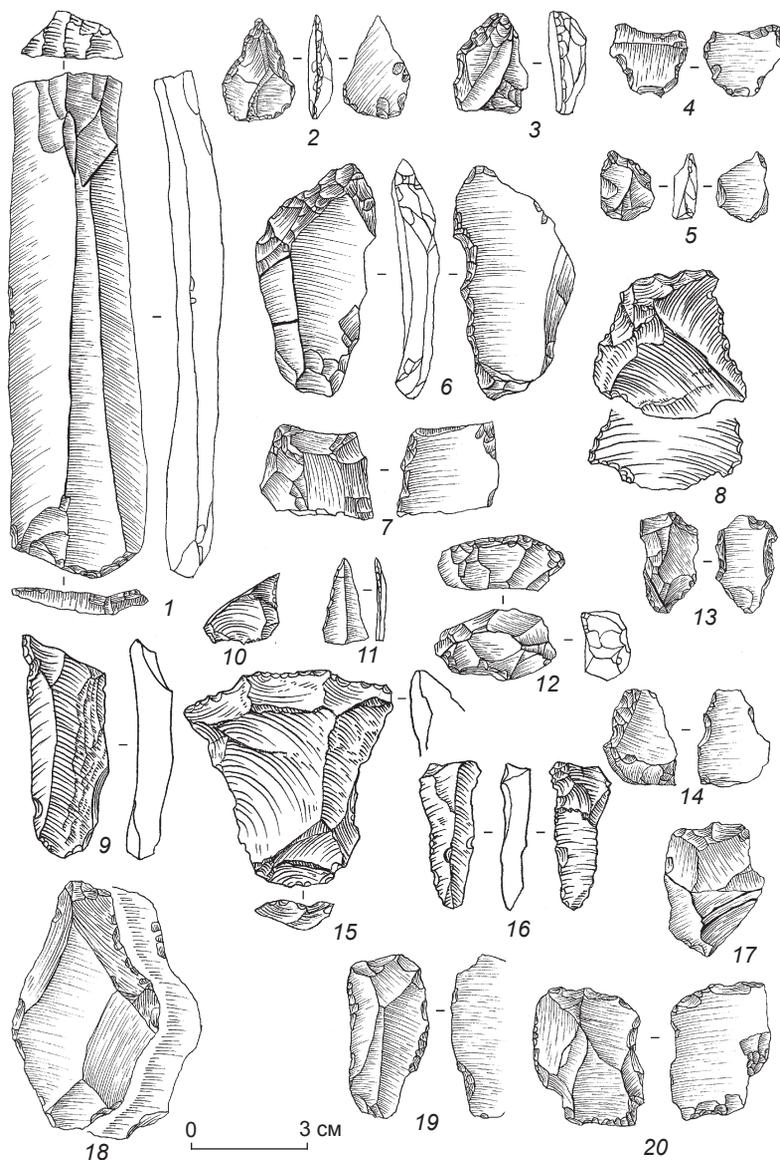

Рис. 14. Каменный инвентарь из слоя 2.5.

1 – тронкированная пластина; 2, 3, 6 – срединные асимметричные острия; 4, 5, 7–10 – угловые острия; 11 – острие с притупленным краем; 12, 15 – скребла поперечные; 13, 14, 16, 19 – выемчатые орудия; 17, 20 – зубчатые орудия; 18 – отщеп леваллуа.

9, 13, 14, 16). Выемки образованы как ретушью, так и клетонскими сколами. Список орудий включает также два зубчатых изделия (см. рис. 14, 17, 20), леваллуазский отщеп со следами ретуши утилизации (см. рис. 14, 18) и фрагмент неопределимого изделия.

Обсуждение

На основе изучения индустриальных комплексов нижних слоев (3–2.5) стоянки Чихэн-2 установлено:

1) использование общих технологических приемов раскалывания камня и техники получения сколов. Находки отражают бипродольную и однонаправленную системы расщепления плоскостных и подпризматических нуклеусов, сохранение леваллуазской системы расщепления (результатом ее использования являются леваллуазские сколы);

2) расщепление было ориентировано на получение пластин и пластинок. Пластины составляли большинство заготовок для изготовления орудий;

3) применение единых способов вторичной обработки: различные виды ретуширования, создание выемчатых кромок и техника резцового скола;

4) бытование редких, но ярких типов изделий (пластинки с притупленным краем, острия различных типов, в т.ч. скошенные, тронкированные изделия, концевые скребки, резцы, ретушированные пластины и пластинки и их фрагменты), характерных для раннего этапа верхнего палеолита Северной и Центральной Азии, при сохранении среднепалеолитических типов орудий;

5) использование на раннем этапе верхнего палеолита микрорасщепления (найлены микропластинки и торцовые формы микронуклеусов).

Индустрия слоя 2.5 датируется 30550 ± 410 л.н. (AA-31870) [Derevianko et al., 2004, p. 210].

Ближайшими аналогами индустриальных комплексов слоев 3–2.5 стоянки Чихэн-2 являются находки из расположенного в непосредственной близости от нее, в предгорьях Гобийского Алтая, многослойного объекта в гроте Чихэн-Агуй [Деревянко и др., 2001]. Верхнепалеолитический материал зафиксирован в литологическом слое 3 Чихэн-Агуя. Типологический набор его нуклеусов невелик; выделяются два ведущих типа ядрищ: одноплощадочные монофронтальные параллельного принципа раскалывания и леваллуазские. В коллекции имеется микронуклеус, демонстрирующий плоскостную систему получения микропластинок. Среди орудий преобладают концевые скребки, резцы, острия и ретушированные пластины. В качестве заготовок для оформления большинства орудий использовались пластины или их фрагменты.

Основные технико-типологические характеристики каменного инвентаря из плейстоценовых от-

ложений в пещере Чихэн-Агуй свидетельствуют об использовании леваллуазской и пластинчатой техник в сложившейся форме. Коллекция включает многочисленную серию пластин и пластинок правильной огранки (149 экз.). Обитателям пещерной стоянки были известны способы получения микропластинок. Подтверждением этого могут служить микронуклеус и небольшая коллекция микропластинок (24 экз.). В орудийном наборе из пещеры Чихэн-Агуй доминируют изделия ранневерхнепалеолитических типов: концевые скребки высокой формы, диагональные резцы, пластинки с притупленным краем и др. Каменный инвентарь плейстоценового слоя отнесен к раннему этапу верхнего палеолита. Этому не противоречит и дата, полученная по образцу древесного угля, взятому из остатков древнего очага, 27432 ± 872 л.н. (AA-26580). Материалы плейстоценового слоя в гроте Чихэн-Агуй аналогичны археологическим комплексам слоев 3–2.5 стоянки Чихэн-2, но занимают более позднюю позицию на хронологической шкале раннего верхнего палеолита.

Комплекс раннего этапа верхнего палеолита стоянки Чихэн-2 по ряду характеристик близок к материалам пещеры Цаган-Агуй. Сходство проявляют изделия из отложений, связанных с третьим циклом осадконакопления (слой 3) в пещере. В числе этих находок – такие же формы нуклеусов, острий и пластин, как и на стоянке Чихэн-2. Индустриальный набор из слоя 3 пещеры Цаган-Агуй более древний, чем со стоянки Чихэн-2, о чем свидетельствует серия радиоуглеродных дат: от 30942 ± 478 л.н. (AA-26589) до 33840 ± 640 л.н. (AA-23158) [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 2000; Каменный век Монголии..., 2000].

Артефакты, извлеченные из отложений в пещере Цаган-Агуй, связанных с третьим циклом осадконакопления, принадлежат позднему мустье, началу верхнего палеолита. Первичное расщепление представлено леваллуазскими нуклеусами для отщепов. Среди орудий преобладают выемчатые формы с естественным обушком. Единичны продольные скребла, оформленные крутой средне- и крупнофасеточной дорсальной ретушью, одинарные продольные зубчато-выемчатые орудия со следами преимущественно крупнофасеточной зубчатой ретуши, скребки на отщепках, комбинированные орудия, сочетающие, как правило, скребковое лезвие и элементы подтески на концах орудий; пластины и ретушированные отщепы. По мнению исследователей, верхнепалеолитическая индустрия пещерной стоянки формировалась на основе местных среднепалеолитических комплексов леваллуазской традиции [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 2000, с. 35].

Стратифицированные стоянки с комплексами раннего этапа верхнего палеолита обнаружены и изучены также в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, расположенной

в Хангайских горах в Северной Монголии. Речь идет о памятниках Толбор-4, -15 и -16 [Деревянко и др., 2013, табл. 1, с. 22].

Начальную стадию раннего этапа верхнего палеолита представляют материалы горизонтов 6 и 5 стоянки Толбор-4 и слоя 7а, выделенного в шурфе 2 стоянки Толбор-16 [Там же; Zwyns et al., 2014]. Индустрии отражают изменения в технологии раскалывания. Нуклеусы расщеплялись бипродольным, а также однонаправленным параллельным способами; свидетельствами этого являются плоскостные и подпризматические ядрища. Расщепление подпризматических нуклеусов предполагало получение крупных массивных пластин правильной формы. Результатом бипродольного раскалывания были естественно заостренные пластины или сколы, подобные удлинённым леваллуазским острьям, но технологически не являвшиеся таковыми. На стоянках Толбор-4 и -16 представлены плоские микронуклеусы, аналоги которых найдены на ряде памятников (Кара-Бом, Толбага) в Южной Сибири. Все они изготовлены на целых сколах или фрагментах, с них снимались мелкие пластинки неправильной формы. Индустрии начальной стадии раннего верхнего палеолита Северной Монголии датируются от 45 до 35–37 тыс. л.н.

По материалам более поздних комплексов (горизонт 4 стоянки Толбор-4, горизонты 7–5 стоянки Толбор-15 и верхняя часть слоя 7 стоянки Толбор-16) также прослеживается динамика технологии расщепления. Резко увеличивается доля плоскостных, ортогональных и кубовидных нуклеусов, уменьшаются размеры сколов и нуклеусов. Заметно сокращается доля пластин, но увеличивается процент отщепов. В индустрии стоянки Толбор-15 среди сколов доминируют отщепы, но имеются и относительно крупные пластины. Эта индустрия среди толборских комплексов ранней поры верхнего палеолита выделяется самой высокой долей пластинок. Некоторые ядрища по морфологии напоминают клиновидные нуклеусы [Gladyshev, Tabarev, 2009]. В целом индустрии ранней поры верхнего палеолита Толбора-15 по технологическим параметрам близки к комплексу артефактов горизонта 4 стоянки Толбор-4 и слоя 7 стоянки Толбор-16. Эта стадия раннего этапа верхнего палеолита датируется от 33–35 до 26–28 тыс. л.н.

В комплексах ранней стадии верхнего палеолита Северной Монголии не отмечены изменения в типологии и вторичной обработке орудий. Выделяется несколько основных групп инструментов. Первую составляют зубчато-выемчатые орудия, включающие зубчато-выемчатые, выемчатые и зубчатые формы. Ко второй группе относятся универсальные инструменты толборского технокомплекса – шиповидные изделия [Деревянко и др., 2013]. Третью группу представляют отщепы и пластины со следами разнообразной

преднамеренной ретуши на краях (как правило, на одном из продольных краев). Их удельный вес отражает особенности первичного раскалывания: доля пластин с обработанными участками продольных краев больше всего в горизонтах 5 и 6 стоянки Толбор-4, ретушированных отщепов – в горизонтах 5–7 стоянки Толбор-15.

Еще одна группа орудий определяет типологические особенности ранневерхнепалеолитических комплексов стоянок в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол. К ним относятся скребла и скребки, прежде всего концевые, включающие скребки двойные и высокой формы. Остальные типы специализированных орудий представлены небольшим количеством образцов. Одними из наиболее ярких орудий являются острья. Не менее показательны для этого комплекса острья с притупленным краем. Они были найдены во всех слоях анализируемых памятников. Важно отметить наличие на стоянке острий с элементами вентральной подтески на поперечном крае. Орудия данного типа характерны для начального этапа верхнего палеолита Сибири. Они зафиксированы в наиболее ранних верхнепалеолитических комплексах на обширных территориях (Кара-Бом, Малояломанская пещера, Усть-Каракол-1, Кара-Тенеш в Горном Алтае, Макарово-4 в Прибайкалье, Каменка А в Забайкалье) [Рыбин, 2000; Деревянко и др., 1998; Проблемы палеоэкологии..., 1998; Аксенов, 2009; Природная среда и человек в неоплейстоцене..., 2003]. Одним из вариантов изделий данного типа являются острья с притупленной спинкой и основанием, подправленным легкой вентральной ретушью, а также симметричные острья с утончением в дорсальной части.

Толборские комплексы, наряду с обычными пластинами со следами ретуши, нанесенной на продольные края, включают характерные для нижних слоев пластины с ретушированным основанием-черешком, а также изделия с элементами вентральной подтески дистального окончания.

Резцы в индустриях толборских комплексов представлены разновидностями угловых, плоских и срединных резцов. Имеются также необычные резцы-нуклеусы; они выделены в индустриях горизонтов 5 и 6 стоянки Толбор-4. Их аналоги отмечены в комплексах стоянок Кара-Бом (Горный Алтай) и Каменка (Забайкалье) [Деревянко и др., 1998, Zwyns et al., 2012]. В индустрии стоянки Толбор-15 весьма высокую долю составляют унифасиальные ножи – формы с обушком (естественным либо искусственно образованным) и противоположащим ему режущим рабочим краем с признаками ретуши. В каждом комплексе стоянок Толбор-4 и Толбор-15 имеются немногочисленные (один – три предмета) бифасиальные ножи. Аналогичные изделия известны в верхнепалеолитических комплексах стоянки Кара-Бом [Деревянко, Шуньков, 2002].

В индустриях нижних горизонтов Толбора-15 весьма представительны струги; они редко встречаются в коллекциях ранней поры верхнего палеолита стоянки Толбор-4. Орудия данного типа многочисленны в индустриях верхнего палеолита Сибири. В комплексах памятников Северной Монголии почти нет долотовидных орудий, но много комбинированных форм, что характерно для широкого круга индустрий раннего этапа верхнего палеолита Сибири. Указанные орудия представляют собой различные комбинации морфологических элементов, соответствующих основным типологическим группам комплекса – скребкам, зубчато-выемчатым и шиповидным орудиям.

Комплексы начального периода раннего этапа верхнего палеолита нижних слоев стоянки Толбор-16 в первичном расщеплении отражают (снизу вверх по разрезу) постепенное снижение роли бипродольного расщепления при сохранении типологического состава орудий. Последний аналогичен описанному выше [Zwyns et al., 2014].

К числу комплексов, синхронных толборским и проявляющих с ними значительное сходство, относятся Орхон-1 (горизонт 3), Орхон-7 (горизонт 3 и 4) и стоянка Доролж на р. Эгийн-Гол в Монголии [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010; Славинский, Цыбанков, 2006; Колобова, Славинский, Цыбанков, 2007; Jaubert et al., 2004]. Аналогии с толборскими индустриями имеют комплексы, обнаруженные в Байкальском регионе. Материалы стоянок Каменка А, Подзвонкая, Варварина Гора и Толбага представляют такие же приемы расщепления камня, методы вторичной обработки и типологический набор орудий, какие получили отражение в комплексах слоев 3–2.5 стоянки Чихэн-2 и других ранневерхнепалеолитических памятников Монголии [Лбова, 2000; Ташак, 1996; Константинов, 1994; Васильев, Рыбин, 2009].

Заключение

Археологические комплексы нижних слоев (3–2.5) стоянки Чихэн-2 имеют набор признаков, характерных для индустрий раннего этапа верхнего палеолита Северной и Центральной Азии. Это прежде всего призматическое бипродольное и однонаправленное расщепление, преобладание пластин и пластинок среди заготовок, преобразованных в орудия. Орудийный набор включает яркие типы верхнепалеолитических инструментов: пластинки с притупленной спинкой, тронкированные изделия, скошенные и асимметричные острия, концевые скребки и резцы. При этом сохраняется значение леваллуазской техники расщепления и среднепалеолитических типов орудий, таких как скребла, зубчатые и выемчатые разновидности изделий. Возраст слоя 2.5 определя-

ется абсолютной датой 30550 ± 410 л.н. (AA-31870). Следовательно, нижележащие слои, особенно слой 3, более древние.

Ближайшие аналоги этих комплексов как по технологии раскалывания, так и типам орудий могут быть найдены среди монгольских и южно-сибирских индустрий. В их числе – Орхон-1 (горизонт 3), Мойлтын ам (горизонты 3–5) в Монголии, Каменка А и Подзвонкая (восточный и нижний комплексы), Хотык (слои 3 и 4) в Юго-Западном Забайкалье, Макарово-4 в Прибайкалье, Кара-Бом (слой ВП6-5), Усть-Каракол-1 (слой 3), Денисова пещера (слой 11), Кара-Тенеш в Горном Алтае [Деревянко и др., 1998; Природная среда и человек в палеолите..., 2003; Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010; Проблемы палеоэкологии..., 1998; Окладников, 1981; Природная среда и человек в неоплейстоцене..., 2003; Ташак, 1996; Аксенов, 2009]. Отдельные слои или горизонты внутри слоев этих памятников датируются примерно от 50 до 35 тыс. л.н. Прямые аналоги комплексов раннего этапа верхнего палеолита стоянки Чихэн-2 имеются среди материалов памятника Шуйдунгоу в Северном Китае. Дата нижних культурных слоев пункта 1 (слой LCL-B) и пункта 2 (слои CL7 и CL5a) этой стоянки, согласно результатам последнего датирования, 38–34 тыс. л.н. [Li et al., 2013]. Указанные выше стоянки, возможно, несколько различались по технологии раскалывания, соотношению тех или иных типов орудий (какие-то типы орудий на ряде объектов могли быть вообще не представлены), но их объединяли общие черты. Например, система расщепления – плоскостного и призматического – была нацелена на получение крупных удлиненных пластин, а также пластинок. В наиболее древних комплексах большое значение имело бипродольное расщепление, которое позволяло получать остроконечные пластины и сколы, напоминающие леваллуазские острия с фасетированными ударными площадками. Среди орудий, помимо общих для всех названных выше комплексов скребков, ретушированных пластин и зубчато-выемчатых орудий, следует отметить симметричные острия с вентральным уплощением ударного бугорка, резцы-нуклеусы, орудия со следами вентральной подтески дистального конца, острия с притупленным краем, тронкированные острия, бифасы (в т.ч. листовидные) и пластины с черешком, выделенным ретушью.

В материалах стоянки Чихэн-2 отсутствуют такие типы орудий, как резцы-нуклеусы, изделия с черешком и симметричные острия с вентральным уплощением ударного бугорка. В комплексах стоянки Чихэн-2 отмечается самая высокая доля тронкированных изделий, по сравнению с коллекциями других синхронных стоянок Монголии и Забайкалья.

Влияние леваллуазской техники расщепления прослежено только на стоянках раннего верхнего па-

леолита Монгольского Алтая (Чихэн-2, грот Чихэн-Агуй) и на памятнике Орхон-7. В материалах индустрий ранней стадии верхнего палеолита Северной Монголии следов леваллуазской технологии пока не зафиксировано.

В целом комплексы раннего верхнего палеолита стоянки Чихэн-2 (слои 3–2.5), хотя и проявляют некоторые локальные отличия, но принадлежат к широкому кругу центральноазиатских-южносибирских культур указанного периода.

Список литературы

- Аксенов М.П.** Палеолит и мезолит Верхней Лены. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2009. – 370 с.
- Археологические исследования** Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвээндорж, В.Т. Петрин, С.А. Гладышев, А.Н. Зенин, В.П. Мыльников, А.И. Кривошапкин, Р. Ривс, П.Д. Брантингхэм, Б. Гунчинсүрэн, Я. Цэрэндагва. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 384 с.
- Васильев С.Г., Рыбин Е.П.** Стоянка Толбага: поселенческая деятельность древнего человека на ранней стадии верхнего палеолита Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 13–34.
- Деревянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэрэндагва Я.** Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 25–39.
- Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсүрэн Б.** Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 16–38.
- Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т.** Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Олсен Д., Цэрэндагва Я., Петрин В.Т.** Местонахождение каменного века Чихэн-2 в Южной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой юбилей. сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2000 г. – Новосибирск, 2000. – Т. VI. – С. 50–54.
- Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т.** Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 87 с.
- Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т.** Стратиграфия и палеогеография палеолитических памятников Хангая // Altaica. – 1994. – № 4. – С. 69–71.
- Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д.** Многослойная пещерная стоянка Цаган-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 23–36.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т.** Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: докл. Междунар. симп. – Новосибирск, 1990. – С. 161–173.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М.** Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.
- Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Гунчинсүрэн Б., Олсен Д.** Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и Толбор-15) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 21–37.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Индустрия с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16–42.
- Каменный век Монголии:** Палеолит и неолит Монгольского Алтая / А.П. Деревянко, Д. Дорж, Р.С. Васильевский, В.Е. Ларичев, В.Т. Петрин, Е.В. Девяткин, Е.В. Малаева. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
- Каменный век Монголии:** Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Д. Цэвээндорж, Е.В. Девяткин, В.Е. Ларичев, Р.С. Васильевский, А.Н. Зенин, С.А. Гладышев. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 440 с.
- Колобова К.А., Славинский В.С., Цыбанков А.А.** Орудийная коллекция начала верхнего палеолита памятника Орхон-7 (по материалам первого раскопа) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: мат-лы Всерос. конф. – Иркутск, 2007. – Т. 1. – С. 296–301.
- Коломиец В.Л., Гладышев С.А., Безрукова Е.В., Рыбин Е.П., Летунова П.П., Абзаева А.А.** Природная среда и человек в позднем неоплейстоцене Северной Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 2–14.
- Константинов М.В.** Каменный век восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Ин-та обществ. наук БНЦ СО РАН; Чит. гос. пед. ин-т, 1994. – 264 с.
- Ларичев В.Е.** Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1969. – Ч. 1: Азия и проблема родины человека (история идей и исследования). – 388 с.
- Лбова Л.В.** Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.
- Окладников А.П.** Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 464 с.
- Природная среда и человек в неоплейстоцене** (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье) / Л.В. Лбова, И.Н. Резанов, Н.П. Калмыков, В.Л. Коломиец, М.И. Дергачева, И.Н. Феденева, Н.В. Вашукевич, П.В. Волков, В.В. Савинова, Б.А. Базаров, Д.В. Намсараев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая** / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аношкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, С.А. Ефремов, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, О.А. Куликов, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, С.В. Николаев, Т.И. Нохрина, В.Т. Петрин, А.А. Поздняков, С.М. Попова, Е.П. Рыбин, Ю.Г. Симонов, И.Н. Феденева, Л.М. Чевалков, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 312 с.

Рыбин Е.П. К вопросу о «руководящих ископаемых» в индустриальных комплексах ранней поры верхнего палеолита Горного Алтая // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий: мат-лы Междунар. конф. – Красноярск, 2000. – С. 123–126.

Славинский В.С., Цыбанков А.А. Реконструкция технологии расщепления камня технокомплекса Орхон 7 (раскоп 1), Южный Хангай (по данным ремонтажа) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 151–173.

Ташак В.И. Палеолитическое поселение Подзвонкая // Новые палеолитические памятники Забайкалья. – Чита: Изд-во Читин. гос. пед. ин-та, 1996. – С. 48–69.

Derevianko A.P., Brantingham P.J., Olsen J.W., Tseveendorj D. Initial Upper Paleolithic Blade Industries from the North-Central Gobi Desert, Mongolia // The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe. – Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 2004. – P. 207–222.

Gladyshev S., Tabarev A. New Data on the Early Upper Paleolithic of Northern Mongolia // Current Research in the Pleistocene. – 2009. – Vol. 26. – P. 17–18.

Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar, Brugal J.P., Desclaux M., Poplin F., Rodière J., Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie: Dörölj 1 (Egiin Gol). Analogies avec les données de l'Altaï et de Sibérie // Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur. – Oxford: Archaeopress, 2004. – P. 225–241.

Li F., Kuhn S.L., Gao X., Chen F. Re-examination of the dates of large blade technology in China: A comparison of Shuidonggou Locality 1 and Locality 2 // J. of Human Evol. – 2013. – Vol. 64. – P. 161–168.

Zwyns N., Rybin, E.P., Hublin J.-J., Derevianko A.P. Burin-core technology and laminar reduction sequence in the initial Upper Paleolithic from Kara-Bom (Gorny-Altai, Siberia) // Quaternary Intern. – 2012. – Vol. 259. – P. 33–47.

Zwyns N., Gladyshev S., Gunchinsuren B., Bolorbat Ts., Flas D., Dogandzic T., Tabarev A., Gillam J.C., Khatsenovich A., McPherron Sh., Odsuren D., Paine C., Purevjal Kh., Stewart J. The open-air site of Tolbor 16 (Northern Mongolia): Preliminary results and perspectives // Quaternary Intern. – 2014. – Vol. 347. – P. 53–65.

Материал поступил в редколлегию 08.04.15 г.

УДК 903.5

Т.В. Корниенко

Воронежский государственный педагогический университет
ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия
E-mail: zigzina@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ В ЭПОХУ ДОКЕРАМИЧЕСКОГО НЕОЛИТА*

В статье рассматриваются палеоантропологические данные в комплексе с другими, в т.ч. изобразительными и архитектурными, свидетельствами. Учитывается информация об общей направленности ритуальных практик на территории Северной Месопотамии и соседних областей зоны Плодородного полумесяца в переходную к оседлому образу жизни и новым экономическим стратегиям выживания эпоху раннего голоцена. В качестве дополнительного материала привлекаются этнографические сведения по стадияльно-близким культурам.

Ключевые слова: эпипалеолит, докерамический неолит, Северная Месопотамия, Левант, зона Плодородного полумесяца, культовые практики, человеческие жертвоприношения.

T.V. Kornienko

Voronezh State Pedagogical University
Lenina, 86, Voronezh, 394043, Russia
E-mail: zigzina@rambler.ru

ON HUMAN SACRIFICES IN NORTHERN MESOPOTAMIA IN THE PRE-POTTERY NEOLITHIC

Human skeletal remains from the Pre-Pottery Neolithic graves are discussed along with works of art and architectural evidence. General trends in ritual practices in Northern Mesopotamia and the adjacent regions of the Fertile Crescent during the transition to sedentism are assessed with regard to new subsistence strategies adopted in the Early Holocene. Ethnographic data relating to societies similar in terms of socio-economic development are used as supplementary information.

Keywords: Epipaleolithic, pre-Pottery Neolithic, Northern Mesopotamia, Levant, Fertile Crescent, ritual practices, human sacrifices.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.042-049

Введение

С конца прошлого века широкое научное признание получила теория французского археолога Ж. Ковэна о «революции символов». Ведущую роль в процессе неолитизации Ближнего Востока она отводит не экономическим или технологическим механизмам, а изменению общественного сознания, связанного с

новыми условиями окружающей среды (биотопа) и с освоением оседлого образа жизни в переходную от плейстоцена к голоцену эпоху, что нашло отражение в многочисленных материальных свидетельствах символического содержания. Оседлость и, соответственно, организация поселенческой структуры, изменение социальных отношений, рост населения на этом этапе в целом предшествовали доместикации растений и животных, изготовлению керамики. В условиях общего подъема символической деятельности на территории Юго-Западной Азии эпохи протонеолита и до-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-51-00019а(ф)).

керамического неолита формировались черты новых религиозных представлений и мировоззренческих установок [Cauvin, 1994].

В настоящее время не только оперативно вводятся в научный оборот новейшие материалы, получаемые с эпипалеолитических и раннеолитических памятников зоны Плодородного полумесяца, но и многие проявления культовых практик указанной эпохи так или иначе становятся объектами специальных исследований [Алёкшин, 1994; Kuijt, 2000; Magic practices..., 2002; Dialogue..., 2005; Kuijt, 2008; Kornienko, 2009; Orrelle, 2011; Santana et al., 2012, 2015; Kanjou et al., 2013; Erdal, 2015; и др.]. Издано несколько обобщающих работ по проблемам функционирования сложной системы верований и культурного единства раннеолитических сообществ отдельных регионов Ближнего Востока. В частности, голландский археолог М. Верховен на основе проведенного анализа свидетельств различных категорий выделяет четыре основополагающих принципа в практике отправления ритуала и связанных с ним представлений населения эпохи развитого докерамического неолита (PPNB – Pre-pottery Neolithic B) на территории Леванта, Сирии и Юго-Восточной Анатолии: коллективизм; доминирующий символизм; жизненность, включающую понятие одомашнивания, привычку к дому, плодородность/плодовитость, жизненную силу; связь человек-животное [Verhoeven, 2002a, b]. В целом можно заметить, что уже сделаны первые шаги по направлению к пониманию духовных, идеологических основ переднеазиатских сообществ докерамического неолита и тех ритуальных действий, которые укрепляли и вдохновляли эти коллективы в переходный к новому образу жизни период.

Вместе с тем одним из слабоизученных остается вопрос о вероятности осуществления человеческих жертвоприношений в эпоху раннего неолита (приблизительно 12–10 тыс. л.н., даты калиброванные) на территории Ближнего Востока. Отдельные, в т.ч. косвенные, сведения время от времени можно обнаружить, внимательно изучая материалы конкретных памятников. Однако устоявшихся точек зрения, как и специальных обобщающих исследований, по данной теме до сих пор не существует*. Цель настоящей работы – восполнить в некоторой степени этот пробел, начав разговор с анализа доступных данных по Северной Месопотамии и соседнему с ней Леванту.

*В вышедшем недавно сборнике «Священное Убийство: Археология жертвоприношения на древнем Ближнем Востоке» [Sacred Killing..., 2012] рассматриваются отдельные сюжеты довольно обширного в хронологическом, географическом и содержательном отношении материала, в то же время это издание показывает значительный интерес к заявленной теме сегодня.

Анализ палеоантропологических данных и сопутствующих им материалов

Довольно сложной задачей является определение остатков жертвоприношений среди материалов обычных погребений и иных культовых комплексов, поскольку для рассматриваемого периода и региона характерно большое разнообразие в погребальном обряде, в т.ч. использование вторичных захоронений, расчленение костяков и отдельное захоронение их частей; выставление черепов и иные манипуляции с ними [Kurth, Rohrer-Ertl, 1981; Bar-Yosef, Alon, 1988; Bienert, 1991; Алёкшин, 1994; Корниенко, 2012; Santana et al., 2012, 2015; Erdal, 2015; и др.]. В частности, на территории Южного и Центрального Леванта фиксируется традиция выставления групп моделированных особым образом человеческих черепов и/или помещения их в специальные хранилища. Для ближневосточных памятников данного периода также характерны скопления черепов без глиняной обмазки и их изолированное или совместное с другими человеческими останками хранение в границах помещений. В редких случаях встречаются одиночные черепа. Погребения обезглавленных тел обычно устраивали под полами строений. Судя по всему, именно из этих могил, по крайней мере в большинстве случаев, извлекались черепа для последующей обработки и применения в обрядовой деятельности.

Распространенная в эпоху протонеолита и раннего неолита практика совершения индивидуальных и коллективных погребений в жилой зоне поселения, часто непосредственно под полами жилищ, отмечается большинством исследователей в качестве характерной особенности сообществ, недавно перешедших к оседлости. Их осознание постоянного своего пребывания на одном месте утверждалось и «освящалось» через отношения с жившими здесь и здесь же погребенными умершими [Rollefson, 1986; Антонова, Литвинский, 1998; Kanjou et al., 2013; и др.]. Сложные многоэтапные погребальные ритуалы и иные совместные культовые действия должны были способствовать укреплению социальных связей и формированию общинной идентичности в коллективах.

Руководитель раскопок Гёбекли-Тепе К. Шмидт, обращаясь к теме культа головы, в связи с наличием большого процента останков детей и людей молодого возраста, а также особой формы моделированных черепов ставит вопрос о вероятности совершения человеческих жертвоприношений раннеолитическими сообществами [Schmidt, 2006b, S. 41–42, 245–246; Шмидт, 2011, с. 40–41, 240]. В Леванте в подпольном пространстве (под фундаментом или у входа) ряда построек эпохи докерамического неолита зафиксированы одиночные и расположенные группами человеческие черепа, которые в отдельных случаях (при

наличии сохранившихся шейных позвонков) довольно убедительно свидетельствуют о проведенной процедуре отчленения головы от тела [Корниенко, 2014]. Отделенные от скелета черепа с шейными позвонками найдены, в частности, на памятниках Айн-Маллаха [Bienert, 1991] и Иерихон [Kurth, Rohrer-Ertl, 1981]. Некоторые образцы, датируемые периодом PPNB, имеют порезы на костях черепа. На левой мандибулярной ветви челюстей из Кфар-Хахореша и Басты обнаружены следы порезов. На задней поверхности мандибулярной ветви челюсти из Телль-Карасса также отмечен ряд небольших порезов. По мнению специалистов, эти данные говорят о практике отчленения голов [Santana et al., 2012; Erdal, 2015]. Современные исследования материалов Юго-Западной Азии дали первые систематизированные свидетельства использования каменных орудий для обезглавливания в эпоху перехода к неолиту [Kanjou et al., 2013].

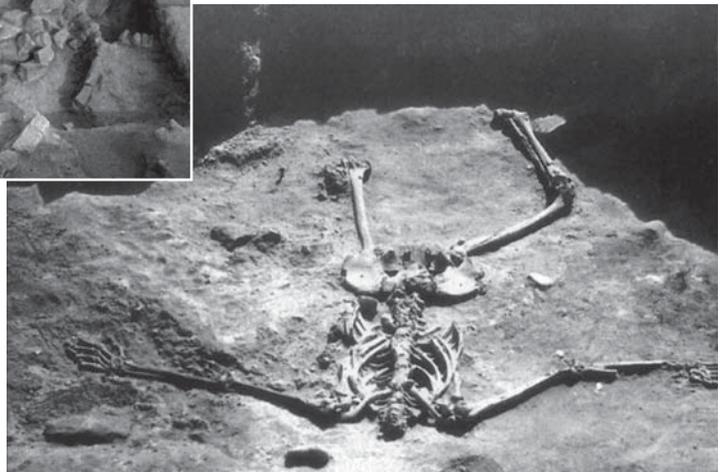
Не менее интересны данные, полученные на синхронных и родственных по материальным остаткам памятниках соседней с Левантом территории Северной Месопотамии. Среди общественных сооружений раннего докерамического неолита (PPNA) одним из хорошо сохранившихся является строение EA 30 (рис. 1, 1) Джерф-эль-Ахмара (Сирия, средний Евфрат). Оно было разрушено пожаром за очень короткий срок. На плане и фотографии раскопанного участка уровня II/W Джерф-эль-Ахмара можно заметить явное от-

личие EA 30 от остатков других построек на поселении [Stordeur et al., 2001, fig. 12; Stordeur, 2000, fig. 4; Корниенко, 2006, с. 32–44, рис. 7–9]. Оно проявляется не только в размерах, основательности, обособленном расположении общественного сооружения, но и в особенностях планировки, сильно заниженном уровне пола, а также в сопутствующих материалах. В частности, на гладком и хорошо убранном полу центральной комнаты обнаружен скелет человека, лежавшего на спине с раскинутыми в стороны руками (рис. 1, 2). Отмечу, что данное погребение является нетипичным и даже исключительным для Джерф-эль-Ахмара, а также для эпохи докерамического неолита в целом. Череп и четыре первых шейных позвонка отсутствовали, в то время как остальные части скелета сохранили точную анатомическую последовательность. Они были покрыты обожженными обломками и несли на себе следы огня. Зафиксированы свидетельства трупного окоченения. Раздавленное состояние грудной клетки говорит о повреждении тела под весом руин. Отмеченные характеристики указывают на то, что смерть человека, пожар и обрушение крыши здания на труп произошли в короткий промежуток времени [Stordeur et al., 2001, p. 36–37; Stordeur, Abbès, 2002]. На основании имеющихся данных можно с достаточной долей уверенности говорить о свидетельствах хорошо продуманного и проведенного в определенном порядке экстраординарного жертвоприношения, связанного,

вероятно, с ритуалом «погребения» общественного сооружения специального назначения. Помимо этого, человеческий череп и отдельно нижняя челюсть, не соотносимые со скелетом в центральной комнате, были найдены в углу соединения двух стен постройки EA 30. В сооружении общественного назначения EA 7 (относящемся, как и строение EA 30, к эпохе PPNB) также обнаружены человеческие останки –

1

2

Рис. 1. Строение EA 30 на поселении Джерф-эль-Ахмар (1) и скелет человека на полу его центрального помещения (2) (по: [Stordeur, 2000, fig. 6.1, 2]).

заклад из двух черепов на дне ямки под одним из двух крупных несущих столбов. Материалы соответствуют первоначальному состоянию здания, что указывает на высокую вероятность строительной жертвы, которая была положена при возведении этого неординарного сооружения в семантически значимую часть его основания [Stordeur et al., 2001, p. 36–37; Stordeur, Abbès, 2002; Корниенко, 2006, с. 32–39, рис. 7, 8].

Весьма выразительными в данном контексте представляются также свидетельства многокомнатного Дома черепов, или Дома мертвых, функционировавшего с несколькими перестройками в периоды А и Б докерамического неолита на поселении Чайёню-Тепеси (Юго-Восточная Турция, верховья Тигра) [Корниенко, 2006, с. 47–49, 51–54, карта 1, рис. 14, 17, 19]. Исследователи едины в оценке назначения этого объекта как места, где происходили важные для всей общины ритуальные церемонии [Mellink, 1990, p. 127; Özbek, 1992, p. 374; Алёкшин, 1994, с. 74; Özdoğan, 1999, p. 51–52; Le Mort et al., 2000, p. 40]. В целом в пределах Дома мертвых обнаружены останки не менее 400 чел., что составило приблизительно 70 % от общего количества выявленных на памятнике погребенных. Под полами этого сооружения и на примыкающей к нему территории находились наполненные человеческими костями ямы, склепы и единичные захоронения. Некоторые из них содержали останки обезглавленных трупов, реже – полные костяки, но большинство – различные фрагменты человеческих скелетов. Соответственно, определяются первичные и вторичные захоронения. Помимо черепов предпочтение отдавалось длинным костям, которые укладывали в определенном порядке, иногда нарушаемом последующими погребениями. Среди костей встречены бусины из камня, в т.ч. малахита. В развалинах самого позднего строительного уровня собраны многочисленные фрагменты черепов как минимум 71 индивида (44 принадлежали мужчинам и женщинам в возрасте 18–29 лет; 11 – детям старше 2,5 лет). Черепа в подавляющем большинстве хранились в верхних помещениях, располагаясь рядами, тогда как остальные части скелетов, как правило, размещали под полами постройки, в ямах и склепах. Большинство черепов найдено в восточной части сооружения вместе с костями различных животных. Одна из огораживающих двор стен с внутренней стороны была украшена рогатым черепом зубра.

Дом мертвых, также как строение EA 30 в Джерфэль-Ахмаре, был уничтожен огнем, который сильно повредил черепа. Их изучение показало, что в ряде случаев нижние челюсти и некоторые позвонки были еще надежно связаны с черепами. Следовательно, на поселении Чайёню-Тепеси черепа для обрядового использования не всегда получали путем изъятия их из могил, когда связки уже успевали истлеть, в каких-то случаях – после отчленения головы от тела.

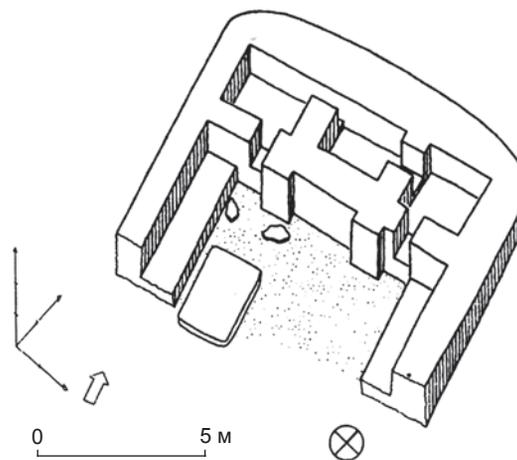

Рис. 2. Изометрическая реконструкция Дома черепов этапа PPNB на поселении Чайёню-Тепеси (по: [Schirmer, 1990, fig. 12]).

В результате изучения остеологических материалов из Дома мертвых удалось обнаружить порезы, сделанные в момент, близкий к смерти*, на фрагментах лобных и теменных костей трех индивидов. На малоберцовых костях выявлены порезы, которые, возможно, появились в процессе обработки трупа. Кроме того, среди человеческих останков обнаружен второй шейный позвонок со следами 12–15 порезов на участке размером 15 × 5 мм, что свидетельствует в пользу версии о намеренном обезглавливании [Kanjou et al., 2013].

Во дворе рядом с западной стеной Дома мертвых находилась отполированная каменная плита размером в плане 260 × 165 см (рис. 2). Розовый камень, из которого она сделана, не встречается в окрестностях Чайёню, что, по мнению Х. Чамбел, свидетельствует о ее особом символическом предназначении [Çambel, 1985, p. 187]. Есть основания рассматривать данный объект как место жертвоприношений или же манипуляций с телами недавно умерших. Лабораторные исследования выявили на плите следы человеческой крови и крови животных (крупный и мелкий рогатый скот) [Özbek, 1988; Wood, 1992].

Остатки человеческой крови обнаружены в пределах еще одного сооружения общественного назначения Чайёню-Тепеси, а именно на двух объектах Здания с мозаичным полом, функционирование которого относится к периоду развитого PPNB. В северо-западном углу этого строения найден фрагмент каменной плиты (сохранившаяся длина 70 см). На одной ее узкой грани сохранилось рельефное изображение человеческого лица/головы «размером с тарелку», а на по-

* Антропологи различают травмы и порезы, нанесенные до смерти (antemortem), после смерти (postmortem) и в момент, близкий смерти (perimortem).

верхности широкой стороны – остатки человеческой крови. В северо-восточном углу Здания с мозаичным полом обнаружено специально оформленное округлое углубление (внешний диаметр приблизительно 1,25 м) со следами огня и человеческой крови. Севернее и несколько глубже зафиксированы остатки маленького канала с каменным покрытием [Schirmer, 1990, р. 384; Cauvin, 1994, р. 120]. Интересно, что подобные углубления с прилегающими каналами, иногда со следами огня, известны по материалам общественных сооружений культового назначения Невали-Чори (Юго-Восточная Турция) [Hauptmann, 1993, р. 45] и Телль-Абр-3 (Сирия, средний Евфрат) [Yartah, 2004, р. 144]. К сожалению, в доступных отчетах и публикациях по данным памятникам нет сведений о проведении лабораторных исследований с целью определения возможного наличия крови. Оформление и выбор места расположения этих конструкций в Невали-Чори, Телль-Абр-3 и Чайёню-Тепеси сопоставимы. Их назначение остается не вполне ясным, но можно предположить, что оно являлось идентичным и было связано со специальным предназначением самих зданий [Kornienko, 2009, р. 88]. В таком случае есть вероятность использования данных конструкций в обрядах, где лилась кровь человека.

На недавно исследовавшемся сирийско-польской экспедицией поселении Телль-Карамель (Северная Сирия) эпохи докерамического неолита А в горизонте Н3 обнаружено 23 погребения человеческих останков, демонстрирующие осуществление различных погребальных практик [Kanjou et al., 2013]. В рамках обсуждаемой темы наибольший интерес представляет захоронение четырех черепов и двух нижних челюстей в основании восточной стены башни I. Эта часть сооружения в отличие от остальных была выложена более крупными каменными блоками. В комплексе данные материалы свидетельствуют о возможной закладной жертве [Kanjou, 2009]. На мужской нижней челюсти из этого захоронения зафиксированы порезы в двух местах, расположенных близко друг к другу. Двухдорожечная морфология повреждений и «эффект границы» свидетельствуют об использовании каменного режущего инструмента. Две рассматриваемые зоны у живых людей обычно покрыты слизистой оболочкой, подкожной волокнистой тканью, соединенной с челюстно-подъязычной мышцей и сосудистым пучком шилонижнечелюстной связки. Таким образом, процедура резания могла осуществляться с целью отделения нижней челюсти и удаления мягких тканей, включая язык и окружающие связки, соединяющие ее с основанием черепа. Принимая во внимание разнообразие случаев вторичного захоронения черепов с нижней челюстью и без нее в эпоху докерамического неолита, исследователи считают, что отделение нижней челюсти от черепа не было целью, а являлось побочным резуль-

татом процедуры обезглавливания [Kanjou et al., 2013]. По их мнению, характерные черты повреждений на образцах с поселения Телль-Карамель позволяют сделать выводы о намеренности действий, а также о том, что порезы являются следствием не удаления мягких тканей или кожи, а повторяющихся актов декапитации. Авторы подчеркивают: расположение порезов на этих образцах наглядно демонстрирует наличие доскональных знаний в области человеческой анатомии и, судя по всему, успешное их применение при расчленении тела [Ibid.]. В опубликованных результатах исследования мужской нижней челюсти из захоронения в основании башни I на поселении Телль-Карамель многое говорит в пользу гипотезы о специально осуществленном отделении головы от тела с целью использования в качестве закладной жертвы.

Обсуждение результатов

Голова человека хорошо известна (по каменным маскам, рельефным и скульптурным изображениям, собственно отделенным и моделированным черепам) как один из ведущих мотивов в культовой практике и изобразительном искусстве ближневосточного докерамического неолита. Исследователи культа головы в эпилеолитических и неолитических сообществах Ближнего Востока отмечают широкое семантическое поле связанных с ним обрядов, которые различаются по своей направленности [Bienert, 1991; Алёшкин, 1994; Корниенко, 2012; Santana et al., 2012, 2015; и др.].

Важным событием последних лет в исследовании раннеолитических памятников стало открытие на территории Северной Месопотамии изображений обезглавленных людей (не скелетов) на семантически значимых объектах в общественных сооружениях культового назначения. Среди них можно назвать процарапанную женскую (?) фигуру на массивной плите скамьи в строении EA 100 Джерф-эль-Ахмара* и рельефное изображение мужчины на одной из Т-образных стел межплеменного ритуального комплекса Гёбекли-Тепе (Юго-Восточная Турция). Этот столб под номером 43, находящийся в северо-восточной части круговой стены строения D, полностью покрыт сложным рельефным рисунком, состоящим из фигур змей, птиц, скорпионов, других животных, абстрактных символов. В нижней правой части стержня стелы выявлено слегка поврежденное изображение обезглавленного мужчины с эрегированным фаллосом (рис. 3). К. Шмидт подчеркивает, что отсутствие го-

*По обе стороны от этой выдающейся плиты были установлены (немного с наклоном к центру) две скульптурные стелы [Stordeur, 2000; Stordeur et al., 2001, р. 40]. См. также: [Корниенко, 2006, с. 41–42, рис. 12; Testart, 2008, fig. 24].

ловы и нахождение члена в возбужденном состоянии свидетельствуют именно о насильственной смерти изображенного человека (судебной медицине явление посмертной эрекции хорошо известно) [Schmidt, 2006a, fig. 2; Schmidt, 2007, S. 259–264, Abb. 109].

Исследования Й.С. Эрдал и О.Д. Эрдал более 1 120 скелетов из раскопок анатолийских раннеэолитических памятников, при учете других материалов, показали, что на сегодняшний день нет данных о широкой распространенности организованного насилия на территории рассматриваемого региона эпохи докерамического неолита. Обнаруженные следы травм определяются авторами статьи как следствие межличностных и, возможно, мелких локальных конфликтов [Erdal Y.S., Erdal O.D., 2012]*. Результаты недавних исследований Б. Гленкросс и Б. Боз [Glencross, Böz, 2014] также указывают на то, что следы травм на скелетных останках могут быть связаны с межличностными и мелкомасштабными конфликтами или иметь отношение к исполнению ритуалов. По мнению исследователей, определенные заключения относительно насилия на Ближнем Востоке в эпоху перехода к неолитическому образу жизни можно делать лишь после детального изучения этих следов и имеющегося контекста свидетельств.

Подводя итог, следует согласиться с точкой зрения о том, что в Северной Месопотамии эпохи раннего неолита организованное насилие, очевидно, не было типичным, широко распространенным явлением. Тем не менее вышеприведенные данные, полученные при исследовании неординарных строений и человеческих останков на памятниках Джерф-эль-Ахмар, Чайёню-Тепеси, Гёбекли-Тепе, Тель-Карамель, а также некоторые другие свидетельства заставляют серьезно относиться к гипотезе о человеческих жертвоприношениях, совершавшихся, вероятно, на поселениях докерамического неолита в особо важных для жизни коллективов случаях. Впечатление о правомерности данной гипотезы усиливается при обращении к обширной этнографической и культурологической научной литературе, посвященной языческим культам раннеземледельческих народов и их отголоскам в более поздних религиозных традициях и фольклоре (см., напр.: [Медникова, 2001, с. 136–175; 2004, с. 26–46]). Распространение среди погребальных практик эпохи докерамического неолита обычаев перезахоронения, разделения на части скелетов, а также тел умерших, специального очищения костей от мягких тканей, их отдельного погребения не противоречит гипотезе о совершении жертвоприношений теми

*Я очень признательна профессору Й.С. Эрдал и доктору О.Д. Эрдал за консультации и предоставленный доступ к отдельным антропологическим публикациям по интересующей меня теме.

Рис. 3. Столб 43, строение D Гёбекли-Тепе (по: [Schmidt, 2007, Abb. 109]).

же коллективами. М.Б. Медникова, изучающая на обширном антропологическом материале эту проблему, отмечает: «Можно с достаточной уверенностью говорить о том, что мотив манипуляций с телом живого или мертвого человека смыкается с идеей жертвоприношения во благо общества, с попытками обеспечить плодородие, устойчивость мироздания и “мифом о вечном возвращении”» [2001, с. 142].

Идея жертвоприношения является центральной и универсальной в религиозной жизни долговременных человеческих коллективов. В ее основе, очевидно, лежит древняя практика реципрокного дарообмена. Многие земледельческие сообщества на ранних этапах своего развития применяли человеческие жертвоприношения как самые ценные и действенные.

Выводы

На этапе перехода к неолиту в зоне Плодородного полумесяца, когда население начинало осваивать новые стратегии выживания, в т.ч. впервые экспериментировало с domestikацией растений, одновременно происходили важнейшие изменения в духовной сфере. В развернувшейся дискуссии о том, что было первичным в данных процессах – духовный или экономический импульс, мне представляется правильной

позиция Н.Я. Мерперта: «земледельческая практика и земледельческая идеология возникали и развивались в постоянной взаимосвязи» [2000, с. 60–67]. Весьма вероятно, что человеческие жертвоприношения, как и создание моделированных черепов, крупномасштабных глиняных фигур человека, захоронений в пределах жилых построек и/или общественных зданий специального назначения, концентрированно проявившиеся в эпоху раннего неолита, несли в себе мощный заряд имитативной магии, соотносясь со знаниями, получаемыми из опыта производственной земледельческой сферы. «Зерно... очень емкий символ смерти и возрождения. Падая в землю, умирая и разлагаясь в ней, оно дает росток, колос и множество новых семян» [Зубов, 2006, с. 162]. Закрепившуюся позже во многих религиях мира идею о том, что жизнь невозможна без наличия смерти, авторитетнейшие историки религий – Дж. Фрэйзер, М. Элиаде, С.А. Токарев – связывают именно с открытием земледелия. Следует подчеркнуть, что имеющиеся свидетельства о вероятном применении человеческих жертвоприношений в эпоху докерамического неолита не расходятся с другими постепенно реконструируемыми сейчас для зоны Плодородного полумесяца элементами религиозных практик и представлений того времени.

Список литературы

- Алёкшин В.А.** Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев Юго-Западной Азии // Памятники древнего и средневекового искусства: Проблемы археологии. – 1994. – Вып. 3. – С. 59–78.
- Антонова Е.В., Литвинский Б.А.** К вопросу об истоках древней культуры Переднего Востока (раскопки Невали Чори) // ВДИ. – 1998. – № 1. – С. 36–47.
- Зубов А.Б.** История религий. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – Кн. 1: Доисторические и внеисторические религии. – 436 с.
- Корниенко Т.В.** Первые храмы Месопотамии: Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. – СПб.: Алетея, 2006. – 312 с.
- Корниенко Т.В.** Моделирование черепов на территории Леванта в период докерамического неолита Б // РА. – 2012. – № 4. – С. 80–89.
- Корниенко Т.В.** К вопросу о человеческих жертвоприношениях в ближневосточных обществах эпохи докерамического неолита // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: сб. к 90-летию и памяти Н.Я. Мерперта / отв. ред. Р.М. Мунчаев. – М.: ИА РАН, 2014. – С. 324–330.
- Медникова М.Б.** Трепанации у древних народов Евразии. – М.: Науч. мир, 2001. – 304 с.
- Медникова М.Б.** Трепанации в древнем мире и культ головы. – М.: Алетея, 2004. – 208 с.
- Мерперт Н.Я.** Очерки археологии библейских стран. – М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2000. – 341 с.
- Шмидт К.** Они строили первые храмы: Таинственное святилище охотников каменного века: Археологические открытия в Гёбекли Тепе. – СПб.: Алетея, 2011. – 320 с.
- Bar-Yosef O., Alon D.** Nahal Hemar Cave: the excavations // *Atiqot*. – 1988. – Vol. 18. – P. 1–30.
- Bienert H.D.** Skull cult in the prehistoric Near East // *J. of Prehistoric Religion*. – 1991. – Vol. 5. – P. 9–23.
- Cauvin J.** Naissance des divinités, naissance de l'agriculture. – P.: CNRS Editions, 1994. – 304 p.
- Çambel H.** Çayönü, 1984 // *Anatolian Studies*. – 1985. – Vol. 35. – P. 186–188.
- Dialogue** on the Early Neolithic Origin of Ritual Centers // *Neo-Lithics*. – 2005. – Vol. 2. – P. 3–53.
- Erdal Y.S.** Bone or Flesh: Defleshing and Post-Depositional Treatments at Körtik Tepe (Southeastern Anatolia, PPNA Period) // *Europ. J. of Archaeology*. – 2015. – Vol. 18, N 1. – P. 4–32.
- Erdal Y.S., Erdal O.D.** Organized violence in Anatolia: A retrospective research on the injuries from the Neolithic to Early Bronze Age // *Intern. J. of Paleopathology*. – 2012. – Vol. 2. – P. 78–92.
- Glencross B., Boz B.** Representing Violence in Anatolia and the Near East during the Transition to Agriculture: Readings from Contextualized Human Skeletal Remains // *The Routledge handbook of the bioarchaeology of human conflict* / eds. C. Knüsel, M. Smith. – L., N. Y.: Routledge, Taylor and Francis, 2014. – P. 90–108.
- Hauptmann H.** Ein Kultgebäude in Nevalı Çori // *Between the rivers and over the mountains: Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri Dedicata*. – Roma: Dipartimento di Scienze storiche archeologiche e antropologiche dell'Antichità, Università di Roma "La Sapienza", 1993. – P. 37–69.
- Kanjou Y.** Study of Neolithic human graves from Tell Qaramel in north Syria // *Intern. J. of Modern Anthropology*. – 2009. – Vol. 2. – P. 25–37.
- Kanjou Y., Kuijt I., Erdal Y.S., Kondo O.** Early Human Decapitation, 11,700–10,700 cal BP, within the PrePottery Neolithic Village of Tell Qaramel, North Syria // *Intern. J. of Osteoarchaeology*. – 2013. – DOI: 10.1002/oa.2341.
- Kornienko T.V.** Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // *J. of Near Eastern Studies*. – 2009. – Vol. 68, N 2. – P. 81–101.
- Kuijt I.** Keeping the Peace: Ritual, Skull Caching, and Community Integration in the Levantine Neolithic // *Life in Neolithic Farming Communities: social organization, identity, and differentiation* / ed. by I. Kuijt. – N. Y.: Kluwer Academic Publishers, 2000. – P. 127–164.
- Kuijt I.** The regeneration of life: Neolithic structures of symbolic remembering and forgetting // *Current Anthropology*. – 2008. – Vol. 49. – P. 171–197.
- Kurth G., Röhrer-Ertl O.** On the Anthropology of the Mesolithic to Chalcolithic Human Remains from Tell es-Sultan in Jericho, Jordan // *Excavations at Jericho* / eds. K.M. Kenyon, T.A. Holland. – Jerusalem; L., 1981. – Vol. 3. – P. 407–499.
- Le Mort F., Erim-Özdoğan A., Özbek M., Yılmaz Y.** Feu et archéoanthropologie au Proche-Orient (épipaléolithique et néolithique). Le lien avec les pratiques funéraires. Données nouvelles de Çayönü (Turquie) // *Paléorient*. – 2000. – Vol. 26, N 2. – P. 37–50.
- Magic practices and Ritual in the Near Eastern Neolithic:** Proceedings of a Workshop held at the 2 ICAANE, Copenhagen

University, May 2000 / eds. H.G.K. Gebel, B.D. Hermansen, C.H. Jensen. – B.: Ex Oriente, 2002. – 173 p.

Mellink M.J. Archaeology in Anatolia // Am. J. of Archaeology. – 1990. – Vol. 94, N 1. – P. 125–151.

Orrelle E. Material Images of Humans from the Natufian to Pottery Neolithic Periods in the Levant: A thesis of the University of East London for the degree of Doctor of Philosophy. – L., 2011. – Vol. I: Text. – 283 p.; Vol. II: Figures. – 135 p.

Özbek M. Culte des cranes humains a Çayönü // Anatolica. – 1988. – N 15. – P. 127–137.

Özbek M. The Human Remains at Çayönü // Am. J. of Archaeology. – 1992. – Vol. 96, N 2. – P. 374.

Özdoğan A. Çayönü // Neolithic in Turkey: the cradle of civilizations. – Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari, 1999. – P. 35–64. – (Ancient Anatolian civilizations. Ser. 3).

Rollefson G.O. Neolithic 'Ain Ghazal (Jordan): Ritual and ceremony, II // Paléorient. – 1986. – Vol. 12, N. 1. – P. 45–52.

Sacred Killing: The Archaeology of Sacrifice in the Ancient Near East / eds. A.M. Porter, G.M. Schwartz. – Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2012. – 328 p.

Santana J., Velasco J., Ibáñez J.J., Braemer F. Crania With Mutilated Facial Skeletons: A New Ritual Treatment in an Early Pre-Pottery Neolithic B Cranial Cache at Tell Qarassa North (South Syria) // Am. J. Physic. Anthropol. – 2012. – Vol. 149. – P. 205–216.

Santana J., Velasco J., Balbo A., Iriarte E., Zapata L., Teira L., Nicolle C., Braemer F., Ibáñez J.J. Interpreting a ritual funerary area at the Early Neolithic site of Tell Qarassa North (South Syria, late 9th millennium BC) // J. Anthropol. Archaeol. – 2015. – URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jaa.2014.12.003>

Schirmer W. Some aspects of building at the “aceramic-neolithic” settlement of Çayönü Tepesi // World Archaeology. – 1990. – Vol. 21, N 3. – P. 363–387.

Schmidt K. Animals and Headless Man at Göbekli Tepe // Neo-Lithics. – 2006a. – Vol. 2. – P. 38–40.

Schmidt K. Sie bauten die ersten Tempel: das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger: die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. – München: C.H. Beck, 2006b. – 282 S.

Schmidt K. Der Göbekli Tepe – zwei Jahre später: Wichtige Funde der Kampagnen 2005 und 2006 // Sie bauten die ersten Tempel: das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger: die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. – Erweiterte und aktualisierte Aufl. – München: C.H. Beck, 2007. – S. 259–266.

Stordeur D. Jerf el Ahmar et l'émergence du Néolithique au Proche-Orient // Premiers paysans du monde: Naissances des agricultures, Séminaire du Collège de France / ed. by J. Guilaine. – P.: Errance, 2000. – P. 33–60.

Stordeur D., Abbès F. Du PPNa au PPNB: Mise en lumière d'une phase de transition à Jerf el Ahmar (Syrie) // Bull. de La Société Préhistorique Française. – 2002. – N 99. – P. 563–595.

Stordeur D., Brenet M., Arahamian G., der, Roux J.-C. Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNa (Syria) // Paléorient. – 2001. – Vol. 26, N 1. – P. 29–44.

Testart A. Des crânes et des vautours ou la guerre oubliée // Paléorient. – 2008. – Vol. 34, N 1. – P. 33–58.

Verhoeven M. Ritual and Ideology in the Pre-Pottery Neolithic B of the Levant and Southeast Anatolia // Cambridge Archaeology J. – 2002a. – Vol. 12. – P. 233–258.

Verhoeven M. Transformations of Society: the Changing Role of Ritual and Symbolism in the PPNB and the PN in the Levant, Syria and South-East Anatolia // Paléorient. – 2002b. – Vol. 28, N 1. – P. 5–13.

Wood A.P. The Detection, Removal, Storage, and Species Identification of Prehistoric Blood Residues from Çayönü // Am. J. of Archaeology. – 1992. – Vol. 96, N 2. – P. 374.

Yartah T. Tell 'Abr 3, un village du néolithique précéramique (PPNA) sur le Moyen Euphrate. Première approche // Paléorient. – 2004. – Vol. 30, N 2. – P. 141–158.

Материал поступил в редколлегию 30.01.15 г.

УДК 903.2

А.П. Окладников, В.Е. Медведев, И.В. Филатова*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru**inga-ph@mail.ru*

ПЕРВЫЕ СТАЦИОНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ С ПОЛУЧЕНИЕМ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ ДАТ НА ОСТРОВЕ СУЧУ (1972 год)*

В статье обобщенно представлены ранее не введенные в научный оборот материалы раскопок 1972 г. на о-ве Сучу – результаты первых стационарных исследований, в т.ч. радиоуглеродного датирования, на неолитическом поселении. Описана стратиграфия памятника, охарактеризованы жилища малышевской культуры (IV–III тыс. до н.э.), проведены морфотипологический и функциональный анализ каменного инвентаря, культурно-хронологический – керамики, глиняных предметов искусства и культа. Проанализированы найденные материалы других культур эпохи неолита и раннего металла. Дана оценка полученным источникам.

Ключевые слова: Приамурье, поселение Сучу, неолит, малышевская, кондонская, вознесенская культуры, финально-неолитический комплекс, ранний железный век, жилища.

A.P. Okladnikov, V.E. Medvedev, and I.V. Filatova*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences**Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia**E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru**inga-ph@mail.ru*

THE FIRST SYSTEMATIC EXCAVATIONS ON SUCHU ISLAND AND RADIOCARBON DATES OF THE SITE (1972)

The article presents unpublished findings of the 1972 systematic excavations at a radiocarbon-dated Neolithic site on Suchu Island, Khabarovsk Province. Stratigraphy, dwellings associated with the Malyshevo culture (4th–3rd millennium BC), typological and functional properties of stone tools, cultural and chronological attribution of ceramics and of clay artifacts relating to art and ritual are discussed with reference to parallels from other Neolithic and Bronze Age cultures of the region.

Keywords: Amur River; Suchu, Neolithic, Bronze Age, Malyshevo culture, Kondon culture, Voznesenovskoye culture, dwellings.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.050-063

Введение

Остров Сучу относится к числу ключевых памятников эпохи неолита в Приамурье и в целом на терри-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Авторы благодарны всем, кто принимал участие в раскопках на о-ве Сучу в 1972 г., а также О.С. Медведевой (оформление текста) и Ю.В. Табаревой (выполнение рисунков) за помощь в подготовке материала к печати.

тории российского Дальнего Востока. На острове длиной 1,2 и шириной 0,4 км, возвышающемся до 39 м над уровнем Амура, в 2,5 км к северо-западу от с. Мариинского Ульчского р-на Хабаровского края сохранились остатки почти всех известных в настоящее время в нижней части Амурского бассейна неолитических культур. Многочисленные следы проживания людей нового каменного века на протяжении нескольких тысяч лет хорошо видны на его заросшей лесом поверхности в виде чашевидных, порой весьма глубоких жилищных ям-западин. В древности жилища

занимали основную часть острова, концентрируясь в нескольких больших группах, которые представляли собой самостоятельные поселения на различных этапах неолитической эпохи [Медведев, 1995, рис. 1]. На острове в верхних слоях грунта имеются также остатки жизнедеятельности амурского населения раннего железного века, Средневековья, вплоть до этнографической современности.

В литературных источниках о-в Сучу впервые упоминается в середине XIX в. в связи с активной деятельностью русских первопроходцев в низовьях Амура. Интерес к острову с археологической точки зрения первым проявил знаменитый путешественник и писатель В.К. Арсеньев. Есть краткое сообщение, что в 1906 г. он проводил там раскопки [Тарасова, 1985, с. 116, сн. 4]. Однако конкретное место этих разысканий неизвестно, материалы не опубликованы.

В 1934 г. вблизи южного края центральной части Сучу А.М. Золотарев раскопал часть неолитического жилища, которое было полностью исследовано в 1935 г. экспедицией А.П. Окладникова [1978, с. 78]. В сущности, после той экспедиции, открывшей и исследовавшей десятки памятников, началось профессиональное и последовательное изучение амурской археологии. Уже после своих первых изысканий на нижнем Амуре А.П. Окладников предложил общую характеристику неолитической эпохи этого региона с определением ее своеобразия в сравнении с другими географическими ареалами азиатской части СССР, в частности с наиболее изученным в то время неолитом Прибайкалья. Для обоснования своих положений, в т.ч. связанных с проблемой хронологии нижнеамурского неолита, исследователь привлекал находки с о-ва Сучу [Окладников, 1941, с. 6, 12]. С созданием в 1953 г. Дальневосточной археологической экспедиции работы по изучению неолитических памятников региона стали регулярными. В начале второй половины прошлого века не было практически ни одного исследования по нижнеамурской проблеме, в котором не обсуждались бы материалы Сучу – топография, стратиграфия, жилища, каменный инвентарь, керамика (см., напр.: [Окладников, 1954, с. 239–245; 1964, с. 199–204, 207, 213; Окладников, Деревянко, 1973, с. 120, 139–140, 158]).

В 1968 г. А.П. Окладников вновь возглавил экспедицию на Амуре и с небольшой группой археологов прошел маршрутом почти по всей его нижней части. Целью было получение новой информации на уже известных памятниках, а также открытие и по возможности раскопки других объектов. Исследователь не скрывал, что хотел проверить и подкрепить дополнительными фактами опубликованные несколькими годами ранее положения, связанные с культурно-хронологической шкалой нижнеамурского неолита. Особое место в этих изысканиях отводилось о-ву Сучу, на котором в ходе раскопок на участке работ 1934 и 1935 гг.

была получена значительная коллекция изделий из камня и керамики. Ценность собранных в 1968 г. материалов определяется прежде всего тем, что на небольшой площади памятника на различной глубине зафиксированы материальные остатки трех амурских неолитических культур (малышевской, кондонской и вознесенской). Кроме того, в залежавшем выше малышевских находок слое супеси впервые на острове выявлена не характерная для неолита Амура круглодонная шнуровая керамика, связанная с т.н. белькачинским комплексом, носителями которого являлись неолитические бродячие охотники и рыболовы, обитавшие на территории современных якутских таежных районов [Медведев, 2008, с. 40; Медведев, Филатова, 2012].

Полученные вещественные материалы и сделанные в ходе работ в 1968 г. наблюдения подвели А.П. Окладникова к твердому решению осуществить обширные стационарные исследования на о-ве Сучу. Раскопки начались в 1972 г.* и продолжались (с перерывами) до 2002 г., последние три года работы велись совместной Российско-Корейской археологической экспедицией [Деревянко, Медведев, 2002]. Раскопанная площадь острова-памятника составляет свыше 2 700 м². Исследовано 16 жилищ полностью и 4 – частично, а также одно святилище в специально вырытом котловане. Общая коллекция находок превышает 92 тыс. артефактов.

К настоящему времени полностью введены в научный оборот материалы лишь около половины раскопанных жилищ и выборочно – еще нескольких. Практически вообще не опубликованы результаты изысканий 1972–1975, 1977 гг. В настоящей статье вводятся в научный оборот основные материалы раскопок 1972 г. (с морфотипологическим и функциональным анализом каменного инвентаря и культурно-хронологическим – керамики, предметов искусства и культа). Тогда впервые на острове раскопом были охвачены значительные сегменты трех средненеолитических жилищ малышевской культуры. Первоначально эти жилища были обозначены цифрами 1, 2, 3, но с закладкой в другой части острова раскопа II и присвоением находящемуся в нем жилищу номера 1 они получили окончательно буквенные обозначения, соответственно А, Б, В. В основу статьи положена информация, полученная непосредственно в процессе работы с коллекцией, хранящейся в фондах ИАЭТ СО РАН, частично использованы также сведения, взятые из отчета о полевых исследованиях [Окладников, 1972].

*В работах участвовали сотрудники ИИФФ СО АН СССР А.П. Окладников (начальник Северо-Азиатской комплексной экспедиции), В.Е. Медведев (начальник отряда), Ю.В. Гричан, А.К. Конопацкий, Э.А. Скорьнина, хабаровский натуралист и писатель В.П. Сысоев, группа студентов Хабаровского педагогического института.

Участок, где размещались рассматриваемые здесь три жилища, был привлекательным для носителей других культур неолитического времени (кондонской, вознесенской, белькачинского комплекса), а также раннего железного века и Средневековья. Словом, собранные материальные остатки наглядно демонстрируют последовательное освоение в древности на протяжении более 5 тыс. лет одного из крупнейших островов в низовьях Амура.

Исследования на о-ве Сучу в 1972 г.

В 1972 г. работы на о-ве Сучу (рис. 1) проводились главным образом в раскопе I, располагавшемся в юго-восточной пониженной его оконечности – частично на западном склоне широкой лощины и ее дне у полотна грунтовой дороги, проложенной от Мариинской протоки Амура в северном направлении в глубь острова. Намеченная для раскопок площадь была разбита на квадраты (1×1 м) с обозначением буквами В–С (от дороги на запад) и цифрами 6–14 (от реки вверх на север по лощине) (рис. 2, 1). Следов жилищ в виде западин на поверхности не было, за исключением, пожалуй, лишь едва заметной вогнутости на месте жилища А. Остатки жилищных котлованов фиксировались по мере снятия верхних слоев грунта. Для ориентировки в наслоениях грунта были оставлены две контрольные бровки по линиям 3 и 11. Площадь раскопа внизу у дороги составила 40 м^2 , выше по склону лощины – 27 м^2 .

Стратиграфия

Стратиграфия в своей основе одинаковая для всей рассматриваемой части раскопа I (рис. 2, 2). Сверху

залегал слой почвы мощностью до 40,0 см. Под ним находился основной культурный горизонт. Этот слой темной или темно-коричневой гумусированной супеси местами достигал 1,5 м толщины. Он являлся основным заполнением жилищных котлованов и межжилищных площадок. Этот слой нередко включал в себя линзы или даже сравнительно мощные прослойки серо-желтого рыхлого суглинка. Местами темно-коричневый пласт приобретал более светлые оттенки – коричневый и светло-коричневый. Глубже располагался суглинок. Этот слой невелик, в редких случаях его пласт, лежащий непосредственно на материке, достигал 50,0 см толщины. Иногда суглинок перемежался с участками прокаленного песка, темно-коричневого (почти черного) грунта с примесью угольков или же с углистыми включениями. Все последние прослойки непосредственно связаны либо с полом жилища, либо (за их пределами) с древней дневной поверхностью. Материком – рыхлой толщей, в которую были впущены котлованы жилищ, – служила светло-желтая слоистая супесь.

Жилища

Жилище А (рис. 2). Предположительно его котлован имел подквадратную в плане форму с закругленными углами. Общая площадь в пределах 25 м^2 . В раскоп вошло ок. 15 м^2 . У жилища относительно высокая (65,0 см) и крутая западная стена – «плечико» с отчетливо выраженным уступом. Восточная стена одновременно служила западным «плечиком» соседнего (ниже по склону) жилища Б, строители которого, по-видимому, использовали яму котлована соседней при сооружении собственного.

Рис. 1. Остров Сучу. Вид с юго-востока.

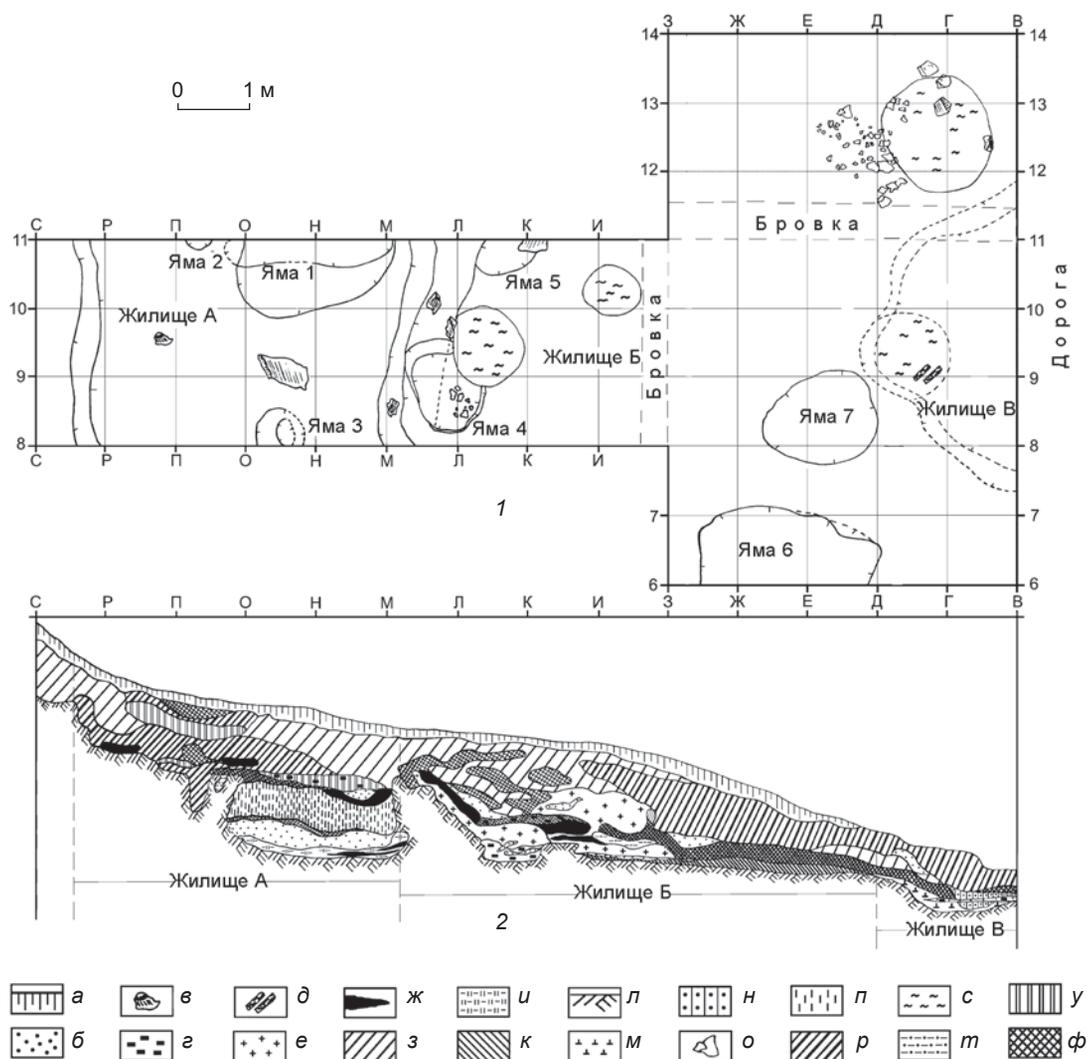

Рис. 2. План части раскопа I (1972 г.) на уровне пола жилищ (1) и разрез стенки и бровки по линии 11 (2). а – дерн; б – песок; в – камень; г – угольки; д – головни; е – светлая супесь; ж – углистый грунт; з – коричневая супесь; и – серо-черная супесь; к – серая супесь (пол); л – материк; м – темно-серый суглинок; н – серо-желтый песок; о – фрагменты керамики; п – светло-серая супесь; р – темная гумусированная супесь; с – очажное пятно; т – гумусированный песок; у – супесь с углем; ф – черная гумусированная супесь с углем.

Заполнение на месте жилища А состояло в верхней части из дерна и поддернового слоя мощностью 20,0–25,0 см. Под ним прослежена очажная линза чашевидной формы диаметром ок. 70,0 см и мощностью 25,0–30,0 см. Ниже залегала рыхлая супесь темного цвета, достигавшая местами 50,0–60,0 см. Под ней находилась толща гумусированной супеси различных оттенков с линзами углистой супеси очажного типа (вероятно, выбросы из очагов).

В полу жилища выявлены ямы. Одна из них вошла в раскоп лишь наполовину. Эта яма 1 отчетливо видна в разрезе северной стенки раскопа по линии 11 (пикеты М, Н, О). Она в плане в виде полуокружности, с южной стороны – уступ высотой ок. 25,0 см, глубина 1,0 м. Судя по размерам (2,5 м по длинной оси), это была хозяйственная яма. Яма 2 (кв. О/10) кониче-

ская (с заостренным дном, круглая сверху), глубиной до 60,0 см. Она, несомненно, связана с укреплением каркасно-столбовой конструкции жилища. У южной стенки раскопа выявлена небольшая яма 3 (кв. Н/8), также по-видимому, от столба. Пол жилища ровный с небольшим понижением вниз по склону лощины.

Жилище Б. Его котлован располагался чуть ниже пола жилища А. Западная стена высотой 75,0 см имеет угол наклона в 45°. Общая площадь жилища ок. 50 м², раскопом было вскрыто почти 30 м². Точные его размеры определить трудно, поскольку восточная часть еще в древности была перекопана обитателями соседнего жилища В.

Сверху в заполнении котлована залегала супесь коричневого цвета, как и в жилище А, однако ниже по склону она выклинивалась и исчезала совсем (пике-

ты Ж, 3). Здесь гораздо мощнее слой более темной гумусированной супеси. Глубже находилась линза светлой супеси, в ней – прослойки более темного цвета, под ней – углистые линзы.

В северо-западной части жилища (кв. 3–И/10) обнаружено очажное пятно. Оно отличалось от отмеченных выше углистых прослоек-линз большой концентрацией углистого вещества; древесных угольков не замечено. О том, что это очажок, свидетельствует правильная округлая в плане и овальная в сечении форма, а также расположение на полу жилища. Еще одно очажное пятно округлой в плане формы было зафиксировано в кв. К/9.

В полу жилища выявлены ямы, три из которых (4, 6 и 7), судя по их размерам, были хозяйственными. Одна (4) располагалась у западной стены котлована, примыкая к ее уступу (в ее заполнении найдены фрагменты керамики), другая (6) – в юго-восточной части жилища, третья (7) – предположительно у восточной (несохранившейся) стены. Яма 5, судя по ее заполнению, представляла собой небольшой очажок, находившийся у северо-западного края котлована. Пол жилища Б почти горизонтальный с легким уклоном в восточную сторону лощины.

Жилище В. Его край был выявлен непосредственно около полотна дороги и частично на нем при зачистке заполнения жилища Б. Была проведена частичная разборка культурного слоя на узкой полосе вдоль дороги (кв. В–Г/7–11). В этом месте сказалось действие стекавшего во время дождей и таяния снега по ложине ручья, который размывал слой и наносил сюда перебитый песок, поэтому восточная и западная стены жилищ соответственно Б и В не прослеживались, четкая граница между котлованами не фиксировалась. Раскопом в 1972 г. было охвачено ок. 7,0 м² жилища В. Заполнение его котлована – прослойки гумусированной супеси разных оттенков. У западной стены на уровне пола выявлено очажное пятно округлой в плане формы диаметром 1,2 м. В результате радиоуглеродного анализа собранного здесь угля впервые для острова была получена абсолютная дата $4\ 650 \pm 55$ л.н. ($2\ 700 \pm 55$ лет до н.э.; СОАН-1281) [Орлова, 1995, с. 226]. Это жилище также со сравнительно плоским полом.

В межжилищном пространстве, у северо-восточного края жилища Б и северо-западной границы жилища В (кв. В–Г/12–13), выявлено очажное пятно округлой в плане формы диаметром 1,5–1,7 м, на поверхности которого располагались крупные камни. С его западной стороны зафиксировано довольно значительное скопление битой краснолощеной керамики, располагавшееся полосой (1,5 × 0,9 м) по оси ЮВ–СЗ.

Таким образом, в результате раскопок выявлено соотношение трех жилищ полуподземного типа. Они располагались как бы тремя ступенями-ярусами на

склоне лощины. В границах жилищных котлованов зафиксированы ямы как хозяйственного назначения (1, 4, 6, 7), так и от столбов (2, 3), являвшихся частью каркасно-столбовой конструкции. В межжилищном пространстве обнаружены очажное пятно и явно связанное с ним значительное скопление крашеной керамики. Практически во всех литологических слоях найдены различные изделия из камня и керамика (7 176 артефактов).

Изделия из камня

Коллекция каменных изделий из раскопа 1972 г. насчитывает 3 005 экз. Они найдены в заполнении и на полу жилищ, в межжилищном пространстве.

Сырье. Доминирующий вид – алевролит различных серых оттенков. Характерны кремнистые изотропные породы разного цвета (кремни и кремнистые сланцы, халцедоны, яшмоиды и т.п.), представленные преимущественно в виде среднего галечника. Использовались также кварцит, туфы, песчаники и базальты.

Первичное расщепление. Артефакты, относящиеся к первичному расщеплению (нуклеусы, нуклевидное изделие, гальки со сколами, колотые гальки, технические сколы, микропластины и т.п.), составляют 2 870 экз. Кроме того, в коллекции представлен дебитаж: отщепы, сколы, осколки, чешуйки. Зафиксировано 12 нуклеусов и нуклевидное изделие (рис. 3, 1; 4, 1, 2). В качестве ядрищ использовались хорошо окатанные гальки размером в основном не более 5,0–6,5 см из яшм, окремнелых туфов, кремнистых пород; есть один образец из кварцита. Представлены нуклеусы одно- (преимущественно) и двухплощадочные. Площадка ровная, оформлена, как правило, одним сколом или сохраняет естественную галечную поверхность. По форме нуклеусы в основном торцовые. Есть также гальки со сколами (45 экз.) и расколотые (13 экз.).

Микропластинчатый комплекс включает ножевидные пластинки (18 экз.) и их обломки (20 экз.) (см. рис. 3, 2; 4, 3, 5, 6), а также пластинчатые отщепы (54 экз.) и сколы (24 экз.) из алевролита, кремнистых пород и яшм. Зафиксированы пластинки как с ровными краями, двух- или трехгранные, так и с неровными краями и неправильной огранкой, средние (до 4,0 см) и мелкие (менее 2,0 см). На некоторых отмечены зазубрины и следы использования, ретушь.

Отщепы (486 экз.) в основном средних размеров (не более 4,0 см). Довольно значительное их количество имеет зазубрины, следы использования, ретушь. Среди сколов (413 экз.) преобладают вторичные фронтальные без участков естественной поверхности.

Орудия и инструментарий. Орудия (54 экз.) и их обломки (47 экз.) объединены в полиморфные группы на основании предположительного функционального

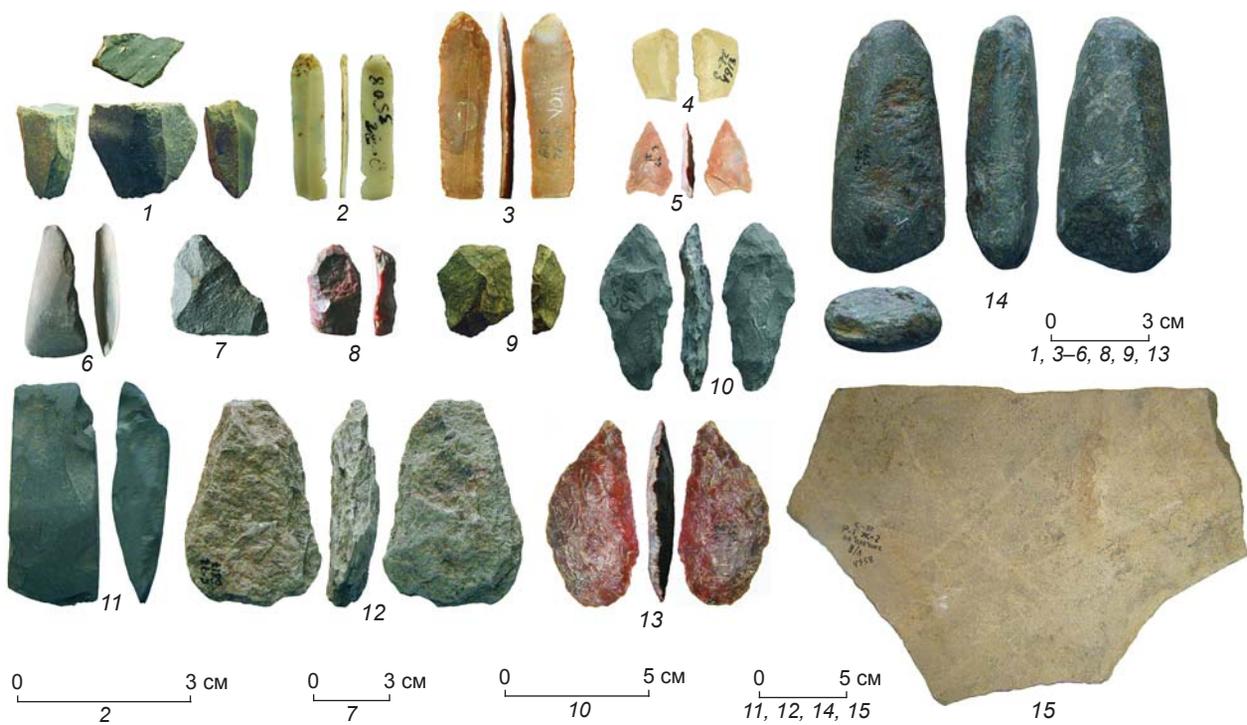

Рис. 3. Изделия из камня.

1 – нуклеус; 2 – ножевидная пластина; 3, 8, 9 – скребки; 4 – режущее орудие; 5 – наконечник стрелы; 6 – долотце; 7, 13 – ножи; 10 – наконечник дротика; 11, 12 – тесла; 14 – топор-тесло; 15 – точильная плита.

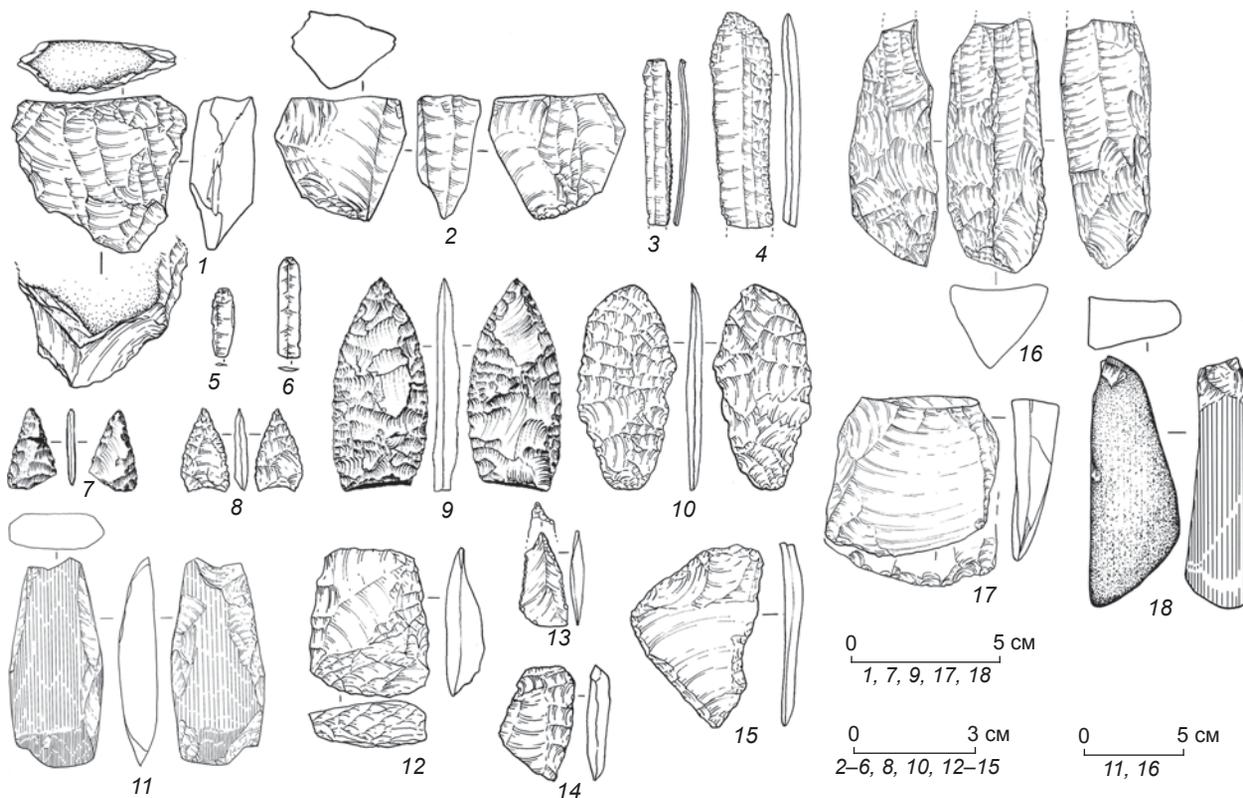

Рис. 4. Изделия из камня.

1, 2 – нуклеусы; 3, 5, 6 – ножевидные пластинки; 4, 12 – скребки; 7, 8 – наконечники стрел; 9 – наконечник дротика; 10, 14, 15 – ножи; 11, 16 – тесла; 13 – проколка; 17 – скребло; 18 – абразив.

назначения. Отдельно рассмотрен инструментарий, использовавшийся для изготовления орудий: 10 экз. – целые, 6 экз. – обломки.

Метательные орудия (см. рис. 3, 5, 10; 4, 7–9) – наконечники дротиков (три целых и один обломок) и стрел (пять целых и два обломка). Наконечники дротиков двух типов. Первый – бифасы листовидные в плане и линзовидные в сечении. Их первичная обработка выполнялась тщательными бифасиальными сколами по всей поверхности, вторичная – краевой двусторонней ретушью по периметру. Второй тип – черешковые с подтреугольным пером и довольно длинным черешком. Изготовлены двусторонней оббивкой с подправкой двусторонней же краевой приостряющей ретушью. Материал – кремнистые породы, алевролит. Длина изделий от 5,5 до 7,0 см. Наконечники стрел также подразделяются на два типа. Первый – треугольные в плане формы с прямым основанием, второй – удлиненно-треугольные в плане с выемчатым основанием. Те и другие оформлялись сплошной двусторонней струйчатой ретушью по всей поверхности и приостряющей краевой по периметру. Материал – кремнистые породы, яшмы, реже халцедон или алевролит. Длина наконечников 2,0–4,0 см.

Рубящие орудия (см. рис. 3, 6, 11, 12, 14; 4, 11, 16) – топоры (целый и обломок), тесла (8 целых и 14 обломков), долотце и обломок стамески. Большая их часть изготовлена из алевролита. Топоры удлиненно-подтрапезиевидные в плане, подовальные в сечении. Оформлены оббивкой и пришлифовкой. Тесла подразделены на три типа. Первый – удлиненно-подпрямоугольные (чуть расширенные к лезвийной части) в плане, подпрямоугольные в сечении. Оформлены сколами с последующей шлифовкой всей поверхности. На слабоокруглых лезвиях (на которых нередко следы износа, обломанные углы) имеются фаски краевой подточки с одной или обеих сторон с симметричной и асимметричной заточкой. Размеры в основном средние (длина 8,0–8,5 см). Второй тип – тесла удлиненно-подтрапезиевидной в плане формы, в сечении подовальные, третий – удлиненно-подпрямоугольные в плане и подтреугольные в сечении. Выполнены оббивкой с последующей шлифовкой всех трех поверхностей. Лезвия скошены или закруглены, асимметрично приострены.

Режущие орудия (см. 3, 4, 7, 13; 4, 10, 14, 15) – ножи (12 целых и 8 обломков) и резчики (2 экз.). Ножи двух типов. Первый – бифасы листовидные, слегка асимметричные в плане, линзовидные в сечении. Двусторонняя уплощающая ретушь, как правило, полностью покрывает изделия; по периметру они дополнительно оформлены двусторонней краевой приостряющей ретушью. Изготавливались из галек кремнистых пород или яшмы, реже алевролита. Второй тип – ножи характерной «коленчатой» в плане фор-

мы. Оформлялись на массивных отщепах подработкой с дорсала и вентрала по периметру краевой приостряющей ретушью, реже двусторонней – по всей поверхности. Длина ножей от 3,2 до 7,5 см. Есть два резчика на пластинчатых отщепах из кремнистых пород, а также режущие орудия, изготовленные из сколов или отщепов.

Остроконечники (целое орудие и обломок) оформлены на отщепах подтреугольной в плане формы. Могли использоваться как режуще-пилящие орудия и перфораторы.

Проколки (см. рис. 4, 13) представлены шестью целыми орудиями и тремя обломками. По форме в плане выделяются: 1) близкая к угловой; 2) угловая; 3) плечиковые; 4) с «носиком». Размеры в основном от 2,0 до 6,0 см.

Скребовидные орудия (см. рис. 3, 3, 8, 9; 4, 12, 17) – скребла (четыре целых и обломок), скребки (16 целых, 3 обломка). Скребла подразделяются на три типа: 1) простые продольные выпуклые бифасиальные на расколотых гальках, подправленных сколами; 2) простое поперечное выпуклое; 3) угловатое прямое на первичном сколе. Скребки концевые, с концевым и боковым лезвиями, двухконцевые различных типов. Среди концевых и двухконцевых в количественном отношении выделяются изделия из удлиненных отщепов с ретушью продольных краев. Один скребок изготовлен из ножевидной пластины, оформленной ретушью по продольному краю (см. рис. 3, 3). Практически все скребки подработаны краевой дорсальной ретушью у лезвия, иногда довольно крутой (45°). Материал – в основном алевролит, в меньшей степени кремнистые породы, яшмы и кварцит. Подавляющее большинство скребков длиной от 3,0 до 4,0 см.

Кроме описанных выше орудий, в коллекции имеются курант, обломки двух зернотерок, землеройное орудие, ложило для смоления лодок. В небольшом количестве отмечены заготовки различных орудий.

Инструментарий представлен отбойником из алевролитовой гальки, целой и сломанной наковальнями из песчаниковых плит. Найдены абразивы (см. рис. 3, 15; 4, 18): точильные камни (шесть целых и пять обломков), ложила (два). Применялись естественные плитки мелко- и среднезернистого песчаника. На их плоских поверхностях отмечены желобки-трансы, мелкие ямки, выбоины.

Морфотипологический и функциональный анализ каменного инвентаря показал наличие в поселенческом комплексе как артефактов, относящихся к первичному расщеплению, так и орудий, инструментария. Среди орудий преобладают те, которые были связаны с обработкой различных материалов (скребовидные, режущие, рубящие), а предназначенных для охоты (метательные орудия) значительно меньше.

Керамика

В материалах из вскрытой в 1972 г. части раскопа I имеется 4 168 экз. керамики: археологически целые сосуды, поддающиеся реконструкции, верхние, срединные и нижние части, разрозненные фрагменты венчиков, стенок и донцов от разных сосудов. По культурно-хронологической принадлежности керамика подразделяется на неолитическую малышевскую, кондонскую, белькачинский комплекс, вознесенскую, финальнонеолитическую и польцевскую раннего железного века. Отмечен образец средневекового сосуда.

Малышевская культура. Керамика этой культуры (рис. 5, 1–4, 7–14; 6, 1–3, 7–9, 16–19) представлена 3 594 экз. В составе коллекции 24 археологически целых сосуда, по 5 верхних и срединных, 32 нижние части, отдельные фрагменты (366 – венчиков, 2 904 – стенок, 258 – донцов). Из них не орнаментировано 1 356 экз., т.е. около половины образцов. Малышев-

ская керамика обнаружена как в заполнении, так и на полу всех трех жилищ.

Представлены открытые и закрытые непрофилированные, слабо и хорошо профилированные сосуды. Венчики отогнуты наружу, загнуты внутрь или прямые. Обрез устья плоский либо округлый. Практически вся посуда плоскодонная. Единственным исключением является почти целый сосуд, дно которого не сохранилось, но контур профиля позволяет предположить, что он остродонный (рис. 6, 19). Основная часть керамики изготовлена вручную ленточно-кольцевым налепом в программах донно-емкостного и донного с элементами емкостного начина. Возможно использование лент-жгутов и спирального налепа. Есть оригинальные способы формовки венчиков, в т.ч. с валиком-карнизом с внутренней стороны. Размеры сосудов большей частью средние, диаметр по венчику от 13,0–16,0 до 20,0–25,0 см. Тесто плотное или чуть рыхловатое, с примесью шамота и дресвы. Поверхности заглаживались, ложились. Ке-

Рис. 5. Керамика (1–4, 7–14) и изделия из глины (5, 6) малышевской культуры.

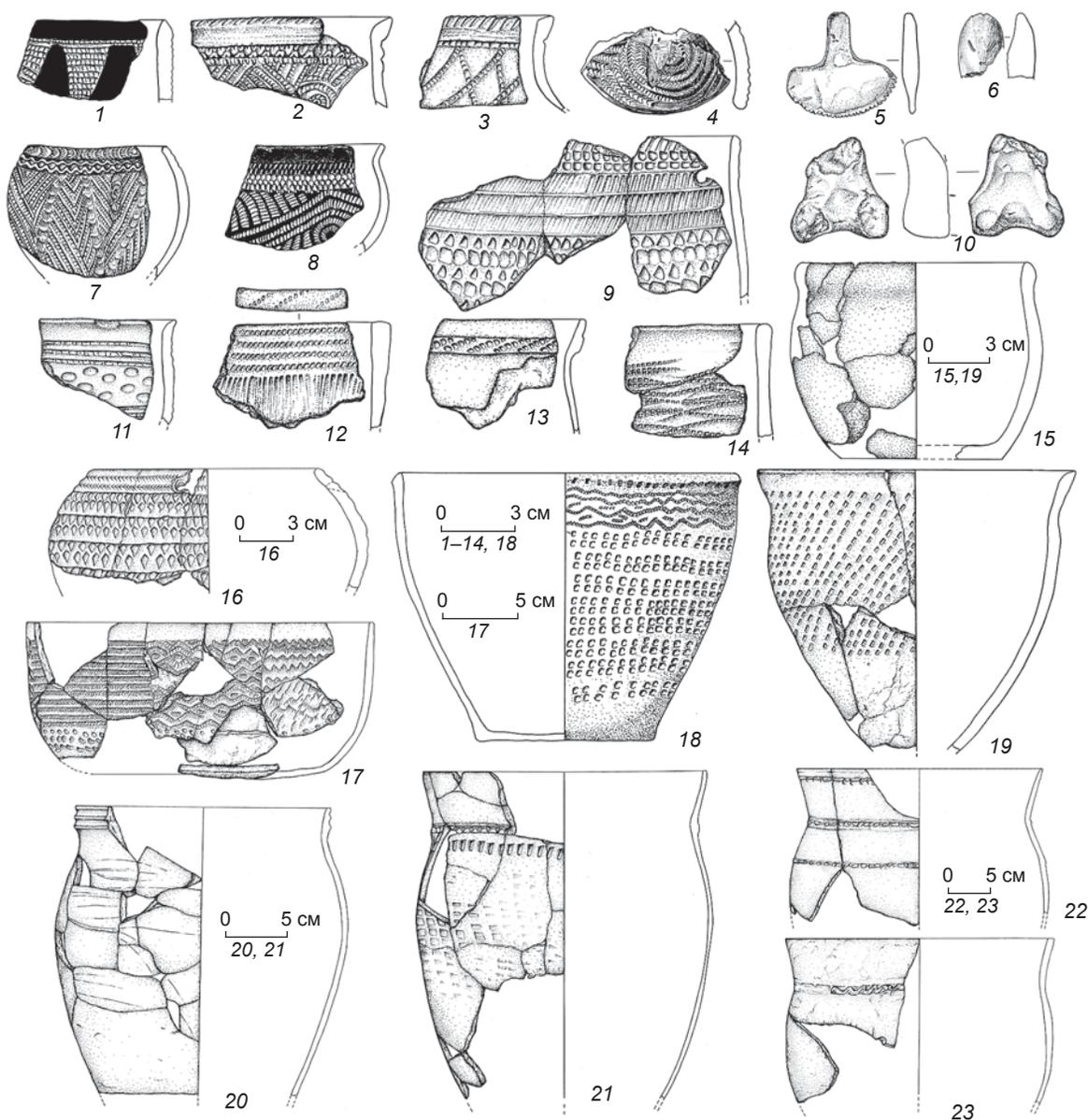

Рис. 6. Керамика (1–3, 7–9, 11–23), изделия из глины (4–6, 10).

1–10, 16–19 – малышевская культура; 11 – кондонская; 12 – белькачинский комплекс; 13–15 – вознесенская культура; 20 – финальный неолит; 21–23 – польцевская культура раннего железного века.

рамика различна по цветовой гамме: от светлых терракотовых оттенков желто- и красно-коричневого до темных серо-коричневых, коричневых, серых, почти черных. Орнамент чрезвычайно разнообразен. Преобладающими технико-декоративными элементами являются отпечатки гребенчатого штампа с разным количеством зубцов, угольчатые и скобковидные оттиски отступающей лопаточки. Есть также оттиски зубчатого колесика, фигурного штампа (ромб, треугольник, угол), налепные валики (прямые и волнистые с защипами пальцами и вдавлениями ногтя). Все они создают разнообразные орнаментальные мотивы, в т.ч. и криволинейные (меандры, спира-

ли). В коллекции представлена крашенная керамика (166 экз.), в т.ч. археологически целый сосуд. Следует считать, что рассматриваемая керамика являет собой хотя и довольно оригинальный, но все же однородный комплекс и относится к развитому этапу малышевской культуры.

Кондонская культура. Керамика этой культуры (рис. 6, 11; 7, 1, 2, 6, 7) отмечена в небольшом количестве: 38 фрагментов, в т.ч. верхняя часть сосуда, 10 венчиков и 27 стенок. Из них 20 экз. найдено в заполнении жилищ Б и В. Несколько фрагментов обнаружено на полу жилищ: верхняя часть и по одному обломку венчика и стенки в жилище А, стенка в жили-

Рис. 7. Керамика.

1, 2, 6, 7 (а-в – фрагменты одного сосуда) – кондонская культура; 3–5, 8–10 – белькачинский комплекс; 11–18 – вознесенская культура; 19 – финальный неолит; 20 – польцевская культура раннего железного века.

ще Б, два фрагмента стенок в жилище В. Вся найденная керамика орнаментирована.

Представлены открытые слабопрофилированные сосуды различных размеров (диаметр по венчику от 13,0 до 20,0 см). Венчики отогнуты наружу, обрез устья округлый или плоский. Предположительно изделия изготовлены двумя способами: ленточно-кольцевым и спирально-жгутовым налепом. Тесто черепков довольно плотное, хотя встречаются и более рыхлые обломки. Отмечены примеси дробленой породы, шамота. Поверхности заглаживались, ложились, покрывались ангобом. Черепки темные серо-коричневые, коричневые; нередко следы копоти и

нагар. Керамика орнаментирована оттисками гребенчатого (от двух до семи зубцов) и фигурного (ромб, овал) штампов, а также их сочетаниями. Вертикальные или горизонтальные оттиски гребенки составляли прямые горизонтальные линии, наклонные – ромбы. Отпечатки фигурного штампа компоновались в сетку и углы.

Керамика имеет признаки как раннего, так и позднего этапа кондонской культуры. К раннему относятся спирально-жгутовой способ формовки, характерное сочетание оттисков гребенчатого и фигурного штампов. Признаки позднего этапа – ленточно-кольцевой налеп, компоновка декоративных элементов в мотив

«угол». Вероятно, низовья Амура были конечным районом миграции ранних кондонцев.

Белькачинский комплекс. Как отмечено выше, керамика белькачинского облика была найдена на о-ве Сучу в 1968 г. Носители этого комплекса являлись мигрантами на территории Приамурья. Подобная керамика присутствует и в материалах из раскопа 1972 г. (см. рис. 6, 12; 7, 3–5, 8–10). Общее количество обломков составило 107 экз. На полу жилищ найдено 53 фрагмента (46 – в жилище Б, 7 – в жилище В), остальные – в их заполнении и межжилищном пространстве. Основное место локализации керамики белькачинского комплекса в раскопе – слой над полом на границе жилищ Б и В (кв. Д–Е/10).

По обломкам сосудов можно предположить, что это были емкости разных размеров (диаметр по экватору от 15,0 до 40,0 см), яйцевидной формы со слегка приостренным сосковидным дном. Венчики прямые, обрез устья уплощен, реже закруглен. По-видимому, сосуды были изготовлены ленточно-кольцевым налепом. В тесте есть примесь дресвы, шамота, возможно, органического вещества. Цвет черепков в основном коричневый и серо-коричневый со следами дымления. Вся керамика данного комплекса декорирована. Венчики украшены налепным валиком, поверх которого нанесены оттиски зубчатого колесика, или только последними. Характерно разнообразие вариантов оформления внешнего бортика венчика: параллельные прямые горизонтальные или наклонные линии, сетка. Стенки орнаментированы шнуровыми оттисками с небольшими модификациями.

Керамика белькачинского типа представляет единый, выдержанный по основным признакам комплекс. Ее количество и характер локализации в раскопе позволяют говорить об одномоментном, очень непродолжительном посещении этого места носителями данного комплекса в период после относительно недавнего прекращения функционирования жилища Б.

Вознесеновская культура. Керамика этой культуры позднего неолита зафиксирована в количестве 198 экз. Один сосуд реконструирован. Большая часть керамики (139 образцов) не орнаментирована. Большинство фрагментов (118 экз.) найдено в заполнении жилищ, остальные – на их полу, а также в яме 7. В жилищах А и Б обнаружено по 10 экз., на полу жилища В – 15. Вся вознесеновская керамика подразделяется на три группы.

Группа 1 (см. рис. 6, 13; 7, 11–14). Характерный признак этой керамики – прямые параллельные валики на внешнем бортике венчиков, реже на стенках, орнаментированные наклонными оттисками гребенчатого штампа или зубчатого колесика. Стенки порой оформлены зигзагообразным декором (горизонтальным или вертикальным). Сосуды средних и крупных размеров (диаметр по венчику от 13,0 до 20,0 см), хо-

рошо профилированные. Тесто черепков рыхлое, расслаивается, отмечена примесь раковин моллюсков. Поверхности заглажены, иногда до легкого блеска, покрыты ангобом.

Группа 2 (см. рис. 6, 14; 7, 15–18). Основной признак этой керамики заключается в ее технологической особенности – исключительной насыщенности формовочной массы органической примесью (раковины моллюсков, возможно, вместе с телом), а также, по-видимому, невысокой температуре обжига изделий. Черепок очень рыхлый, расслаивается, «легкий». Венчики сосудов прямые или отогнуты наружу, обрез устья округлый, дно плоское. Стенки заглажены, декорированы с помощью гребенчатого штампа вертикальным или горизонтальным зигзагом в накольчатой либо «шагающей» технике.

Группа 3 (см. рис. 6, 15). Отличительная черта – отсутствие декора, а также крайне низкое качество керамики, тесто очень рыхлое. Сосуды средних размеров, слабопрофилированные, закрытой формы. Венчик отогнут наружу, обрез устья закруглен. Изделия изготавливались вручную ленточно-кольцевым налепом в программе донного начина. В целом вся вознесеновская керамика четко коррелируется с поздним этапом развития гончарной традиции этой культуры.

В раскопе найдены целые и обломанные изделия из обожженной глины, в основном плоские без орнамента пряслица, два из которых в заполнении жилища Б (см. рис. 6, 4); а также орнаментир-качалка в жилище А (см. рис. 6, 5) и округлый в сечении стерженок. Пряслица относятся к вознесеновской культуре, остальные предметы, скорее всего, связаны с малышевской культурой.

Финальный неолит. Керамика, связанная с этапом, следующим за поздненеолитическим, служившим как бы переходным к эпохе металла, представлена боковой сосуда (см. рис. 6, 20; 7, 19). Его фрагменты обнаружены над полом и на полу жилища А (кв. П/10). Высота сохранившейся части сосуда 23,5 см, диаметр по венчику 21,0, тулова – 24,0, толщина стенок 0,6–0,7 см. Изделие закрытой, хорошо профилированной формы. Изготовлено вручную ленточно-кольцевым налепом. Тесто рыхловатое, с примесью раковин пресноводных моллюсков, шамота. Поверхности хорошо заглажены, покрыты ангобом. Снаружи и внутри цвет черепков в основном коричневый и темно-коричнево-серый. Сосуд не орнаментирован, если не считать украшением налеп из трех валиков по внешнему бортику венчика. Типологические признаки указывают на некоторое сходство с вознесеновской керамикой группы 3, но есть и отличия. Можно предположить, что данный сосуд – своего рода «гибрид» двух разных гончарных традиций.

Ранний железный век. Керамика этой эпохи (240 экз.) в основном (182 экз.) найдена в заполне-

нии жилищ, в небольшом количестве – на их полу. Она преимущественно представляет собой единый комплекс, лучше всего выраженный сохранившимися верхними частями крупных сосудов (диаметр по венчику 23,0–30,5 см) открытой формы, хорошо профилированных, плоскодонных (см. рис. 6, 21–23). Венчик отогнут наружу, обрез устья уплощен или закруглен. Изделия изготовлены вручную ленточно-кольцевым налепом. Тесто рыхловатое, с примесью песка, дресвы (?), поверхности заглажены. Черепки темно-коричневого, серо-черного цвета. Основные технико-декоративные элементы: оттиски гребенчатого штампа (четырёх- пяти-, восьмизубчатого) и отступающей лопаточки (овальные и прямоугольные), ногтевые вдавления, шнуровые, текстильные отпечатки, прочерченные желобки и резные линии, налепной валик (прямой, волнистый, с насечками). Текстильный орнамент располагался на тулове, валики – в основании горловины или на плечиках. Несколько особняком стоит верхняя часть (см. рис. 7, 20) довольно крупного, четко профилированного сосуда. Венчик отогнут наружу, утолщен налепом, по форме близок к блюдовидному. Хорошо выражены шейка и крутые плечики (с рядами оттисков гребенчатого штампа), переходящие в округлое тулово. Сосуд изготовлен вручную ленточно-кольцевым налепом. Тесто плотное, с примесью шамота. Керамика раннего железного века из рассматриваемого раскопа по своим признакам близка польцевской Приамурья.

Предметы искусства, культа, украшения

В раскопе, преимущественно в супесчаном заполнении жилищ А и Б, обнаружены четыре обломка антропоморфных скульптурок из обожженной глины. Первый – изображение, вероятнее всего, женской головы, представленной верхней и средней ее частями (см. рис. 5, 5; 6, 6). Размеры предмета 3,2 × 2,1 × 1,4 см. Голова в профиле внизу расширена, а сверху заужена наподобие клина. Это типичная для нижне-амурских неолитических женских скульптурок голова фаллической формы. На лицевой части показаны монголоидного типа глаза в виде двух щелевидных штрихов. Нос обозначен двумя ямочками-ноздрями. Голова была отломана в древности от небольшой скульптурки. Второй обломок (см. рис. 5, 6; 6, 10) – скорее всего, нижняя часть уплощенного туловища антропоморфной фигуры со следами несохранившихся ног. Еще два фрагмента скульптурок также определяются как части их туловища.

Из украшений следует назвать найденные у северо-восточного края жилища Б (кв. Д/11) в слое темной гумусированной супеси кольцо, изготовленное из змеевика, и халцедоновую подвеску в виде оваль-

ной плоской галечки с небольшим просверленным отверстием.

В 1972 г. жителями с. Мариинского при ремонте колодца в 13–15 м от раскопа I вниз по распадку на глубине ок. 1,5 м от поверхности найден шар из обожженной глины [Okladnikov, 1981, fig. 82]. Его диаметр 6,3–6,6 см. Шар орнаментирован двойной желобковой спиралью. Возможно, он связан с жилищем малышевской культуры, замытым рыхлым грунтом.

Выводы

Осенью 1972 г. найденные в промоине дороги на о-ве Сучу каменные изделия и керамика предопределили начало на месте их обнаружения регулярных стационарных работ в сравнительно небольшом раскопе. В последующие годы раскоп увеличили, в нем была исследована группа жилищ эпохи неолита, собран многочисленный археологический материал. В других местах острова были раскопаны жилые комплексы, давшие ценную разностороннюю информацию для понимания культуры неолитической эпохи. Но все это происходило позже. В данном же случае нас интересуют итоги работ в раскопе 1972 г., их важность и особенность по сравнению с результатами исследований на о-ве Сучу в прежнее время. Развернутое обсуждение на основе большого количества вещественных данных и наблюдений станет возможным после обработки и подготовки материалов всего раскопа I с полностью вскрытыми в нем жилищами. Вместе с тем представленная в статье информация позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Пожалуй, первое, что необходимо отметить, это добытые в ходе работ сведения о вероятности наличия на острове гораздо большего количества древних жилищ, выделяющихся в виде характерных ям-западин. Подтверждением данного суждения служат выявление остатков трех жилищ (А, Б, В) на уровне заполнения их котлованов, а также обнаружение глиняного шара в стенке колодца, сооруженного, скорее всего, на месте жилища на слегка покато́м склоне над основанием лощины. При поиске замытых песком и супесью жилищ особое внимание следует обратить на периферийные южные и юго-восточные пониженные участки острова с наиболее высокой концентрацией жилищ и такой же степенью склоновых процессов.

Поставленная при раскопках задача – выяснить стратиграфию, определить относительный и абсолютный возраст обнаруженных жилищ малышевской культуры среднего неолита на склоне лощины от ее дна до верхнего края террасовидного уступа – была практически полностью выполнена. Хотя, надо заметить, вскрытые жилищные сегменты оказались раз-

личной площади и сохранности из-за значительных поздних перекопов.

Подводя краткий итог вскоре после раскопок, А.П. Окладников высказал мнение, что было выявлено соотношение разновременных древних жилищ-полуземлянок. Три жилища «располагались как бы тремя ступенями или ярусами». Находки, залежавшие внизу лощины в полотно дороги, – древнейшие в этом месте, они связаны с жилищем В. Материалы жилищ Б и А (соответственно второй и третий ярусы) отнесены к более позднему времени [Окладников, 1973, с. 232]. Говоря о более позднем времени, следует уточнить, что речь идет о периоде в рамках одной мальшевской культуры, поскольку ее вещественный материал в жилищах не имеет существенных различий. Данные стратиграфии и планиграфии жилищ позволяют считать, что при всей их единокультурности возводились они с некоторым временным интервалом. Об этом может также свидетельствовать взаиморасположение раскопанных объектов, которые смыкаются, а местами даже перекрывают друг друга (жилища Б и В), что не характерно для фиксируемой более свободной планировки неолитических жилых строений на острове.

Первая радиоуглеродная дата для Сучу, полученная по углю из жилища В ($4\ 650 \pm 55$ л.н.; СОАН-1281), может служить ориентиром для определения абсолютного возраста всех трех жилищ, относящихся к поздней стадии мальшевской культуры. Есть другая радиоуглеродная дата – $5\ 830 \pm 65$ л.н., или $3\ 880 \pm 65$ лет до н.э. (СОАН-843) [Орлова, 1995, с. 226]. Анализ сделан по углю, взятому позже (1973 г.) между жилищами В и Д. Последнее вскрыто восточнее жилища В непосредственно на полотне дороги. Оно также относится к мальшевской культуре, но к более ранней ее стадии, с которой, возможно, следует связывать вторую дату.

Выявленные в раскопе 1972 г. жилища нельзя отнести к числу самых ранних на острове, и даже дата $5\ 830 \pm 65$ л.н. не древнейшая среди материалов мальшевской культуры. Первыми на о-ве Сучу, как установлено позже при раскопках в самой высокой северо-западной его части, были носители мариинской культуры, получившей название от находящегося рядом с. Мариинского. Она представлена большим количеством выразительного материала из камня и керамики. Ненарушенные участки культурного пласта с находками датируются 9–7 тыс. л.н. Остатки разновременных жилищ (типа полуземлянок) мариинской культуры пока не выявлены, однако есть данные, указывающие на то, что они существовали. Памятники этой культуры в настоящее время известны во многих местах Нижнего Приамурья, главным образом в юго-западном направлении от о-ва Сучу.

Место в лощине, где располагался раскоп I, было почти идеальным для постоянного или временного

проживания людей практически во все культурно-исторические периоды на острове – близость богатой рыбой реки с пологим берегом, обеспечивавшим каменным сырьем в виде галек разных пород, удобная лощина, защищенная от холодных северных ветров. Первыми эти преимущества оценили и построили свои полуземлянки носители мальшевской культуры (хотя до них в лощине кратковременно могли останавливаться представители кондонской культуры), позже здесь оставили следы своего пребывания амурские обитатели различного времени. Указанные обстоятельства позволяют понять причину перемешанности культурного слоя в раскопе. Из-за этого стратиграфически невозможно выделение артефактов почти всех культур, за исключением мальшевской, вещественные остатки которой в заполнении жилищ и, что особенно важно, на их полу несоизмеримо представительнее других. Лишь типологический анализ с привлечением имеющихся данных о материалах, в особенности керамических, из однослойных жилищных объектов позволил соотнести находки с конкретными культурами. Место, где располагался раскоп, пришельцы более позднего времени использовали по своему усмотрению, в т.ч. выкапывая ямы-хранилища, сооружая очаги и кострища. Все это привело к тому, что вещественные остатки не только среднего, позднего и финального неолита, но даже раннего железного века оказались частично на полу жилищ.

Интересным представляется нахождение в раскопе керамики, распределяющейся по различным признакам на три группы, связанные с вознесеновской культурой позднего неолита. Впервые на острове была выявлена керамика финального неолита. Она, скорее всего, представляет переходный этап от каменного века к эпохе раннего металла. Результаты раскопок, в т.ч. предыдущих и последующих лет, продемонстрировали нахождение в различных местах острова материальных остатков польцевской культуры раннего железного века (вторая половина I тыс. до н.э.). Они представлены довольно заметными коллекциями керамики, несколько модифицированной по сравнению с продукцией гончарства этой культуры юго-западных ниже- и особенно средне-амурских районов.

Перемешанность культурного слоя в рассматриваемом раскопе особенно сказывается при характеристике каменного инвентаря, его культурно-хронологическом анализе. Хотя подавляющее большинство орудий, инструментария принадлежит мальшевской культуре, часть из них (режущие, рубящие, скребловидные и др.) можно определить как вознесеновские, поскольку изделия этих двух культур весьма часто идентичны. Отдельные категории их каменного инвентаря находят аналогии в кондонской культуре, однако для последней свойственна заметно большая

доля пластинчатых орудий. То же можно сказать и о т.н. белькачинском комплексе, к которому, вероятно, относится заметная часть найденных в раскопе пластинчатых артефактов и нуклеусов. Сравнительно небольшое количество материала этого неамурского комплекса отчетливо выделяется своими характерными круглодонными, иногда с «шипом» внизу, сосудами, покрытыми оттисками шнура. Аналогичная керамика на Сучу и отдельных памятниках Нижнего Приамурья довольно близка (хотя имеет свои особенности) к керамическим материалам белькачинской неолитической культуры северо-востока Сибири, в особенности районов рек Лены и Алдана. Иначе обстоит дело с каменным инвентарем. На известных в Нижнем Приамурье памятниках с керамикой белькачинского типа не обнаружены характерные для этой культуры орудия: шлифованные ступенчатые тесла, оббитые тесла с ушками, многофасеточные резцы-дрели с нуклеидными или двусторонне обработанными рукоятками, двусторонне ретушированные ножи с выступом для подвешивания и некоторые другие изделия. Белькачинская культура датируется началом III – первыми веками II тыс. до н.э. [Неолит..., 1996, с. 298–300]. Отсутствие характерного для нее каменного инвентаря на памятниках Приамурья не позволяет включать, как это иногда делается, данный регион в ареал белькачинской культуры.

Раскопки на о-ве Сучу в 1972 г. позволили получить важный материал, углубляющий наши знания о неолите Приамурья. Результаты последующих исследований в других частях раскопа I, их публикация будут способствовать расширению представлений о древностях этого острова-памятника.

Список литературы

- Дервянко А.П., Медведев В.Е.** К тридцатилетию начала стационарных исследований на острове Сучу (*некоторые итоги*) // История и культура Востока Азии: мат-лы Междунар. науч. конф. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. II. – С. 53–66.
- Медведев В.Е.** Отчет о работах на острове Сучу в 1995 г. Хабаровский край // Архив ИА РАН. Р-1. № 19584. 75 л.
- Медведев В.Е.** Об экспедиции академика А.П. Окладникова на нижнем Амуре в 1968 г. // *Homo eurasicus* в глубинах и пространствах истории. – СПб.: Астерион, 2008. – С. 36–42.
- Медведев В.Е., Филатова И.В.** Результаты исследований на острове Сучу (1968 год) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 111–116.
- Неолит** Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – 380 с.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. – 1941. – Вып. 9. – С. 5–14.
- Окладников А.П.** У истоков культуры народов Дальнего Востока // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. – М.: Госкультпросветиздат, 1954. – С. 225–260.
- Окладников А.П.** Неолит нижнего Амура // Древняя Сибирь: (Макет I тома «Истории Сибири») / АН СССР. СО. Отд. гуманитар. исследований Ин-та экономики. – Улан-Удэ: [б.и.], 1964. – С. 195–214.
- Окладников А.П.** Отчет о раскопках неолитического поселения на о-ве Сучу Хабаровского края. 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4800. 63 л.
- Окладников А.П.** Новые данные по неолиту Нижнего Амура // АО 1972 года. – М.: Наука, 1973. – С. 232–233.
- Окладников А.П.** Археология // Сохина Э.Н., Боярская Т.Д., Окладников А.П., Росликова В.И., Чернюк А.И. Разрез новейших отложений Нижнего Приамурья. – М.: Наука, 1978. – С. 78–81.
- Окладников А.П., Дервянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.
- Орлова Л.А.** Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – Ч. 2. – С. 207–232.
- Тарасова А.И.** Владимир Клавдиевич Арсеньев. – М.: Наука, 1985. – 344 с.
- Okladnikov A.** Ancient Art of the Amur Region. – Leningrad: Aurora Art Publishers, 1981. – 160 p.

Материал поступил в редакцию 07.04.15 г.

УДК 903.2

А.В. Табарев¹, Й. Каномата²¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: olmec@yandex.ru*² *Университет Тохоку, Япония**Tohoku University**Kawauchi 27-1, Aoba ward, Sendai, 980-8576, Japan**E-mail: kanomata@m.tohoku.ac.jp*

**«ТРОПИЧЕСКИЙ ПАКЕТ»:
ОСОБЕННОСТИ КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ
ДРЕВНЕЙШИХ КУЛЬТУР ТИХООКЕАНСКОГО БАССЕЙНА
(на примере побережья Эквадора)***

В статье рассматриваются каменные индустрии древнейших культур на тихоокеанском побережье Эквадора – докерамической лас-вегас (10 840–6 600 л.н.) и раннекерамической вальдивия (5 500–3 500 л.н.). На основе данных технико-типологического и трасологического анализов предложена оригинальная модель «тропического пакета» каменного инструментария в переходный период от общества охотников-собирателей к культуре ранних земледельцев.

Ключевые слова: Эквадор, культура лас-вегас, культура вальдивия, каменная индустрия, технология, трасология.

A.V. Tabarev¹ and Y. Kanomata²¹ *Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia**E-mail: olmec@yandex.ru*² *Tohoku University, Kawauchi, 27-1, Aoba ward, Sendai, 980-8576, Japan**E-mail: kanomata@m.tohoku.ac.jp*

**“TROPICAL PACKAGE”: PECULIARITIES OF THE LITHIC INDUSTRIES
OF THE MOST ANCIENT CULTURES, COASTAL ECUADOR, PACIFIC BASIN**

The article is devoted to the lithic industries of the most ancient cultures on the Pacific coast of Ecuador – pre-ceramic Las Vegas culture (10,840–6600 BP) and early pottery culture (5500–3500 BP). The original model of the “Tropical package” for the transitional period from hunter-gatherers to early agriculturalists is proposed on the base of techno-typological and use-wear analysis.

Keywords: Ecuador, Las Vegas culture, Valdivia culture, lithic industry, technology, use-wear analysis.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.064-076

Введение

Полуостров Санта-Элена на побережье Эквадора (между 2 и 3° ю. ш., площадь ок. 3 690 км²) – уникальный район (рис. 1), археологические материалы

которого представляют большой интерес как с практической, так и с теоретической точки зрения. Здесь проходил один из маршрутов первоначального заселения континента; ок. 6 тыс. л.н. появилась самая ранняя не только для Южной Америки, но и для всего Нового Света керамическая посуда; здесь благодаря полуаридным климатическим условиям хорошо сохраняются разнообразные органические материалы и, соответственно, существует возможность использования самого широкого спектра методов естественных

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036) и гранта Японского общества содействия науке (Japan Society for the Promotion of Science; № 23720376).

наук. С теоретической точки зрения, это район оригинальных моделей охотничье-рыболовно-собираТЕЛЬСКИХ сообществ, а также раннего перехода к оседлости и опытов по доместикации растений, что сопровождалось возникновением монументальной архитектуры и обособлением племенной элиты.

На сегодняшний день древнейшей на тихоокеанском побережье Эквадора является докерамическая культура лас-вегас – 10 840–6 600 л.н. (ранний период – 10 840–8 000 л.н.). Известно более 30 памятников (все на территории п-ова Санта-Элена), но стационарные исследования проводились лишь на одном [Stoother, 2011; Stoother, Piperno, Andres, 2003]. Далее следует раннекерамическая культура вальдивия – 5 500–3 500 л.н. (фазы 1, 2 – 5 500–4 700 л.н.). В прибрежной части Эквадора насчитывается ок. 100 памятников, стационарные раскопки производились только на пяти [Marcos, 2008; Meggers, Evans, Estrada, 1965; Zeidler, 2003]*.

Основной акцент в изучении культур лас-вегас и вальдивия исследователями конца 1950-х – начала 2000-х гг. был сделан на погребальных комплексах, керамике, палеоэкологических реконструкциях, а также поисках свидетельств раннего земледелия. Каменные индустрии описаны лишь в общих чертах, технологии расщепления и вторичной обработки не детализированы, функциональный анализ орудий никогда ранее не проводился. Данная проблематика находится в центре нашего внимания. И для российских, и для японских археологов это первый опыт подобных исследований и в Эквадоре, и в Южной Америке в целом. В ходе работ с материалами культуры лас-вегас (2013 г.) и совместных российско-японско-эквадорских раскопок на эталонном памятнике культуры вальдивия Реаль-Альто (2014 г.) нами получена обширная информация, обработка которой ведется в настоящее время. Отдельные сюжеты были опубликованы ранее на русском, японском и испанском языках [Табарев, Каномата, Стосерт, 2013; Kanomata et al., 2014a, b]. Настоящая статья является первой развернутой публикацией, посвященной анализу особенностей каменной индустрии древнейших культур тихоокеанского побережья Эквадора.

Из истории изучения древнейших культур п-ова Санта-Элена

Начало изучения древнейшего прошлого п-ова Санта-Элена относится к XVI в. и связано с любопытной дискуссией о «гигантах», кости которых обнаружили еще испанские конкистадоры и упоминали хронисты

*Согласно региональной периодизации, культура лас-вегас относится к архаическому периоду (Archaic), а вальдивия – к раннеформативному (Early Formative).

Рис. 1. Ареалы культур лас-вегас (1) и вальдивия (2) в Эквадоре.

(Педро Лопес, Съеса де Леон, Агустин де Сарате и др.) (см., напр.: [Bandelier, 1905; Langebaek, 2003]). В XVIII в. на поиски скелетов и черепов гигантов посылались специальные экспедиции, в 1778 г. большая коллекция была отправлена в Мадрид [Laviana Cuetos, 1984]. В реальности кости, принимавшиеся за останки гигантов, принадлежат плейстоценовым животным, в частности, гигантскому ленивцу – эремотерию (*Ereotherium laurillardii*). В 2003 г. при прокладке нефтепровода недалеко от г. Ла-Либертада было обнаружено одно из самых крупных в Южной Америке палеонтологических местонахождений – Танке Лома. С 2008 г. целая серия практически полностью сохранившихся скелетов гигантских ленивцев с этого местонахождения экспонируется в Университете пров. Санта-Элена в первом на территории Эквадора палеонтологическом музее.

Одно из самых ранних указаний на нахождение каменных орудий в рассматриваемом районе содержится в статье К. Маркема, напечатанной в «Журнале Антропологического общества» в Лондоне в 1864 г.: «Три древних режущих инструмента прошлых обитателей Чандуй недалеко от устья реки Гуаякиль в Южной Америке являются отщепами из прозрачного кристаллического кварца... Такие кварцевые наконечники и ножи находят повсеместно от мыса Санта-Элена до города Гуаякиль... В основном на невысоких холмах, размываемых зимними дождями... Настоящие орудия были найдены мистером Спрусом* рядом с небольшим городком Чандуй на морском побережье в отложениях, напоминающих раковинные кучи в Дании...» [Markham, 1864, p. VII].

*Ричард Спрус (1817–1893 гг.) – английский ботаник, исследователь флоры Амазонии и Анд.

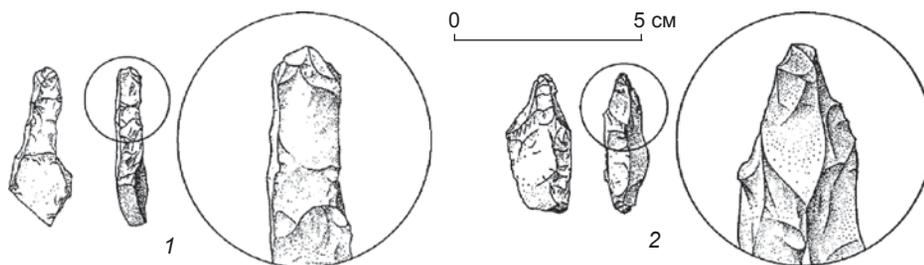

Рис. 2. Перфораторы типа «Джейктаун» культуры вальдивия (по: [Meggers, Evans, Estrada, 1965]).

В начале 1930-х гг. специальные разведочные исследования на п-ове Санта-Элена проводил английский археолог Дж. Бушнелл. В итоговой работе он, в частности, описывал и наиболее ранние, с его точки зрения, материалы: «Отщепы, сделанные из местного кремнистого сланца или из кварцитовых галек из плейстоценовых отложений в местных Андах в изоляции встречаются на поверхности полуострова...» [Bushnell, 1951, p. 66–67].

Местонахождения с характерным для галечной индустрии набором (расколотые гальки, отщепы с ретушью, орудия с выемками, терочки и др.) на юго-западе Эквадора и севере Перу были впервые выделены Э. Ланнингом в начале 1960-х гг.* В его книге «Перу до инков» есть соответствующий параграф «Мангровые собиратели» с описанием нескольких «докерамических комплексов» с поверхностным залеганием материала, среди которых Сичес, Хонда и Вегас (п-ов Санта-Элена, Эквадор). По поводу последнего Э. Ланнинг отмечал: «...Вегас является наиболее типичным для всей группы северных докерамических комплексов... На стоянках встречается большое количество артефактов с выемками, зубчатых и заостренных, а также скребков с грубым рабочим краем... Наконечники метальных орудий полностью отсутствуют, отжимная техника неизвестна...» [Lanning, 1967, p. 54–55].

Основной исследователь культуры лас-вегас К. Стосерт уже в одной из своих первых работ по результатам раскопок на памятнике OGSE-80 предположила, что «в этой части Южной Америки существовала традиция прибрежной охоты и собирательства, характеризующаяся простой технологией обработки камня без изготовления наконечников...» [Stothert, 1974, p. 91]**. В последующих публикациях она неоднократно отмечала: «Охотничье снаряжение не включало каменных наконечников, что, впрочем, необязательно для разделки туш мелких животных...» [Stothert, 1985, 1988]. В рецензии на последнюю из указанных

публикаций М. Мэлпэсс подчеркивал: «В коллекции очень мало тщательно ретушированных орудий. Вообще изделий со следами ретуши на памятнике не более 200. Тем не менее это компенсируется большим количеством слегка модифицированных орудий или орудий со следами использования, которые составляют основу орудийного набора... Вегас – это комплекс унифасиальный...» [Malpass, 1993, p. 392].

Д. Лавалье в обобщающей работе по археологии Южной Америки так кратко охарактеризовала инструментарий культуры лас-вегас: «...кварцитовые отщепы с минимальной ретушью или без нее, гальки для раскалывания или растирания, и при этом отсутствие... бифасиальных каменных орудий и наконечников...» [Lavallée, 2000, p. 97].

Таким образом, все авторы сходятся во мнении о достаточно простом облике индустрии лас-вегас, отсутствии в ее арсенале бифасиальной и отжимной техники, а в инструментарии – пластин и наконечников. Нет никаких указаний на характер эволюции индустрии на протяжении почти 4,5 тыс. лет ее существования.

Что касается культуры вальдивия, то фактически единственной работой, содержащей описание каменных орудий, является публикация Б. Меггера, К. Эванса и Э. Эстрада о раскопках эпонимного памятника (Вальдивия) в конце 1950-х – начале 1960-х гг. На ранней стадии этой культуры (по схеме авторов, период А, 5 000–4 300 л.н.) ими выделены два типа аморфных нуклеусов, пластины (в реальности – отщепы), граверы, скребки, терочки, абразивы, ложила, грузила, а также специфические перфораторы (типа «Джейктаун») [Meggers, Evans, Estrada, 1965, p. 26–39] (рис. 2).

Основные технологические характеристики каменных индустрий лас-вегас и вальдивия (фазы 1, 2)

В рамках проекта мы работали с массовой (до 50 тыс. ед.) коллекцией комплекса OGSE-80, а также с достаточно представительной выборкой с памятников OGSE-38, -66, -67 и -78 (в целом ок. 3 тыс. ед.). В качестве сырья древними обитателями побережья использовались кварциты, разноокрашенные крем-

*На русском языке о работах Э. Ланнинга в Перу и Эквадоре см.: [Табарев, 2006].

**Это единственная работа, практически целиком посвященная морфологическому описанию каменной индустрии культуры лас-вегас.

нистые сланцы, халцедоны, яшмоиды с невысокой изотропностью (возможностью системного расщепления). Практически на 90 % эти виды сырья и разноразмерные отбойники из окатанной гальки можно найти в сухих руслах многочисленных мелких рек в радиусе 3–5 км и на 100 % в радиусе 10–15 км от памятника OGSE-80. Примечательно, что среди просмотренных нами материалов не оказалось ни одного фрагмента обсидиана, богатые месторождения которого находятся в континентальной части Эквадора на расстоянии ок. 200 км. Изделия из вулканического сырья не местного происхождения впервые появились на побережье значительно позднее (ок. 4 тыс. л.н.), на среднем этапе развития культуры вальдивия.

Действительно, внешне индустрия лас-вегас не столь эффектна – в ней нет таких диагностических категорий, как наконечники метательных орудий, отсутствуют нуклеусы для снятия пластин или пластинчатых заготовок, крайне мало морфологически выраженных орудий с регулярной фасиальной и краевой ретушью, резцовым сколом, подшлифовкой или подтеской. В коллекциях преобладают расколотые гальки, мелкие и средние отщепы, сколы, обломки и осколки. Подавляющее большинство (99,9 %) артефактов вообще не имеет никаких признаков вторичной обработки.

Расщепление сырья в индустрии лас-вегас можно условно свести к двум вариантам – редукции кварцитовых галек для получения крупных первичных и вторичных отщепов овальных очертаний (рис. 3), а также скалыванию мелких и средних отщепов с конкреций кремнистого сланца и халцедона. Это достаточно распространенные варианты для галечных индустрий в различных регионах мира и в разные эпохи.

Первый вариант часто связывают с «биполярной техникой», но анализ коллекций культуры лас-вегас этого не подтверждает. Напомним, что биполярная техника документируется: 1) соответствующими ядрищами с негативами встречных снятий, являющихся результатом двух встречных импульсов; 2) наличием на продуктах расщепления (отщепах, пластинках) двух ударных бугорков, более рельефного на проксимальной части и менее заметного – на дистальной; 3) достаточным количеством наковален, на которых производилось расщепление (см., напр.: [Уиттакер, Алаев, Алаева, 2004; Barham, 1987; Patterson, 1979]). В индустрии лас-вегас гальки в подавляющем большинстве случаев раскалывались не по направлению импульсов от отбойника и наковальни, а по внутренней микротрещине или каверне – отсюда много отходов в виде обломков и осколков. Качество сырья не позволяет проследить наличие двух ударных бугорков, а имеющиеся в коллекциях плоские гальки или их фрагменты являются, скорее всего, не наковальнями, а терочниками. Несвойственны индустрии лас-вегас также декоративная ядрищ, подправка карнизов, вы-

Рис. 3. Кварцитовые отщепы культуры лас-вегас.

равнивание фронта, т.е. все операции, характерные для пластинчатой технологии. Ни пластин, ни пластинчатых отщепов в строгом определении этих категорий нет. Индустрия лас-вегас отщеповая.

Второй вариант связан с «нуклеусами в форме лошадиного копыта» [Kamminga, 1982]. Сырьем служили небольшие гальки и конкреции кремнистого сланца, халцедона, яшмоиды. Скалывание производилось по периметру наиболее подходящей плоской поверхности. На финальной стадии такие «ядрища» (2,5 × 3 × 2,5 см) внешне напоминают истощенные подпризматические нуклеусы, но без оформленной ударной площадки и подправки дуги скалывания. Отщепы, полученные таким способом, использовались в качестве мелких инструментов разового применения, в единичных случаях оформлялись краевой прерывистой мелкофасеточной ретушью. Не должны вводить в заблуждение и единичные обломки таких ядрищ, напоминающие фрагменты пластинчатых микронуклеусов с негативами пластинок (рис. 4, 5), – правильных пластинок и микропластинок не встречено.

Позволяет ли анализ материала выявить какие-либо различия в технокомплексах раннего (10 840–8 000 л.н.) и позднего (8 000–6 600 л.н.) периодов развития культуры лас-вегас? Во всяком случае, есть ряд интересных наблюдений. Во-первых, на позднем этапе встречается значительно больше ядрищ из качественного сырья, позволяющего получать большее количество сколов с желаемыми параметрами. Во-вторых, 80 % морфологически выраженных орудий (боковые и концевые скребки, резец) найдены в слоях, также датированных этим периодом (рис. 4, 1–4). Есть, тем не менее, весьма примечательные артефакты, относящиеся к раннему этапу. Выше упоминалось, что предыдущие исследователи не отметили в каменном инструментарии культуры лас-вегас метательных наконечников и признаков бифасиальной техники в целом. Нам впервые удалось обнаружить один выразительный фрагмент листовидного бифаса (толщина сечения не более 4 мм,

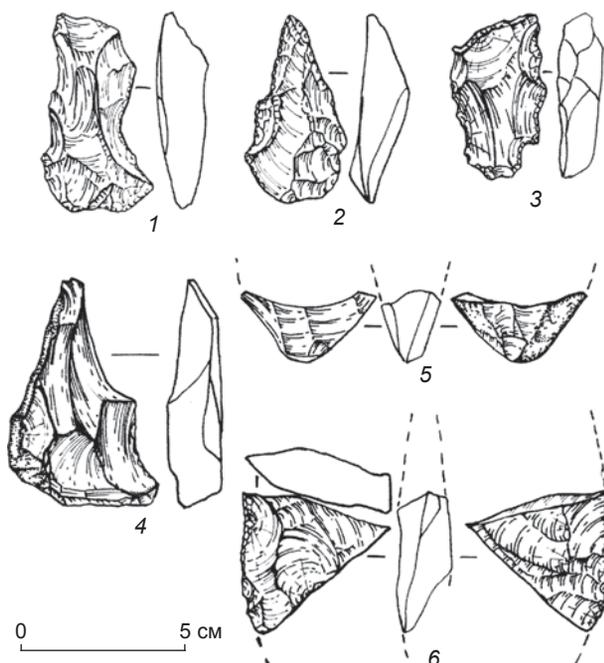

Рис. 4. Каменная индустрия культуры лас-вегас.
1–4 – орудия с краевой ретушью; 5 – обломок нуклеуса;
6 – фрагмент листовидного бифаса.

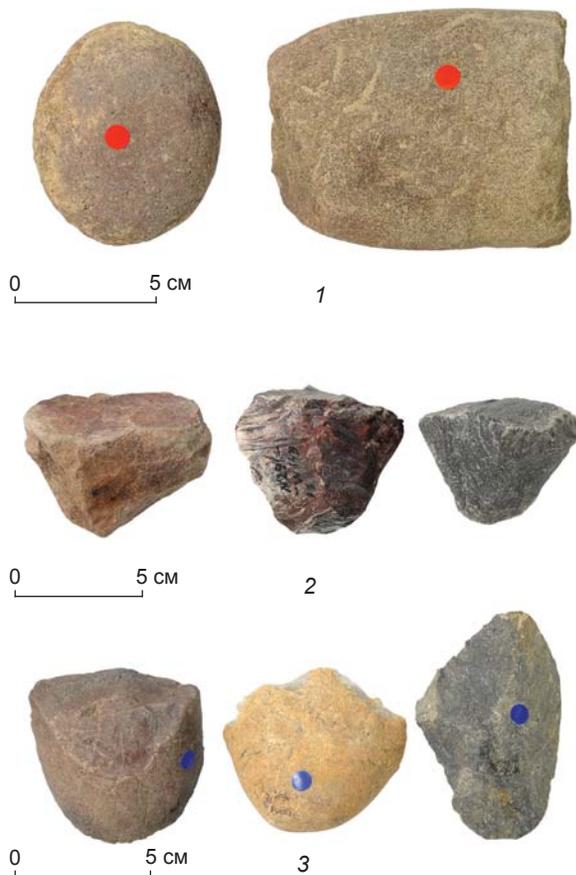

Рис. 5. Каменная индустрия культуры вальдивия.
1 – терочники; 2 – нуклеусы; 3 – галечные отщепы с ретушью.

возможная длина до 10 см) из качественного красноватого кремнистого сланца (рис. 4, 6). Он найден на памятнике OGSE-80 на глубине 145–165 см в слое с датой $10\ 100 \pm 130$ л.н. (ранний период культуры лас-вегас). Трасологический анализ фрагмента позволил определить, что им работали как скобелем или скребком по твердому плотному материалу (кость, рог).

Рассмотрим теперь основные особенности каменной индустрии культуры вальдивия. В ходе разборки культуросодержащих отложений (раскоп 5×4 м, мощность отложений до 1 м) на памятнике Реаль-Альто в 2014 г. было найдено 1 455 каменных артефактов. Все они относятся к раннему периоду культуры – фазам 1, 2, в диапазоне 5 500–4 700 л.н.

На основе технико-типологических признаков и характеристик сырья все артефакты были предварительно разделены на следующие категории: терочники и обломки терочников – 79 (рис. 5, 1), целые гальки – 49, колотые гальки (один-два снятия) – 332, галечные нуклеусы (серия снятий) – 12 (рис. 5, 2), орудия из галек (со следами вторичной обработки) – 33 (рис. 5, 3), галечные отщепы (без следов вторичной обработки) – 178, отщепы из других пород – 299, отбойники – 6, обломки, осколки – 335, куски ракушечного конгломерата – 214, продолговатые галечки из мягкого камня (желтый, белый, красный цвета), возможные заготовки для антропоморфных фигурок – 7, кусочки красного и оранжевого красящего вещества (охра) – 2. Отдельно отметим одну небольшую бифасиальную заготовку и одну призматическую пластинку. Тем не менее выделенные нуклеусы аморфны, негативы снятий не позволяют предполагать в рамках данной технологии получение правильных пластинчатых заготовок.

Как видно из приведенных статистических данных, подавляющее большинство артефактов иллюстрирует технологию галечного расщепления (с помощью каменного отбойника). В качестве орудий использовались отщепы, галечные и из других пород (кремь, яшма, халцедоны). Краевой и фасиальной ретуши на них практически не зафиксировано. Обращает на себя внимание достаточно большое количество фрагментов курантов и терочников – свидетельство как активного собирательства, так и раннего земледелия. Таким образом, каменная индустрия раннекерамической вальдивии и по сырью, и по вариантам расщепления, и по процентному содержанию орудий со следами вторичной обработки, и по минимальному присутствию бифасиальной техники практически не отличается от индустрии докерамической культуры лас-вегас.

Трасология

Для обнаружения и диагностики следов износа на каменных артефактах использовался портативный

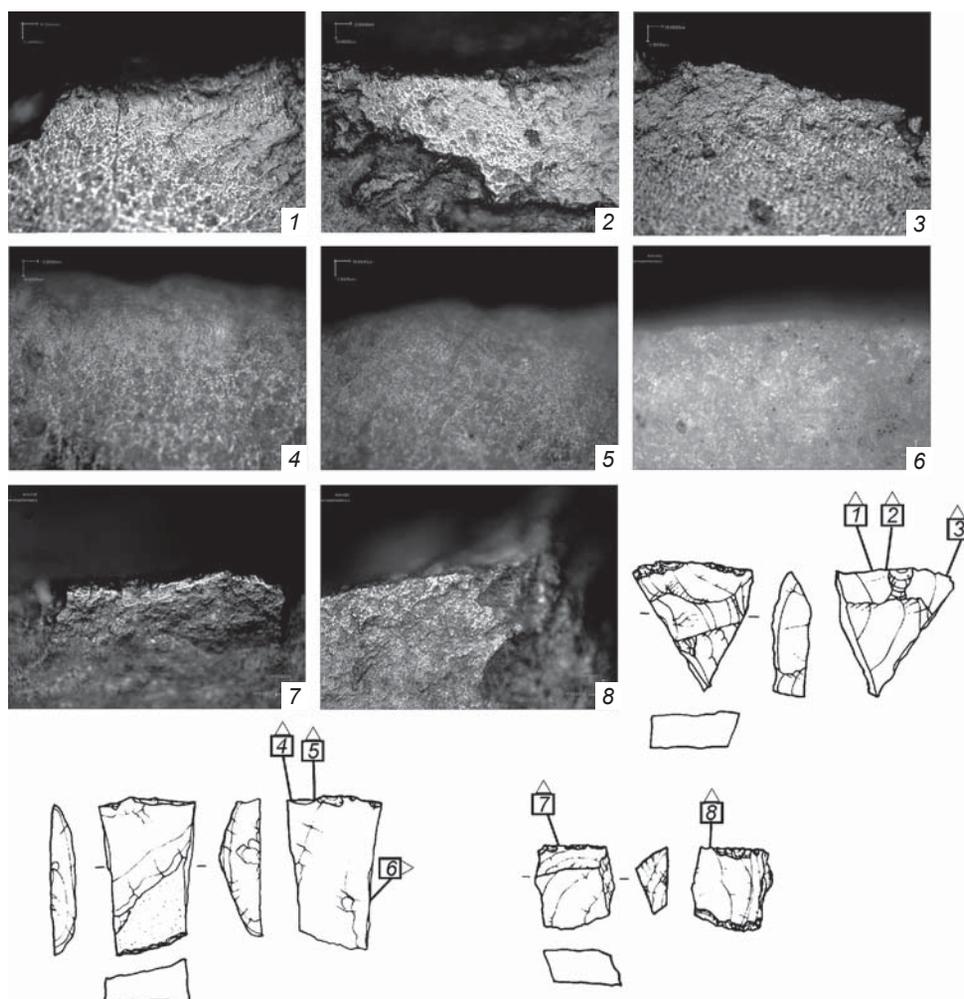

Рис. 6. Артефакты со следами использования. Каменная индустрия культуры лас-вегас.
1, 2, 7, 8 – заполировка типа D1 (обработка рога или кости); 3, 6 – участки без следов; 4, 5 – заполировка типа E2 (обработка сухой шкуры).

микроскоп Olympus VH в режимах стандартного увеличения $\times 100$, $\times 200$ и $\times 400$. Определение типов заполировки производилось по классификации Л. Килли и методики, разработанной специалистами из Университета Тохоку (Япония) [Keeley, 1980; Serizawa, Kajiwara, Akoshima, 1982]*.

Для индустрии лас-вегас анализ выполнен по репрезентативной выборке артефактов (более 100) из различного сырья (кварциты, кремнистые сланцы, халцедоны). Поиск следов износа затруднялся рядом обстоятельств. Во-первых, особенностями преобладающего сырья (кварциты), на котором заполировка от работы практически не видна. Во-вторых, большинство отщепов использовались в рамках кратковременного рабочего цикла. В-третьих, осмотр показал, что

*Японская методика предполагает разделение всех следов износа на девять основных групп: А, В, С, D1, D2, E1, E2, F1, F2.

значительная часть визуально различимых модификаций краев на отщепах является не результатом работанности, а следствием применения металлических сит при просеивании грунта в ходе раскопок. Четкие следы износа от работы были зафиксированы всего на трех изделиях. На двух они соответствуют заполировке типа D1 (обработка рога или кости, вертикальный характер следов) (рис. 6, 1, 2, 7, 8), а на одном – типа E2 (обработка сухой шкуры) (рис. 6, 4, 5). Это вполне согласуется с охотничье-собираТЕЛЬСКИМ характером экономики культуры лас-вегас.

При работе с материалами культуры вальдивия была просмотрена также репрезентативная выборка артефактов (более 100) из различного сырья (кварциты, кремнистые сланцы, халцедоны), найденных в ходе раскопок на памятнике Реаль-Альто в 2014 г. в трех культурных слоях (рис. 7–9). Все сырье, как и в случае с индустрией лас-вегас, местного происхождения. Типы заполировки диагностированы на 12 ар-

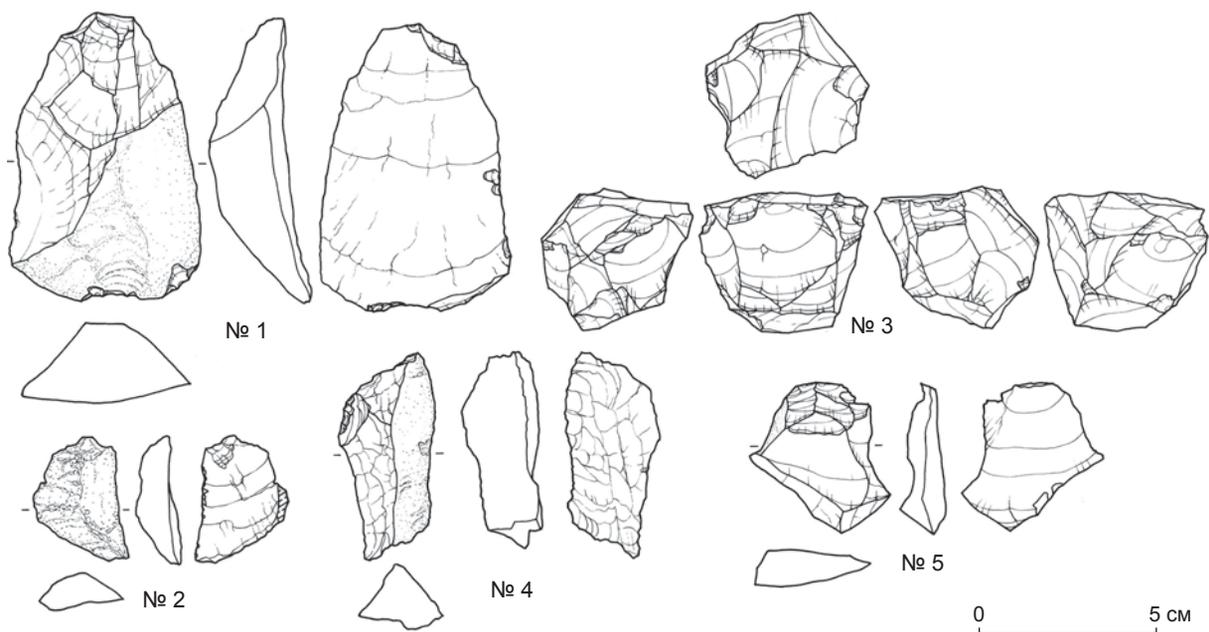

Рис. 7. Каменные артефакты с памятника культуры вальдивия Реаль-Альто, раскопки 2014 г. (указаны порядковые номера в выборке).

№ 1 – подъемный материал; № 2–5 – слой I.

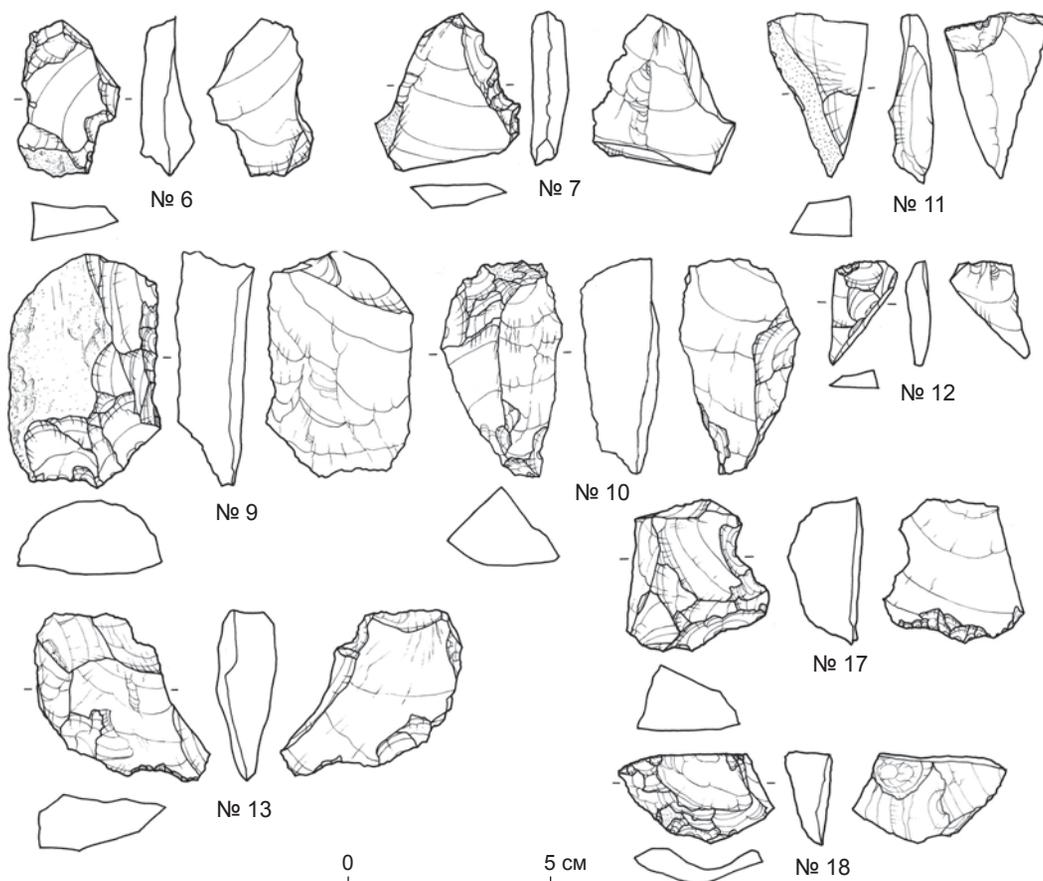

Рис. 8. Каменные артефакты с памятника культуры вальдивия Реаль-Альто, раскопки 2014 г. (указаны порядковые номера в выборке).

№ 6, 7 – слой III; № 9–12, 17, 18 – слой II; № 13 – слой I.

тефактах. Из них 11 экз. – каменные орудия (см. таблицу). Незначительный износ фиксируется еще на нескольких десятках артефактов, но его интерпретация пока под вопросом.

Заполировка типа D1 отмечена в девяти случаях: шесть орудий использовались для скобления ко-

сти/рога (вертикальный характер следов) (рис. 10, 1; 11, 1, 8; 12, 3–5; 13, 1, 2), два – для пиления/резания предположительно раковин (параллельный характер следов) (см. рис. 12, 1, 2, 6–8) и один – для перфорации (см. рис. 11, 5–7). В последнем случае речь идет, скорее всего, о сверлении отверстий в раковинах или

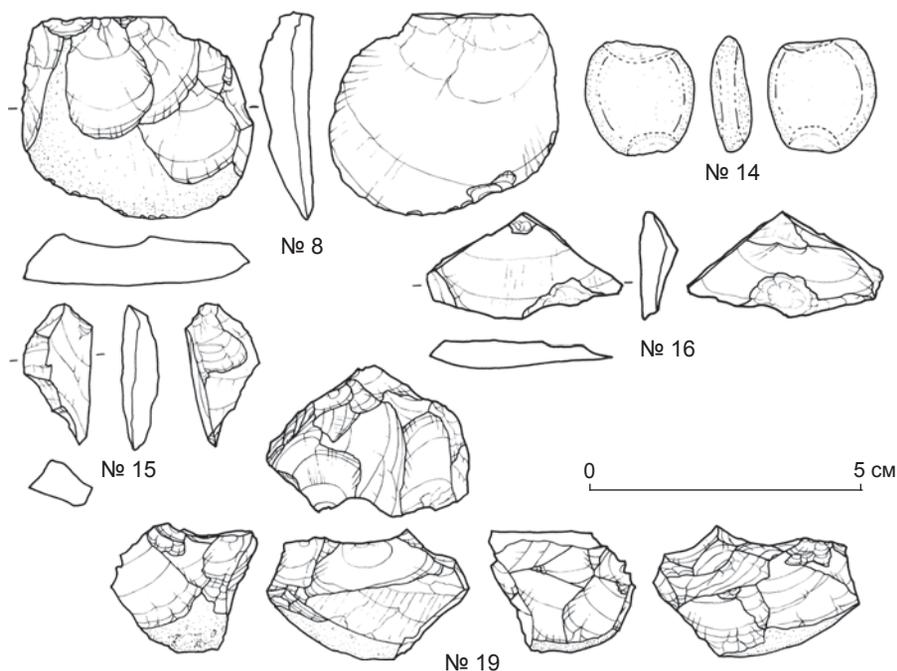

Рис. 9. Каменные артефакты из слоя III памятника культуры вальдивия Реаль-Альто, раскопки 2014 г. (указаны порядковые номера в выборке).

Таблица 1. Функциональное определение каменных орудий с памятника Реаль-Альто (раскопки 2014 г.)

№ п/п в выборке	Тип артефакта	Сырье	Тип заполировки	Обрабатываемый материал	Характер износа	Функция
<i>Слой I</i>						
2	Отщеп с ретушью	Халцедон	F1	Мясо	Параллельный	Резание, пиление
4	Отщеп	»	D1	Кость, рог	Вертикальный	Скобление
5	»	Кремнистый сланец	B	Дерево	Смешанный	?
13	Отщеп с ретушью	Халцедон	D1	Кость, рог	Вертикальный	Скобление
<i>Слой II</i>						
9	То же	Кремнистый сланец	D1	То же	»	»
10	Сверло на отщепе	Кварцит	D1	Раковины, камень	»	Перфорация
11	Отщеп с ретушью	Кремнистый сланец	D1	Кость, рог	»	Скобление
<i>Слой III</i>						
6	То же	Халцедон	D1	Раковины	Параллельный	Резание, пиление
7	Скребок на отщепе	Кварцит	D1	Кость, рог	Параллельный	То же
17	Скребок на отщепе с выемкой	Кремнистый сланец	D1	Раковины	Вертикальный	Скобление, пиление
18	Скребок на отщепе	То же	D1	Кость, рог	Вертикальный	То же

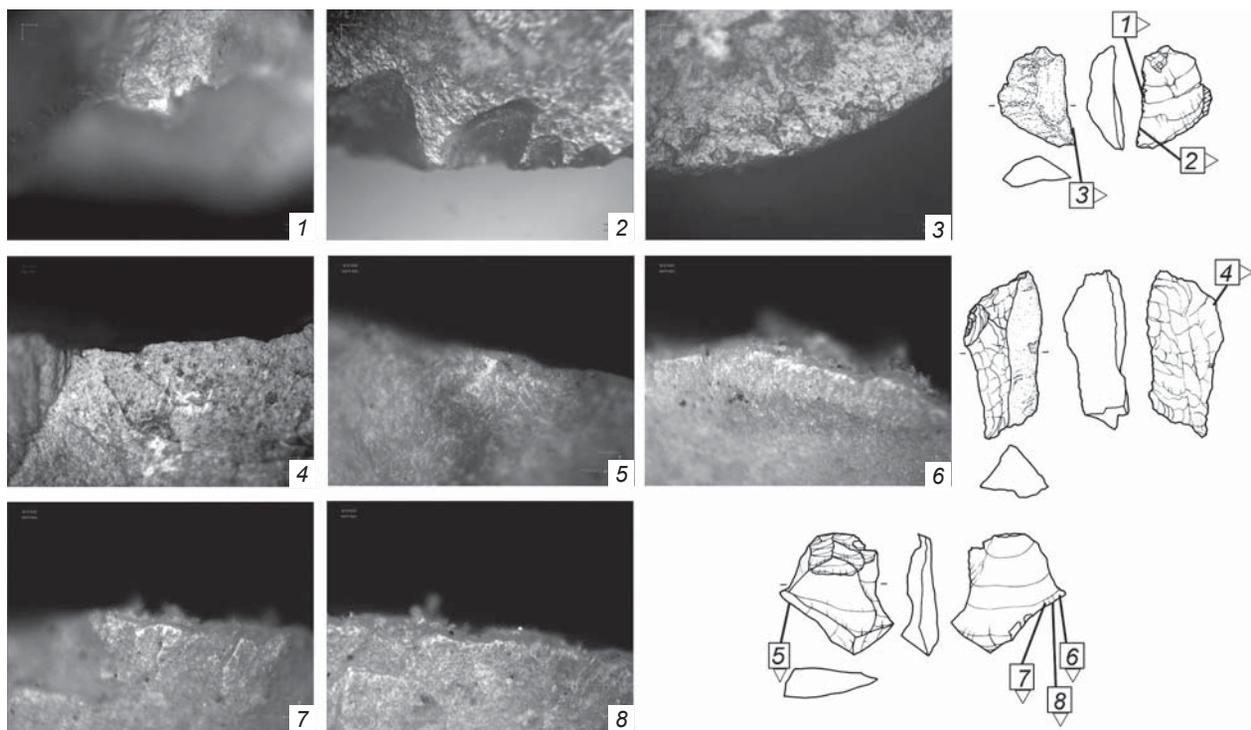

Рис. 10. Артефакты со следами использования. Каменная индустрия культуры вальдивия.
 1 – заполировка типа D1, обработка рога или кости; 2 – заполировка типа F1, резка мяса; 3 – параллельные следы; 4 – вертикальные следы;
 5–8 – заполировка типа B, обработка дерева.

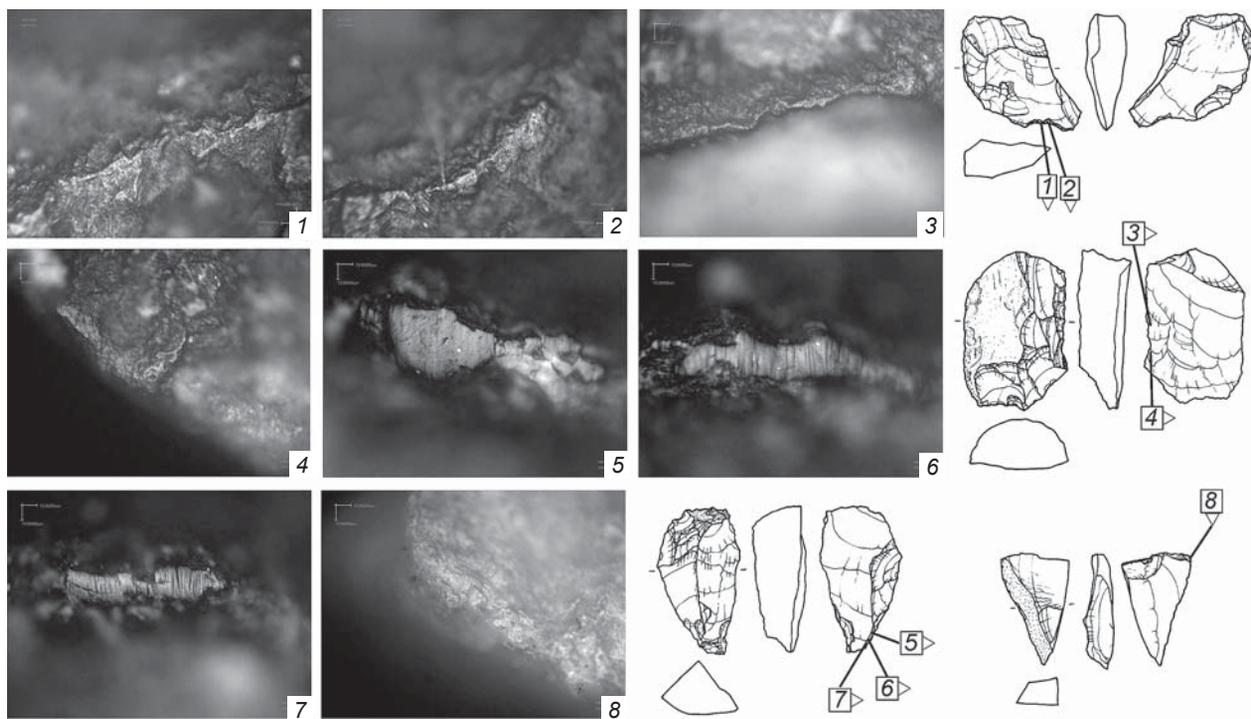

Рис. 11. Артефакты с заполировкой типа D1 (обработка рога или кости). Каменная индустрия культуры вальдивия.

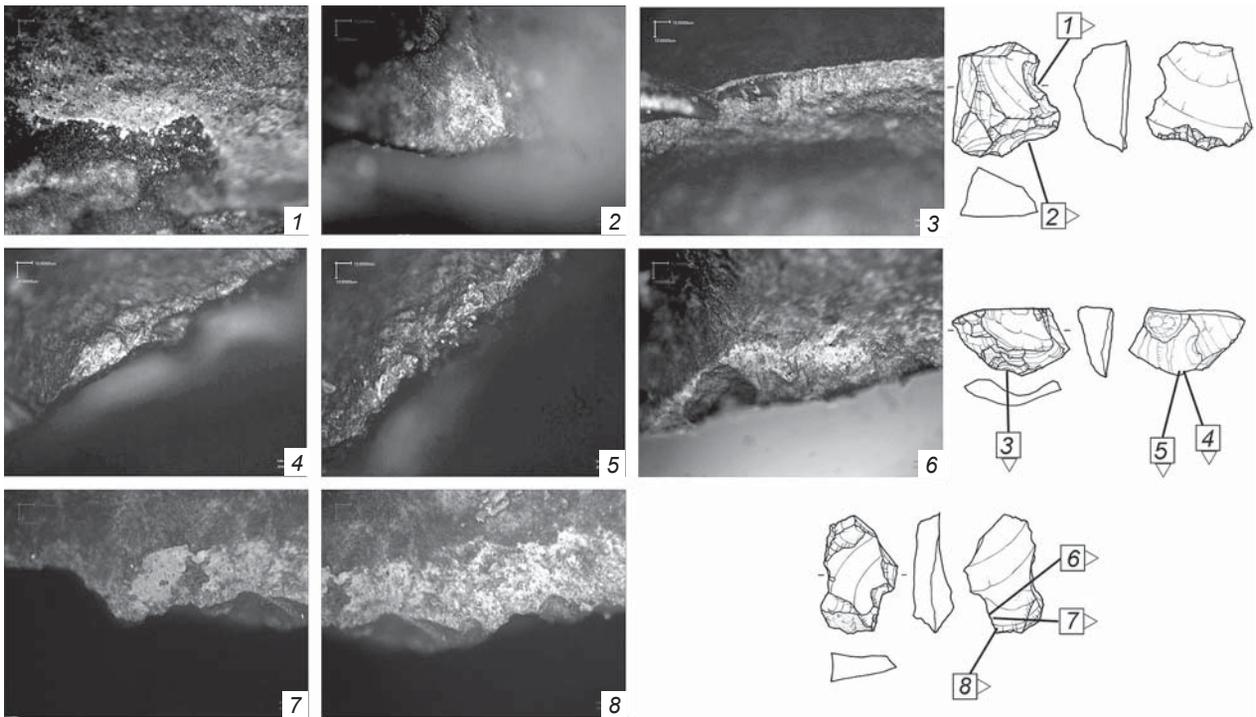

Рис. 12. Артефакты со следами использования. Каменная индустрия культуры вальдивия.
 1, 2, 6–8 – заполировка типа D1, обработка раковин; 3–5 – заполировка типа D1, обработка рога или кости.

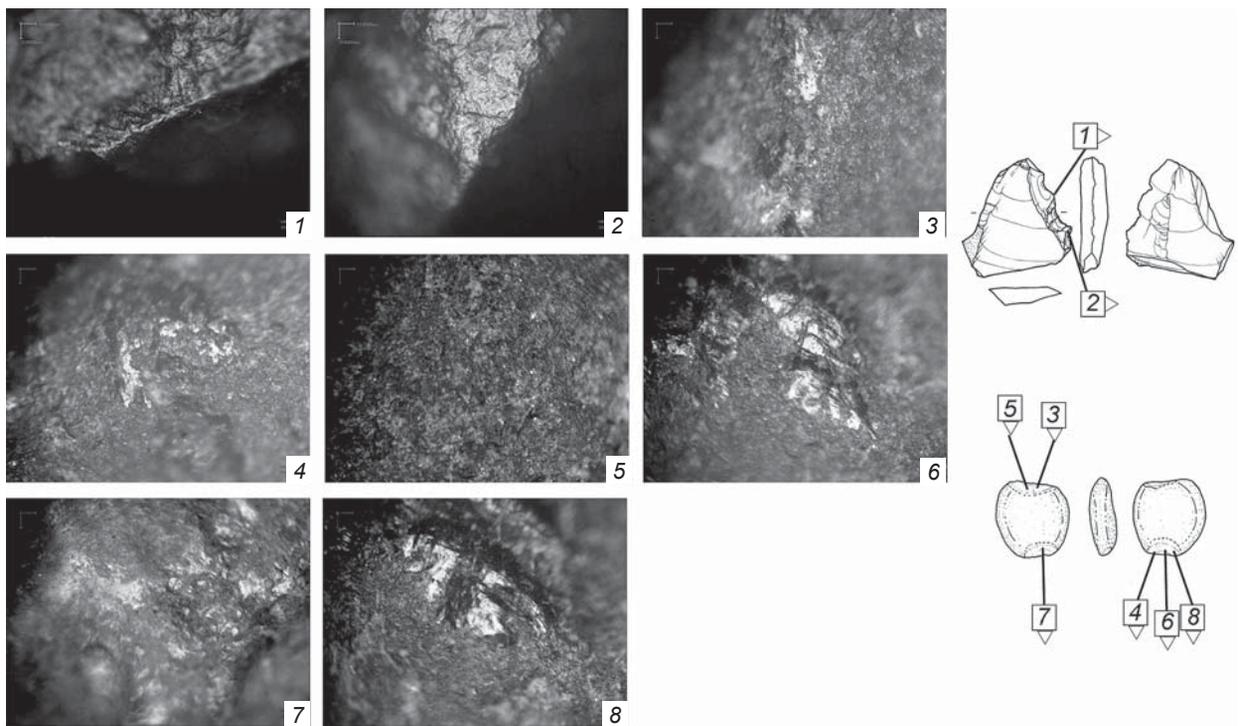

Рис. 13. Артефакты со следами использования. Каменная индустрия культуры вальдивия.
 1, 2 – заполировка типа D1, обработка рога или кости; 3–8 – следы затертости на подвеске.

камне с использованием воды. Данный инструмент морфологически близок к сверлам типа «Джейктаун» по классификации Б. Меггерс и ее коллег [Meggers, Evans, Estrada, 1965, p. 26–39]. Заполировка типа В, характерная для работы по дереву, определена на одном отщепе из кремнистой породы (см. рис. 10, 5–8). На отщепе из полупрозрачного халцедона предположительно зафиксирована заполировка типа F1 (параллельный характер следов), связанная с резкой мяса (см. рис. 10, 2). Один артефакт (кварцитовая галечка) определен как украшение – подвеска (см. рис. 13, 3–8). Затертости на ее краях могут являться результатом достаточно длительного ношения на шнурке.

Таким образом, предварительные данные о характере износа каменных орудий и особенности фаунистического комплекса (морские моллюски составляют 95 %) на памятнике Реаль-Альто по материалам раскопок 2014 г. указывают на активную эксплуатацию морских и прибрежных ресурсов. Отметим также, что характер следов, интенсивность сработанности рабочих краев и в целом инструментарий культур лас-вегас и ранней вальдивии очень похожи.

Обсуждение результатов

Наш анализ двух древнейших индустрий в прибрежной части Эквадора носит, безусловно, предвари-

тельный характер. Тем не менее он позволяет сделать несколько интересных выводов и наметить наиболее перспективные направления последующих исследований. Во-первых, пока мы не видим очевидной эволюции каменной индустрии в рамках докерамической культуры лас-вегас. Некоторая статистическая разница по видам сырья и количеству морфологически выраженных артефактов может отражать особенности конкретного памятника, а не всей индустрии.

Во-вторых, нахождение фрагмента бифасиального наконечника (пока единичная находка) в слое раннего периода лас-вегас ($10\ 100 \pm 130$ л.н.) позволяет вписать данный комплекс в круг региональных индустрий. Наиболее близкие аналоги этого изделия обнаружены в континентальной части Эквадора в комплексе Кубилан (местонахождение 27), для которого известны две радиоуглеродные даты в интервале $10\ 500$ – $10\ 300$ л.н. Среди найденных там каменных орудий выделяется серия бифасиальных наконечников (в т.ч. с черешком) длиной до $7,5$ – $8,0$ см. Они могли эффективно использоваться при охоте на средних и мелких животных [Temme, 2009]. Черешковые наконечники с бифасиальной обработкой (например, типа Рестрепо) обнаружены в центральной и юго-западной частях Колумбии [Aceituno et al., 2013; Dillehay, 2000], а также на севере перуанского побережья (типа Пайхан) [Pelegrin, Chauchat, 1993] (рис. 14). Период их бытования $10\ 500$ – $9\ 000$ л.н., что вполне соответствует датам для раннего периода культуры лас-вегас. В более широком контексте традиция черешковых наконечников связывается с прибрежным маршрутом заселения американского континента [Collins et al., 2013; Erlandson, 2013; Erlandson, Braje, 2011].

В-третьих, мы ставим под сомнение существование хронологического разрыва между докерамической и раннекерамической культурами на п-ове Санта-Элена. Напомним, что он фиксируется, если принимать во внимание только наиболее позднюю дату для культуры лас-вегас ($6\ 600 \pm 150$ л.н.) и самую раннюю для вальдивии ($5\ 620 \pm 250$ л.н.). В то же время К. Стосерт приводит еще две даты (определяя период как «пост-лас-вегас») – $5\ 830 \pm 80$ и $5\ 780 \pm 60$ л.н. [Stohtert, 2011, p. 370], что сводит разрыв до минимума*. Безотносительно коллизии с датами каменная индустрия ранней вальдивии не демонстрирует никаких принципиально новых элементов (в выборе техник расщепления, орудийном наборе, оформлении рабочих участков) по сравнению с технокомплексом культуры лас-вегас. В связи с этим возникает вопрос: если не каменная индустрия, то какие другие маркеры позволяют провести границу между двумя культу-

Рис. 14. Расположение комплексов с черешковыми наконечниками, датированных в интервале $10\ 500$ – $9\ 000$ л.н., в Северных Андах.

1 – Лас-вегас; 2 – Кубилан; 3 – Рестрепо; 4 – Пайхан.

*Есть также дата для памятника Реаль-Альто ($6\ 195 \pm 215$ л.н.), которая пока осторожно воспринимается специалистами [Damp, Vargas, 1995, p. 161].

рами на побережье, архаической и формативной, или, говоря привычными для археологии Евразии словами, палеолитом и неолитом? Появление керамики? Поселения со стационарными жилищами? Начало земледелия? Скорее всего, речь идет о комплексе факторов. Тем не менее предположим, что керамическая посуда появилась уже у охотников-собирателей (поздний период культуры лас-вегас, ок. 7 000–6 500 л.н.) и с земледелием напрямую не связана.

Наконец, в-четвертых, каменная индустрия культур лас-вегас и ранней вальдивии демонстрирует статичность. Однако это не показатель «простоты» или «примитивности» технологии. Как раз наоборот, перед нами пример весьма успешной адаптации технологии к экономической специализации культуры, акцент на быстрое изготовление орудий кратковременного (часто разового) использования. Эта индустрия демонстрирует набор эффективных технологий, своеобразный «тропический пакет», признаками которого являются отсутствие сложных систем расщепления, требующих портативных или стационарных приспособлений; серийности в производстве заготовок; диагностических типов орудий; сырья не местного происхождения; минимальное использование приемов вторичной обработки (ретуши, резцового скола). В технологическом арсенале культур лас-вегас и вальдивия камень не являлся наиболее важным и ценным сырьем для изготовления орудий, а лишь одним из дополнений к широкому спектру материалов (дерево, бамбук, раковины, кость, рог), игравших ведущую роль. Именно это обстоятельство и обусловило устойчивость и неизменность облика каменной индустрии на побережье Эквадора.

Дальнейшие исследования позволят выяснить, применимы ли наши выводы только для данного района, для всей тропической зоны или для максимально широкого круга древних культур с галечными индустриями в Тихоокеанском бассейне.

Благодарности

Выражаем искреннюю признательность д-ру К. Стосерт (Техасский Университет, г. Сан-Антонио, США) за уникальную возможность ознакомиться с коллекциями артефактов культуры лас-вегас в полевой лаборатории в г. Ла-Либертаде (Эквадор), а также проф. Х.Г. Маркосу (Приморский политехнический университет, г. Гуаякиль, Эквадор) за плодотворное сотрудничество, детальные комментарии и обмен мнениями в работе с материалами культуры вальдивия. Отдельная благодарность нашим российским коллегам канд. ист. наук А.Н. Попову (г. Владивосток), Ю.В. Табаревой (г. Новосибирск), канд. геогр. наук Л.В. Дубейковскому (г. Москва) за техническую помощь и иллюстративное сопровождение при подготовке статьи.

Список литературы

Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки: Анды и тихоокеанское побережье: учеб. пособие. – Новосибирск: Сиб. науч. кн., 2006. – 244 с.

Табарев А.В., Каномата Й., Стосерт К. Каменный инвентарь раннеголоценовой культуры Лас-вегас, Эквадор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 154–158.

Уиттакер Дж., Алаев С.Н., Алаева Т.В. Расщепление камня: Технология, функция, эксперимент. – Иркутск: Оттиск, 2004. – 312 с.

Aceituno F.J., Loaiza N., Delgado-Burbano M.E., Barrientos G. The Initial Human Settlement of Northwest South America during the Pleistocene/Holocene Transition: Synthesis and Perspectives // *Quaternary Intern.* – 2013. – Vol. 301. – P. 23–33.

Barham L.S. The Bipolar Technique in Southern Africa: A Replication Experiment // *South African Archaeol. Bull.* – 1987. – Vol. 42. – P. 45–50.

Bandelier A.F. Traditions of Precolumbian Landings on the Western Coast of South America // *Am. Anthropologist.* – 1905. – Vol. 7. – P. 250–270.

Bushnell G.H.S. The Archaeology of the Santa Elena Peninsula in South-West Ecuador. – Cambridge: Cambridge University Press, 1951. – 172 p.

Collins M.D., Stanford D.J., Lowery D.L., Bradley B.A. North America Before Clovis: Spatial Cultural Patterns 27,000 – 13,000 cal yr BP // *Paleoamerican Odyssey.* – College Station: Center for the Study of the First Americans; Texas A&M University Press, 2013. – P. 521–539.

Damp J., Vargas L.P.S. The Many Faces of Early Valdivia Ceramics // *The Emergence of Pottery: Technology and Innovation in Ancient Societies.* – Washington: Smithsonian Institution Press, 1995. – P. 157–168.

Dillehay T.D. Settlement of the Americas: A New Prehistory. – N. Y.: Basic Books, 2000. – 371 p.

Erlandson J.M. After Clovis-first Collapsed: Reimagining the Peopling of the Americas // *Paleoamerican Odyssey.* – College Station: Center for the Study of the First Americans; Texas A&M University Press, 2013. – P. 127–132.

Erlandson J.M., Braje T.J. From Asia to the Americas by Boat? Paleogeography, Paleoecology, and Stemmed Points of the Northwest Pacific // *Quaternary Intern.* – 2011. – Vol. 239. – P. 28–37.

Kamminga J. Over the Edge: Functional Analysis of Australian Stone Tools. – Brisbane: University of Queensland Press, 1982. – 237 p. – (Occasional Papers in Anthropology; N 12).

Kanomata Y., Tabarev A.V., Tabareva Y.V., Stothert K.E. Un Nuevo acercamiento al estudio de herramientas liticas de la cultura milenaria “Las Vegas”, Santa Elena, Ecuador // *Revista Ciencias Pedagógicas e Innovación de la UPSE.* – 2014a. – Vol. II, N 1. – P. 7–15.

Kanomata Y., Tabarev A.V., Tabareva J.V., Stothert K.E. Functional Analysis of Prehistoric Artefacts from Coastal Ecuador // *Bull. of Tohoku University Museum.* – 2014b. – N 13. – P. 31–42.

Keeley L.H. Experimental Determination of Stone Tool Uses. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 212 p.

- Langebaek C.H.** Arqueología colombiana. Ciencia, pasado y exclusion. – Bogotá: Colciencias, Imprenta Nacional, 2003. – 237 p.
- Lanning E.P.** Peru before the Incas. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1967. – 216 p.
- Lavallée D.** The First South Americans: The Peopling of a Continent from the Earliest Evidence to High Culture. – Salt Lake City: The University of Utah Press, 2000. – 260 p.
- Laviana Cuetos M.L.** La descripción de Guayaquil por Francisco Requena, 1774. – Madrid: Escuela de Estudios Hispano-Americanos, 1984. – 132 p.
- Malpass M.** Rev. on: La prehistoria temprana de la Península de Santa Elena: Cultura Las Vegas. Karen. E. Stothert: Museos del Banco Central de Ecuador, Guayaquil, 1988 // Latin American Antiquity. – 1993. – Vol. 4. – P. 392–393.
- Marcos J.** La cronología e investigación de la cerámica Valdivia a los 50 años de su descubrimiento // Miscelánea Antropológica Ecuatoriana. – 2008. – Segunda Época, Año 1, N 1. – P. 66–101.
- Markham C.R.** On Crystal Quartz Cutting Instruments of the Ancient Inhabitants of Chanduy (Near Guayaquil in South America) // J. of the Anthropol. Soc. of London. – 1864. – Vol. 2. – P. IVII–IXI.
- Meggers B., Evans C., Estrada E.** The Early Formative Period of Coastal Ecuador: The Valdivia and Machalilla Phases. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1965. – 234 p. – (Smithsonian Contributions to Anthropology; vol. 1).
- Patterson L.W.** Additional Comments on Bipolar Flaking // Flintknapper's Exchange. – 1979. – Vol. 2, N. 3. – P. 21–22.
- Pelegrin J., Chauchat C.** Tecnología y función de las puntas de Paijan: El aporte de la experimentación // Latin American Antiquity. – 1993. – Vol. 4. – P. 367–382.
- Serizawa C., Kajiwaru H., Akoshima K.** Experimental Study of Microwear Traces and Its Potentiality // Archaeology and Natural Sciences. – 1982. – Vol. 14. – P. 67–87 (in Japanese).
- Stothert K.E.** The Lithic Technology of the Santa Elena Peninsula, Ecuador: A Method for the Analysis of Technologically Simple Stonework: PhD Dissertation / Yale University. – Ann Arbor, 1974. – 323 p.
- Stothert K.E.** The Pre-ceramic Las Vegas Culture of Coastal Ecuador // Am. Antiquity. – 1985. – Vol. 50. – P. 613–637.
- Stothert K.E.** La prehistoria temprana de la Península de Santa Elena: Cultura Las Vegas. – Guayaquil: Museos del Banco Central del Ecuador, 1988. – 272 p. – (Miscelánea Antropológica Ecuatoriana. Ser. Monográfica; N 10).
- Stothert K.E.** Coastal Resources and the Early Holocene Las Vegas Adaptation of Ecuador // Trekking the Shore: Changing Coastlines and the Antiquity of Coastal Settlement. – N. Y.: Springer, 2011. – P. 355–383.
- Stothert K.E., Piperno D.R., Andres T.C.** Terminal Pleistocene/Early Holocene Human Adaptation in Coastal Ecuador: the Las Vegas Evidence // Quaternary Intern. – 2003. – Vol. 109/110. – P. 23–43.
- Temme M.** Cabilán: Dos Estaciones Pre-cerámicas en el Curso Superior del Río San Felipe de Oña (Provincias: Loja y Azuay – Ecuador). – Loja: Universidad Técnica Particular de Loja, 2009. – 135 p.
- Zeidler J.** Appendix A: Formative Period Chronology for the Coast and Western Lowlands of Ecuador // Archaeology of Formative Ecuador. – Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2003. – P. 487–528.

*Материал поступил в редколлегию 06.04.15 г.,
в окончательном варианте – 16.04.15 г.*

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 902.01

В.И. Молодин¹, И.А. Дураков¹, Л.С. Кобелева¹, Л.А. Конева²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

LilyaKobeleva@yandex.ru

²Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630028, Россия

E-mail: idurakov@yandex.ru

konebala@ngs.ru

РЫБА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НОСИТЕЛЕЙ АНДРОНОВСКОЙ (ФЁДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь)*

В статье обсуждаются вопросы, связанные с присутствием ихтиологических материалов в погребениях андроновской (фёдоровской) культуры, а также кротовско-андроновских комплексах могильника Тартас-1 в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь). В погребальной практике выделяются три основных варианта нахождения остатков ихтиофауны: в надмогильных сооружениях, в засыпке могильной ямы и на дне могилы в непосредственной связи с погребенным. Приводятся результаты диагностики видового и возрастного состава рыб, данные о времени их вылова и численности особей. На основе полученной информации сделаны выводы о частичной трансформации погребального обряда у мигрировавшего с юга андроновского (фёдоровского) населения, которая выражалась в замене традиционной мясной пищи на рыбную, а также о возможных серьезных идеологических изменениях, произошедших у пришельцев в результате адаптации к новым условиям жизнедеятельности.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, эпоха бронзы, андроновская (фёдоровская) культура, ихтиологические материалы, погребальный обряд.

V.I. Molodin¹, I.A. Durakov¹, L.S. Kobeleva¹, and L.A. Koneva²

¹Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

²Novosibirsk State Pedagogical University,
Vilyuiskaya 28, Novosibirsk, 630126, Russia

E-mail: idurakov@yandex.ru; konebala@ngs.ru

FISH IN THE BURIAL RITE OF ANDRONOVO (FEDOROVKA) PEOPLE, BASED ON TARTAS-1 CEMETERY

The article analyzes fish remains from Andronovo (Fedorovka) and Krotovo-Andronovo burials at Tartas-1, Baraba forest-steppe, Western Siberia. These remains were found in the surface structures above the graves, in the infill of graves, and at the bottom of graves near human remains. Species and age composition, fishing season, and number of individuals are estimated. Based on these findings, inferences are made regarding the transformation of burial rite of the Andronovo (Fedorovka) migrants from the south, mirroring a shift from the traditional meat diet to that based on fish. Ideological changes related to the adaptation to a new environment are discussed.

Keywords: Baraba forest-steppe, Bronze Age, Andronovo (Fedorovka) culture, fish remains, burial rite.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.077-090

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Введение

Памятник Тартас-1 расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Тартас, неподалеку от места ее впадения в р. Омь, в 2,5 км к северу от с. Старый Тартас Венгеровского р-на Новосибирской обл. (рис. 1). На протяжении последних десяти лет памятник исследовался Западносибирским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН. Его раскопки пока далеки от завершения, однако уже сейчас есть основания утверждать, что Тартас-1 – один из крупнейших некрополей, содержащих захоронения практически всех известных в настоящее время в Обь-Иртышской лесостепи культур эпохи бронзы. Изучение памятника можно считать своеобразной вехой в исследованиях бронзового века юга Западно-Сибирской равнины. Его материалы позволили выявить стратиграфическую позицию разновременных погребальных комплексов относительно друг друга, проследить в погребальном обряде последствия адаптации пришлого андроновского (фёдоровского) населения к новым условиям жизнедеятельности и взаимной ассимиляции этих популяций и аборигенов Барабы [Молодин, Мильникова, Новикова, Соловьев и др., 2009; Молодин, Хансен, Мильникова и др., 2010; Молодин, Мильникова, Новикова, Дураков и др., 2011].

Одной из наиболее информативно емких частей некрополя являются погребально-поминальные комплексы андроновской (фёдоровской) культуры. Уже на ранних стадиях исследования объекта были выявлены отдельные новации в андроновском погребальном комплексе, одна из которых – помещение в захоронения рыбы [Молодин, Мильникова, Новикова, Соловьев и др., 2009, с. 341]. К настоящему времени накоплен большой объем материала для анализа и ха-

рактеристики этой ритуальной особенности, который необходимо ввести в научный оборот.

На данный момент на памятнике Тартас-1 обнаружены 289 погребений андроновской (фёдоровской) культуры. В их числе 66 захоронений с ихтиологическими остатками, что составляет 22,8 % от всего комплекса. В 54 захоронениях удалось установить первоначальное положение рыбы в могиле, 12 погребений были повреждены еще в древности, поэтому все содержащиеся в них материалы находились в переотложенном состоянии. Выделены три основных варианта нахождения ихтиофауны на памятнике: в надмогильных сооружениях, в засыпке могильной ямы и на дне могилы в непосредственной связи с погребенным.

Результаты анализа ихтиологического материала из андроновских (фёдоровских) погребальных комплексов памятника

Остатки ихтиофауны в надмогильных сооружениях

Культурный слой большей части памятника сильно поврежден в результате сельскохозяйственных и дорожных работ. В ходе многолетних исследований ненарушенные слои удалось проследить только на некоторых участках в юго-западной части могильного поля. Следы внемогильных обрядовых действий, связанных с рыбой, обнаружены в зоне расположенных в один ряд погр. № 282 и 288. Можно предположить, что практика проведения таких действий была более широкой, но ее проявления не зафиксированы массово ввиду разрушения верхних культурных слоев памятника.

Над пятном могильной ямы № 288 обнаружено скопление чешуи не менее чем трех крупных карасей. Чешуя местами сохраняет анатомическое строение: черепицеобразно налегает друг на друга. Возраст особей, согласно годовым кольцам, 14, 17 и 18 лет, следовательно, масса их тел должна быть 1,5–3,0 кг. Поскольку последнее годовое кольцо завершено, можно предположить, что рыба была выловлена в конце зимы. Ихтиологические остатки находились на перекрывающей могилу овальной линзе золистого грунта, содержащей рубленые кости животных и фрагменты сосудов баночной формы андроновской культуры. В обрядовых действиях, вероятно, использовалась снятая вместе с чешуей кожа.

Над северо-восточной стенкой погр. № 282 обнаружена овальная линза серого пепла, заполнение которой включало плотные зубы крупного карася. На линзе находилась нижняя часть человеческого скелета: кости таза и нижних конечностей в правильном анатомическом положении, а также несколько позвонков.

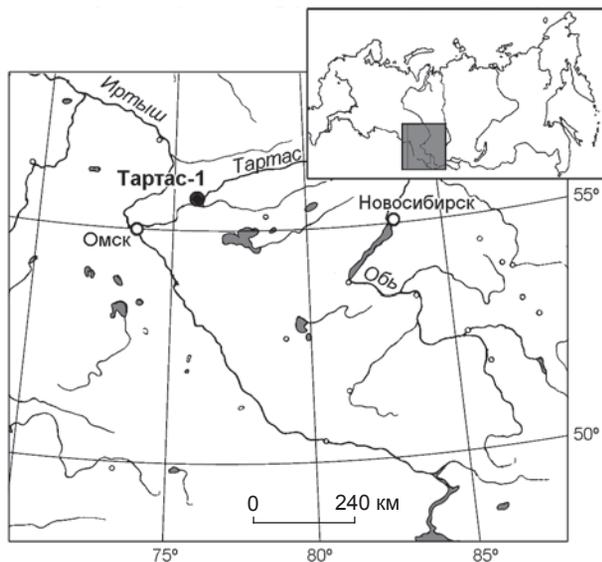

Рис. 1. Местоположение могильника Тартас-1.

Этот объект носил сопроводительный характер; он был связан с какими-то ритуальными действиями, которые производились после того как могилу засыпали.

Важно отметить, что оба захоронения отражают особенность погребальной практики, которая на памятнике получила воплощение по крайней мере еще в 36 могилах [Молодин, Парцингер, Мыльникова и др., 2008]: в верхней части уже зарытой могильной ямы было сделано углубление и в него помещены, помимо жженой почвы и пепла костей животных, фрагменты посуды явно с андроновского (фёдоровского) поселения. Возможно, все элементы этого набора еще в горячем виде перенесли в специально подготовленную яму из ближайшего поселенческого зольника. Чешуя рыбы и остатки скелета человека дополняют эту картину.

Остатки ихтиофауны в заполнении могильной ямы

Рыба в заполнении могильной ямы зафиксирована в 19 захоронениях. Кости и чешуя в засыпке представлены, как правило, разрозненными фрагментами, находившимися на разных уровнях заполнения. Куски разделанной рыбы, видимо, бросали вместе с землей, судя по уровню залегания, чаще всего в полусасыпанную могилу. Такое же расположение ихтиологического материала зафиксировано и в андроновских (фёдоровских) комплексах памятника Погорелка-2 [Наглер и др., 2011], который расположен в 40 км вверх по течению Оми от рассматриваемого некрополя.

По видовой принадлежности ихтиологические остатки распределяются следующим образом:

щука (*Esox lucius*) – в двух могилах. В погр. № 307 обнаружены нижняя челюсть, два позвонка и элементы крышечной кости одной особи массой до 1 кг. В мог. № 311 вместе с чешуей щуки находились жаберные крышки карася;

плотва сибирская (*Rutilus rutilus lacustris*) – только в мог. № 153. Здесь вместе с двумя фрагментами неорнаментированной керамики найдены несколько плоточных зубов и подкрышечная кость не менее чем двух особей;

карась (*Carassius*) – в десяти погребениях. В мог. № 173 обнаружены кости позвоночника и ребра одной особи, № 196 – чешуя и два ребра, № 217 и 283 – по одному позвонку, № 224 – компактно лежавшие позвонки и три кости одной особи, № 214, 220, 238, 483 – чешуя, № 501 – жаберная крышка крупного карася, находившаяся на 0,1 м выше уровня дна;

язь (*Leuciscus idus*) – в шести захоронениях. В мог. № 222 найдено 8 костей одной особи, № 225 – 4 кости одной особи, № 237 – 4 позвонка в сочленении, № 241 – ребро язя вместе с 207 обломками костей животных (в т.ч. коровы, барана, лося) и крупной пти-

цы залегали в золистом грунте, № 242 – 6 костей язя вместе с костями коровы, № 309 – линза чешуи и костей черепа не менее чем пяти-шести особей.

Зафиксированные обрядовые действия с рыбой, видимо, полностью повторяли ритуал с мясной пищей. На это указывают найденные кости и части черепов животных в заполнении могильных ям могильника Тартас-1 (погр. № 148, 187, 195, 227, 267). Следует отметить также случаи совместного нахождения костей млекопитающих и рыб (погр. № 241, 242).

Остатки ихтиофауны на дне могильной ямы

Во время обряда погребения рыбу помещали:

в изголовье умершего – между черепом или скоплением продуктов кремации и стенкой могилы. Отмечены три варианта нахождения рыбы: в керамической посуде, на роговых блюдах и непосредственно на дне могильной ямы;

в ногах – между стенкой могилы и костями ног или пятном кремации;

на теле – в непосредственном контакте с костями скелета. Зафиксированы два варианта нахождения рыбы: среди костей рук и на или под костями нижнего отдела позвоночника.

Варианты расположения ихтиофауны в изголовье погребенного

Рыба в заполнении керамических сосудов. Один из самых распространенных вариантов нахождения ихтиологических материалов в андроновских (фёдоровских) комплексах памятника. Отмечен в 15 могилах. Причем, в пяти захоронениях (погр. № 50, 221, 309, 312 и 416) остатки рыбы были и в сосуде, и на дне могилы (в виде крупных кусков); в погр. № 235 ихтиологические материалы обнаружены в сосуде и на роговом блюде. Только в сосудах рыба представлена в девяти могилах: № 132, 133, 221, 288, 297, 306, 335, 548, 549. Сосуды, содержавшие остатки рыбной пищи, были плоскодонные, с характерной для андроновской (фёдоровской) культуры орнаментацией (рис. 2).

Погребение № 132. Трупосожжение. В северо-восточном углу погребения стоял керамический сосуд, в заполнении которого находились мелкие кости животного (видовая принадлежность неопределима). В юго-восточном углу могилы обнаружен второй сосуд. В его заполнении были фрагменты ребер и позвонков рыб. Определение их видовой принадлежности невозможно.

Погребение № 133. Трупоположение. Между лобной частью черепа человека и восточным углом могилы обнаружен развал керамического сосуда. В его

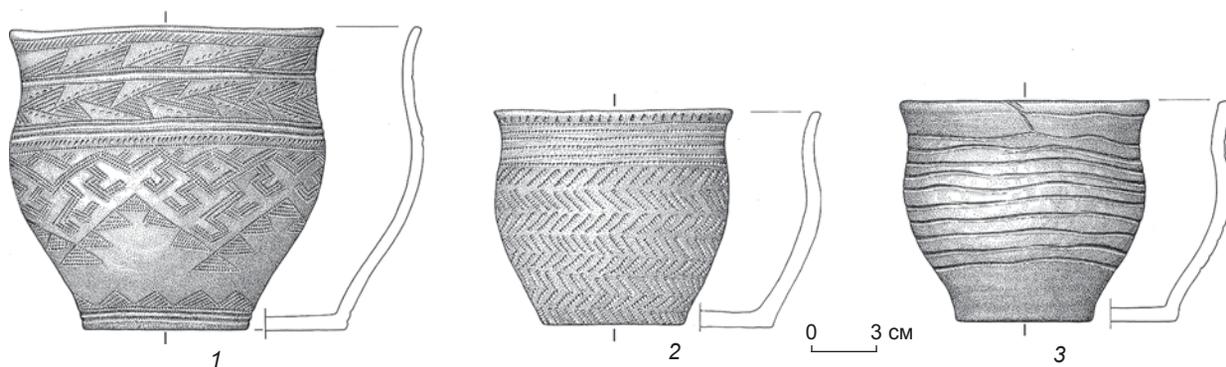

Рис. 2. Сосуды андроновской (фёдоровской) культуры, содержавшие остатки рыбной пищи, из могильника Тартас-1. 1 – мог. № 297; 2 – мог. № 309; 3 – мог. № 288.

заполнении находились мелкие кости рыбы. Определение ее видовой принадлежности невозможно.

Погребение № 288. Труположение. В изголовье погребенного стоял небольшой горшковидный сосуд. В его заполнении обнаружены роговая ложка (рис. 3, 2) и фрагменты плоточных зубов не менее чем двух язей.

Погребение № 297. Труположение. У восточной стенки могилы стоял горшковидный сосуд, содержавший фрагменты рыбных костей и роговую ложку с рукоятку в виде хвостика рыбки (рис. 3, 1).

Погребение № 306. Труположение и трупосожжение. В изголовье погребенного находился опрокинувшийся на бок баночный сосуд. В его заполнении были позвонки и чешуя крупной щуки. Согласно годичным кольцам, ее возраст 14–15 лет. Последнее кольцо завершено, видимо, рыба была выловлена в конце зимы. В западном углу могильной ямы стоял второй андроновский сосуд баночной формы, заполнение которого содержало четыре позвонка и чешую карася.

Погребение № 335. Труположение. Слева от костей черепа погребенного располагался сосуд с обломками позвонков мелкой рыбы. Ввиду плохой сохранности и фрагментарности костей вид неопределим.

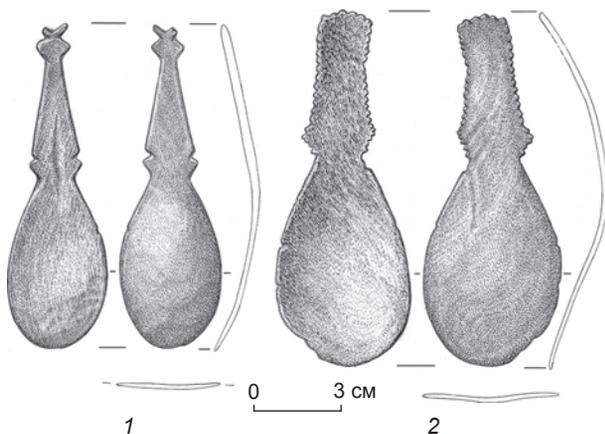

Рис. 3. Роговые ложки из сосудов в погр. № 297 (1) и 288 (2) могильника Тартас-1.

Погребение № 549. Труположение. У восточной стенки в компактной куче фрагментов находились два раздавленных керамических сосуда. В заполнении одного из них обнаружены кости рыбы.

Описанные находки свидетельствуют о достаточно массовом использовании в погребальной практике андроновского (фёдоровского) населения Барабы жидкой пищи из рыбы (ухи); на это же указывает наличие на некрополе двух костяных ложек (вероятно, были также деревянные ложки). Очевидно, уха была важной составляющей повседневного меню андроновского (фёдоровского) населения, о чем можно судить по стилизованному оформлению рукояти одной из ложек в форме рыбы.

Рыба в сосудах и на дне могильной ямы. Такое сочетание зафиксировано в пяти могилах: № 50, 221, 309, 312 и 416.

Погребение № 50. Труположение. В восточном углу могилы стоял археологически целый сосуд. В его заполнении обнаружены кости рыбы (видовая принадлежность неопределима). Рядом с сосудом в анатомическом порядке находились скелеты двух карасей (рис. 4).

Погребение № 221. Труположение. В северо-восточном углу могилы вплотную к теменной кости черепа погребенного № 1 располагался сосуд, в заполнении которого были фрагменты крышечных костей, позвонки и ребро карася, а также скопление спрессованной чешуи. Согласно годичным кольцам, возраст особи 10 лет. Последнее годичное кольцо было не завершено, следовательно, рыбу выловили в конце лета – начале осени. Особь очень крупная, ее масса превышала 1 кг.

Между северной стенкой могилы и шейным отделом позвоночника погребенного № 1 находились останки второго карася. Они представлены скоплением чешуи, ребер и позвонков. Этот карась крупный, в возрасте 9+ или 10 лет, выловлен летом, видимо, одновременно с первым.

Погребение № 309. Труположение. В верхней части заполнения могилы найдена мощная линза из

чешуи и костей язя, не менее чем пяти-шести особей. Размеры линзы 20 × 30 см, толщина 1–2 см. При захоронении в руках умершего ребенка был зажат астрагал мелкого рогатого скота. Еще пять астрагалов, а также фрагменты чешуи, ребра, плоточные зубы и крыловидная кость крупного язя обнаружены в западном углу могилы. Здесь же зафиксированы астрагалы и куски разделанной, но небрежно очищенной рыбы; вероятно, они находились вместе в какой-то несохранившейся емкости. В изголовье умершего, у юго-западной стенки могильной ямы, стоял небольшой профилированный сосуд. В его заполнении были кости черепа очень крупного язя. Судя по чешуе, рыба, остатки которой находились в заполнении и в западном углу могилы, была выловлена в конце зимы (возможно, обе особи добыты одновременно). Это позволяет говорить о минимальном временном разрыве между внутримогильными и надмогильными обрядовыми действиями.

Погребение № 312. Труположение. В западной части могилы рядом с черепом погребенного стоял керамический сосуд. Его заполнение содержало фрагменты чешуи, позвонок, лучи плавников очень крупной щуки. Ее возраст, согласно годовым кольцам чешуи, 20–21 год, возможно, больше (края чешуи обломаны).

Между сосудом и западной стенкой могилы обнаружена компактная кучка, которую составляли бронзовые изделия – шило, две серьги с растробом, бусина – и большое скопление чешуи щуки (очень хорошо видны годовичные кольца). Возраст особи 21 год. Последнее годовичное кольцо завершено, следовательно, щука была выловлена, скорее всего, зимой. Это была очень крупная особь, массой 10–15 кг, возможно, более. Компактность кучки позволяет предположить, что бронзовые вещи и, видимо, кожа щуки ранее находились в какой-то органической емкости.

Погребение № 416 (рис. 5). Парное захоронение. В юго-западном углу могилы в изголовье погребенного № 1 найден керамический сосуд. Его заполнение содержало остатки двух-трех окуней без голов – чешуя, кости плечевого и тазового пояса, ребра, колючие лучи спинного плавника и 100 позвонков. Возраст особей 5 и 6 лет.

Между черепом и сосудом на темной органической прослойке (остатки емкости?) обнаружены фрагменты скелетов двух рыб (рис. 6). Первый представляет собой хвостовую часть не очищенной от чешуи щуки. Сохранились 17 хвостовых позвонков и ребра. Щука круп-

Рис. 4. Скелеты двух карасей рядом с сосудом в погр. № 50 могильника Тартас-1.

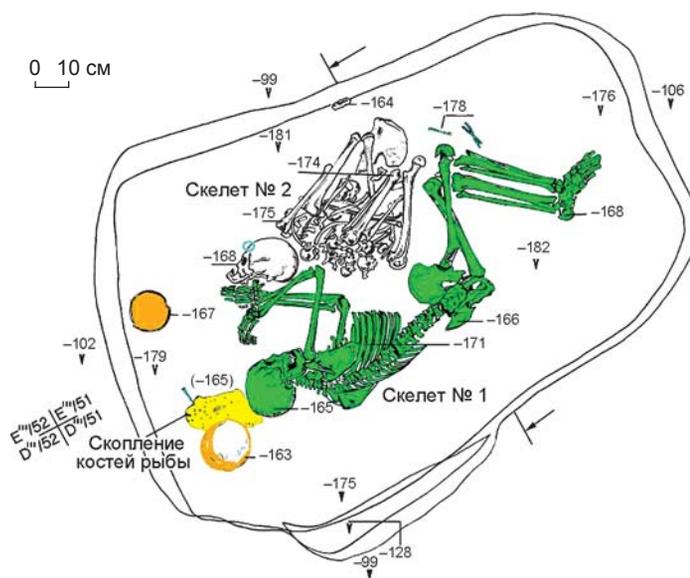

Рис. 5. План погр. № 416 могильника Тартас-1.

Рис. 6. Два скелета щуки в погр. № 416 могильника Тартас-1.

ная. Ее возраст, согласно годовым кольцам чешуи, 9 лет. Последнее кольцо завершено, следовательно, вылов производился в конце зимы – начале весны. Второй скелет принадлежал также щуке. Он состоял из костей черепа и шести позвонков с ребрами (это передняя часть с головой). Чешуя не удалена. Вторая особь была более мелкая, чем первая. С учетом годовых колец ее возраст 4 года. Последнее кольцо завершено.

В северо-западном углу могилы в головах погребенного № 1 находился еще один керамический сосуд. В его заполнении обнаружены элементы плечевого пояса, 22 позвонка, ребра, лучи плавников и чешуя двух щук (рис. 7). Их возраст 5 и 6 лет. Время вылова – конец зимы – весна (вероятнее всего, весна). Уточнить сезон позволяет найденная под пяточной костью скелета № 1 скорлупа целого яйца птицы, скорее всего, утки. В Барабе утки начинают откладывать яйца в середине апреля – начале мая [Янушевич, Золотарева, 1947; Кошелев, Дубовик, 2011, с. 28]. На основе приведенной информации можно сделать вывод о сооружении могилы поздней весной. Это позволяет говорить о вторичном характере одного из погребенных (вероятно, человек умер зимой и его тело хранили на протяжении зимы до весеннего оттаивания почвы).

Рыба на роговых блюдах. Обнаружена в погр. № 235 и 510.

Погребение № 235 (рис. 8). Трупосожжение. В северо-восточном углу могилы обнаружено блюдо из лопатки лосиного рога, на котором лежали ребра, тазовищные и хвостовые позвонки щуки (рис. 9). Особь крупная, возможная масса 1–2 кг.

Рядом с блюдом находился завалившийся на бок археологически целый керамический сосуд. Под венчиком и на участке к югу от сосуда зафиксировано скопление костей рыбы. Его размеры 0,15 × 0,20 м. Основу скопления составляет, вероятно, содержимое емкости, вылившееся при ее опрокидывании. В скоплении выявлены ребра очень крупного карася, десять костей (ребра и позвонки) двух язей и шесть позвонков мелкой щуки. В ногах погребенного в юго-западном углу на дне могилы находился практически полный скелет язя без головы. На скелете прослежены фрагменты чешуи и лучи грудных плавников: видимо, рыба была обезглавлена, выпотрошена, но не почищена. Согласно годичным кольцам, возраст рыбы 6 лет и более. Последнее кольцо не завершено, следовательно, рыба добыта в летнее время. Возможная ее масса 0,7–1,0 кг.

Погребение № 510. Трупосожжение. У северо-восточной стенки обнаружены два керамических сосуда. Между ними находилось изготовленное из лопатки лосиного рога блюдо. На его поверхности были ребра

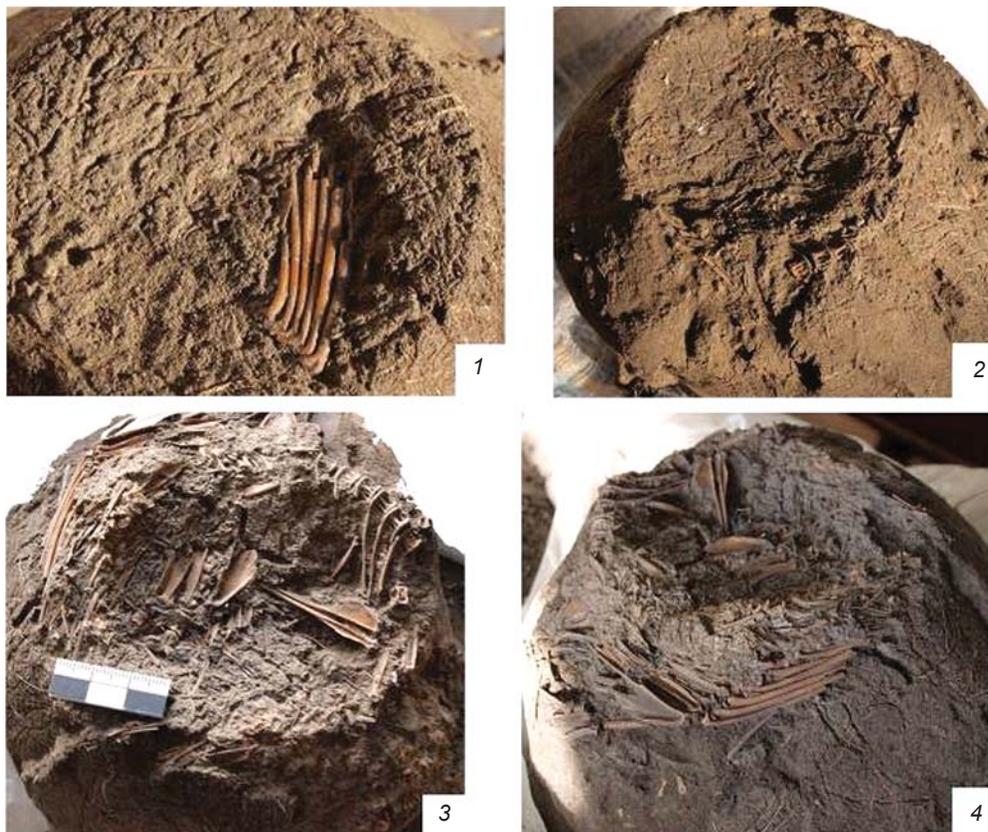

Рис. 7. Остатки рыбы из заполнения сосуда в погр. № 416 могильника Таргас-1.

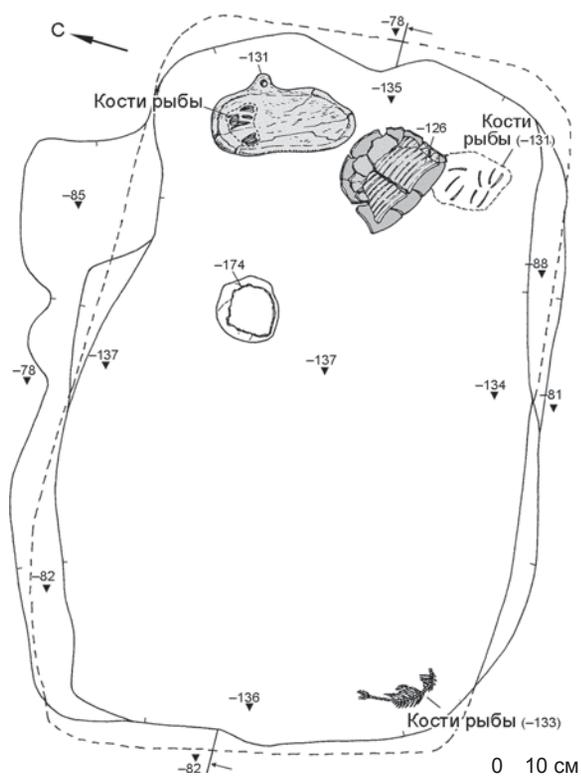

Рис. 8. План погр. № 235 могильника Таргас-1.

и лучи плавников язя. Рядом с блюдом, вплотную к его бортику, лежали две бронзовые серьги.

Следует отметить, что рыба, остатки которой находились в сосуде или на блюде, относится к одному виду. Если в могилу помещали рыбу нескольких видов, то для каждого отводился отдельный сосуд. Отмечено только одно исключение из этого правила: опрокинутый сосуд из погр. № 223 мог содержать сразу два вида рыбы (карась и язь).

Рыба на дне могильной ямы. Вероятно, изначально рыба находилась на какой-то несохранившейся посуде открытого типа, возможно, кожаных или деревянных блюдах. Такое предположение можно сделать с учетом как места нахождения рыбной пищи в изголовье погребенного, где обычно ставят сосуды, так и способа ее размещения, явно рассчитанного на экспонирование, – крупными кусками или целыми тушками. Г.А. Максименков допускал, что пища, остатки которой сохранились на земляном полу могил, ранее помещалась в несохранившейся до наших дней посуде [1978, с. 71]. Следы органической прослойки под скелетами двух рыб в погр. № 416 подтверждают это предположение.

Погребение № 148 (рис. 10). Труположение. В северо-восточном углу на дне могилы находился обезглавленный скелет крупного карася в анатомическом порядке (рис. 11).

Погребение № 160. Труположение. Между черепом и восточной стенкой могилы стоял целый ке-

Рис. 9. Роговое блюдо с остатками рыбы в погр. № 235 могильника Таргас-1.

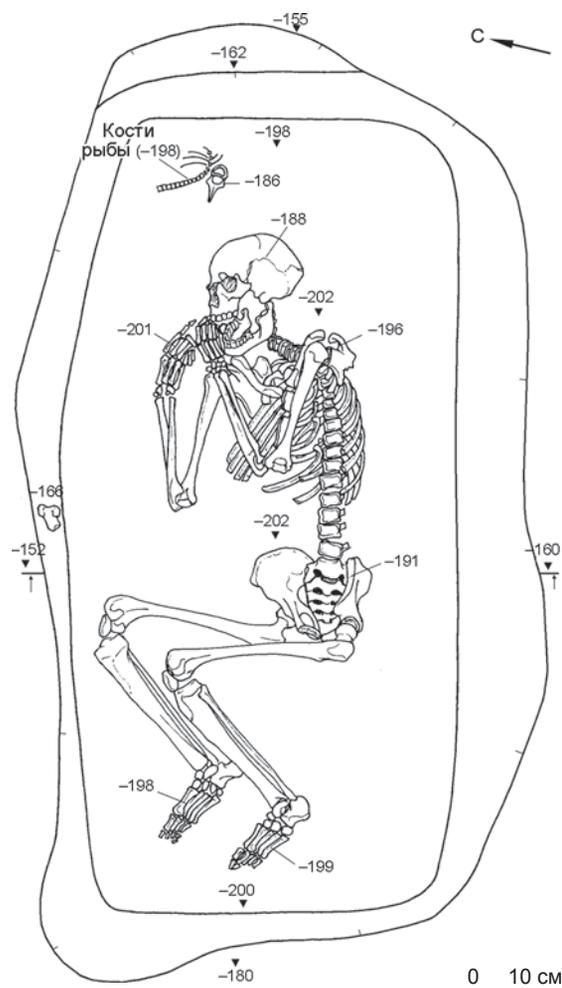

Рис. 10. План погр. № 148 могильника Таргас-1.

Рис. 11. Кости рыбы в изголовье умершего в погр. № 148 могильника Тартас-1.

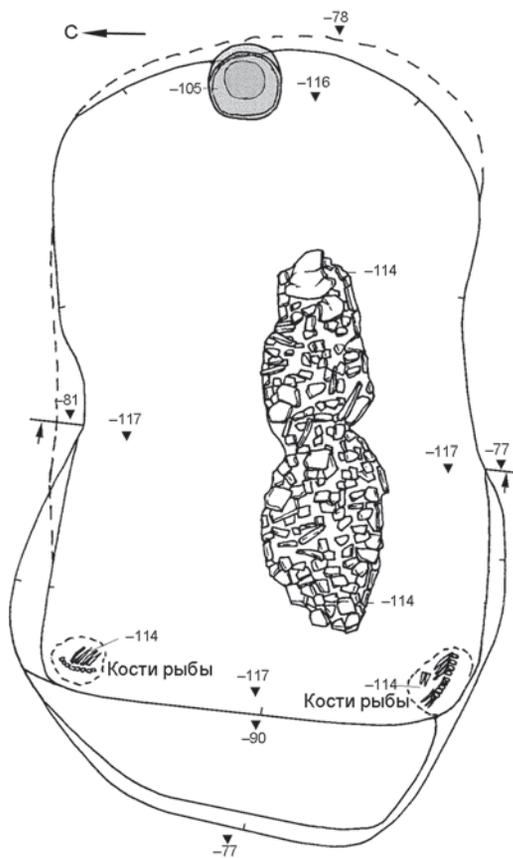

Рис. 12. План погр. № 229 могильника Тартас-1.

рамический сосуд. Рядом обнаружены три астрагала барана и позвонок крупной рыбы (щука ?).

Погребение № 181. Труположение. Между восточной стенкой могилы и костями черепа стоял целый керамический сосуд. Рядом на дне могилы находились позвонок и ребро язя. Второй позвонок того же язя был в верхней части заполнения сосуда. Между южной стенкой погребения и лицевой частью черепа обнаружено скопление из лежавших в беспорядке семи позвонков и пяти ребер карася.

Погребение № 191. Труположение. За черепом в северо-восточном углу могилы прослежено два скопления костей двух карасей. Оба располагались на 12–13 см выше уровня дна могилы.

Погребение № 230. Труположение. Вплотную к средней части восточной стенки на дне ямы, напротив теменной части черепа стоял керамический сосуд. Между стенкой и сосудом обнаружено скопление костей рыбы. Видовая принадлежность неопределима.

Остатки ихтиофауны в ногах погребенного

Данный вариант расположения остатков фиксируется достаточно редко. Остатки ихтиофауны в ногах погребенного отмечены в мог. № 235, 548 и 229. Погребение № 235 охарактеризовано выше.

Погребение № 548. Сочетание ингумации и кремации. В северо-западном углу могилы в ногах погребенного обнаружено скопление костей карася. В северо-восточном углу стояли три керамических сосуда, в заполнении одного из них обнаружены позвонки, ребра и глоточные зубы карася. Четвертый сосуд находился в стороне от остальных, у южной стенки могилы, его заполнение также содержало кости рыбы (язь).

Погребение № 229 (рис. 12). Трупосожжение. У восточной стенки в своеобразном подбье стоял целый керамический сосуд. В северо- и юго-западном углах могилы на дне обнаружены скелеты рыб (рис. 13). В северо-западном углу находилась средняя часть туловища (ребра и позвонки в анатомическом порядке) первого крупного язя, в юго-западном – обезглавленный скелет второго язя и две кости плечевого пояса третьего.

Данный вариант расположения в могиле жертвенной пищи находит аналоги в андроновской (Фёдоровской) погребальной практике [Там же, с. 104]. Правда, в классическом варианте используется животная пища.

Варианты расположения рыбы на теле погребенного

По материалам могильника, как уже отмечалось, прослеживаются два варианта обрядовых действий

с телом умершего, в которых использовалась рыба. Сходство положения ихтиологических остатков позволяет сделать вывод о том, что эти находки не были случайными.

В мог. № 172 и 227 кости рыбы располагались в области кисти погребенного. В мог. № 172 находился скелет взрослого человека. На костях запястья его правой руки лежал позвонок крупного карася. Еще несколько неопределимых позвонков рыбы вместе с фрагментом астрагала барана обнаружены между ребрами погребенного.

В мог. № 227 захоронены два ребенка (рис. 14). В районе кисти левой руки скелета № 1, расположенного вдоль северной стенки, обнаружено небольшое скопление из семи костей двух мелких карасей. По всей видимости, два куса (часть туловища) разделанной рыбы были вложены в руку умершего.

Проявления обычая «кормления» усопшего исследователи уже фиксировали на этом могильнике [Гришин, 2007, с. 218–220], однако среди костей руки погребенного они обычно находили кости животных: в погр. № 209, 212, 219, 230, 238 – астрагалы барана, в погр. № 121 и 164 – фаланги лошади. В данном случае мы наблюдаем, скорее всего, один из вариантов обрядовой практики, в которой мясная пища была заменена рыбной.

Рыба в поясничной области погребенного. Зафиксирована в мог. № 189, 267, 303, 480 и 546.

Погребение № 189. Труположение. В районе пояса, между костями ног погребенного, вплотную к тазу находилось скопление костей (семь ребер и позвонки) одного карася.

Погребение № 267. Труположение. Скопление костей одного карася обнаружено под тазом ребенка, скелет которого располагался вдоль южной стенки могилы.

Погребение № 303. Труположение. Между костями рук в районе локтевого сгиба и нижними ребрами грудной клетки обнаружены три позвонка рыбы. Ввиду плохой сохранности видовая принадлежность неопределима.

Погребение № 480. Труположение. Под сохранившимся *in situ* правым крылом таза находилось скопление рыбьих костей.

Рис. 13. Скелеты рыб в углах погр. № 229 могильника Тартас-1.

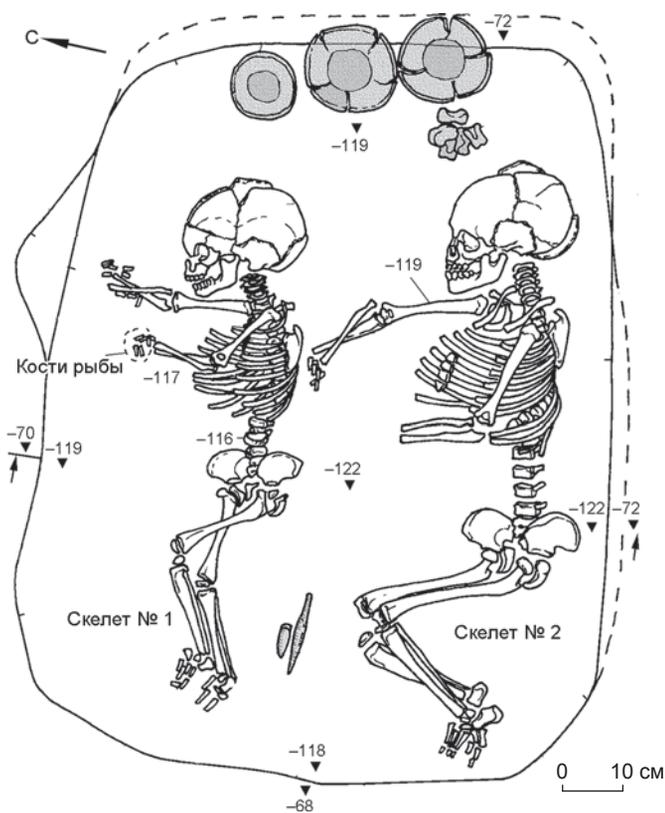

Рис. 14. План погр. № 227 могильника Тартас-1.

Погребение № 546. Труположение. Между костями ног погребенного обнаружены кости рыбы, среди которых была чешуя очень плохой сохранности.

Расположение остатков ихтиофауны в поясничной зоне погребенного нельзя считать случайным.

Подобным образом в погребениях могильника размещены некоторые элементы сопроводительного инвентаря. Например, в мог. № 188 на поясничных позвонках человека лежали раковины моллюска [Молодин, 2008, с. 32, рис. 267], в погр. № 216, 231, 300, 314 – астрагалы мелкого рогатого скота [Там же, рис. 402, 482; Молодин, 2009, рис. 231]. Можно сделать вывод, что расположение находок на поясе умершего в целом характерно для андроновской части некрополя Тартас-1. Оно зафиксировано и на других могильниках андроновской культуры [Демин, Ситников, 2007, с. 33]. Отмеченная традиция может объясняться либо тем, что умершие и при жизни на поясе носили какие-то вещи (емкость), либо особенностями погребальной практики.

Таким образом, в материалах погребений андроновской (фёдоровской) культуры могильника Тартас-1 представлены пять видов рыб: язь (*Leuciscus idus*), карась (*Carassius*), щука (*Esox lucius*), окунь (*Perca fluviatilis*) и плотва сибирская (*Rutilus rutilus lacustris*). Все зафиксированные на памятнике виды рыб обитают в реках и озерах Центральной Барабы и сегодня [Веселов, 1977].

Принадлежность определена по набору признаков, характерных для каждого вида, – костям черепа, чешуе, позвонкам, костным фрагментам плавников и пр. Методика опубликована и опробована на материалах Приобья и Центральной Барабы [Конева и др., 2006; Молодин, Конева, Чемякина и др., 2012].

Наибольшим количеством особей представлен карась (табл. 1). Учтено 36 экз. из 27 могил. Остатки язя обнаружены в 14 могилах, определено 28 особей. Значительной серией представлена щука. Ее остатки содержались в семи могилах, учтено не менее 12 особей. Окунь и сибирская плотва встречены в очень незначительном количестве. Остатки окуня найдены только в одной могиле; они принадлежат трем особям. Плотва сибирская зафиксирована в одном погребении; две особи. Данное соотношение видов не передает ситуацию их обитания в природе и является результатом намеренного отбора. Обращает на себя внимание следующая закономерность: практически вся щука, где это удалось установить, была выловлена зимой или в конце зимы – начале весны, тогда как весь карась – летом или летом – осенью.

Остатки рыбы обнаружены в 52 погребениях с признаками ингумации (79 %), в 11 могилах со следами кремации (17 %), в 3 смешанных могилах (4 %). Прослеживается закономерность и в размещении погребений с остатками ихтиофауны на территории могильника. Большая часть могил некрополя, как отмечалось выше, составляет ряды, вытянутые по линии север – юг; комплексы с рыбой, представленные в трех-четырёх могилах подряд, находятся внутри ряда. Такую группу образуют погр. № 280–282, 331;

возможно, к ней относятся расположенные рядом мог. № 309 и 312. Один ряд составляют погр. № 224, 225, 227, еще один – мог. № 547–549.

Анализ найденной в нескольких погребальных комплексах чешуи по степени сформированности последнего кольца позволил определить возможный сезон вылова рыбы. С учетом этой информации мы можем утверждать, что в некоторых группах могил представлена рыба, выловленная в один период. Например, в составляющих один ряд погр. № 280, 309, 311 и 312 находились остатки рыбы, которая была добыта зимой или в зимне-осенний период (табл. 1). Рыба из мог. № 221, 225, 235, расположенных в непосредственной близости друг от друга, относится к летнему улову. По всей видимости, эти цепочки погребений были сформированы в очень короткое время, в течение двух-трех месяцев; захоронения совершались во все времена года.

На андроновской части некрополя Тартас-1 в могилы рыбу помещали чаще всего в изголовье умершего в керамических сосудах в виде рыбного супа или на роговых (возможно, деревянных) блюдах в жареном, печеном, возможно, вареном или сыром виде. На блюдо рыбу выкладывали или большими кусками, или целыми потрошенными и обезглавленными тушками. Для этого отбиралась очень крупная рыба. Например, только в одной могиле (№ 307) была помещена щука массой менее 1 кг, во всех остальных – очень крупные и старые особи возрастом 6–9 и даже 15–20 лет. Обращает на себя внимание видовой отбор рыбы для погребального ритуала: в материалах могильника практически отсутствуют остатки окуня и сибирской плотвы. В незначительном количестве они представлены по одному разу (табл. 1).

Результаты анализа ихтиологического материала из синкретичных погребальных комплексов памятника

Многие погребальные комплексы могильника Тартас-1 отражают процессы трансформации андроновской (фёдоровской) культуры вследствие контактов ее носителей, пришедших с юга, с аборигенным позднекротовским населением Барабы. Синкретичные погребения, различающиеся по степени и характеру изменений, четко выделяются в общем комплексе андроновских (фёдоровских) могил. К настоящему времени определены 68 захоронений смешанного типа. Из них девять содержат остатки ихтиофауны (13 % от всего количества могил этой группы). В трех могилах остатки ихтиофауны находятся в переотложенном состоянии. В погр. № 109 в грабительском шурфе найдено большое количество чешуи, № 175 – эле-

Таблица 1. Видовая принадлежность (кол-во особей) и сезон вылова рыбы в андроновских (фёдоровских) захоронениях на могильнике Тартас-1

№ погребения	Карась (<i>Carassius</i>)	Язь (<i>Leuciscus idus</i>)	Щука (<i>Esox lucius</i>)	Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>)	Плотва сибирская (<i>Rutilus rutilus lacustris</i>)	Сезон вылова
50	2	–	–	–	–	?
148	1	–	–	–	–	?
153	–	–	–	–	2	?
160	–	–	1	–	–	?
162	–	1	–	–	–	?
172	1	–	–	–	–	?
173	1	–	–	–	–	?
181	1	1	–	–	–	?
189	1	–	–	–	–	?
191	2	–	–	–	–	?
196	1	–	–	–	–	?
214	1	–	–	–	–	Лето – осень
217	1	–	–	–	–	?
220	1	–	–	–	–	Зима
221	4	–	–	–	–	Лето – осень
222	–	1	–	–	–	?
224	1	–	–	–	–	?
225	–	1	–	–	–	Лето – осень
227	2	–	–	–	–	?
229	–	3	–	–	–	?
235	1	3	2	–	–	Лето – осень
237	–	1	–	–	–	?
238	1	–	–	–	–	?
241	–	1	–	–	–	?
242	–	1	–	–	–	?
262	1	–	–	–	–	?
267	1	–	–	–	–	?
282	1	–	–	–	–	?
283	1	–	–	–	–	?
288	3	2	–	–	–	Зима
296	1	–	–	–	–	–
299	–	3	–	–	–	Зима – весна
306	1	–	1	–	–	»
307	–	–	1	–	–	?
309	–	8	–	–	–	Зима – весна
311	–	–	1	–	–	Зима
312	–	–	2	–	–	»
416	–	–	4	3	–	Зима – весна
423	–	1	–	–	–	?
483	1	–	–	–	–	Лето – осень
501	1	–	–	–	–	?
510	–	1	–	–	–	?
548	2	1	–	–	–	?
549	1	–	–	–	–	?

менты черепа, позвонки и остистые отростки карася, № 347 – позвонков карася.

Первоначальное положение рыбы удалось определить только в шести погребениях. Выделены два основных варианта нахождения ихтиофауны в могилах: в засыпке ямы и на дне в составе заупокойной пищи.

Остатки ихтиофауны в заполнении могильной ямы

Ихтиологические материалы обнаружены в погр. № 208 и 326. В обоих находились кости карася. Наибольший интерес представляют материалы погр. № 326; они свидетельствуют о том, что помещение рыбы в заполнение могилы сопровождалось сложным ритуалом. Судя по стратиграфии, в центре уже частично засыпанной погребальной камеры вырыли яму, в которой развели огонь. После того как дрова прогорели, яму заполнили золой с остатками тризны, включавшими фрагменты поселенческой андроновской (фёдоровской) керамики, обожженные ранее кости животных, а также кости карася. Фрагменты черепа еще одного карася были найдены в предматериковой зоне заполнения. Возможная масса рыбы 600–800 г.

Остатки ихтиофауны на дне могильной ямы

В синкретичных погребениях могильника Тартас-1 ихтиологические материалы обнаружены только в заполнении керамических сосудов. Нами учтены четыре таких погребения (№ 121, 343, 350, 351).

Погребение № 121. Труположение. За головами погребенных вдоль восточной стенки могилы стояли три керамических сосуда. В заполнении одного из них обнаружены кости рыбы (карась?).

Погребение № 343. Труположение. У северо-восточной стенки ямы *in situ* сохранился кера-

мический сосуд, заполнение которого включало фрагменты черепа рыбы. Видовая принадлежность неопределима.

Погребение № 350. Труположение. У восточной стенки могилы *in situ* стояли два сосуда. В первом следы заупокойной пищи не сохранились. Во втором сосуде, который находился близ юго-восточного угла могильной камеры, обнаружены обломки ребер и два хвостовых позвонка рыбы. Видовая принадлежность неопределима.

Погребение № 351. Труположение. Вдоль восточной стенки могилы, за головами погребенных, стояли четыре сосуда. В заполнении первого были обломки девяти ребер, двух лучей плавников и фрагмент черепа рыбы. Видовая принадлежность неопределима ввиду фрагментарности остатков. Во втором сосуде находились ребра и хвостовой позвонки рыбы. Заполнение третьего сосуда включало обломки основания ребер и чешую щуки. Чешуя разрушена, поэтому возраст ее обладателя определить не удалось. В четвертом сосуде найдены ребра и жаберные крышки карася. Таким образом, все четыре сосуда погребения содержали рыбную пищу.

В ихтиологических материалах комплекса можно выделить три вида: язь (*Leuciscus idus*), карась (*Carassius*) и щука (*Esox lucius*). Наибольшим количеством находок представлен карась: его остатки встречаются в шести могилах, остатки язя – в одной, щуки – также в одной (табл. 2). В смешанных кротовско-андроновских комплексах ихтиологические материалы беднее и количественно, и по вариативности схем их внутримогильного расположения. По всей видимости, взаимодействие этнических групп происходило не только в материальной сфере (простое заимствование каких-то элементов культуры), но и в мировоззрении (идеологические, экономические, социальные и культурные вопросы), в результате различные явления культурной трансформации развивались вполне самостоятельно и не коррелировали друг с другом.

Таблица 2. Видовая принадлежность (кол-во особей) и сезон вылова рыбы в синкретичных захоронениях на могильнике Тартас-1

№ погребения	Карась (<i>Carassius</i>)	Язь (<i>Leuciscus idus</i>)	Щука (<i>Esox lucius</i>)	Окунь (<i>Perca fluviatilis</i>)	Плотва сибирская (<i>Rutilus rutilus lacustris</i>)	Сезон вылова
109	2	–	–	–	–	Лето
121	1	–	–	–	–	?
175	1	–	–	–	–	?
208	1	–	–	–	–	?
326	2	–	–	–	–	?
347	1	–	–	–	–	?
351	3	1	1	–	–	?

Выводы

Прослеженное по материалам некрополя Тартас-1 использование рыбы в погребальном обряде андроновской (фёдоровской) культуры является определенным новшеством, не характерным для других памятников андроновского (фёдоровского) круга [Бобров, Михайлов, 1989; Максименков, 1978]. Рыбные остатки встречаются в слоях андроновских поселений [Молодин, 1985, с. 114; Максименков, 1978, с. 122], но практически не представлены на могильниках. На территории Барабы остатки ихтиофауны зафиксированы только в погребениях могильника Погорелка-2, да и то в очень незначительном количестве [Наглер и др., 2011, с. 212].

Рассмотренное в работе отношение к рыбе в погребальной практике андроновцев (фёдоровцев) могло объясняться отсутствием ее образа в мифологических схемах индоариев. Во всяком случае к такому выводу пришли некоторые исследователи в ходе анализа лингвистического материала. Для подтверждения этой мысли Т.Я. Елизаренкова ссылается на то, что слово *matsya* – рыба – встречается в Ригведе всего дважды, в частности, один раз в поздней десятой мандале и еще раз в качестве этнонима [1999, с. 443]. Г. Чайлд, основываясь также на лингвистических источниках, предположил, что индоевропейцы вообще не использовали в пищу морские и речные ресурсы [2007, с. 111].

Основываясь на археологическом материале исследуемого региона, мы вправе предположить, что в момент проникновения в Барабинскую лесостепь андроновское (фёдоровское) население избегало использовать рыбную пищу в качестве погребальной или жертвенной. Например, на практически полностью исследованных могильниках классической андроновской (фёдоровской) культуры в Барабе Преображенка-3 [Молодин, Чикишева, 1988] и Старый Тартас-4 [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002] остатки ихтиофауны отсутствуют. Наличие ихтиологического материала в каждой пятой андроновской (фёдоровской) могиле некрополя Тартас-1 (причем в некоторых рыба была единственной погребальной пищей) свидетельствует о серьезных подвижках в сфере идеологии, произошедших в результате адаптации пришельцев к новым условиям жизнедеятельности.

Основными причинами этих изменений были многоуровневые (хозяйственные, военные, брачные) контакты с аборигенным позднекротовским населением Барабы, имевшим очень древние традиции использования рыбы как в погребальном обряде, так и в искусстве [Молодин, Конева, Чемякина и др., 2012; Молодин, 1992, рис. 39]. Важное значение, вероятно, имели усиление роли присваивающей отрасли экономики и увеличение доли рыбы в пищевом рационе пришель-

цев. Трансформация ритуально-погребальной практики, несомненно, получила отражение в прикладном искусстве андроновского (фёдоровского) населения. В материалах могильника Тартас-1 имеется несколько стилизованных изображений рыбы. Одно из них – на рукоятке роговой ложки из погр. № 297 [Молодин, Парцингер, Мыльникова и др., 2008, с. 206, рис. 3, 1] (см. рис. 3, 1). Следует отметить, что признаки использования в обрядовой практике рыбы и ее изображения (костяные, возможно и деревянные, ложки) были выявлены только на могильнике Тартас-1.

Образ рыбы в мифологических схемах всегда символизировал потусторонний мир [Топоров, 1980], поэтому его вхождение в ритуальную практику андроновского (фёдоровского) населения вполне объяснимо. Однако в данном случае нельзя говорить о прямом заимствовании андроновцами автохтонного культа. Анализ всех проявлений применения рыбы в погребальном обряде, представленных на могильнике Тартас-1, показывает, что ни по характеру использования, ни по положению рыбы в могиле они не выходят за рамки общеандоновских схем. Основным новшеством является замена мясомолочной пищи рыбной. Не исключено, впрочем, что у скотоводов-андроновцев рыбная пища была так же популярна, как и мясная. Такое предположение позволяет сделать наличие остатков ихтиофауны на поселениях. Для того, чтобы прояснить этот вопрос, необходимо исследовать пищевую диету носителей культуры с помощью изотопного анализа. Благодаря применению этого метода было установлено, например, что у носителей пазырыкской культуры на плато Укок (несомненно скотоводов) доминантной в рационе была рыбная пища [О'Коннэл, 2000].

Список литературы

- Бобров В.В., Михайлов Ю.И.** Памятники андроновской культуры в Обь-Чулымском междуречье. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1989. – 198 с.
- Веселов Е.А.** Определитель пресноводных рыб фауны СССР. – М.: Просвещение, 1977. – 238 с.
- Гришин А.Е.** Некоторые особенности погребальной практики андронидного населения Барабы (могильник Тартас-1, группа Б) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 216–221.
- Демин М.А., Ситников С.М.** Материалы Гилёвской археологической экспедиции. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2007. – Ч. 1. – 273 с.
- Елизаренкова Т.Я.** Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. – М.: Наука, 1999. – 767 с.
- Конева Л.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С.** Ихтиологические материалы поселения Бе-

резовый Остров-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, № 1. – С. 378–380.

Кошелев А.И., Дубовик А.Д. Биология серой утки в Барабинской лесостепи // Биол. вестн. Мелитоп. гос. пед. ун-та им. Богдана Хмельницкого. – 2011. – № 1. – С. 27–38.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 190 с.

Молодин В.И. Отчет об археологических исследованиях сезона 2007 года в Венгеровском, Чановском районах Новосибирской области и в округе Ростовка г. Омска. Новосибирск, 2008 // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 293–295.

Молодин В.И. Отчет об археологических исследованиях сезона 2009 года в Венгеровском, Чановском районах Новосибирской области. Т. 1. Новосибирск, 2009 // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387, 388.

Молодин В.И., Конева Л.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Позднякова О.А. Ихтиологические материалы из ритуальных комплексов одиновской культуры памятника Преображенка-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 2. – С. 25–36.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3. – С. 40–56.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Этнокультурные процессы у населения Центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 337–342.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (Новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 48–62.

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Тартас-1. Некоторые итоги полевых исследований // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV, № 1. – С. 202–207.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И., Ненахов Д.Л., Ковыршина Ю.Л., Нестерова М.С. Тартас-1 – открытия 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 262–266.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–201.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновский (федоровский) курган на могильнике Погорелка-2 (Центральная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 212–216.

О’Коннэл Т. Определение рациона питания пазырыкцев с помощью анализа изотопов углерода и азота // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 234–236.

Топоров В.Н. Рыба // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1980. – Т. 2. – С. 391–393.

Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. – М.: Центрполиграф, 2007. – 270 с.

Янушевич А.И., Золотарева О.С. Водоплавающая дичь Барабы. – Новосибирск: Крайиздат, 1947. – 80 с.

Материал поступил в редколлегию 30.04.15 г.

УДК 903.14

Е.С. Богданов

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

«КАМНИ ЖИЗНИ» ИЗ НОИН-УЛИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ (по материалам раскопок в 2006–2012 годах)*

Во время раскопок хуннских погребений в горах Ноин-Ула в Северной Монголии (2006–2012 гг.) российско-монгольская экспедиция обнаружила большое количество нефритовых изделий и заготовок. В статье дана классификация и культурно-историческая интерпретация этих находок. Скорее всего, нефрит попадал к шаньюям в виде подарков (дани) от ханьского императорского двора. Хунну вслед за китайцами верили в магическую и «жизненную» силу нефрита и поэтому помещали его в погребения. Количество и качество этого камня в захоронениях указывали на высокий статус их владельца. Нефритовые изделия были частью нашейных украшений знатных хунну, в некоторых случаях – амулетами. Находки из Баллодовского кургана позволяют предположить, что они представляют собой остатки нефритовых одеяний – «панцирей».

Ключевые слова: нефрит, хунну, эпоха Хань, ноин-улинские погребения.

E.S. Bogdanov

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
 Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
 E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

“LIFE STONES” FROM THE NOYON UUL BURIALS (Based on Findings of the 2006–2012 Field Seasons)

Excavations of Xiongnu elite burials, conducted in 2006–2012 by the Russian-Mongolian expedition in the Noyon Uul Mountains, Northern Mongolia, revealed numerous jade artifacts. Their classification is provided and their possible cultural meaning is discussed. The Chanyu apparently received them from the Han imperial court by way of gift or tribute. Like Chinese, Xiongnu believed in magic and vital force of jade, and this may account for its abundance in burials. The amount and quality of jade indicated the owner's high social status. Jade artifacts were parts of neck adornments worn by members of the Xiongnu elite, and they might have functioned as amulets. Finds from “Ballod's mound” suggest that they may have been parts of jade garments, known as “armors”.

Keywords: Jade, Xiongnu, Han epoch, Mongolia, Noyon Uul burials.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.091-099

Китайцы называли нефрит «камнем жизни» (Неба и Земли, Мудрости и Вечности), приносящим благополучие. Считалось, что он способен излечивать самые тяжелые недуги у человека и дарует бессмертие [Духовная культура..., 2010, с. 224]. В настоя-

щее время общепринятой для собственно нефрита считается дефиниция *юй**. Хотя иероглифом *юй* (玉) китайцы изначально обозначали любые минералы, которые соответствовали, с их точки зрения, эсте-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

*Автор выражает благодарность А.Н. Чистяковой за ценные замечания и помощь при работе с китайскими источниками и публикациями.

тическим критериям, например, змеевик, яшма или жадеит [Кравцова, 2004, с. 764–765]. В эпоху Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.) в толковом словаре «Толкование письмен» (說文解字 *Шовэнь цзецзы цзиньши*) нефрит описывался как самый красивый камень, которому присущи высокая плотность, прозрачность, маслянистость, блеск, богатство оттенков, внутренний узор, упругость, звучность [Шовэнь цзецзы цзиньши..., 1997, с. 28–29].

Поделки из нефрита, известного своей красотой и чудодейственной силой, наряду с лаковой посудой, колесницами и роскошной шелковой одеждой стали маркерами высокого статуса кочевых вождей в хуннскую эпоху. Особое значение имели количество и качество нефрита. Сохранились письменные свидетельства о том, что нефрит попадал к шаньюям в виде подарков (дани) [Бичурин, 1950, с. 136]. Поэтому совсем не удивительно, что во время раскопок практически во всех курганах хуннской знати находят нефритовые изделия.

Особенно много артефактов из нефрита обнаружено в ноин-улинских курганах, исследованных экспедицией П.К. Козлова в 1920-е гг.: в Мокром кургане (№ 1) – 28 пластинок, в т.ч. целые изделия различной формы и простые заготовки [Руденко, 1962, табл. XX, 1, 3, 4; XXIX; The National Museum..., 2009, p. 47], в Шестом (Верхнем) кургане – 12 пластинок [Руденко, 1962, с. 118–120], в грабительском шурфе Кондратьевского кургана – 4 заготовки и 2 обломка изделий [Там же, с. 124], в кург. № 24 – украшение с изображением драконов и несколько обломанных пластинок [Теплоухов, 1925, с. 18]. Сохранилось 31 нефритовое изделие (в это число входит 17 пластин с просверленными отверстиями по углам) из раскопок Баллодовского кургана [Ivanov, 2011, fig. 2: 1–6; Сутягина, Иванов, 2012, с. 442, рис. 1]. А.Д. Симуковым при раскопках кург. № 1 в пади Цзурумтэ (Ноин-Ула) в грабительском шурфе обнаружен обломок нефритовой пластины зеленоватого цвета [Симуков, 2008, с. 43].

Во время работ российско-монгольской экспедиции в 2006–2012 гг. в пади Суцзуктэ было найдено немало артефактов из нефрита: в кург. № 20 – 9 заготовок и целое изделие (рис. 1; 2, 1), кург. № 22 – заготовка и 4 изделия (рис. 2, 3, 4; 3, 5; 4, 5, 6), кург. № 11 – 1 изделие (рис. 3, 7). В грабительской шахте кург. № 31 (на различной глубине) обнаружены 13 изделий и заготовок (см. рис. 2, 2; 3, 1–4, 6; 4, 1–4; 5, 1, 2). Согласно заключению старшего научного сотрудника ИАЭТ СО РАН, канд. геол.-минер. наук Н.А. Кулик, практически все каменные изделия из раскопок российско-монгольской экспедиции выполнены из нефрита*. По цвету ноин-улинские

нефриты очень разнообразны – молочно-белые, зеленые всех оттенков, желтоватые с красноватым оттенком. Окраска зависит от содержания в минерале железа и примесей хрома, марганца, никеля. Например, наименьший процент железа – в светло-зеленом нефрите, в белом его почти нет; примесь хрома дает ярко-зеленый, практически изумрудный цвет [Петров, 1985, с. 126]. Интересно, что в каждом отдельном хуннском кургане встречается нефрит только одного цвета.

Заготовки представляют собой пиленые (местами обломанные) пластины нефрита толщиной 5–6 мм. На некоторых из них сохранилась природная корка минерала и следы «шага» распилки.

Все изделия шлифованные, толщиной 3–5 мм. В пластинах имеются тонкие отверстия. Они «высверлены» иглой с прикрепленным осколком алмаза или сапфира. Сама игла крепилась к стержню, который быстро вращался при помощи веревки [Ферсман, 1954, с. 258].

Условно всю коллекцию нефритовых изделий из Ноин-Улы можно разделить на четыре группы:

1-я – дуговидные пластинки (*хуан 璜*). Длина изделий не превышает 15 см. Представлены в двух вариантах: а) с заостренным и закругленным концами. Отверстие сделано только в широкой части; б) с обоими закругленными концами, с двумя отверстиями по краям;

2-я – пластинки квадратной или прямоугольной формы (*пай 牌*). Отверстия либо по углам, либо в центре с каждой стороны. Наибольшая длина пластин 22,5 см, ширина не превышает 7 см;

3-я – пластинки с прорезным ажурным орнаментом. Одиночные отверстия по краям;

4-я – диски *би* (璧) или *юань* (瑗).

В настоящее время трудно ответить на вопрос, как именно хунну использовали пластины из нефрита, было это связано только с погребальным ритуалом или же являлось неотъемлемой частью повседневной жизни, как и у ханьцев? С учетом того, что большая часть нефритовых изделий в курганах знатных хунну найдена в грабительских шурфах или около них, можно предположить, что нефритовые предметы были элементами костюма: их грабители за ненадобностью бросали обратно в могилу. Ю.И. Елихина вслед за С.И. Руденко пишет, что традициюшивать на одеяние знатного умершего нефритовые пластины сюнну переняли у китай-

Батора, не имеют минералогических определений, поэтому вслед за П.К. Козловым археологи называют эти находки «нефритами», хотя в некоторых случаях неспециалист может легко спутать нефрит с жадеитом, зеленым мрамором или амазонитом, которые в ханьское время также широко использовались в качестве поделочных камней.

*Каменные предметы из коллекций, хранящихся в Государственном Эрмитаже и Национальном музее г. Улан-

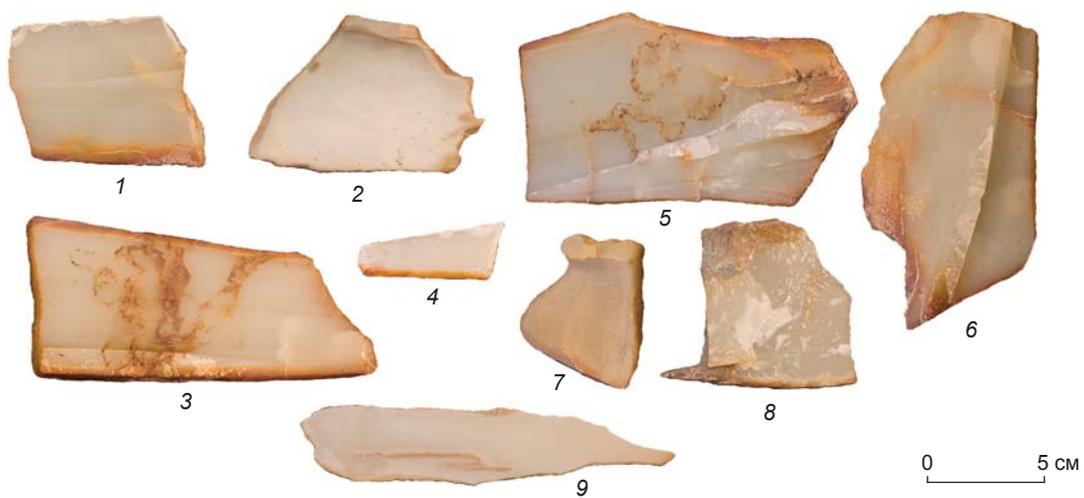

Рис. 1. Нефритовые заготовки из кург. № 20 в пади Суцзуктэ в Ноин-Уле.

Рис. 2. Нефритовые дуговидные пластины из пади Суцзуктэ в Ноин-Уле.
1 – кург. № 20; 2 – кург. № 31; 3, 4 – кург. № 22.

Рис. 3. Нефритовые заготовки из пади Суцзуктэ в Ноин-Уле.
1-4, 6 – кург. № 31; 5 – кург. № 22; 7 – кург. № 11.

Рис. 4. Нефритовые изделия из пади Суцзуктэ в Ноин-Уле.
1-4 – кург. № 31; 5, 6 – кург. № 22.

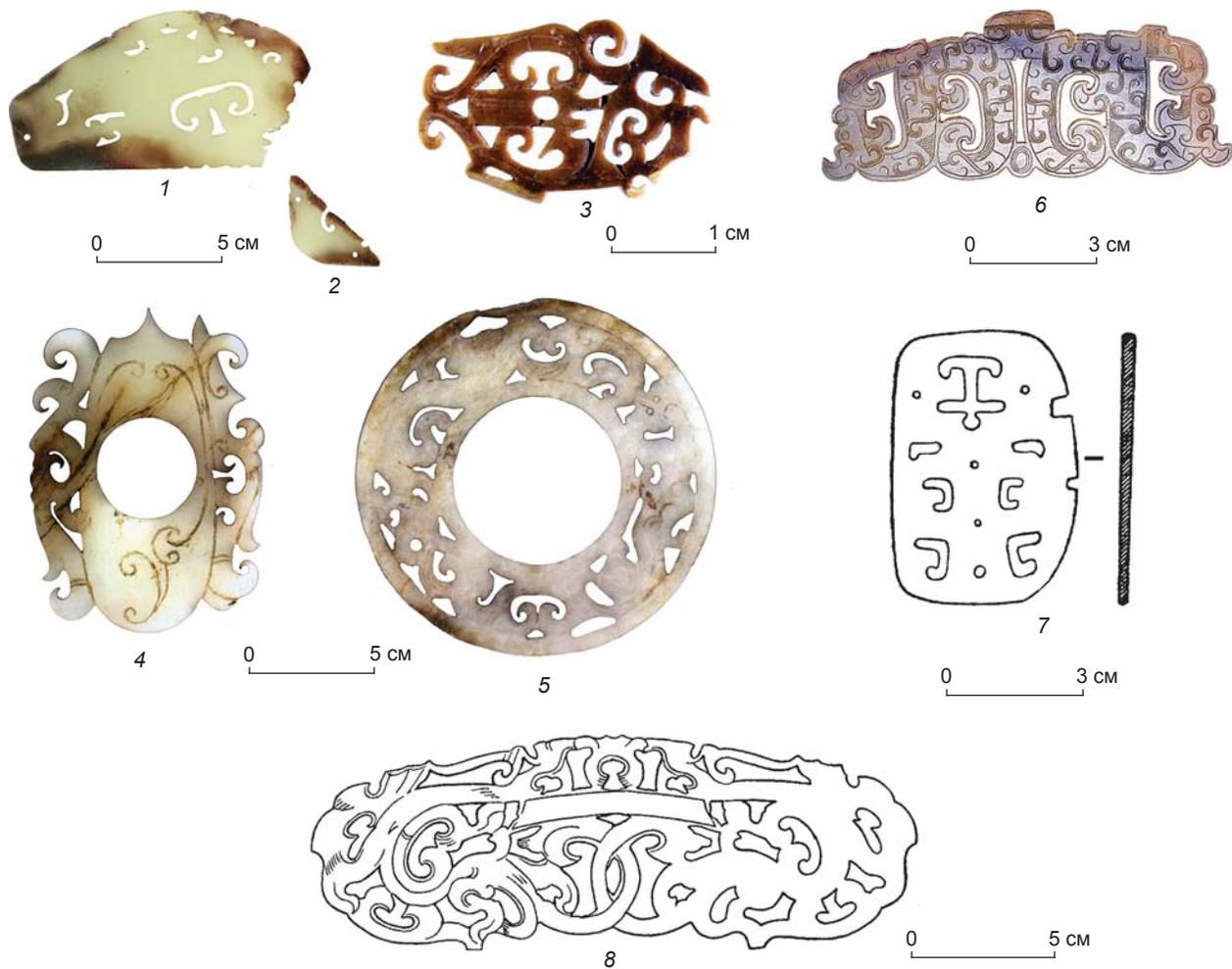

Рис. 5. Нефритовые пластины с прорезным ажурным орнаментом.
1, 2 – кург. № 31 в Ноин-Уле; 3 – мог. № 2 могильника Дуурлиг-Нарс (Монголия) [Xiongnu tombs..., 2009, p. 62]; 4, 5 – ханьское погребение в пров. Цзянсу [Ханьское погребение..., 2007, рис. 30, 34]; 6 – погребение хоу царства Цэн в уезде Суй пров. Хубэй (Музей пров. Хубэй, фото автора); 7 – чуское захоронение № 3 на памятнике Яоцзяган в пров. Хубэй [Краткий отчет..., 1988, рис. 12, 1, с. 167]; 8 – кург. № 24 в Ноин-Уле [Руденко, 1962, табл. XLVI, 1].

цев [2012, с. 140]. «Пластины дугообразной формы, возможно, нашивались в верхней части одежды – на груди, под шеей» [Руденко, 1962, с. 49]. С.И. Миняев интерпретировал изделия с заостренным концом из кург. № 7 могильника Царам в Забайкалье как «фрагменты диадемы из белого нефрита», а пластину подпрямоугольной формы – как часть «парадного панциря» [2009, с. 58]. К сожалению, никаких аргументов в пользу этих заключений исследователь не привел. Впервые предположение (еще в 1913 г.) о том, что подобные нефритовые пластинки составляли «панцирь» погребенного, выдвинул А. Баллод, первый исследователь ноин-улинских захоронений, геолог по образованию (опись находок см.: [Ходукин, 1926, с. 11]). Многочисленность однотипных пластин, найденных в Баллодовском кургане, заставляет вспомнить «нефритовые одеяния», известные по китайским археологическим источникам, например, из материалов раскопок погребений царевича Лю Шэн и его жены Доу Вань из Маньчэна или Лю Фэя – правителя царства Цзянду* [Wu Hung, 1997; Могила № 1..., 2013, с. 46–49]. Все нефритовые пластинки, чтобы сформировать такой «панцирь», скреплялись между собой золотой проволокой, протянутой через отверстия. Данная традиция их использования в Китае, бесспорно, является продолжением традиции создания нефритовых «масок» (моделирование головы погребенных) (см. подборку китайских публикаций по этому вопросу в статье Н.А. Сутягиной и Г.Л. Иванова [2012, с. 444]). Но нельзя утверждать, что во всех могилах хуннской знати находятся остатки нефритового «панциря» или «маски». Во-первых, обнаруженные в неразграбленных китайских комплексах простые дуговидные пластины с закругленными концами (или с одним заостренным концом) чаще всего являются частью церемониальных (статусных) нашейных или головных украшений. Во-вторых, в большинстве хуннских погребений нефритовые пластины представлены единичными образцами. Это можно было бы объяснить тем, что комплексы подверглись разграблению. Однако очень важно обратить внимание на следы зашлифованности (заношенности), сработанности на некоторых изделиях. Отдельные артефакты имеют полукруглую форму и лишь одно отверстие для подвешивания. Например, находки из кург. № 7 в пади Царам [Миняев, 2009, рис. 18], мог. № 2 на памятнике Дуурлиг-Нарс [Yun Hyeung-won, Chang Eun-jeong, 2011, fig 9, 2], Мокрого кургана [Umehara Sueji, 1960, pl. LXVI, 2], кург. № 31

в Ноин-Уле (см. рис. 4, 3, 4) и др. Возможно, перечисленные предметы были подвесками-амулетами (украшениями), а не деталями «нефритового панциря». Рядовые хунну (вслед за знатью) верили в чудодейственную силу нефрита, но за неимением этого «драгоценного» камня изготавливали амулеты и подвески в форме традиционных китайских украшений из подручных материалов. В качестве примеров могут служить когтевидные халцедоновые подвески из мог. № 133 Иволгинского могильника и мог. № 49 Дырестуйского могильника, каменная дуговидная пластинка из ямы 9 Иволгинского городища, сланцевые и каменные кольца *би* из погр. № 40, 114, 119 Дырестуйского могильника [Кочевники Евразии..., 2012, кат. 291, 299; Миняев, 1998, табл. 14; 33, 1–3; 98, 9, 10; 106, 11, 12].

Особенно ценными в ханьское время считались нефритовые изделия с прорезным ажурным орнаментом. Два обломка таких пластин были обнаружены в кург. № 31 в Ноин-Уле (см. рис. 5, 1, 2). Такие же прорезные грибовидные и волнитообразные отверстия имелись на нефритовом украшении из мог. № 2 могильника Дуурлиг-Нарса (см. рис. 5, 3). Подобным образом оформлены диск *би* и подвески, обнаруженные в ханьской могиле № 1 у насыпи Чэньдун в пров. Цзянсу и в погребении хоу царства Цзэн в пров. Хубэй (см. рис. 5, 4–6). Аналогичное по форме и орнаменту изделие, но более простое по исполнению находилось в чуском захоронении № 3 на территории пров. Хубэй (см. рис. 5, 7). Все эти пластины, в т.ч. диск *би*, могли быть частью церемониальных (статусных) украшений, подобных тем, которые сохранились в могиле маркиза И, правителя княжества Цзэн (пров. Хубэй, V в. до н.э.) (http://www.hnmuseum.com/hnmuseum/learning/Lesson003/chapter2_2.html), и в других погребениях, но более позднего времени (рис. 6). К сожалению, в своих публикациях китайские исследователи не касаются символики прорезных знаков. Скорее всего, это стилизованный «облачный» орнамент. Наибольшую популярность в ханьское время имели «шелкопрядный» узор (*чунь-вэнь* 蠶紋) или «в виде ущелий» (*гу-вэнь* 谷紋) и «каплевидный» (*дяньди-вэнь* 點滴紋) или «плетеный» (*пу-вэнь* 蒲紋). Первый образован рельефными завитками и, как принято считать, появился под влиянием резьбы по дереву в декоративно-прикладном искусстве южных регионов Древнего Китая, в царстве Чу (XI–III в. до н.э.). «Каплевидный» узор, состоящий из кружков, восходит, скорее всего, к работам по металлу; он копирует литой зерновидный орнамент, характерный для декора древних бронзовых сосудов [Духовная культура..., 2010, с. 227–228]. Отметим, что известен огромный массив китайских нефритов (в основном дисков *би*), которые украшены грибовидными и волнитообраз-

*Западно-ханьское погребение сына императора Цзинди найдено в местности Маньчэн в 100 км от Пекина. Царство Цзянду располагалось на территории современной пров. Цзянсу и существовало с 206 г. до н.э. до 25 г. н.э.

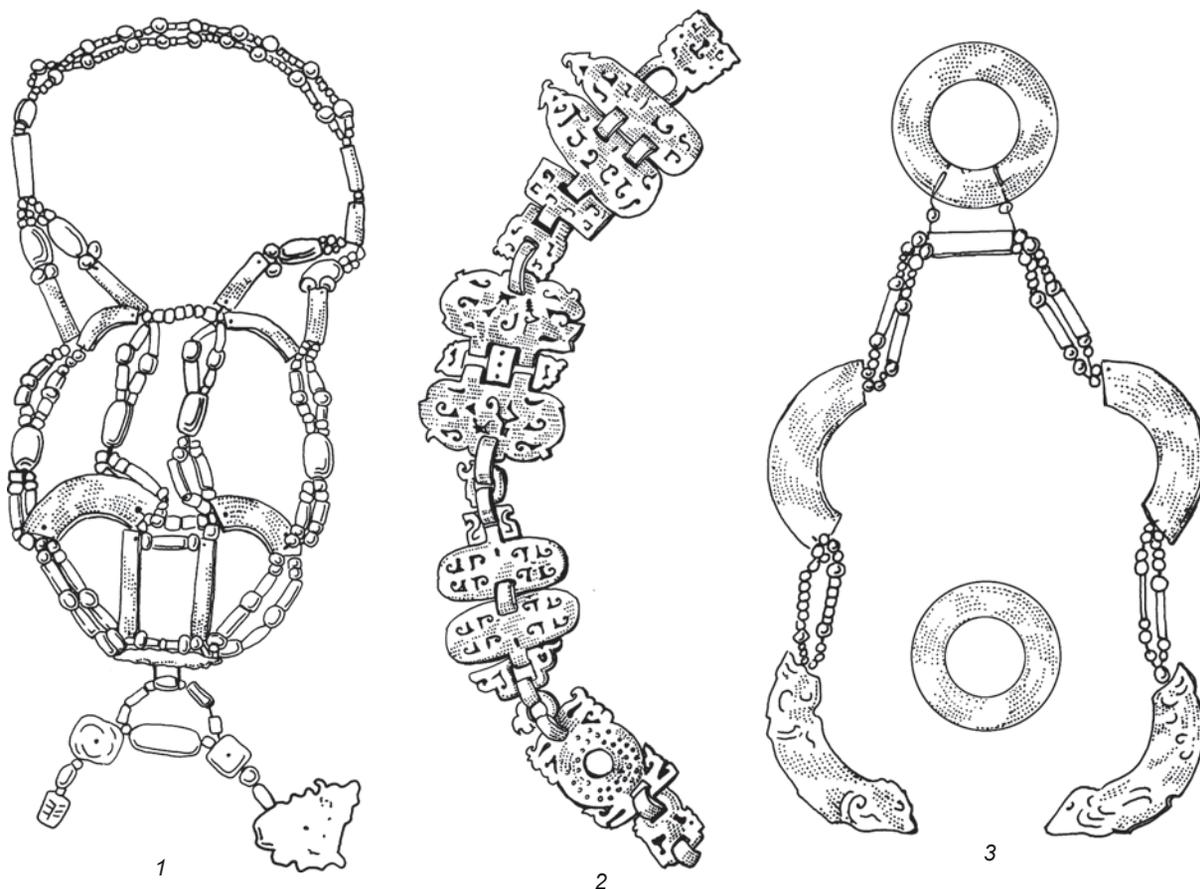

Рис. 6. Церемониальные (статусные) украшения из погребальных памятников Китая.
 1 – могильник Цянцзя, уезд Фуфэн, пров. Шэньси [Лю Юньхуй, 2008, рис. 23, 24]; 2 – могила маркиза И, пров. Хубэй (Музей пров. Хубэй); 3 – ханьское погребение в пров. Хубэй (Музей пров. Хубэй).

ными узорами, но выполненных не в виде отверстий (см., напр.: http://www.hnmuseum.com/hnmuseum/learning/Lesson003/chapter2_1_1.html).

Другой (более высокий) уровень исполнения демонстрирует нефритовая ажурная пластина с противопоставленными прорезными изображениями двух драконов из кург. № 24 в Ноин-Уле, на которой имеется «облачный» орнамент (см. рис. 5, 8). Важно подчеркнуть, что образы драконов показаны в духе китайских изобразительных традиций, и видеть в них проявление скифо-сибирского звериного стиля, как считают возможным некоторые исследователи [Боровка, 1925, с. 35–37], на наш взгляд, нет оснований.

Нефритовые пластины с прорезным орнаментом и диски *би*, вероятно, служили своеобразными «верительными грамотами» владельца, а их форма и размеры соответствовали его статусу (рангу). Известно, что в Китае в VI в. до н.э. император носил костюм, украшенный пластинами нефрита определенного цвета и формы. «В торжественных церемониях император и его ближайшие сановники

держали перед ртом пластинки из нефрита, чтобы “заградить свое дыхание”. Пластика императора носила название “тин” и была прямоугольная, олицетворяя “прямоту, с которой он управляет страной”. Пластины сановников были заострены или закруглены сверху в знак подчиненности. Придворные дамы носили застёжки и булавки из нефрита, точно обозначавшие их придворный чин» [Ферман, 1954, с. 254]. Составные украшения из нефрита начиная с эпохи Хань считались символом государственной власти, их запрещалось носить простым людям [Чжоу Наньцюань, 2011, с. 31]. Но подобные предметы были обнаружены, например, в гробнице Вана из Южных Юэ; видимо, умерший приравнял себя к императору Западной Хань [Там же]. Можно предположить, что высокомерные и амбициозные хуннские шаньюи, желая подчеркнуть свой высокий статус, дополняли свой костюм составными украшениями.

Цвет нефрита, из которого изготавливались императорские регалии и ритуальные предметы, должен был соответствовать космологической цветовой

символике того или иного времени года. Согласно разделу «Ван Чжи» древнего ритуально-этикетного уложения эпохи Чжоу, «весной государь должен был носить украшения и использовать предметы из зеленого нефрита, летом – из нефрита красного цвета» и т.д. [Духовная культура..., 2010, с. 225]. Типология нефритов основана на универсальной для культуры Китая хроматической гамме – «пять цветов» (五色). Нефриты подразделялись на белые с желтоватым оттенком (бай юй 白玉), сравнимые в оригинальных источниках по цвету с бараньим салом, желтые с коричневым отливом (хуан юй 黄玉) – «цвета вареных каштанов», красные (хун юй 红玉) – «цвета петушиного гребня», черные (хэй юй 黑玉) – «подобные лаковому покрытию» и зеленые (цин юй 青玉) [Там же]. Желтый цвет был символом верховной власти и государя, а белый цвет – траура и похоронных принадлежностей [Кравцова, 1999, с. 110]. Различная цветовая гамма нефритов из ноин-улинских захоронений свидетельствует о том, что хунну волновали больше эстетические и магические особенности этого камня, чем космологическая цветовая символика.

Возвращаясь к прорезному орнаменту на нефритовых пластинах, отметим, что уже в ханьское время по причине высокой механической прочности нефрита гравировка и резьба (ажурная) по нему производились металлическими инструментами. Использование таких инструментов позволяло наносить на поверхности камня сплошные узоры, состоящие из мелких деталей. Питер Лу из Гарвардского университета, изучавший нефритовые кольца с прорезным орнаментом эпохи Чжоу (771–475 гг. до н.э.), отмечал: «Углубления создавались с большой точностью, последовательно, они сделаны не вручную, а с помощью продвинутой технологии (механизмом)» [Lu, 2004, p. 1640]. С его точки зрения, этот «механизм» выглядел как проигрыватель пластинок, его игла «вырезала» линии на заготовке. Чтобы проверить свою догадку, исследователь собрал аналогичный аппарат, который мог вырезать спиральные линии, как на древних образцах [Ibid.]. По нашему мнению, простейшие орнаменты на нефрите в ханьское время вырезали и выпиливали, скорее всего, вручную инструментом типа лобзика с подсыпкой абразива (мокрого песка). С его помощью изделиям придавали определенную форму. Например, диски би делали в два приема: сначала в пластине с двух сторон высверливали центральные конические отверстия, а затем резцом, закрепленным в центре, из пластины-заготовки вырезали кольцо. Данные операции не сложны и не требуют особых навыков. Вполне возможно, что многие нефритовые изделия из числа найденных в хуннских курганах были сделаны не на территории Китая, а в ставках шаньюев, где работало много

иноземных мастеров. Это предположение позволяет объяснить высокую долю простых заготовок, пиленных кусков нефрита, например, в ноин-улинских погребениях: простые украшения, вероятно, делали неподалеку.

Одной из сложных и важных задач является определение места добычи нефрита. Пока не ясно, хунну добывали его сами или же получали только в виде дани и подарков из Китая. Центры окраски и люминесценции, магнитные и электрические свойства, вариации кристаллической структуры, типоморфизм (изменчивость физических свойств в зависимости от условий их образования) у минералов из разных месторождений свой, особый [Здорик, Фельдман, 1998, с. 41]. В Китае известно пять самых крупных месторождений этого камня.

Нефрит с преобладанием белого или светло-зеленого цвета добывали в уезде Сюань (岫岩) пров. Ляонин. Он, как правило, полупрозрачный, редко – прозрачный. Нефрит желтого оттенка с вкраплениями зеленого, иногда содержащий как бы облачный рисунок, добывали в уезде Ланьтянь (蓝田县), к северу от г. Сианя в пров. Шаньси. Больше всего нефрита (и сегодня), который иногда называют «душань» (独山), привозили с территории окр. Наньян пров. Хэнань. Этот полупрозрачный нефрит имеет чаще всего желтоватый или белый оттенок с розоватыми, зелеными, желтыми вкраплениями и содержит много различных примесей. Он весьма неоднороден по составу. Самое известное местонахождение находится в окр. Хотан (和田) в Синьцзяне. Здесь добывали самые ценные для китайцев сорта: белого цвета или «цвета бараньего сала» с густым восковым матовым блеском. Возможно, именно Хотанское месторождение красочно описано в «Каталоге гор и морей» (III–I вв. до н.э.): «Там много белого нефрита, имеется [ключ] нефритового нектара. У истока он кипит и клокочет. Желтый Предок насыщается [им] по утрам и в полдень. [Там] рождается священный нефрит. Нефритовый ключ вытекает, чтобы оросить Древо Бессмертия. Древо Бессмертия расцветает один раз в пять лет пятью цветами. Когда появляется пять вкусов, то делается ароматным. Желтый Предок собирает нефритовые цветы на горе Ми и сажает их на южном склоне Горы Колокол. Нефрит хуайюй самый прекрасный. || Он твердый и крепкий, блестящий и гладкий, как отполированный. Он играет всеми цветами, сочетает в себе хрупкость и твердость. Боги и духи небес и земли вкушают его по утрам и в полдень. Государи едят его, чтобы предотвратить несчастья» [Каталог гор..., 1977, с. 41]. В эпоху Чжоу хотанским нефритом мог пользоваться только император.

В Китае нефрит добывали в огромных объемах с эпохи неолита, поэтому уже к рубежу эр его место-

рождения истощились, наметился переход китайского камнерезного дела на импортное сырье [Комиссаров, 1999, с. 7; Духовная культура..., 2010, с. 227]. Как утверждает М.Е. Кравцова, правда, без ссылки на естественно-научные исследования, «большинство известных чжоуских и ханьских нефритовых изделий выполнены из привозных материалов... Яркенда и Хотана» [2004, с. 768]. Добывать нефрит, который затем завозили в ханьский Китай, хунну могли не только в Синьцзяне. С древности известны крупные месторождения нефрита в Забайкалье и Восточных Саянах. В Хамархудинском и Хохюртовском (Джидинская группа) месторождениях встречаются зеленые нефриты различных оттенков и черные. В Буромском и Голубинском (Витимская группа) месторождениях добывают зеленые, серые, снежно-белые (различных оттенков) нефриты. В Улан-Ходинских и Оспинских разработках встречается только однородно ярко-зеленые и пятнистые нефриты [Декоративные разновидности..., 1989, с. 50–65, табл. 8]. Точно определить, где был добыт ноин-улинский нефрит можно только после проведения химического анализа. Эти данные позволят пролить свет на историю камнерезного дела и торговые связи различных групп населения в Центральной Азии в хуннскую эпоху. Публикации на эту тему появились лишь недавно. Как отмечается в одной из них, специалистам удалось определить материал, источник сырья и технологию изготовления нефритовых изделий из нескольких погребальных комплексов эпохи Чжоу [Douglas, Chang, 2008].

Таким образом, в могилах знатных хунну нефритовые изделия были частью украшений, амулетами, и только находки из Баллодовского кургана можно интерпретировать как остатки нефритовых одеяний – «панцирей». Поделки из этого камня являлись одним из показателей высокого статуса кочевых вождей эпохи Хань. Для рядовых кочевников амулеты и подвески, по форме аналогичные традиционным китайским украшениям, изготавливали из подручных материалов.

Список литературы

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 379 с.

Боровка Г.И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции Академии наук // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 22–40.

Декоративные разновидности цветного камня СССР / под ред. Е.Я. Киевленко. – М.: Недра, 1989. – 271 с.

Духовная культура Китая: энцикл. в 5 т. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. 6: Искусство. – 1031 с.

Елихина Ю.И. Коллекция находок из Ноин-Улы // Кочевники Евразии на пути к Империи. Из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. – СПб.: Славия, 2012. – С. 132–143.

Здорик Т.Б., Фельдман Л.Г. Минералы и горные породы (Ювелирные камни и драгоценные металлы): Энциклопедия природы России. – Т. 1. – М.: АБФ, 1998. – 752 с.

Каталог гор и морей (шань хай цзин) / предисл., перевод и коммент. Э.М. Яншиной. – М.: Наука, 1977. – 235 с.

Комиссаров С.А. Древние нефриты Восточного Туркестана (Синьцзяна): их распространение и использование // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Вып. 2: Горизонты Евразии. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1999. – С. 7–10.

Кочевники Евразии на пути к Империи. Из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки. – СПб.: Славия, 2012. – 271 с.

Кравцова М.Е. История культуры Китая. – СПб.: Лань, 1999. – 416 с.

Кравцова М.Е. История искусства Китая. – СПб. и др.: Лань, 2004. – 960 с.

Краткий отчет о раскопках чуского погребения в деревне Яоцзяган уезда Чжицзян провинции Хубэй // Каогу. – 1988. – № 2. – С. 157–168 (на кит. яз.).

Лю Юньхуй. Древние нефритовые изделия из Шэньси // Сычуань Вэньу. – 2008. – № 5. – С. 53–68 (на кит. яз.).

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. – СПб.: Фонд «Азиатика», 1998. – 233 с. – (Археологические памятники сюнну; вып. 3).

Миняев С.С. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам (Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2. – С. 49–58.

Могила № 1 мавзолея правителя княжества Цзянду // Каогу. – 2013. – № 10. – С. 3–68 (на кит. яз.).

Петров В.П. Рассказы о драгоценных камнях. – М.: Наука, 1985. – 175 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Симуков А.Д. Отчет по раскопке двух курганов Суцзуктэ и Цзурумтэ // Труды о Монголии и для Монголии. – Осака: Гос. музей этнологии, 2008. – С. 40–45. – (Seni Ethnological Reports; т. 3. (iss. 1), № 74).

Сутягина Н.А., Иванов Г.Л. Нефритовые изделия из коллекции Баллодовского кургана (по материалам Иркутского областного краеведческого музея) // Древние культуры Монголии и Байкальской степи: мат-лы III Междунар. науч. конф. – Улан-Батор, 2012. – Т. 2. – С. 441–447.

Теплоухов С.А. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула // Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1925. – С. 13–22.

Ферсман А.Е. Очерки по истории камня. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1. – 371 с.

Ханьское погребение у насыпи Чэньдун в уезде Сяян провинции Цзянсу // Вэньу. – 2007. – № 7. – С. 39–60 (на кит. яз.).

Ходукин Я.Н. Первые раскопки в горах Ноин-Ула // Бюл. Всесоюз. науч. ассоциации востоковедов. – Иркутск: Власть труда, 1926. – С. 3–16.

Чжоу Наньцюань Нефритовые изделия из погребения Юэ Мэй-вана Южных Юэ периода Западная Хань // China academic J. electronic publishing House. – 2011. – С. 28–33 (на кит. яз.).

Шовэнь цзецзы цзиньши (Толкование письмен с комментариями). – Пекин; Юэлу хуашэ, 1997. – Т. 1. – 1198 с. (на кит. яз.)

Ivanov G.L. The early history of the study of the mounded tombs at the Noyon uul necropolis – the collection Andrei Ballod at the Irkutsk Museum of regional studies // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. – Bonn: Wilhelms-Universität, 2011. – P. 285–289. – (Bonn contributions to Asian archaeology; vol. 5).

Douglas J.G., Chang Yang Jun. Materials and technology of Chinese jades dating to the Western Zhou period (1050–771 BCE) // Science in China Ser. E: Technological Sciences. – 2008. – Vol. 51, N 4. – P. 467–480.

Lu P.J. Early Precision Compound Machine from Ancient China // Science. – 2004. – Vol. 304. – P. 1638–1646.

The National Museum of Mongolia. Catalog. – Seoul: North East Asian History Foundation, 2009. – 217 p.

Umehara Sueji. Studies of Noin-Ula finds in north Mongolia. – Tokyo: [s.n.], 1960. – 301 p. (на яп. яз.). – (The Toyo Bunko publications. Ser. A; N 27).

Wu Hung. The Prince of Jade Revisited: Material Symbolism of Jade as Observed in the Mencheng Tombs // Chinese Jades. Colloquies on Art and Archaeology in Asia / ed. Rosemary E. Scott. – 1997. – N 18. – P. 147–170.

Yun Hyeung-won, Chang Eun-jeong. Excavation of xiongnu tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary perspectives of the first steppe empire in Inner Asia. – Bonn: Wilhelms-Universität, 2011. – P. 261–274. – (Bonn contributions to Asian archaeology; vol. 5).

Xiongnu tombs of Duurlig Nats. Catalog exhibition. – Seoul: National Museum of Korea, 2009. – 99 p.

Материал поступил в редколлегию 12.03.15 г.

А.Ю. Майничева

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mainicheva@archaeology.nsc.ru*

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКИХ В СИБИРИ В XVII–XVIII ВЕКАХ: ЦЕРКВИ С БОЧЕЧНЫМ ПОКРЫТИЕМ*

Междисциплинарное исследование, основанное на подходах истории архитектуры, архитектурной теории, семиотики и этнографии, позволило впервые установить связь церквей, имеющих бочечное завершение, с их посвящением Богородице и Троице. Эти храмы стали одним из этноконфессиональных маркеров идентичности русских на вновь приобретенных сибирских землях, символом духовного освоения территории.

Ключевые слова: русские православные церкви, идентичность, Сибирь, Русский Север, русские, этноконфессиональный маркер, бочечное покрытие.

A. Yu. Mainicheva

*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: mainicheva@archaeology.nsc.ru*

ETHNO-CONFESSIONAL MARKERS OF RUSSIAN IDENTITY IN 17TH–18TH-CENTURY SIBERIA: CHURCHES WITH BARREL-SHAPED DOMES

A comprehensive architectural, semiotic, and ethnographic analysis of 17th–18th-century Russian churches of Our Lady and Trinity in Siberia suggests that their architecture, specifically, the peculiar barrel-domes, symbolized Russian ethnic and religious dominance of the region.

Keywords: Russian Orthodox churches, ethnic identity, Siberia, Russian North, Russians, ethno-confessional marker, barrel-shaped dome.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.100-106

Проблемы выявления характерных черт самоидентификации различных этнических подразделений тесно связаны с этнокультурными маркерами, коими служат разнообразные явления культуры, имеющие этническую окраску. Среди них можно выделить те, которые относятся скорее к области рефлексии, т.е. осознанию того или иного культурного явления в качестве знакового. В основе самоидентификации нередко лежит взаимозависимость этнической и конфессиональной идентичности, что в историческом

контексте имеет свою специфику. В России XVII в. «русский» означало своеобразное сочетание этнического происхождения (по рождению русский), конфессиональной принадлежности (православный), подданства (подданный русского царя). По этим признакам даже представители различных народов, принявшие русское подданство и перешедшие в православие, признавались русскими. В таком значении термин употреблен в статье.

Большую роль в манифестации конфессиональной принадлежности играют культовые сооружения, выступающие знаковыми доминантами, которые организуют рукотворное и природное пространство.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

В городах, основанных русскими на приобретенных территориях в период начального освоения Сибири, одними из обязательных сооружений были православные часовни и церкви, ставшие существенным статусным маркером идентичности русских как подданных Русского государства, объединенных общностью исповедания православия. Среди различных по типологии храмов, построенных в регионе в XVII–XVIII вв., выделяются те, у которых центральная часть – собственно церковь (кафоликон) – завершена своеобразной архитектурной формой «бочка», известной в церковном и гражданском строительстве. Это двускатное покрытие имеет плавные криволинейные очертания и сходящиеся вверх под конек заостренные углы стороны. Особенное распространение получила бочка как навершие алтарной части деревянных шатровых и некоторых клетских церквей, что свидетельствует о ее существенной значимости в символическом отношении. Это заставило обратиться к изучению сравнительно немногочисленных, но, несомненно, играющих важную роль в русской культуре церковных сооружений с бочечным покрытием. Необходимо также пояснить, что клетские церкви относятся к наиболее рано возникшему типу православных храмов.

Известно, что в конце XVII в. в городах Средне-го Приангарья были построены деревянные клетские церкви, в частности, в Илимске – Казанской Божией Матери (1679 г.) и Введения во храм Богородицы (1673 г., по другим данным 1693 г.), обе с бочечным завершением [Калинина, 2000, с. 257–258] (рис. 1). Согласно данным Чертежной книги С. Ремезова 1701 г. [Там же, с. 206], в Братске находилась деревянная клетская церковь Владимирской Иконы Богородицы, с большой вероятностью также имевшая покрытие бочкой, если отнестись с доверием к изображенному на рисунке. В первую очередь обращает на себя внимание то, что все три храма посвящены Богородице. Для того чтобы понять, насколько закономерно появление таких красивых и оригинальных церковных сооружений, необходимо обратиться к символическим значениям как посвящений церквей, так и архитектурных форм.

Русь/Россия в православном сознании издревле выступает «домом Пресвятой Богородицы», страной, отмеченной ее покровительством. Согласно преданиям, Богородица неоднократно приходила на помощь в судьбоносные моменты русской истории, что отмечено чудотворными и явленными богородичными иконами. Владимирская икона несколько раз спасала Москву от нашествия татар, Донская сыграла важную роль в исторической Куликовской битве, Казанская была покровительницей русского войска в 1612 г. при изгнании польских интервентов. В XII в. Андрей Боголюбский ввел в русский церковный календарь праздник Покрова Пресвятой Богородицы, официаль-

Рис. 1. Введенская церковь в г. Илимске. Фото начала XX в.

но обозначив идею покровительства Божией Матери Русской земле [Агапкина, 2009]. Важнейшая роль почитания Богородицы в Московском государстве подробно описана М.Б. Плюхановой с многочисленными ссылками на литературные и летописные источники [1995, с. 23–62].

Восточно-христианской традиции известно более 700 иконографических изображений Богоматери [Успенский, 2007, с. 67]. Искусствоведы, изучавшие древнерусскую иконопись, отмечали, что образ Богородицы близок образу Спаса по своему смыслу и значению, по тому месту, которое он занимал в сознании и духовной жизни людей [Барская, 1993, с. 30]. Богородица – заступница, защитница, ходатай перед Богом. Об этом говорят предания и стихиры (гимнографические тексты), духовные стихи, например, апокриф «Хождение Богородицы по мукам», который сложился в Византии и распространился в Древней Руси. В его русском изводе Мария ужасается видом грешников, мучающихся в аду, оплакивает их и просит Бога для них послаблений от мук [Майничева, 2000, с. 35–36]. В одной из богородичных стихир православного богослужения Богоматерь называют «Всех скорбящих Радосте, и обидимых Заступнице, и алчущих Питательнице, странных утешение, обуреваемых пристанище, больных посещение, немощных покрове и Заступнице, жезле старости». В «Свитке Ерусалимском» XVII в. сообщается, что каждый человек имеет три матери: «Первая Мать – Пресвятая Богородица./ Вторая мать – сыра земля./ Третья мать – кая скорбь приняла./ Если Пресвятая Богородица/ Помощи Своей не подаст,/ Не может ни-

что на земле вживе родиться:/ И ни скот, и ни птица,/ Ни человекам быть./ Если да Святая Богородица да помощи воздаст./ Может всякая тварь на земле вживе родиться:/ Скот, и птица, и человекам бысть...» [Федотов, 1991, с. 32]. Показательно, что архидиакон Павел Алеппский, который путешествовал со своим отцом патриархом Макарием в середине XVII в. и оставил об этой поездке обширные записки, неоднократно писал, что жители русских городов «при произнесении умиленного имени Богородица... стучают лбами о землю, становясь на колени и делая поклоны, по любви к умиленному имени Девы», «...делают коленопреклонения и земные поклоны, особливо при “Достойно есть” и упоминании имени Богородицы» [1897, с. 109, 163]. Он также заметил, что «над воротами городов, крепостей и укреплений непременно бывает икона Владычицы внутри и икона Господа снаружи...» [Там же, с. 109]. Обычай этот сохранялся и в Сибири: в башне Енисейского острога XVII в. над воротами висела икона Спаса Нерукотворного Образа, «а на другой стороне – Икона Божией Матери Знамение. Так что должны были почитать Господа и Его Пречистую Матерь все, входящие и выходящие из острога. Так хранился Енисейск Господом и Богородицей» [Геннадий Фаст, 1994, с. 12].

Нелишне напомнить, что первая каменная церковь Древней Руси, построенная князем Владимиром в столичном Киеве и названная Десятинной, имела Богородичное посвящение – Успению Пресвятой Богородицы. В Москве, ставшей столицей, на территории Кремля из неполного десятка храмов четыре посвящены Богоматери: церкви Положения ризы Пресвятой Богородицы и Рождества Богородицы на Сенях, Благовещенский и Успенский соборы, которые несут охранительную символику и охватывают существенные моменты чудесной жизни Богоматери от рождения до упокоения. Архитектура этих каменных храмов торжественна и величественна, одним из основных конструктивных приемов является покрытие основного объема по многочисленным законам, в деревянном зодчестве приобретшим форму бочки.

О распространенности культа Богородицы в России и его значимости говорят и материалы епархиальных справочных книг, выпущенных в начале XX в. Так, данные по Сибири показывают, что, например, в ведении Tobольской епархии из 625 учрежденных престолов 34 было Покрова Пресвятой Богородицы, 17 – Казанской иконы Божией Матери, 14 – Успения Божией Матери, 12 – Знамения Божией Матери, по 11 – Введения во храм Пресвятой Богородицы и Рождества Богородицы. В храме, построенном в XVII в. и сохранившемся к началу XX в., был престол во имя Владимирской иконы Божией Матери. В XIX в. появляются новые посвящения – во имя иконы Богородицы «Всех скорбящих радость» (шесть), иконы Бо-

жией Матери Скоропослушницы (два), в XX в. – во имя иконы Богородицы «Утоли моя печали». Таким образом, более 100 престолов были Богородичными, что составляет приблизительно 1/6 часть всех посвящений (подсчитано по: [Справочная книга..., 1913]).

В крупных сибирских городах в XVIII–XIX вв. строились наилучшим образом украшенные храмы, посвященные Богородице и ставшие градообразующими сооружениями. Таковы Богородице-Введенская церковь (1743 г.) в Tobольске [Там же, с. 6], собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы (1834–1845 гг.) в Кургане [Там же, с. 76], Покровская церковь (1771 г.) в Туринске [Там же, с. 98], двухэтажный Богородице-Рождественский кафедральный собор (1845–1861 гг.) [Краткое описание..., 1916, с. 5–7], Покровская церковь (1784–1795 гг.) и Благовещенская (1795–1831 гг.), поставленная вместо перенесенной Покрова Богородицы, построенной в середине XVII в. в Красноярске [Там же, с. 12–13]. В двухэтажной Вознесенской церкви (1789 г.) Тюмени, кроме престолов во имя Вознесения Господня, великомученика Георгия Победоносца, Преображения Господня, был освящен престол Рождества Пресвятой Богородицы [Справочная книга..., 1913, с. 163]. В первом каменном строении Красноярска Воскресенском (Старом) соборе (1759–1773 гг.) кроме прочих был престол Владимирской иконы Божией Матери [Краткое описание..., 1916, с. 10–11]. Уже одно то, что все указанные храмы выполнены в камне, говорит об их высоком статусе. Хотя в архитектуре этих церквей, особенно тех, у которых главным престолом был Богородичный, просматриваются мотивы закомар, ни одна из них не имела завершения основного объема бочкой, характерного только для деревянного зодчества.

Исходя из того, что в сибирском зодчестве периода начального освоения территорий преобладали северорусские традиции [Сибирь..., 2014, с. 5], имеет смысл обратиться к материалам Русского Севера и там поискать бочечное завершение деревянных храмовых зданий. Некоторые храмы широко известны, т.к. были в свое время изучены архитекторами-реставраторами и сведения о них опубликованы [Забелло, Иванов, Максимов, 1942, с. 80, 86]. Среди них Троицкая церковь Елгомского погоста в Карелии, построенная в 1714 г. (рис. 2). Этот впечатляющий деревянный храм клетского типа имеет трехчастную структуру: трапезная – кафоликон – алтарь. Трапезная крыта «на две стороны», кафоликон и алтарь – бочками, расположенными по оси сооружения. Бочку кафоликона венчает внушительная глава на мощной «шее». Особенностью алтарной части является ее двухчастность. Часовня в д. Нижние Маркомусы (Архангельская обл.) имеет сруб с выразительным повалом, обнесенный с северной, южной и западной стороны открытой галереей. С запада находится крыльцо с небольшой надстрой-

Рис. 2. Троицкая церковь (1714 г.) Елгомского погоста в Карелии.

Рис. 3. Часовня в д. Нижние Маркомусы Плесецкого р-на Архангельской обл. Вид с северо-запада.

кой – звонницей. Венчает часовню изящная глава на мощной бочке (рис. 3).

Л.Г. Шаповаловой удалось найти практически все, даже малоизвестные сейчас, северорусские деревянные храмовые здания с бочечными завершениями [2006]. Среди них двухэтажный храм Благовещения Пресвятой Богородицы (1719 г.) в д. Пустыньке в среднем течении р. Онеги, отмечавший начало многоверстного волока на р. Емцу, соединяющую Онегу и Двину. Бочка покрывает всю центральную храмовую часть и расположена по линии восток–запад. Сибирскими аналогами выступают илимская церковь Казанской иконы Божьей Матери и, возможно, братская Владимирской иконы Богоматери (рис. 4). В настоящее время илимский храм музеефицирован и находится в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» в пригороде Иркутска (рис. 5, 1), так что Л.Г. Шаповалова не права, называя Благовещенскую церковь единственным храмом с бочечным покрытием, сохранившимся в России. Не исключено также, что формы церкви Казанской иконы Божией Матери являются прямой репликой часовни в д. Нижние Маркомусы (рис. 5, 2). В списке Л.Г. Шаповаловой значатся Предтеченский храм (конец XVII – начало XVIII в.) Почозерского погоста на Кенозере, Благовещенская церковь (1639 г.) в Троицкой волости на р. Двине,

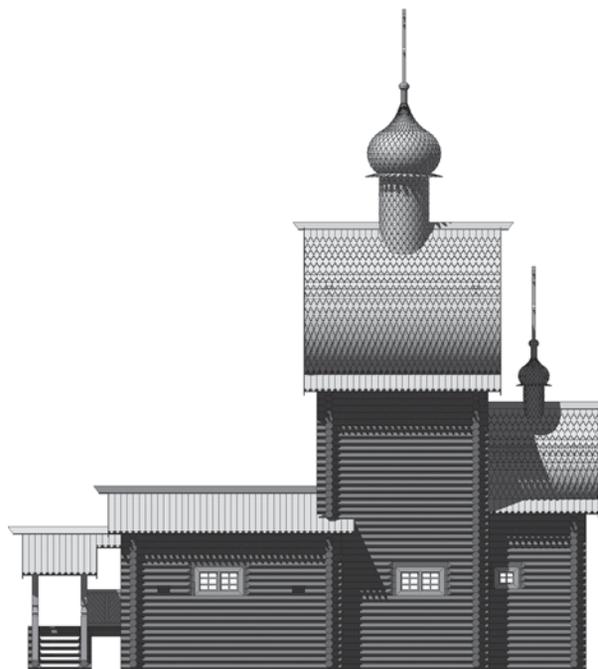

Рис. 4. Церковь Владимирской иконы Богоматери в г. Братске. Реконструкция А.Ю. Майничевой, А.Н. Кулакова.

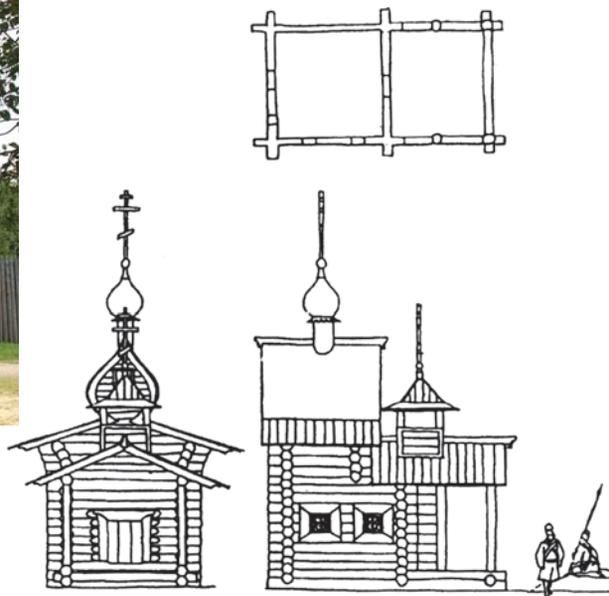
Преображенская (1690 г.) Ольховского погоста, храм с неустановленным посвящением (первая половина XVIII в.) в Спасо-Озерской пустыни Каргопольского уезда Олонецкой губ., теплая церковь Успения Пресвятой Богородицы (после 1673 г.) каргопольской Кирилло-Челмогорской обители.

Строили и храмовые здания с расположением бочки поперек оси – по линии север–юг, например, Успенская церковь (1691 г.) в с. Черевкове (ранее

1

Рис. 5. Церковь Казанской иконы Божией Матери в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» (1) и ее графическая реконструкция (2). Автор реконструкции А.Ю. Майничева.

2

Сольвычегодского уезда Вологодской губ., ныне Красноборского р-на Архангельской обл.). Она имеет три основные части, бочки завершают алтарь и небольшой четверик, поднимающийся над кафоликоном. Так же по линии север–юг расположена бочка на илимской Введенской церкви (см. рис. 1).

Обращает на себя внимание то, что церкви Русского Севера с бочечным завершением храмовой части в большинстве случаев имели престолы во имя Богородицы. Это согласуется с сибирскими материалами, по которым все храмы данного типа были Богородичными. Да и посвящение церкви во имя Пресвятой Троицы Елгомского погоста естественно вписывается в приведенный перечень престолов, что следует из особенностей семантики форм и иконографии. Символика навершия бочкой, имитирующей конфигурацию луковичной главки [Курилов, 1989, с. 87–90; Майничева, 2000, с. 32], связана с основным догматом христианства – идеей троичности Бога, принадлежащим к труднейшим и отвлеченнейшим в христианстве. Согласно восточно-христианской иконографической традиции на мафории (плате) Богородицы принято изображать три золотые звезды – символ девства и Святой Троицы. В народном православии Пресвятая Троица часто связывалась с Богородицею, иногда даже выступая ее эпитетом, что сближало эти понятия. В данном культурном контексте совершенно обоснованно формы церквей с бочечным покрытием отвечают посвящениям их престолов Богородице и Троице. Более того, анализ форм северорусских храмов XVI – начала XVIII в. других

типов показывает: Богородичные церкви имеют части зданий с бочечным покрытием (кроме алтаря), хотя есть примеры использования бочки и в храмах с иным посвящением, что зависит от времени возведения и региона. Так, например, у Успенской церкви (1674 г.) в с. Варзуга лопасти центрального квадрата крещатого сруба перекрыты ярусами бочек, а у Владимирского храма (1642 г.) в с. Белая Слуда прирубы сделаны с бочечным завершением. Введенская церковь с четырьмя прирубами (1587 г.) в с. Сура и Богородицкая (1726 г.) в с. Заостровье имеют двойные бочки, создающие переход к центральному восьмерику, крытому шатром. Этот список может быть продолжен.

Места расположения храмов с бочечным покрытием центральной части локализуются в бассейне верхней и средней Онеги – Каргополье. А оттуда через Енисейск шли многие первые насельники восточно-сибирских территорий [Бродников, 1994, с. 9–43]. Можно говорить не только о сложении во второй половине XVII в. в Каргополье самобытной архитектурной школы, но и о ее влиянии на сибирские храмовые постройки. Необходимо уточнить, что в Среднем Приангарье, как и на Русском Севере, ареал церквей с бочечным покрытием невелик. Поскольку данные о строительстве таких храмов в других регионах отсутствуют, это показывает их определенность как этнокультурного маркера выходцев с северорусских территорий. Не исключено, что одна или несколько родственных плотницких артелей работали в Каргополье, возводя церкви в Кирилловой обители, на Оль-

ховском, Елгомском погостах, в Ямецкой пустыни и на Почозере, мастера были переведены и в Сибирь для строительства в Илимске и Братске. Однако документов об этом не сохранилось. Вместе с тем есть основания предполагать, что выбор стилевых особенностей церквей мог быть связан с предпочтениями главы епархии. Как известно, Сибирская и Тобольская епархия была учреждена в 1620 г. выделением ее из Вологодской [Щеглов, 1993, с. 63]. До реформ Петра I, которыми он привел к высшему епархиальному руководству выходцев с украинских территорий, сибирскими архиепископами и митрополитами были уроженцы Русского Севера. В 1668 г. епархия получила ранг митрополии. Первыми ее митрополитами стали Корнилий (1664–1678) и Павел (1678–1691) [Там же, с. 87]. Учитывая время строительства церквей в Илимске и Братске, можно предположить, что кто-то из них оказал непосредственное влияние на выбор форм храмовых зданий. Без благословения высоких духовных лиц храмы не были бы освящены.

Отказ от сооружения церквей с бочечным покрытием, скорее всего, не был связан с их конструктивными сложностями, поскольку устройство бочки таково, что ее использование отчасти удешевляет и упрощает строительство. Несомненно, для возведения этих церквей требовались умение и знание специальных плотничьих приемов, но постройка храма любого типа – процесс непростой. Кроме того, бочечное покрытие имело большинство алтарных частей церковных зданий, использовались в деревянном зодчестве и криволинейные закомары, так что плотники, бравшиеся за строительство церкви, должны были владеть мастерством возведения бочки. Использование стропильных конструкций вместо самцовых, которые были характерны для клетских церквей со скатными крышами, решало ряд проблем по выравниванию и выведению в одну линию элементов кровли в ее взаимосвязи со стенами.

Бочки храмов часто покрывались лемехом – специально вытесанными деревянными фигурными пластинами. В XVII в. это был один из самых распространенных конструктивных элементов. Лемех малоразмерен, легок в обработке, т.к. для него брали простую для резки и дешевую осину. Так, из порядных записей XVII в. следует, что «крестьяне должны были и вытесывать лемех (обратите внимание – не сами плотники-мастера, а низкоквалифицированные крестьяне. – А.М.) для кровель. Для этого узкий осиновый тес разрубали на короткие дощечки, которые потом, в зависимости от места, дотесывали сами плотники: “...им, старосте и крестьянам, лесом, и тесом, и лемехами в работе застою не чинить...”» [Мильчик, Ушаков, 1981, с. 41]. А вот длинноразмерность бревен и тесин, характерных для скатных кровель, всегда была проблемой. Например, если паперть с трапезной состав-

ляли одну связь, то для продольных стен требовались бревна длиной 12–13 м [Там же, с. 49], которые крайне тяжелы и громоздки для подъема на сруб, из них трудно изготовлять тесины. Поскольку бочки преимущественно покрывались лемехом (рис. 6), образующим при укладке своеобразные многократно повторяющиеся троичные элементы, существует символическая их соотносительность с общим контекстом религиозной семантики, связанной с идеей Пресвятой Троицы (подробнее об этом см.: [Майничева, 2015]).

Показательно, что, согласно порядным записям Благовещенской церкви Троицкой волости, первоначально задуманное завершение церковного здания скатными кровлями «на два верха» (их начали, но не смогли сделать из-за несовершенства конструкции) заменили на килевидное – «свести верх, бочкою», уточнив при этом все детали: «...оную срубить во всю церковь на восток», т.е. вдоль храма, «а ис тое бочки и з боков со сторон вывести шеи, и маковицы, и кресты», иными словами – установить главы на скатах бочки [Там же, с. 47–48]. «Простые» в современном понимании скатные крыши были заменены «сложной» бочечной конструкцией из соображений не столько красоты, сколько удобства и преимуществ эксплуатации. Кровля церкви должна была быть значительно выше первоначально намечавшейся: «...а высоты бочка... пяти сажень до верха». Однако допускалось сделать ее еще выше или ниже на полусажень – как «будет годно...» [Там же, с. 48]. За эту работу староста и крестьяне обещали мастеру добавить «сверх прежнего ряду к тому делу рубль». Запись была сделана 16 сентября 1638 г., а всего через десять дней мастер уже «верх срубил бочкою» [Там же, с. 49]. Высокая скорость выполнения говорит об отработанности технологии строительства, а разница в оплате срубных конструкций и бочечных невелика – рубль, который отдали за внесение ранее не оговоренных из-

Рис. 6. Покрытие лемехом бочки. Фото А.Ю. Майничевой.

менений. Таким образом, представляется, что бочка имела ряд преимуществ и не составляла ни финансовой, ни конструктивной проблемы.

Ограничение исторического периода, когда в Сибири и на Русском Севере возводились церкви с бочечным покрытием, концом XVII – началом XVIII в., очевидно, было связано прежде всего с преобразованиями в церковном устройстве, открывшими путь многочисленным западным влияниям в русской архитектуре. Изменение приоритетов, как символических, так и эстетических, привело к появлению храмов других типов, в т.ч. и спроектированных профессиональными архитекторами согласно новым веяниям моды в противовес старым традициям в храмовой стилистике. Схожие процессы шли и в иконописи: начали появляться сюжеты, свойственные западно-европейской живописи [Прохорова, 2011]. Значимость почитания Богородицы не была утрачена, оставаясь существенным этноконфессиональным маркером русских, а его материальные воплощения в виде символических форм подверглись трансформации. Так, ушли в прошлое бочечные завершения центральной части церквей. Кроме регулятивных правительственных мероприятий в религиозной жизни существенную роль сыграли миграционные процессы, в результате которых приток в Сибирь выходцев из различных регионов Русского государства, а не только с его севера создал полиморфную ментальную среду, насыщенную различающимися символично-семиотическими структурами. Малость срока и территории распространения церквей с бочечным покрытием была обусловлена историко-генетическими особенностями их появления и сужением значения их форм до региональных и даже локальных, что стало восприниматься как особая архитектурная школа, применявшая свои излюбленные строительные приемы, конструктивные элементы и детали.

Специфические этноконфессиональные маркеры закономерно проявляются в семантически насыщенном архитектурном пространстве поселений, т.к. оно выражает идеи общества различными способами, соотнося архитектурные формы с их содержанием (эстетическим, функциональным, идеологическим и пр.). Самые красивые и самые значимые сооружения в сибирском городе XVII–XVIII вв. – церкви. Это то, чем гордились, и то, что поддерживало духовность, знак русского присутствия на новых землях. Недаром в заданиях на строительство храмов часто встречалась формула «как мера и красота скажут». Почитание Богородицы находило свое материальное выражение в иконописи и сооружении многочисленных храмов, иерархически значимых в пространстве русских поселений, и выступало существенным маркером этноконфессиональной идентичности. В XVII–XVIII вв. одним из таких материальных воплощений стали церкви с бочечным завершением.

Список литературы

- Агапкина Т.А.** Покров // Славянские древности: этнолингв. словарь. – М.: Междунар. отношения, 2009. – Т. 4. – С. 127–128.
- Барская Н.А.** Сюжеты и образы древнерусской живописи. – М.: Просвещение, 1993. – 223 с.
- Бродников А.** Енисейский острог: Енисейск в XVII веке: Очерки из истории города и уезда. – Красноярск: Енисейский благовест, 1994. – 144 с.
- Геннадий Фаст, протоиерей.** Енисейск православный. – Красноярск: Енисейский благовест, 1994. – 240 с.
- Забелло С., Иванов В., Максимов П.** Русское деревянное зодчество. – М.: Гос. архитект. изд-во Академии архитектуры СССР, 1942. – 216 с.
- Калинина И.В.** Православные храмы Иркутской епархии XVII – начала XX века. – М.: Галарт, 2000. – 496 с.
- Краткое описание** приходов Енисейской Епархии. – Красноярск: Изд-во Енисейского церковно-историко-археол. об-ва, 1916. – 243 с.
- Курилов В.Н.** Из истории шатрового зодчества в Сибири XVII в. // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 87–94.
- Майничева А.Ю.** Деревянные церкви Сибири XVII века: Формы, символы, образы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 64 с.
- Майничева А.Ю.** «Как мера и красота скажут»: традиционные принципы геометрии планов русских православных церквей // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 1. – С. 135–143.
- Миличик М.И., Ушаков Ю.С.** Деревянная архитектура Русского Севера. – Л.: Стройиздат, 1981. – 128 с.
- Павел Алеппский.** Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. – М.: [Университет. тип.], 1897. – Вып. 2: От Днестра до Москвы. – 202 с.
- Плюханова М.Б.** Сюжеты и символы Московского царства. – СПб.: Акрополь, 1995. – 336 с.
- Прохорова Т.В.** Сибирские иконы Богородицы Млекопитательницы // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 2 (27). – С. 18.
- Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI века)** / Е.Ф. Фурсова, А.Б. Пермиловская, А.В. Черных, А.С. Зуев, А.А. Люцидарская, А.Ю. Майничева, Е.И. Глухих, А.И. Голомянов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 296 с.
- Справочная книга** Тобольской епархии. – Тобольск: Тобол. епарх. братство св. великомученика Дмитрия Солунского, 1913. – 433 с.
- Успенский Л.А.** Богословие иконы Православной Церкви. – М.: Дарь, 2007. – 480 с.
- Федотов Г.П.** Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.
- Шаповалова Л.Г.** Каргопольские храмы с бочечным завершением // Историко-культурное наследие Русского Севера: Проблемы изучения, сохранения и использования: мат-лы IX науч. конф. в Каргополе. – Каргополь, 2006. – С. 204–213.
- Щеглов И.В.** Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. – Сургут: Северный дом, 1993. – 463 с.

Б.Р. Зориктуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: imbt@imbt.ru

ТЮРКСКАЯ ВЕРСИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРЕДАНИЯ ОБ ЭРГУНЭ-КУНЕ: ОШИБКИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина известно, что местность Эргунэ-кун была прародиной монголов. Другого мнения придерживаются представители тюркоязычных народов. Они утверждают, что находившаяся в горах Алтай прародина тюрков называлась Эргенеконом, а бытующий в их фольклоре дастан «Эргенекоп» был отнесен к монголам после включения его в сочинение Рашид-ад-дина. Сопоставление и анализ материалов из разных источников бесспорно свидетельствуют о монгольском происхождении предания об Эргунэ-куне. Об этом же убедительно говорят результаты полевых исследований, проведенных автором настоящей статьи на северо-востоке Китая.

Ключевые слова: предки монголов, река Эргунэ, плато «кун», гидроним Мангу и этноним «мангол», Северо-Восточный Китай.

B.R. Zoriktuev

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Sakhyanovoi 6, Ulan-Ude, 670047, Russia
E-mail: imbt@imbt.ru

THE TURKIC VERSION OF THE ERGENE-KUN LEGEND: MISTAKES AND DELUSIONS

According to Rashid ad-Din's Compendium of Chronicles, the homeland of Mongols was Ergene-kun. The Turkic tradition, on the other hand, states that Ergenekon was the homeland of Turks, located in the Altai Mountains, and that the Ergenekon dastan of the Turkic folklore was erroneously attributed to Mongols owing to Rashid ad-Din's work. The comparative analysis of various sources unambiguously indicates the Mongolian origin of the Ergune-kun legend. Field studies conducted by the present author in northeastern China uphold this view.

Keywords: Mongols, Mongolian homeland, Ergune River, Kun Plateau, Mangu versus Mangol, northeastern China.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.107-115

Введение

В замечательном труде персидского историка Рашид-ад-дина (1247–1318) «Сборник летописей» («Джами ат-таварих») впервые упоминается местность Эргунэ-кун. Сказано, что туда после тотального истребления «другими тюркскими племенами» бежали уцелевшие предки монголов. В данной местности возникло имя «мангол» и началось сложение группы родов дарлекин, ставшей этническим ядром ныне существующего монгольского народа [Рашид-ад-дин, 1952, кн. 1, с. 153–154]. Поскольку в источнике прямо говорится о

том, что в Эргунэ-куне жили нашедшие там убежище монголы, то, казалось бы, в мировом научном сообществе не могут возникнуть сомнения относительно достоверности данного сообщения. И тем не менее с некоторых пор казахскими, турецкими, азербайджанскими и другими учеными активно разрабатывается версия, согласно которой в бытующем в их фольклоре дастане об Эргенекоп нашли отражение события не раннемонгольской, а раннетюркской истории. По их мнению, дастан стал называться монгольским потому, что в свое время был заимствован монголами у тюрков. Позже Рашид-ад-дин, являвшийся официаль-

ным историком монгольских ильханов династии Хулагуидов, внес его в свой «Сборник летописей» и закрепил эту ошибочную точку зрения [Kafesoğlu, 1995, s. 318; Кондыбай, 2005, с. 107]. Так ли это?

История появления дастана «Эргенекон»

В моем распоряжении имеется текст дастана «Эргенекон», опубликованный в 2000 г. литературоведом Н. Келимбетовым в энциклопедии «Туркестан». В короткой преамбуле автор пишет, что в прошлом в устном творчестве казахов видное место занимал дастан «Эргенекон» – большое эпическое произведение, в ярких красках живописавшее жизнь казахского народа. В полном виде его текст не сохранился, остался один цельный фрагмент о прародине тюрков, благодатной земле Эргенекон, внешне выглядящий вполне самостоятельным фольклорным сочинением.

Суть дастана кратко такова. Тюркский Эл-хан потерпел сокрушительное поражение в войне с врагами. Принадлежавший ему народ был полностью уничтожен, в живых остались лишь его младший сын Каян и племянник Тогуз. Эти двое, вырвавшись из плена, забрав жен и оставшийся скот, с целью спасения поспешили на поиски недоступной для врагов земли. Долго скитаясь, они однажды по узкой тропе попали в местность, окруженную высокими непроходимыми горами, где протекала полноводная река, раскинулись чудесные пастбища, росли изумительные фруктовые сады, имелись полные дичи леса. Путники обосновались в этой местности, подобной раю, и назвали ее Эргенеконом (др.-тюрк. *ергене* – «брод, переправа, горное ущелье», *қон* – «стойбище, место жительства»; слово в целом – «стойбище (скотоводов) в горном ущелье»). Потомки Каяна и Тогуза прожили там в мире и счастье 400 лет. Образовался многочисленный народ, и Эргенекон стал тесным для него. Видя это, мудрый хан Борте-Шене сказал своему народу: «О, отважные потомки святой матери Голубой волчицы (*Көк бөрі*)! Благодатная земля Эргенекон приняла наших предков, нас стало много. За это поклонимся священному Эргенекону. Но нельзя забывать, что за его неприступными горами, защищавшими нас от врагов, находится занятая подлыми табгашами (*табгаштар*) наша родина, там могилы наших предков. Настало время вернуться туда и очистить от врагов нашу землю». Призыв Борте-Шене поддержал весь народ. Но выяснилось, что никто не знает, как выйти из Эргенекона. Тропа, по которой некогда пришли туда Каян и Тогуз, оказалась забытой. Тогда по совету одного кузнеца у подножья горы, содержащей железную руду, сложили много деревьев и разожгли большой костер. Огонь раздували с помощью меха, изготовленного из шкур 70 верблюдов. Когда железо расплавилось, обра-

зовался проход. По нему тюрки вышли из Эргенекона и достигли своей прежней родины. Разгромив и прогнав табгашей, они по истечении 450 лет стали хозяевами родной земли [Келимбетов, 2000а].

Одним из главнейших недостатков публикации Н. Келимбетова является то, что в ней не указаны источники, из которых взят дастан «Эргенекон». Однако из других его работ выясняется, что идентичный текст имеется в трудах турецкого ученого Н. Банарлы. Н. Келимбетов пишет: «Некоторые исторические события, составившие канву произведений древнетюркской литературы, встречаются в дастане “Эргенекон”. Чтобы правильно понять обстоятельства, вызвавшие появление этого сказания, приведем его содержание. Оно известно благодаря исследованиям историка тюркской литературы Н. Банарлы» [Келимбетов, 2000б, с. 56; Келимбетов, 2004, с. 78–79]. Далее следует изложение дастана в записи турецкого ученого, слово в слово повторяющее текст в энциклопедии «Туркестан».

Получается, дастан «Эргенекон», о котором Н. Келимбетов писал как о произведении казахского фольклора, на самом деле таковым не является. Видимо, он полагал, что если казахи входят в число тюркских народов и имели с ними общую историю и культуру, то дастан, записанный Н. Банарлы, существовал и в казахском фольклоре. Но прежде чем делать такой скорый вывод, Н. Келимбетов обязан был исследовать произведение, установить, в частности, когда и откуда сказание об Эргенеционе появилось у тюрков. Однако такая работа им не была проведена, что вынуждает с большим скептицизмом относиться к утверждению об изначальном бытовании этого дастана в традиционном фольклоре казахов.

Важно выяснить, откуда в турецком и вообще в тюркском фольклоре появилось сказание об Эргенеционе. Специалисты, хорошо знающие материал об Эргунэ-куне в разных источниках, безошибочно определяют, что пересказанный Н. Келимбетовым дастан не только по основной сюжетной линии, но и по целому ряду бросающихся в глаза частных деталей совпадает с информацией, имеющейся в сочинении «История монголов» персидского историка Хондемира (1475–1535/1536 либо 1537) и особенно в труде «Родословная история о татарах» (в России оно известно и как «Родословное древо тюрков») хивинского хана Абу-ль-Гази (1603–1663).

Работа Хондемира заметно перекликается со «Сборником летописей» его знаменитого предшественника и соотечественника Рашид-ад-дина. В то же время в освещении некоторых ключевых событий в ней прослеживаются несвойственные «Сборнику летописей» нюансы, возникновение которых нельзя объяснить ничем иным, как влиянием в Иране набравшей силу тенденции переписывания важнейших

аспектов истории монголов с последующим отнесением их к тюркской истории. В сочинении Хондемира это проявилось в том, что весь сопутствующий преданию об Эргунэ-куне (Эргэне-Кун в его написании) исторический фон смещен в район к западу от современной Монголии, монгольский топоним Эргунэ-кун назван тюркским, имя одного из скрывшихся в данной местности людей Нукуз заменено на Тегуз (позже оно оказалось в варианте дастана, попавшем к Н. Келимбетову) [Хондемир, 1834, с. 6–7].

Протюркская направленность повествования об Эргунэ-куне менее заметна в сочинении Абу-ль-Гази. Об этом свидетельствует хотя бы то, что он топоним Эргунэ-кун (Иргана-Кон в его написании) называет монгольским. По словам хивинского хана, при написании этой работы он пользовался трудами многих авторов. Из них он называет только «Джамаставарег», т.е. «Джами ат-таварих» Рашид-ад-дина, сопровождая свое сообщение сведениями о заказчике данного сочинения (Газан-хан) и основном информаторе (Пуладчинсан) [Абулгачи-баядур-хан, 1768, с. 111]. Все это свидетельствует о том, что Абу-ль-Гази при создании своего труда в первую очередь опирался на «Сборник летописей», а рассказ об Эргунэ-куне полностью перенял у Рашид-ад-дина.

К идентичным деталям (они выделены мной курсивом) в приведенном Н. Келимбетовым дастане об Эргенеконе и в сочинении Абу-ль-Гази относятся следующие (здесь все имена собственные оставлены в том виде, в каком они даны в обоих источниках):

– предводителя побежденного народа, остатки которого бежали в межгорную долину Эргенекон (Иргана-Кон), звали *Эл-хан (Ил-хан)*;

– враги одолели народ, остатки которого скрылись в Эргенеконе (Иргана-Коне), *путем подлого обмана, заманив его воинов в засаду*;

– из двоих спасшихся в Эргенеконе (Иргана-Коне) людей *один приходился Эл-хану (Ил-хану) младшим сыном, другой – племянником*;

– *Каян и Тогуз (Нагос) во время побоища были захвачены в плен, но сумели вырваться. Взяв жен и скот, они в поисках спасения бежали в горы*;

– *облюбованная беглецами долина Эргенекона (Иргана-Кона) была подобна раю. Здесь протекала чистая полноводная река, по одну ее сторону раскинулись чудесные пастбища с сочной травой, по другую – благоухающие фруктовые сады*;

– беглецы и их многочисленные потомки прожили в Эргенеконе (Иргана-Коне) *400 лет*;

– обитатели Эргенекона (Иргана-Кона) знали, что *за его высокими горами находятся земля и могилы предков и приняли решение вернуться туда*;

– многочисленный народ из Эргенекона (Иргана-Кона) вывел Борте-Шене (Бертечена). *Он разбил подлых врагов и освободил землю своих предков.*

Это произошло спустя 450 лет после гибели Эл-хана (Ил-хана) [Келимбетов, 2000а; Абулгачи-баядур-хан, 1768, с. 102–109].

Все перечисленные совпадающие подробности отсутствуют в «Сборнике летописей». Это прямо указывает на то, что имеющийся у ряда тюркских народов дастан «Эргенекон», с момента своего появления бытовавший у них, видимо, в рукописном виде, является заимствованием. Он был целиком и почти дословно перенят в XVII в. у Абу-ль-Гази, а не в конце XIII – начале XIV в. у Рашид-ад-дина, как можно было бы подумать. Взятый из труда хивинского хана и ранее частично из сочинения Хондемира материал был адаптирован к тюркской истории преимущественно путем замены слова *могулл* (т.е. монгол), на *тюрк*. В некоторых, вероятно наиболее ранних, списках дастана (к ним относится пересказанный Н. Келимбетовым текст), сохранилось монгольское имя одного из центральных персонажей – вождя укрывшихся в Эргунэ-куне монголов Бортэ-Чино (Борте-Шене в дастане «Эргенекон»). В других, несомненно поздних, списках оно уже дается в переводе на тюркский язык – Бозкурт, что значит «серый волк». Упоминание в ранних списках тюркского дастана имени Борте-Шене является важнейшим свидетельством монгольского происхождения предания об Эргунэ-куне, о котором первым поведал миру Рашид-ад-дин.

О заимствовании тюрками сюжета об Эргенеконе из сочинения Абу-ль-Гази говорят и другие факты. Рашид-ад-дин писал, что бежавшие в Эргунэ-кун предки монголов были разбиты «другими тюркскими племенами». Специально проведенный анализ однозначно свидетельствует о том, что в данном случае имеются в виду основавшие Тюркский каганат тюрки-тукю, которые в 552 г. разгромили державу монголоязычных жужаней и установили свое господство в Центральной Азии [Зориктуев, 2011, с. 9–10]. Не исключено, что Абу-ль-Гази, стремясь наиболее просто и понятно объяснить читателю, кто были участники этого противостояния, выражение «другие тюркские племена» заменил одним словом «татары». Так, как все знали, после XIII в. называлось тюркоязычное население Золотой Орды. Но после XVII в., когда взятое из труда Абу-ль-Гази сказание об Эргунэ-куне стало переосмысливаться как отголосок ранней тюркской истории и согласно ему в роли гонимых следовало показывать тюрков, твердо считающих себя потомками хунну, возникла необходимость замены слова «татары» другим этнонимом. В новых исторических реалиях логика подачи материала требовала, чтобы тюрки были разбиты не татарами, т.е. тюрками, а другим народом. И этот народ был найден. Его обозначили словом *табгачи*, которым в древнетюркскую эпоху называли китайцев [Стеблева, 2007, с. 37]. Из истории известно, что китайцы постоянными вторжения-

ми сыграли весьма заметную роль в ускорении заката гегемонии хунну в Центральной Азии. Но, разумеется, к XVII в. воспоминания о тех далеких событиях бесследно исчезли из тюркского фольклора. Поэтому искусственное внесение слова *табгачи* в дастан «Эргенекон» является, на мой взгляд, еще одним убедительнейшим подтверждением того, что данное сказание появилось у современных тюркских народов в результате заимствования относительно недавно.

По моему мнению, впервые тюркские народы узнали предание об Эргунэ-куне в XIII в. от монголов в ходе их экспансии на запад. По мере удаления от событий того времени и усиления процесса отюречивания монгольских правителей в завоеванных странах население покоренных земель постепенно проникалось мыслью о том, что в повествовании об Эргунэ-куне отложились эпизоды раннетюркской, а не раннемонгольской истории. Может показаться, что такая интерпретация монгольского предания получила развитие в XIV в. На мой взгляд, если принять во внимание сочинение Хондемира, то первые подступы к переработке этого сказания в плане отнесения его к тюркам следует датировать рубежом XV–XVI вв.

Необратимый характер процесс тюркизации предания об Эргунэ-куне, приведший к трансформации его названия в Эргенекон, получил после XVII в., когда ушел из жизни один из последних крупных знатоков монгольской истории в кругу тюркских ученых-просветителей – чингисид Абу-ль-Гази. С учетом развития ситуации в предыдущие периоды можно предположить, что теперь усилия были направлены на создание такого общественного мнения, которое убеждало бы в том, что в повествовании об Эргунэ-куне в сочинении Абу-ль-Гази отображена тюркская история. В середине XVIII в. эта крайне ошибочная мысль проникла в европейскую науку. Первым ее озвучил французский востоковед Де Гигнес, который написал: «В известных по китайским источникам древнетюркских легендах обнаруживается близость к имеющемуся в сочинении Эбулгази Бахадур хана материалу об Эргенеконе» [Ögel, 1957, s. 104–105]. В словах Де Гигнеса, бравшего во внимание лишь некоторое отдаленное сходство сюжетов, содержится явный намек на то, что повествование об Эргунэ-куне (Иргана-Коне) у Абу-ль-Гази имеет тюркские корни. Современная наука объясняет обнаруживаемую в ряде случаев типологическую общность сюжетов фольклорных произведений тем, что в их основе лежат одинаковые или сходные общественные и культурно-бытовые предпосылки, сложившиеся на определенных этапах исторического развития разных народов независимо друг от друга и в разное время [Свод..., 1991, с. 104]. Разумеется, это важное теоретическое положение в силу невысокого уровня развития науки в середине XVIII в. не мог знать Де Гигнес. Но его сле-

довало бы учитывать тем нынешним исследователям, которые считают, что дастан «Эргенекон» берет начало в древнетюркских легендах. Если бы дело обстояло именно так, то в этих легендах непременно упоминался бы топоним Эргенекон. Но он в китайских источниках отсутствует. Думать, что его специально в форме Эргунэ-кун придумали монголы и внесли в заимствованный ими из тюркского фольклора дастан, мягко говоря, несерьезно.

В дальнейшем усилившаяся в тюркском обществе практика односторонней трактовки исторического материала привела к сложению унифицированной версии дастана об обетованной земле Эргенекон. Она по разным каналам, возможно, из одного наиболее развитого в культурном отношении центра распространялась на территории расселения тюркских народов. Унификация сказания обусловлена исключительно тем, что оно практически целиком и без изменений было взято из труда Абу-ль-Гази, в меньшей степени – из сочинения Хондемира и после некоторой переработки перенесено на тюркскую почву. Это видно по известным сегодня у казахов, турков, азербайджанцев, туркменом текстам дастана «Эргенекон», которые мало отличаются друг от друга.

Гипотезы о местонахождении прародины тюрков Эргенекон

Со временем встала непростая задача найти историческую подоплеку возникновения дастана об Эргенеконе, связать его содержание с конкретным местом и известными эпизодами раннетюркской истории. Несомненно, в границах Российской империи сторонники тюркской версии происхождения дастана с воодушевлением встретили вышедший в середине XIX в. труд русского сиолога Н.Я. Бичурина (Иакинфа) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». В нем автор помимо того, что показал возможности богатейшей китайской литературы для изучения истории разных регионов Азии, высказал свое мнение о местонахождении Эргунэ-куна (Эргэне-кун в его написании) в горах Алтая.

Книга получила восторженную оценку со стороны российской научной общественности. Однако критика еще при жизни Н.Я. Бичурина справедливо отмечала имеющиеся недостатки, обусловленные не критическим восприятием китайских источников, недостаточно четко выстроенной концепцией исследования, слабостью комментария и – добавлю от себя с позиции сегодняшнего дня – общим уровнем развития гуманитарных наук в России в середине XIX в. Больше всего автора упрекали за то, что, выступая в своем труде страстным поклонником теории монгольского происхождения народов Центральной Азии, он необ-

основанно отождествлял этническую принадлежность древних племен с таковой современного населения тех же районов [Бичурин, 1950, с. XXXVIII]. До возвышения монголов на территории их расселения жили различные народы, и все они, как думал Н.Я. Бичурин, были монголами. К таковым он, в частности, относил тюрков-тукю, ошибочно полагая, что их имя этимологизируется из монгольского языка. По мнению Н.Я. Бичурина, слово *тукю* – это монгольское *дулга* (правильно *дуулга*. – Б.З.) – «шлем». Алтайский хребет, являвшийся местом формирования монголоязычных, как он считал, тюрко-тукюских племен, «состоит из кругообразного сцепления утесистых гольцов с глубокою и пространною долиною внутри их и представляет собой вид шлема, обращенного углублением кверху. Шлем по-монгольски называется *дулга*, от чего Ашина и название своему поколению принял». Глубоко неверное суждение о происхождении слова *тукю* вызвало другую, не меньшую ошибку: если монголоязычные тюрки-тукю из рода ашина обитали на Алтае, то там находилась первоначальная родина монголов Эргунэ-кун. Как бы подтверждая свою правоту, автор пишет: «Сия-то часть Алтая азиатскими историками названа Эргэне-кун» [Там же, с. 220, 226–227]. Под «азиатскими историками» Н.Я. Бичурин имел в виду Хондемира и Абу-ль-Гази, которые, однако, не высказывали своего мнения о местонахождении прародины монголов. Но поскольку в сочинении Хондемира весь сопутствующий Эргунэ-куну исторический фон смещен к западу от современной Монголии, Н.Я. Бичурин, видимо, полагал, что персидский историк, подобно ему, был склонен данную местность относить к Алтайским горам.

В целом видно, что Н.Я. Бичурин проблему Эргунэ-куна считал сугубо монгольской. Но его всепоглощенность идеей монгольского происхождения всех этносов, когда-либо обитавших на территории Монголии, привела к неправильному выводу о местонахождении прародины монголов в Алтайских горах. Мои высказывания не имеют целью умалить значение блестящего труда Н.Я. Бичурина. Я лишь констатирую тот факт, что высокий авторитет русского ученого в огромной степени поспособствовал утверждению в сознании части исследователей его ошибочного мнения о местонахождении Эргунэ-куна в горах Алтая, который практически всеми современными специалистами, независимо от научных пристрастий, справедливо рассматривается как место завершающего этапа становления тюркского этноса [История Тувы, 2001, с. 70–71; Монгол..., 2003, с. 315; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 79].

Ранний период истории тюрков нашел отражение в их генеалогических легендах, зафиксированных в «Чжоу шу» (629) и «Суй шу» (656). В одной из них говорится, что туцзюэ (тюрки) были отдельной

ветвью хунну. Они жили к западу от моря Сихай (так называлась обширная дельта р. Эдзин-Гол на севере пустыни Алашань. – Б.З.) и были истреблены соседним племенем. В живых остался один мальчик, которого, отрезав ему руки и ноги, бросили в заросшее травой озеро. Мальчика выкормила волчица. Спасая себя и его от врагов, волчица ушла к горам к северо-западу от Гаочана (Турфан). Там она поселилась в пещере и родила от мальчика десять сыновей. Как сказано в «Чжоу шу», все они женились на местных женщинах. Одного из братьев звали Ашина. Это имя стало названием его рода. Через несколько поколений Асянь-ше (видимо, прямой потомок Ашины. – Б.З.) привел многочисленное племя на Алтай и стал подданным жужаньского хана [Чжоу шу, 1987, цз. 50, с. 907; Суй шу, 1973, цз. 84, с. 1863].

По приведенной легенде, формирование тюркского этноса, начавшееся в Восточном Туркестане, завершилось в горах Алтая. С этим тезисом перекликается фрагмент «Суй шу», в котором фольклорные данные поданы в преломлении сквозь реальную историю тюрков. Смысл его таков. Туцзюэ состояли из разных родов и жили в Пиньяне (современная пров. Ганьсу в КНР). Когда правитель государства Вэй Тхайву разгромил ведущий род цзюэ, Ашина во главе 500 семей бежал к южным отрогам Алтая. Там он стал подданным жужаньского хана и занимался плавкой железа. На Алтае туцзюэ жили в глубокой межгорной котловине, похожей на шлем. Потому Ашина принял для своего народа имя *тюрк* [Суй шу, 1973, цз. 84, с. 1863].

Данный отрывок из «Суй шу» с некоторыми дополнениями в комментарии Н.Я. Бичурина звучит так. В 92 г. н.э. хунну были разбиты китайцами в Тарбагатае. Осталось лишь одно поколение, называвшееся ашина. Оно ушло к Алтаю, где под народным названием Дулга (Тукюе) поочередно находилось в зависимости от сяньбийцев и жужаней. В 552 г. усилившийся тукюеский хан Тумынь нанес поражение жужаням и объявил себя Или-ханом. Таким образом, Дом Хунну, погибший в 92 г., вновь восстал в тукюеском поколении через 460 лет после своего падения, что Абуль-кази-хан определил довольно верно [Бичурин, 1950, с. 226].

Напомню, что в сочинении Абу-ль-Гази и в произведении от него дастане об Эргенеконе в пересказе Н. Келимбетова имеются два несколько повторяющихся указания о сроках обитания в Иргана-Коне (Эргенеконе) бежавших туда людей. Вначале говорится, что они прожили там 400 лет. Затем следует более точное, по мысли Абу-ль-Гази, сообщение: с учетом событий, произошедших непосредственно до прибытия беглецов в Иргана-Кон (Эргенекон) и сразу после их выхода из него, прошло 450 лет. Отдельные исследователи, опираясь на это сочинение, так и полагают, что монголы находились в Эргунэ-куне 400 или 450 лет

[Билэгт, 1993, с. 108]. Утверждения хивинского хана могли бы иметь, пусть и очень шаткое, основание в том случае, если бы находили подтверждение в первоисточнике, каким для Абу-ль-Гази был «Сборник летописей». Однако Рашид-ад-дин подобное не писал, хотя однажды и использовал в своем труде выражение «четыреста лет». Он хотел лишь сказать, что за те 400 лет, которые прошли до Чингисхана, произошедший от Нукуза и Кияна род по имени *монгол* стал таким многочисленным, что его название переносят на другие народы. Ни о каком четырехвековом пребывании монголов в Эргунэ-куне здесь речь не идет [Рашид-ад-дин, 1952, кн. 1, с. 77].

Откуда Абу-ль-Гази взял данные о сроках нахождения монголов в Эргунэ-куне – неизвестно. Трудно сказать, чем он руководствовался, вводя такие дополнения в свое сочинение и тем самым искажая первоначальное содержание предания об Эргунэ-куне. Видимо, решающую роль сыграло завышенное самомнение хивинского хана, который был уверен, что именно он в состоянии написать «историю исправнейшую». В этом он открыто признался в своей книге [Абулгачибаядур-хан, 1768, с. 15–16]. Результат же получился обратный. «Родословная история о татарах» в той части, где говорится об Эргунэ-куне, не может считаться «исправнейшей» и рассматриваться в качестве полноценного исторического источника. Что касается дастана об Эргенеконе, ставшего известным среди тюркских народов как раз благодаря заимствованию из сочинения Абу-ль-Гази, то он тем более не может быть отнесен к разряду источников. Но несмотря на все это, слегка подкорректированное сообщение хивинского хана о 450-летнем нахождении монголов в Эргунэ-куне оказалось в работе Н.Я. Бичурина в качестве вспомогательного материала для трактовки событий постхуннской истории. По мнению автора, сказания Абу-ль-Гази и Хондемира «имеют историческое основание, на котором при свете китайской истории легко в самых вымыслах приметить истину» [Бичурин, 1950, с. 225]. Исходя из этого посыла, Н.Я. Бичурин предполагал, что монголыязычные тюрки-тукю 460 лет, между 92 и 552 г., находились в Алтайских горах, где, как он считал, среди высоких гольцов располагалась долина Эргунэ-куна.

Однако надо заметить, что одним из таких вымыслов в сочинении Абу-ль-Гази, в котором само значение слова исключает наличие какой бы то ни было истины, является сообщение о 450-летнем пребывании в Эргунэ-куне попавших туда людей. Устное творчество не могло из глубины веков донести до XVII в., когда жил хивинский хан, верную информацию о продолжительности обитания в межгорной долине неких беглецов. Если обратиться к письменным источникам, то в них нет ни одного упоминания топонима Эргенекон в границах Алтайского горного массива, не говоря

уже о точных сроках проживания конкретных тюркоязычных групп в местности с таким названием. И тем не менее именно в таком бичуринском ключе сообщение Абу-ль-Гази использовал в кратком вступлении к дастану об Эргенеконе Н. Келимбетов: «Высокохудожественное произведение “Эргенекон” включает в себя события протяженностью в 450 лет со времени распада гуннской державы до образования первого государства тюрков – Тюркского каганата (552–745)» [Келимбетов, 2000а, с. 293].

Н. Келимбетов пишет, что традиция обращения к своему народу в судьбоносные моменты его истории, заложенная на Алтае предводителем тюрков Борте-Шене, выявляется в произведениях поэта XV в. Асана Кайгы. В них спустя ряд веков нашла воплощение основная идея предания об Эргенеконе – поиск и обнаружение обетованной земли для тюрков. Это, по мнению исследователя, говорит о том, что дастан «Эргенекон», вобравший в себя реально произошедшие события из раннетюркской истории, стал прочным фундаментом для последующего развития средневекового казахского фольклора и литературы [Келимбетов, 2004, с. 80–82].

С доводами Н. Келимбетова невозможно согласиться, т.к. все данные упрямо свидетельствуют о том, что своим появлением тюркский дастан обязан труду Абу-ль-Гази. В фольклоре любого народа можно найти немало примеров обращения вождей к своему народу, содержащего призыв к объединению ради борьбы с врагами. Это фольклорное клише, которое Н. Келимбетов рассматривает как весомый аргумент в пользу того, что в дастане «Эргенекон» запечатлен один из важнейших периодов тюркской истории, на самом деле таковым не является.

Среди казахских исследователей одним из первых попытался подвести историческую основу под дастан «Эргенекон» А. Маргулан. Он пишет, что в III в. до н.э. китайское государство начало длительную войну против гуннов и в течение 600 лет окончательно обескровило их. Остатки гуннов передвинулись в Семиречье, оттуда – на южные склоны Алтая, где стали подданными сяньби и жужаней. В середине VI в. окрепшие гунны, вышедшие из алтайской долины Эргенекон, основали Тюркский каганат. Реальная ранняя история тюрков, утверждает А. Маргулан, находит параллели в фольклорном материале, в связи с чем он обратился к приводившейся мной выше генеалогической легенде о мальчике и волчице из «Чжоу шу» и «Суй шу». Остановлюсь только на одном имеющем к ней отношение моменте. Изложенный Н. Келимбетовым дастан гласит, что имя тюркского правителя в Эргенеконе было Борте-Шене. А. Маргулан, толкуя его как «Серый Волк», пишет, что *шене* – это казахский вариант встречающегося в китайских источниках слова *ашина* [Марғұлан, 1985, с. 7–8, 58]. Замечу, что по-

казахски волк – *қасқыр*, изредка употребляется обозначение *бөрі*. Слово *шене* – это, несомненно, монгольское *чино*. На территории Восточного Туркестана, где жило племя ашина с конца III в. н.э. до 460 г., преобладало иранское и тохарское население, повлиявшее на язык и культуру тюрков. Так как в царской ономастике этого региона были обычны цветовые обозначения, то связанное с ней слово *ашина* имело иранское происхождение и означало «синий», что идеально соответствовало общему названию тюрков *kök türk* – «голубые (синие) тюрки» [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 75–81]. Поэтому едва ли здесь бытовало исконно монгольское слово *чино* – «волк», которым мог быть наречен внук волчицы. В целом рассуждения А. Маргулана, не подкрепленные конкретными доказательствами, расходятся с его мыслью о том, что дастан «Эргенекон», отражая подлинные события, является важным источником для изучения раннетюркской истории.

По такому же принципу пересказа известного материала без должного его анализа и последовательного обоснования построена статья турецкого исследователя А. Ташагыла. По его мнению, все гипотезы об Эргенеконе основаны на одном сообщении из китайских источников, согласно которому тюрки произошли от хунну и до 542 г. жили у южного подножия Монгольского Алтая, однако имеются другие данные, указывающие на то, что Эргенекон следует искать на северных склонах Алтая. Ссылаясь на китайский источник «Синь Тан шу», автор пишет, что после крушения в 630 г. каганата восточных тюрков каган Чепи из рода ашина собрал свой народ и, преследуемый сир-тардушами, ушел на север Алтайских гор. Три их склона были очень крутыми. Лишь на одной стороне по узкой дороге с трудом могли проехать арба или конный всадник. Чепи прошел по ней и, заняв широкую долину, объявил себя Ичжу Чепи-каганом. Описание узкой дороги на крутых склонах непроходимых гор, пишет А. Ташагыл, очень напоминает содержание тюркского дастана об Эргенеконе, созданного до «Джами ат-таварих» Рашид-ад-дина. Поэтому между этими горами на севере Алтая могла находиться местность Эргенекон [Таşağıl, 2009]. Автор статьи, строго придерживающийся гипотезы о местонахождении прародины тюрков в Алтайских горах, абсолютно уверен в правильности своей точки зрения. Однако по описанию одной только узкой дороги на крутых склонах гор невозможно сделать вывод о том, что в «Синь Тан шу» идет речь об Эргенеконе.

Жанровые особенности дастана «Эргенекон» и предания об Эргунэ-куне

В завершение рассмотрения дастана «Эргенекон» необходимо остановиться на его жанровых особен-

ностях. Они также неопровержимо свидетельствуют о том, что в сложении сказания главенствующую роль сыграл фактор заимствования сюжета. Дастаном у тюркских народов называется эпическое произведение (часто со стихотворными вставками), которое обычно является литературной или фольклорной обработкой мифов, легенд, преданий, сказочных сюжетов. Большинство дастанов литературного происхождения, сложенных когда-то отдельными авторами, со временем обрели устно-народное бытование и почти не отличаются от народно-поэтических [Большая советская энциклопедия..., 1972, с. 557]. «Эргенекон», как и большая часть произведений этого жанра, имеет книжное происхождение. Вначале взятое из «Сборника летописей» предание об Эргунэ-куне было включено в труд Абу-ль-Гази, где оно за счет введения в текст ярких эпитетов, гиперболизации событий и идеализации героев приобрело некоторые черты дастана. Завершенные формы тюркского дастана монгольское предание получило после того, как вновь было заимствовано, на этот раз уже из сочинения Абу-ль-Гази. После очередной переработки и шлифовки оно стало бытовать в тюркских регионах как самостоятельное произведение под несколько измененным названием «Эргенекон». В соответствии со спецификой жанра дастана в нем местность Эргенекон, где якобы жили предки тюрков, предстает в образе некоей не имевшей определенных координат в пространстве и времени идеализированной сказочной страны, где царят абсолютный мир и покой («жаворонок свивал гнездо на спине овцы» [Келімбетов, 2000а, с. 293]), имеется изобилие всего необходимого для долгой и поистине райской жизни. Дастан об Эргенеконе, известный в изложении Н. Келимбетова, является универсальным и широко распространенным классическим вариантом у тюрков. Кроме него существуют, как мне представляется, региональные варианты. В них Эргенекон отождествляется со сказочной железной горой, преодоление которой открывает людям путь к подлинному счастью. Эта гора нередко помещается там, где живет тот или иной конкретный тюркский народ. В отрывке дастана «Эргенекон», включенном в книгу бывшего Президента Туркменистана С. Ниязова «Рухнама», воспеваются подвиги людей, которые, выплавив громадную рудную гору, выбрались на ее поверхность, вышли к свету [2005, с. 36]. В дастане, упоминаемом в работе турецкого исследователя Б. Огела, говорится, что гора Эргенекон (Демирдаг) была осью земли и находилась за Средиземным морем. Однако из рассуждений автора складывается впечатление о ее локализации на территории Турции [Ögel, 1989, s. 59, 60, 71].

В противоположность тюркскому дастану содержащееся в «Сборнике летописей» повествование об Эргунэ-куне в жанровом отношении является исто-

рическим преданием, в котором на реальную историю предков монголов с целью подчеркнуть трудности становления монгольского этноса наложены мифологические представления в виде расплавки рудосодержащей горы огнем, раздуваемым кузнечным мехом. Наличие этих представлений указывает на очень давнее происхождение предания. О том, что изложенное Рашид-ад-дином повествование действительно является преданием, свидетельствуют ссылки автора на информаторов, от которых оно получено («имеется рассказ, [передаваемый со слов] заслуживающих доверия почтенных лиц...»), связь содержания с конкретными локусами (степь между горами, называвшаяся Эргунэ-кун; стекающая с горы быстрая река Киян), приуроченность текста к определенным событиям («над монголами одержали верх другие племена и учинили... избиение») и лицам (Бортэ-Чино – первопредок и вождь вышедших из Эргунэ-куна монголов) [Рашид-ад-дин, 1952, кн. 1, с. 153, 154; кн. 2, с. 9]. Перечисленные особенности, присущие повествованиям исторического порядка, обычно рассматриваются как жанрово-структурные признаки предания [Свод..., 1991, с. 104].

Аргументы в пользу монгольского происхождения предания об Эргунэ-куне

Реалистичность предания о бегстве предков монголов в малодоступную местность Эргунэ-кун, после того как «случилась распря с другими тюркскими племенами», закончившаяся «сражением и войной», ярко подтверждают результаты полевых исследований, нацеленных на поиски данной местности на северо-востоке Китая. Инициированная и организованная мною международная экспедиция состоялась в 2004–2006 гг. Было установлено, что на севере городского округа Хулун-Буир, на месте соединения р. Эргунэ (Аргуни) и ее притока Цзилюхэ, между поросшими глухой тайгой горами есть сравнительно небольшое ровное степное пространство, которое по характерным особенностям окружающего рельефа, топонимии, имеющимся археологическим памятникам однозначно идентифицируется как Эргунэ-кун (подробно об этом см.: [Зориктуев, 2011, с. 37–48]).

Последовательный анализ предания об Эргунэ-куне, проведенный на основе собранного в Китае полевого материала, не дает ни малейшего повода усомниться в его реалистичности. Это в полной мере соответствует жанру предания, представляющего собой средоточие исторической памяти народа. В данной связи особый смысл приобретает сообщение Рашид-ад-дина о том, что в его время были монголы, которые знали и видели Эргунэ-кун, по их словам,

хотя «это место [для жизни] тяжелое, но не до такой степени, [как говорят]...» [Рашид-ад-дин, 1952, кн. 1, с. 154]. Следовательно, в XIII в. монголам было хорошо известно местонахождение их первоначальной родины на р. Эргунэ. Приведенное сообщение автора «Сборника летописей» в совокупности с другими данными, свидетельствуя не только о реалистичности, но и бесспорно монгольском происхождении предания об Эргунэ-куне, показывает очевидную бесперспективность поиска этого топонима и обозначаемой им местности в иных районах Азии.

Заключение

Результаты анализа дастана «Эргенекон» не подтверждают версию о его тюркском происхождении. Жанровые особенности сказания убедительно свидетельствуют о том, что оно представляет собой один целиком заимствованный из труда Абу-ль-Гази (частично из сочинения Хондемира) сюжет, который после соответствующей переработки принял форму дастана и был включен в фольклор тюрков. Если бы дастан «Эргенекон» существовал у тюрков в домонгольское время, то хотя бы отдаленные глухие известия о нем должны были содержаться в достаточно обширной средневековой тюркской литературе. Однако они не выявляются, также как не обнаруживается в источниках ни одного упоминания топонима Эргенекон в системе Алтайских гор. Если бы он существовал на Алтае в прошлом, то был бы известен там и сегодня.

Судя по всему, слова *эргенекон* никогда не было в тюркских языках, о чем говорит его отсутствие в известных словарях. Не случайно Н. Келимбетов, пытаясь узнать его значение, не сделал ни одной ссылки на источник. Он стремился не столько вывести семантику слова путем его структурного анализа, сколько вложить ее в топоним в виде общего описания зажатой крутыми хребтами узкой долины, приведенного в дастане «Эргенекон». Но поскольку значение лексической единицы подобным образом не устанавливается, содержание этого топонима как было, так и остается невыясненным. Ситуация усугубляется тем, что исследователи пытаются этимологизировать неверно реконструированное слово в форме *эргенекон*, что, разумеется, обречено на неудачу. Впрочем, в любом случае определение семантики названия Эргенекон – занятие совершенно бесполезное, т.к. этот топоним и связанный с ним дастан были тюрками заимствованы.

Сторонники версии тюркского происхождения дастана «Эргенекон», утверждая, что сюжет произведения был заимствован монголами у тюрков, не предъявляют никаких доказательств того, когда и каким образом это могло произойти. При построении своей

гипотезы они не проводили объективный и всесторонний анализ имеющегося в «Сборнике летописей» предания об Эргунэ-куне. Если бы такое исследование было осуществлено, то они убедились бы в том, что приведенное Рашид-ад-дином сказание было создано монголами и охватывает их раннюю историю. Оно основано на реально произошедших событиях и лишено каких-либо признаков заимствования. Содержащиеся в предании об Эргунэ-куне взаимосвязанные данные, подтверждаемые материалами китайских и других источников (сложный топоним Эргунэ-кун состоит из названия р. Эргунэ и слова *кун*, в древнемонгольском языке означавшего высокое плато с крутыми склонами; артефакты эпохи династии Тан; гидроним Мангу и этноним *мангол*; местность Шивэй и этнический термин *мэнью шивэй* и т.д.), позволяют утверждать, что выявленная в результате изысканий на северо-востоке Китая местность на правом берегу Эргунэ с высокой долей вероятности и есть тот самый Эргунэ-кун, где укрылись предки монголов после разгрома тюркскими племенами в начале второй половины I тыс. н.э. Там по соседству с шивэйскими племенами на базе сохранившегося жужаньского этнокомпонента началось формирование нового монгольского этноса. Эргунэ-кунский период является важнейшим этапом в этнической истории монголов.

Список литературы

- Абулгачи-баядур-хан.** Родословная история о татарах. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1768. – Т. 1. – 483 с.
- Билэгт Л.** Гипотеза о времени ухода монголов в Эргунэ-кун // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 106–113.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – LXXXVI, [2], 380, [4] с.; 2 л. ил.
- Большая советская энциклопедия.** – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1972. – Т. 7. – 608 с.
- Зориктуев Б.Р.** Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. – М.: Вост. лит. РАН, 2011. – 278 с.
- История Тувы.** – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука, 2001. – Т. 1. – 367 с.
- Келімбетов Н.** Ергенекон // Түркістан: халықаралық энциклопедия. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2000а. – Б. 293–294.
- Келімбетов Н.** Көркемдік дәстүр жалғастығы: (Ежелгі Түркі поэзиясы және қазақ әдебиеті бастаулары): Зерттеу. – Астана: Елорда, 2000б. – 288 б.
- Келімбетов Н.** Ежелгі әдеби жәдігерліктер. – Астана: Фолиант, 2004. – 480 б.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Степные империи древней Евразии. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2005. – 346 с.
- Кондыбай С.** Казахская мифология: краткий словарь. – Алматы: Нурлы Алем, 2005. – 271 с.
- Марғұлан Әлкей.** Ежелгі жыр, аңыздар: Ғылыми-зерттеу мақалалар. – Алматы: Жазушы, 1985. – 368 б.
- Монгол Улсын түүх: Тэргүүн боть (нэн эртнээс XII зууны дунд үе).** – Улаанбаатар: Адмон ХХК, 2003. – 437 с.
- Ниязов С.** Рухнама. – Ашхабад: Туркм. гос. изд. служба, 2005. – 871 с.
- Рашид-ад-дин.** Сборник летописей. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1, кн. 1. – 221 с.; кн. 2. – 315 с.
- Свод этнографических понятий и терминов: Народные знания. Фольклор. Народное искусство.** – М.: Наука, 1991. – 167 с.
- Стеблева И.В.** Жизнь и литература доисламских тюрков: Историко-культурный контекст древнетюркской литературы. – М.: Вост. лит. РАН, 2007. – 208 с.
- Суй шу** (История [династии] Суй). – Пекин: Чжонхуа шуцзюй, 1973. – 3766 с.
- Хондемир.** История монголов: От древнейших времен до Тамерлана: пер. с перс. – СПб.: [Тип. Карла Крайя], 1834. – 164 с.
- Чжоу шу** (История [династии] Чжоу). – Пекин: Чжонхуа шуцзюй, 1987. – 1289 с.
- Kafesoğlu Ibrahim.** Türk millî kültürü: Düzeltilmiş ve Genişletilmiş. – 13. Baskı. – İstanbul: Boğaziçi Yayınları, 1995. – 445 s.
- Ögel Bahaeddin.** Doğu Göktürkleri hakkında vesikalar ve notlar // Belleten. – Ankara, 1957. – Cilt XXI, sayı 81. – S. 81–137.
- Ögel Bahaeddin.** Türk mitolojisi (Kaynakları ve açıklamaları ile destanlar). – Ankara: Türk tarih kurumu Basimevi, 1989. – Gilt I. – 644 s.
- Тағағұл Аһмет.** Ergenek'un yeri ve tarihi gelişiminin ilk devreleri hakkında bazı düşünceler // Türk Yurdu. – Ankara: Eylül, 2009. – Cilt 29, sayı 265. – S. 50–54.

*Материал поступил в редколлегию 11.11.14 г.,
в окончательном варианте – 24.11.14 г.*

АНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОГЕНЕТИКА

УДК 572.77

А.В. Зубова, Т.А. Чикишева

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zubova_al@mail.ru; chikisheva@ngs.ru*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ОДОНТОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ*

Статья посвящена обсуждению на одонтологическом материале состава носителей кузнецко-алтайской, большемысской и среднеиртышской археологических культур. Выявлено присутствие как минимум трех компонентов. Первый, ярче всего представленный у обитателей Барабинской лесостепи, восходит к древнейшему населению Западной Сибири эпохи верхнего палеолита. Второй, доминирующий в одонтологическом материале кузнецко-алтайской и большемысской культур, связан с древними монголоидными популяциями Циркумбайкальского региона. Третий компонент, представленный преимущественно в серии из могильника Венгерovo-2а, вероятно, имел общий генезис с мезолитическим населением севера Восточной Европы.

Ключевые слова: одонтология, неолит, кузнецко-алтайская, большемысская, среднеиртышская культуры, Западная Сибирь, Алтае-Саянское нагорье, Барабинская лесостепь.

A.V. Zubova and T.A. Chikisheva

*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: zubova_al@mail.ru; chikisheva@ngs.ru*

NONMETRIC DENTAL TRAIT DISTRIBUTION IN THE NEOLITHIC POPULATIONS OF SOUTHWESTERN SIBERIA

The article explores dental affinities of people associated with three Neolithic cultures of southwestern Siberia. At least three morphological components were revealed. The first, evidently derived from the Upper Paleolithic population of the Altai-Sayan Highland, is found in the Baraba forest-steppe. The second, related to Baikal Mongoloids, is present in people representing the Kuznetsk-Altai and Bolshoy Mys cultures. The third component, revealing affinities with the Mesolithic people of northeastern Europe, was detected in the Vengerovo-2a group.

Keywords: Nonmetric dental traits, Neolithic, Kuznetsk-Altai culture, Bolshoy Mys culture, Middle Irtysh culture, Altai-Sayan Highland, Baraba forest-steppe, Western Siberia.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.116-127

Введение

В статье рассматриваются одонтологические особенности носителей археологических культур неолитической эпохи, ареалы которых локализованы

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

на территории, относящейся к двум физико-географическим странам евразийского материка – южной периферии Западно-Сибирской равнины и северной Алтае-Саянского нагорья. Эта область в контексте антропологических и археологических исследований может быть названа южным регионом Западной Сибири [Чикишева, 2012, с. 21]. В физической географии под регионом понимается значительная

по размерам территория, обладающая некоторой общностью природных условий. Южный регион Западной Сибири представляет собой лесостепную ландшафтную зону, характеризующуюся континентальным климатом, и имеет большую протяженность от Уральских гор до долины р. Енисей. Он включает в себя несколько заметно различающихся по природным условиям ландшафтно-географических провинций. Разной была история их освоения человеком. И хотя эти районы не являлись полностью географически изолированными, между обитавшими в них коллективами людей во все времена существовали этнокультурные различия. Локальное разнообразие лесостепных ландшафтов южного региона Западной Сибири во многом предопределяло развитие этнокультурных процессов и особенности формирования антропологического состава населения в его провинциях.

Располагая репрезентативным одонтологическим материалом неолитической эпохи из трех провинций южного региона Западной Сибири – Барабинской лесостепи, Кузнецкой котловины, Приобского плато (Барнаульско-Бийское Приобье), мы использовали его для анализа степени сопряженности процессов антропологической (одонтологической) и культурной дифференциации связанного с ним населения. Памятники, из которых происходят одонтологические серии, относятся к нескольким археологическим культурам. Ареалы этих культур выходят за границы географических провинций и накладываются друг на друга, поэтому вопрос о культурной принадлежности тех или иных некрополей или единичных погребений не всегда решается однозначно. Ранее были опубликованы сведения о суммарных одонтологических сериях из Барабинской лесостепи, северных предгорий Алтая и Кузнецкой котловины. К ним

мы добавили новые данные, полученные в результате изучения палеоантропологических коллекций из раскопок последних лет, и разделили суммарные серии [Там же, табл. 14, 15] в соответствии с их принадлежностью к отдельным некрополям или к типологически и территориально близким погребальным комплексам, а также в некоторых случаях исключили сведения об индивидах с сильно стертными зубами.

Материалы и методы

В основу исследования положены одонтологические серии из девяти могильников (табл. 1), обследованные по программе, в которой учитывались не только признаки, дифференцирующие одонтологические комплексы по вектору запад – восток, но и маркеры невысокой таксономической значимости, позволяющие реконструировать популяционные связи населения на уровне небольших географических районов (табл. 2). Подсчет частот признаков выполнялся для суммарных серий, включающих всех погребенных без разделения по половозрастной принадлежности. При этом использовался метод индивидуального счета, когда каждый индивид, для которого возможно определить наличие или отсутствие признака, учитывался как одна единица наблюдения, вне зависимости от количества у него доступных для определения зубов.

Сопоставление результатов, полученных для отдельных серий, проводилось методом главных компонент с использованием программы «Statistica for Windows», version 6.0. Статистический анализ выполнялся на основе тригонометрически преобразованных частот семи признаков: лопатообразности верхних резцов, бугорка Карабелли на верхних пер-

Таблица 1. Датировка и культурная принадлежность использованных материалов

Памятник	Культура	Радиоуглеродные даты	Район
Сопка-2/1	Среднеиртышская	7 235 ± 100 л.н. [Марченко, 2009]	Барабинская лесостепь
Корчуган-1а	»	6 740 ± 100 л.н. [Там же]	То же
Протока-1	»	6 200 ± 80, 6 335 ± 200, 5 450 ± 200 л.н. [Там же]	»
Венгеро-2а	?	5363–5301, 5358–4864 гг. до н.э. [Молодин и др., 2012]	»
Иткуль (Костенкова Избушка, Большой Мыс)	Большемысская	5081–4443, 4557–4040, 5083–4516 гг. до н.э. [Марочкин, 2014]	Барнаульское Приобье
Солонцы-5	Кузнецко-алтайская	4850–4502 гг. до н.э. [Там же]	Северные предгорья Алтая
Усть-Иша	»	4333–3639, 4072–3637 гг. до н.э. [Там же]	То же
Лебеди-2	»	Нет данных	Кузнецкая котловина
Васьково-4	»	То же	То же

Таблица 2. Одонтологические признаки, использованные для анализа

Признак	Баллы учета	
	Российская одонтологическая система	ASUDAS
Лопатообразность I ¹	1, 2 + 3	1, 2–6
Лопатообразность I ²	2 + 3	2–6
Вестибулярная лопатообразность I ¹	2–6	2–6
Вестибулярная выпуклость I ¹	2–4	2–4
Дополнительный дистальный гребень C ^a	+	2–5
Дополнительный мезиальный гребень C ^a	+	2–3
Дополнительный дистальный бугорок M ¹	+	2–6
Метаконулюс	+	+
Бугорок Карабелли M ¹	2–5	2–7
Бугорок Карабелли M ²	2–5	2–7
Косой гребень M ¹	+	+
Цингулюм M ¹	+	+
fa M ¹	+	+
fr M ¹	+	+
Редукция гипоконуса M ¹	4–, (3, 3+)	3, 0–2
Редукция гипоконуса M ²	4–, (3, 3+)	3, 0–2
Дополнительный дистальный гребень C _n	+	2–5
Дополнительный мезиальный гребень C _n	+	2–5
Форма P1	(1–2), (4–5)	0, 1–9
Форма P2	(1–2), (4–5)	0, 1–9
Цингулюм M ₁	+	+
6M ₁	+	2–5
5M ₁	+	Hypoconulid grades 1–5
4M ₁	+	Hypoconulid grade 0
(+)M _{1,2}	«+»	«+»
(X)M _{1,2}	«X»	«X»
(Y)M _{1,2}	«Y»	«Y»
fa M ₁	+	3, 4
fr M ₁	+	+
4M ₂	+	Hypoconulid grade 0
5M ₂	+	Hypoconulid grades 1–5
3YM ₂	+	3-cusped M ₂
Протостилид M ₁	2–5	2–7
Ямка протостилида	+	1
Tam ₁ M ₁	+	1–4
Дистальный гребень тригониды M ₁	+	+
Эпикристид	+	+
Коленчатая складка метаконида M ₁	+	2, 3
2med(II)	+	Впадение борозды, ограничивающей осевой гребень метаконида дистально, в фиссуру, разделяющую метаконид и протоконид
2med(III)	+	Впадение борозды, ограничивающей осевой гребень метаконида дистально, в фиссуру, разделяющую метаконид и энтоконид

вых молярах, шести- и четырехбугорковых нижних первых моляров, четырехбугорковых нижних вторых моляров, дистального гребня тригониды и коленчатой складки метаконида.

Результаты и обсуждение

Морфологические особенности одонтологических серий из комплексов Барабинской лесостепи.

Были изучены четыре одонтологические серии, происходящие из могильников Сопка-2/1, Протока-1, Корчуган-1а, Венгерова-2а (см. табл. 1). Большинство калиброванных радиоуглеродных дат, полученных для этих памятников, попадает в интервал от второй половины VII до конца V тыс. до н.э., из них наиболее ранняя (в пределах второй половины VII – начала VI тыс. до н.э.) относится к погр. 68 некрополя Сопка-2/1 [Молодин, 2001, с. 117; Марченко, 2009]. Комплекс захоронений на могильнике Протока-1 мог формироваться в два этапа – в последней трети VI и в середине V тыс. до н.э. [Марченко, 2009]. Корчуган-1а датируется второй четвертью – серединой VI тыс. до н.э. [Там же]. Две даты, полученные для погребального комплекса Венгерова-2а, позволяют отнести его к первой половине VI – концу V тыс. до н.э. [Молодин и др., 2012].

Вопрос о культурной принадлежности памятников решается на сегодняшний день следующим образом. В.И. Молодин обосновывает сложный состав культур на территории Барабы, отражавшийся здесь в синтезе их элементов. Однако все культурные традиции исследователь рассматривает в рамках одной историко-культурной общности, ареал которой простирался от Зауралья до Приобья. По его мнению, памятники Сопка-2/1 и Корчуган-1а сходны с комплексами верхнеобской неолитической культуры [Молодин, 2001, с. 26–27]. Н.В. Полосьмак, исследовавшая могильник Протока-1, относит его к среднеиртышской культуре и констатирует единокультурность неолитических погребений памятников Протока-1 и Сопка-2/1, подчеркивая северо-западную направленность культурных связей оставившего их населения [Полосьмак и др., 1989, с. 91]. Сходство краниологических серий из двух могильников подтверждает эту концепцию. Череп с памятника Корчуган-1а сходны с таковыми носителей кузнецко-алтайской культуры Приобского плато, в частности из могильника Усть-Иша [Молодин, Чикишева, 1996].

Погребальный комплекс Венгерова-2а по конструкции земляных сооружений и вторичному характеру погребений наиболее близок к могильнику Протока-1, а по орнаментации керамической посуды – к материалам поселения Автодром-2/1 [Молодин и др., 2011], относящимся к артынской позднеолитиче-

ской традиции [Бобров, Марочкин, 2011а, б]. Изучение антропологических находок, полученных в первый год раскопок Венгерова-2а, показало их сходство по комплексу краниометрических и остеометрических показателей с таковыми из Протоки-1 [Чикишева, Зубова, Поздняков, 2011]. Последующие два года археологических исследований памятника (2012–2013) существенно обогатили палеоантропологическую коллекцию, и стало очевидно, что популяция, оставившая здесь захоронения, была отнюдь не однородна по антропологическому составу (неопубликованные данные Д.В. Позднякова, Т.А. Чикишевой и А.В. Зубовой).

Что касается одонтологических характеристик неолитического населения, оставившего погребальные комплексы в Барабинской лесостепи, то они заметно отличаются в разных группах в зависимости от их культурной принадлежности. В наиболее ранней серии из Сопки-2/1 (табл. 3) отсутствовала лингвальная и вестибулярная лопатообразность верхних центральных резцов, хотя все латеральные имели хорошо развитые краевые гребни лингвальной поверхности. На верхних первых молярах не встречались дополнительные бугорки, присутствовал косой гребень и одонтоглифический вариант 1Pr(II). Гипоконус вторых моляров редуцирован слабо. На нижней челюсти понижена частота сложных (многобугорковых) форм премоляров. Часто встречаются шестибугорковые первые моляры и отсутствуют четырехбугорковые. Вторые моляры с четырьмя и пятью бугорками представлены в равной степени. Все первые моляры имеют «У»-узор коронки, на вторых наблюдаются только варианты «+» и «Х». В серии не встречен протостилид, повышена частота ямок протостилида, на единственном образце отмечено увеличение цингулюма. Ход второй борозды метаконида удалось установить только в одном случае, когда она впадала в фиссуру III. Один раз зафиксирован *tam1*. Часто встречается дистальный гребень тригониды. Коленчатая складка метаконида отсутствует.

Практически аналогичный комплекс признаков был зафиксирован в серии из могильника Протока-1 (табл. 3). Здесь также не обнаружена лопатообразность верхних медиальных резцов при повышенной частоте признака на латеральных зубах. Крайне редко встречается дополнительный дистальный бугорок на верхних молярах, отсутствует бугорок Карабелли и косой гребень. Процент верхних вторых моляров с сильно редуцированным гипоконусом еще ниже, чем в серии из Сопки-2/1, также как и многобугорковых нижних премоляров. На первых молярах нижней челюсти повышена частота шестого бугорка, в одном случае отмечена передняя ямка. Отсутствуют грацильные формы этих зубов. В отличие от серии из Сопки-2/1, на первых нижних молярах встречен

Таблица 3. Частоты важнейших одонтологических признаков у неолитического населения Западной Сибири

Признак	Венгерovo-2а		Протока-1		Сопка-2/1		Корчуган-1а		Солонцы-5		Усть-Иша, Лебеди-2, Васьяково-4		Иткуль	
	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%	n (N)	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
<i>Верхняя челюсть</i>														
Лопатообразность (2 + 3) I ¹	4 (10)	40,0	0 (2)	0,0	0 (2)	0,0	1 (2)	50,0	3 (3)	100,0	4 (4)	100,0	3 (3)	100,0
Лопатообразность (1) I ¹	5 (10)	50,0	0 (2)	0,0	0 (2)	0,0	0 (2)	0,0	0 (3)	0,0	0 (4)	0,0	0 (3)	0,0
Лопатообразность (2 + 3) I ²	8 (10)	80,0	3 (4)	75,0	2 (2)	100,0	2 (2)	100,0	4 (4)	100,0	6 (6)	100,0	3 (3)	100,0
Вестибулярная лопатообразность I ¹	1 (10)	10,0	0 (1)	0,0	–	–	–	–	0 (4)	0,0	1 (2)	50,0	2 (4)	50
Вестибулярная выпуклость I ¹	0 (10)	0,0	0 (1)	0,0	–	–	–	–	1 (4)	25	0 (2)	0,0	0 (4)	0,0
Дополнительный дистальный гребень С ^в	3 (9)	33,3	0 (4)	0,0	0 (2)	0,0	–	–	0 (2)	0,0	3 (3)	100,0	1 (1)	100,0
Дополнительный мезиальный гребень С ^в	0 (9)	0,0	0 (4)	0,0	0 (2)	0,0	–	–	0 (2)	0,0	0 (3)	0,0	0 (1)	0,0
Дополнительный дистальный бугорок М ¹	8 (12)	66,7	1 (11)	9,09	0 (5)	0,0	0 (2)	0,0	3 (5)	60,0	0 (5)	0,0	0 (1)	0,0
Бугорок Карабелли М ¹	3 (14)	21,4	0 (11)	0,0	0 (5)	0,0	0 (2)	0,0	1 (5)	20,0	0 (6)	0,0	0 (5)	0,0
Бугорок Карабелли М ²	0 (12)	0,0	0 (8)	0,0	0 (5)	0,0	0 (2)	0,0	0 (5)	0,0	0 (6)	0,0	0 (5)	0,0
Косой гребень М ¹	2 (9)	22,2	3 (6)	50,0	1 (2)	50,0	–	–	1(3)	33,3	1 (2)	50,0	0 (1)	0,0
Метаконулюс М ¹	1 (5)	20,0	0 (8)	0,0	0 (2)	0,0	–	–	0 (3)	0,0	0 (1)	0,0	–	–
Цингулюм М ¹	0 (12)	0,0	0 (11)	0,0	0 (2)	0,0	–	–	0 (3)	0,0	0 (8)	0,0	0 (1)	0,0
fa М ¹	0 (8)	0,0	0 (9)	0,0	0 (2)	0,0	–	–	0 (3)	0,0	–	–	–	–
fr М ¹	0 (11)	0,0	0 (8)	0,0	0 (2)	0,0	–	–	0 (3)	0,0	–	–	0 (4)	0,0
Редукция гипоконуса (4–) М ¹	0 (16)	0,0	1 (12)	8,33	0 (6)	0,0	0 (2)	0,0	1 (7)	14,3	0 (7)	0,0	0 (5)	0,0
Редукция гипоконуса (3, 3+) М ¹	0 (16)	0,0	0 (12)	0,0	0 (6)	0,0	0 (2)	0,0	0 (7)	0,0	0 (7)	0,0	0 (5)	0,0
Редукция гипоконуса (4–) М ²	8 (12)	66,7	4 (10)	40,0	1 (6)	16,7	0 (2)	0,0	5 (7)	71,43	2 (6)	33,3	3 (5)	60,0
Редукция гипоконуса (3, 3+) М ²	6 (12)	50,0	1 (10)	10,0	1 (6)	16,7	2 (2)	100,0	2 (7)	28,6	3 (6)	50,0	3 (5)	60,0
<i>Нижняя челюсть</i>														
Дополнительный дистальный гребень С _н	4 (8)	50,0	0 (4)	0,0	0 (1)	0,0	–	–	–	–	1 (2)	50,0	0 (1)	0,0
Дополнительный мезиальный гребень С _н	0 (8)	0,0	0 (4)	0,0	0 (1)	0,0	–	–	–	–	0 (2)	0,0	0 (1)	0,0
Форма Р ₁ (1–2)	7 (10)	70,0	12 (12)	100,0	3(3)	100	1 (1)	100,0	1 (1)	100,0	6 (6)	100,0	1 (1)	100,0
Форма Р ₁ (4–5)	1 (10)	10,0	0 (12)	0,0	0 (3)	0,0	0 (1)	0,0	0 (1)	0,0	0 (6)	0,0	0 (1)	0,0
Форма Р ₂ (1–2)	0 (9)	0,0	8 (14)	57,14	1 (4)	25,0	0 (2)	0,0	1 (1)	100	3 (6)	50,0	0 (1)	0,0
Форма Р ₂ (4–5)	8 (8)	100,0	6 (14)	42,86	3 (4)	75,0	0 (2)	0,0	0 (1)	0,0	2 (6)	33,3	0 (1)	0,0
6M ₁	3 (14)	21,4	6 (19)	31,58	1 (4)	25,0	0 (2)	0,0	2 (5)	40,0	0 (6)	0,0	1 (2)	50,0
4M ₁	0 (14)	0,0	0 (19)	0,0	0 (4)	0,0	0 (2)	0,0	0 (5)	0,0	0 (6)	0,0	0 (2)	0,0
(+)M ₁ (4–6)	0 (14)	0,0	7 (18)	38,89	0 (4)	0,0	0 (2)	0,0	0 (5)	0,0	1 (6)	16,7	–	–
(X)M ₁ (4–6)	1 (14)	7,1	2 (18)	11,11	0 (4)	0,0	1 (2)	50,0	2 (5)	40,0	1 (6)	16,7	–	–

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
4M ₂	10 (11)	90,9	14 (23)	60,87	2 (4)	50,0	1 (2)	50,0	2 (3)	66,7	3 (7)	42,86	1 (2)	50,0
5M ₂	4 (11)	36,4	9 (23)	39,13	2 (4)	50,0	2 (2)	100,0	1 (3)	33,3	4 (7)	57,14	0 (2)	0,0
(Y)M ₂	2 (11)	18,2	5 (23)	21,74	0 (4)	0,0	1 (2)	50,0	0 (3)	0,0	3 (7)	42,86	0 (2)	0,0
3YM ₂	0 (11)	0,0	0 (23)	0,0	0 (4)	0,0	0 (2)	0,0	0 (3)	0,0	0 (7)	0,0	0 (2)	0,0
(+)M ₂	2 (11)	18,2	7 (23)	30,43	1 (4)	25,0	1 (2)	50,0	1 (3)	33,3	0 (7)	14,3	1 (2)	50,0
(X)M ₂	7 (11)	63,6	14 (23)	60,87	3 (4)	75,0	1 (2)	50,0	3 (3)	100	4 (7)	57,14	1 (2)	50,0
Цингулюм M ₁	1 (13)	7,69	3 (15)	20,0	1 (2)	50,0	–	–	0 (4)	0,0	1 (2)	50,0	0 (3)	0,0
fa M ₁	3 (7)	42,86	1 (14)	7,14	0 (2)	0,0	–	–	0 (2)	0,0	0 (1)	0,0	–	–
fp M ₁	1 (8)	12,5	0 (15)	0,0	0 (2)	0,0	–	–	0 (2)	0,0	0 (1)	0,0	–	–
Протостилид (2–5) M ₁	1 (13)	7,7	0 (23)	0,0	0 (4)	0,0	0 (1)	0,0	0 (5)	0,0	0 (7)	0,0	0 (3)	0,0
Ямка протостилида	10 (13)	76,9	4 (23)	17,39	2 (4)	50,0	0 (1)	0,0	2 (5)	40,0	3 (7)	42,86	2 (3)	66,7
Tam ₁ M ₁	1 (14)	7,1	1 (23)	4,35	1 (4)	25,0	0 (1)	0,0	0 (5)	0,0	1 (6)	16,7	0 (4)	0,0
Дистальный гребень тригоида M ₁	4 (13)	30,8	8 (18)	44,44	2 (4)	50,0	0 (1)	0,0	2 (4)	50,0	1 (3)	33,3	0 (2)	0,0
Эпикристинд	0 (13)	0,0	0 (18)	0,0	0 (4)	0,0	0 (1)	0,0	0 (4)	0,0	1 (3)	33,3	0 (2)	0,0
Коленчатая складка метаконида M ₁	1 (7)	14,7	0 (5)	0,0	0 (3)	0,0	–	–	0 (3)	0,0	0(2)	0,0	0 (1)	0,0
2med(II)	0 (5)	0,0	2 (4)	50	–	–	–	–	1 (1)	100,0	–	–	–	–
2med(III)	5 (5)	100	2 (4)	50	–	–	–	–	0 (1)	0,0	–	–	–	–
Затек эмали (4–6) M ₂	10 (12)	83,3	14 (22)	63,64	2 (5)	40,0	1 (2)	50,0	2 (5)	40,0	5 (8)	62,5	2 (3)	66,7

Примечание: n – количество случаев наблюдаемого признака, N – число изученных образцов. Учитывались мужчины, женщины, дети и индивиды, пол которых установить не удалось.

узор не только «Y», но и «+», «X». Отмечено почти 40 % пятибугорковых нижних вторых моляров, на которых чаще всего наблюдается «X»-узор, реже – «+» и «Y». Протостилид отсутствует, ямка протостилида встречается реже, чем в серии из Сопки-2/1, отмечены варианты увеличенного цингулюма на нижних первых молярах. Частота tam₁ умеренная, дистального гребня тригоида – повышена, коленчатая складка метаконида не зафиксирована. Одонтоглифические варианты 2med(II) и 2med(III) представлены в равной степени.

В могильнике Корчуган-1а одонтологический материал сохранился только у двух индивидов (табл. 3). У одного из них отмечена лопатообразность верхних центральных резцов, у обоих – развитые маргинальные гребни лингвальной поверхности на латеральных резцах. Дополнительные бугорки верхних моляров, также как и в двух других сериях, отсутствуют, вторые верхние моляры в обоих случаях заметно редуцированы. Строение всех нижних премоляров умеренно дифференцированное (балл 3), при котором лингвальный отдел зуба не имеет собственной вершины. Шести- и четырехбугорковые формы нижних первых моляров отсутствуют. Узор коронки этих зубов в одном случае «X», в другом – «+». У обоих погребенных отмечены пятибугорковые нижние вто-

рые моляры, но у одного наблюдается асимметрия по данному признаку, когда с одной стороны челюсти зуб имеет пять бугорков, а с другой – четыре. Узор коронки такой же, как у первых моляров. Протостилид, ямка протостилида, дистальный гребень тригоида, эпикристинд, tam₁ отсутствуют. Метаконид первых нижних моляров в обоих случаях был стерт, так что установить наличие или отсутствие коленчатой складки не удалось.

Серия из могильника Венгеро-2а заметно отличается от трех предыдущих (табл. 3). Прежде всего, здесь чаще встречается лопатообразность верхних центральных резцов, практически отсутствующая в других одонтологических материалах из Барабинской лесостепи, и отмечен один случай вестибулярной лопатообразности. На клыках верхней челюсти присутствуют дополнительные дистальные гребни. На верхних молярах повышена частота дополнительных дистальных бугорков и бугорка Карабелли, также отсутствующих в остальных сериях. Часто наблюдается косой гребень. Редукция гипоконуса вторых моляров здесь заметно выше, чаще встречаются дополнительные дистальные гребни на нижних клыках и сложные формы нижних вторых премоляров. Шестой бугорок и дистальный гребень тригоида на первых молярах нижней челюсти наблюдаются при-

мерно с той же частотой, что и в сериях из Сопки-2/1 и Протоки-1, заметно чаще встречаются ямка протостилида, передние и задние ямки нижних моляров. Наиболее важной особенностью одонтологических материалов из Венгерова-2а является присутствие коленчатой складки метаконида, не зафиксированной в других сериях (табл. 3). Кроме того, со стопроцентной частотой представлен фен 2med(III) и ни разу не встречен вариант 2med(II) на нижних первых молярах.

Морфологические особенности одонтологических серий из комплексов Кузнецкой котловины и Приобского плато (Барнаульско-Бийского Приобья). Одонтологические серии из погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья (Усть-Иша, Иткуль, Солонцы-5) и Кузнецкой котловины (Лебеди-2, Васьково-4) мы рассматриваем в одном разделе по двум причинам. Во-первых, обе географические провинции входят в ареал кузнецко-алтайской культуры. Во-вторых, малочисленность наблюдений на черепах из Кузнецкой котловины обуславливает необходимость объединения серий по критерию археологической культуры, а не территории. Принадлежность всех этих погребальных комплексов к кузнецко-алтайской культуре практически общепризнана [Аникович, 1969; Окладников, Молодин, 1978; Бобров, 1990; Молодин, 1999; Кунгурова, 2005, с. 123]. Спорный статус имеет только могильник Иткуль, который Ю.Ф. Кирюшин относит к энеолитической большемысской культуре [2002, с. 16].

Данные радиоуглеродного датирования имеются для погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья. Самые ранние калиброванные даты, в пределах с конца VI до первой половины V тыс. до н.э., получены для могильника Иткуль (Большой Мыс) [Марочкин, 2014, с. 7]. К чуть более позднему времени относятся Солонцы-5, датируемые первой половиной V тыс. до н.э. Самым поздним является могильник Усть-Иша с датами в диапазоне от последней трети V до первой трети IV тыс. до н.э. [Там же, с. 133]. Для неолитических комплексов Кузнецкой котловины, одонтологические материалы из которых использовались нами, данные радиоуглеродного датирования отсутствуют. Мы предполагаем их синхронность памятникам Барнаульско-Бийского Приобья на основании культурной принадлежности.

Комбинация краниологических особенностей носителей кузнецко-алтайской культуры и группы, оставшейся могильник Иткуль, является результатом смешения нескольких антропологических компонентов, связанных как с автохтонным пластом, так и с неолитическим населением Циркумбайкальского региона [Чикишева, 2012, с. 180]. На черепах из Кузнецкой котловины сильнее выражена монголоидная основа [Там же, с. 48]. В популяции из Солонцов-5 улавли-

вается компонент, связанный с населением северных предгорий Саян (Красноярско-Канской лесостепи, Минусинской котловины) и Горного Алтая [Кунгурова, Чикишева, 2002; Чикишева, 2012, с. 47].

Характеристику одонтологических особенностей начнем с серии из погребений у оз. Иткуль (табл. 3). Здесь зафиксирована стопроцентная лопатообразность верхних медиальных и латеральных резцов, в половине случаев сопровождавшаяся вестибулярной лопатообразностью медиальных зубов. На верхних клыках отмечен дополнительный дистальный гребень. На первых молярах верхней челюсти дополнительные бугорки отсутствуют, гипоконус вторых зубов данного класса в большинстве случаев заметно редуцирован. На первых нижних молярах встречается шестой бугорок, четырехбугорковые формы не зафиксированы. В серии имеются только два вторых нижних моляра, из которых один четырехбугорковый, а второй – пятибугорковый. Частота ямок протостилида повышена. Дистальный гребень тригонида и коленчатая складка метаконида отсутствуют.

Одонтологические материалы из могильников Усть-Иша, Лебеди-2, Васьково-4 объединены в одну серию (табл. 3). Она демонстрирует стопроцентную лингвальную лопатообразность верхних резцов. Вестибулярная лопатообразность отмечена у погребенных на могильнике Усть-Иша, но отсутствует в материалах из Кузнецкой котловины. У захороненных на этом же могильнике индивидов зафиксирован дополнительный дистальный гребень верхних клыков. В объединенной серии наблюдаются отсутствие дополнительных бугорков на верхних молярах и заметный уровень редукции гипоконуса на вторых зубах данного класса. В одном случае встречен косой гребень на первом верхнем моляре. В серии отсутствуют шестые бугорки и коленчатая складка метаконида, отмечены *tam1*, дистальный гребень тригонида, эпикристид.

Одонтологический материал из могильника Солонцы-5 демонстрирует несколько иное сочетание признаков (табл. 3). При сохранении очень высокой частоты лопатообразности верхних центральных зубов здесь отсутствуют краевые гребни вестибулярной поверхности и встречен один случай вестибулярной выпуклости. На верхних центральных резцах присутствуют лингвальные ямки. На верхней челюсти у моляров имеются дополнительные дистальные бугорки и бугорок Карабелли, понижена частота редуцированных форм вторых зубов этого класса, отмечены одонтоглифические варианты 1Pr(III), 1Pr(fc) и тип 3 соотношения точек впадения в межбугорковую фиссуру первых борозд метаконуса и протоконуса. На первых нижних молярах часто встречается шестой бугорок, четырехбугорковые формы не зафиксированы. В серии повышена частота дисталь-

ного гребня тригониды, отсутствуют tam_1 , коленчатая складка метаконида. Довольно часто встречаются ямки протостилида при отсутствии истинных бугорков. В одном случае отмечено увеличение цингулюма. Из одонтоглифических признаков встречены вариант 3 соотношения точек впадения первых борозд метаконида и протоконида в межбугорковую фиссуру и $fen\ 2med(II)$.

Дифференциация одонтологических комплексов. По результатам одонтоскопического анализа, в составе локальных групп неолитического населения отчетливо выделяются три комплекса признаков. Один из них был распространен в предгорьях Алтая (в Барнаульско-Бийском Приобье и Кузнецкой котловине). Его отличает стопроцентная лингвальная лопатообразность верхних центральных резцов, повышенная частота вестибулярной лопатообразности и дистального гребня тригониды, наличие шестых бугорков на нижних первых молярах и отсутствие коленчатой складки метаконида. С небольшими отклонениями по частотам отдельных признаков этот комплекс фиксируется в материалах всех могильников кузнецко-алтайской культуры. Ведущую роль в нем играют маркеры восточного одонтологического ствола. Наблюдаемая комбинация частот признаков имеет наибольшее сходство с опубликованными А. Хойсслер данными о носителях китойской культуры [Haeussler, 1996, table 76, 78] середины VI тыс. до н.э. [Радиоуглеродная хронология..., 2004, с. 52] в Прибайкалье, Забайкалье и на верхней Лене. Одонтологические характеристики представителей серовской культуры [Haeussler, 1996, table 76, 78], датируемой серединой IV тыс. до н.э. [Радиоуглеродная хронология..., 2004, с. 53], заметно от них отличаются. Судя по имеющимся на настоящий момент данным, для китойской выборки характерны экстремально высокая частота лингвальной и вестибулярной лопатообразности, средняя – бугорка Карабелли и высокая – дистального гребня тригониды. Ни у одного погребенного не зафиксированы коленчатая складка метаконида, шестибугорковые нижние первые моляры и четырехбугорковые вторые. В серовской выборке при сохранении повышенной частоты лингвальной и вестибулярной лопатообразности появляются последние три признака и заметно реже встречается дистальный гребень тригониды.

Второй одонтологический комплекс выявлен в сериях из могильников Сопка-2/1 и Протоки-1 в Барабинской лесостепи. Он характеризуется отсутствием на верхних молярах бугорка Карабелли, высокой частотой шестых бугорков и дистального гребня тригониды на нижних первых молярах при отсутствии их четырехбугорковых вариантов и коленчатой складки метаконида. Таксономический статус этого комплекса не однозначен. Высокая частота шестибугорковых

нижних моляров и дистального гребня тригониды, являющихся маркерами восточного одонтологического ствола, сопровождается здесь отсутствием лопатообразных резцов верхней челюсти или, с учетом малого числа наблюдений по данному признаку, резко сниженной их частотой, что в большей степени свойственно западным группам. Вопрос о генезисе такого сочетания пока остается открытым. Возможно, Барабинская лесостепь изначально заселялась популяциями, в одонтологическом комплексе которых отсутствовала лопатообразность. В определенной степени об этом могут свидетельствовать материалы верхнепалеолитического времени из южного региона Западной Сибири – Мальты, Лиственки, Афонтовой Горы II (раскопки 2014 г.). В них не обнаружены лопатообразные верхние резцы, дистальный гребень тригониды, коленчатая складка метаконида, но зафиксирован шестой бугорок на нижних первых молярах, повышенная частота которого остается характерной чертой большинства западно-сибирских неолитических серий [Zubova, 2014]. Нужно отметить, что в материалах из Барабы морфологическое сходство с верхнепалеолитическими находками проявляется не только в пониженных частотах лопатообразности и повышенных $6M_1$, но и в наличии ряда архаичных элементов строения коронок зубов [Зубова, 2013]. Косвенно это может свидетельствовать о более длительном сохранении генетической линии, связанной с населением эпохи верхнего палеолита, на территории Барабинской лесостепи, чем в предгорьях Алтая, где доминируют характеристики монголоидных одонтологических комплексов, сформировавшихся восточнее.

Третий комплекс признаков был зафиксирован только в серии из могильника Венгерovo-2а. В нем комбинация одонтологических маркеров, обнаруженная в материалах из Сопки-2/1 и Протоки-1, дополняется средней частотой лопатообразности верхних резцов и повышенной – бугорка Карабелли и коленчатой складки метаконида. В системе одонтологической классификации, принятой для современного населения, сочетание бугорка Карабелли, коленчатой складки метаконида и несколько повышенной частоты маркеров восточного одонтологического ствола считается основной характеристикой т.н. североевропейского реликтового типа. Есть основания предполагать, что в мезо-неолитический период похожие комбинации признаков были довольно широко распространены в северных районах Евразии, но из-за отсутствия репрезентативных одонтологических серий точный ареал наблюдаемого комплекса очертить довольно сложно. В мезолитическое время североевропейский реликтовый тип представлен популяциями, оставившими захоронения на Южном Оленьем острове в Карелии и могильник Звейниэки в

Латвии [Гравере, 1977, с. 91]. Сибирские материалы, где был зафиксирован этот одонтологический тип, до сих пор относились к энеолиту, раннему и среднему периодам эпохи бронзы (неопубликованные данные А.В. Зубовой). Серия из Венгерова-2а оказалась среди них наиболее древней.

О путях проникновения носителей данного одонтологического комплекса на территорию Барабинской лесостепи пока судить сложно, поскольку между европейскими и западно-сибирскими сериями существует обширная территориальная и хронологическая лагуна. Очень осторожно можно говорить о влиянии населения лесного и лесостепного Зауралья, т.к. в материалах неолитической кошкинской культуры этого региона (поселение Мергень-6) встречены и бугорок Карабелли, и дополнительный дистальный бугорок

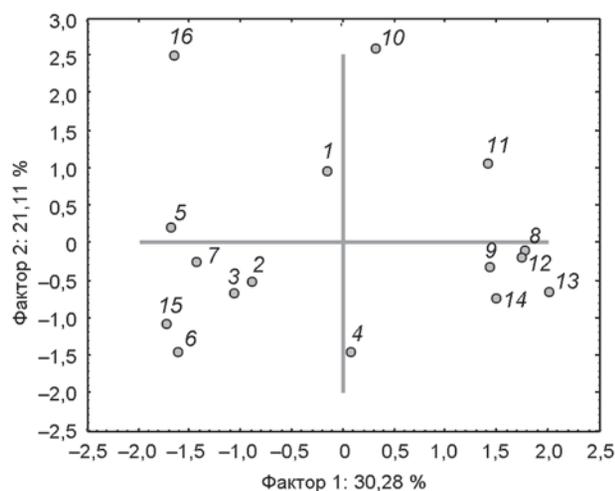

Рис. 1. Распределение мезолитических и неолитических серий Евразии в пространстве первых двух факторов. 1 – Венгерова-2а; 2 – Протока-1; 3 – Сопка-2/1; 4 – Корчуган-1а; 5 – Солонцы-5; 6 – Усть-Иша, Лебеди-2, Васьково-4; 7 – Иткуль; 8 – Ясиноватка; 9 – Никольское; 10 – Южный Олений остров; 11 – Звениеки (мезолит); 12 – Вовниги-2; 13 – Вовниги-1; 14 – Васильевка-3 (мезолит); 15 – китайская культура; 16 – серовская культура.

Таблица 4. Нагрузки на признаки в составе первых двух факторов при сравнении мезо-, неолитических популяций Евразии

Признак	Фактор 1	Фактор 2
Лопатообразность (2 + 3) I ¹	-0,74	0,02
Бугорок Карабелли M ¹	0,58	0,44
6M ₁	-0,43	0,49
4M ₁	0,06	0,57
4M ₂	0,64	0,18
Дистальный гребень тригониды M ₁	-0,77	0,00
Коленчатая складка метаконида M ₁	-0,20	0,83

рок на верхних молярах (неопубликованные данные А.В. Зубовой) – признаки, характерные для серии из Венгерова-2а.

Статистический анализ. При сравнении западно-сибирских неолитических серий с восточно-европейскими и центрально-сибирскими методом главных компонент (рис. 1, табл. 4) максимальные нагрузки приходятся на признаки, дифференцирующие западный и восточный одонтологические стволы. Они формируют первый фактор, в отрицательном поле которого находятся все группы с территории Азии, а в положительном – все европейские. Промежуточное положение занимают серии из могильников Венгерова-2а и Корчуган-1а. Они располагаются на границе восточного и западного кластеров.

В европейском блоке сдвиг в восточном направлении демонстрирует только серия из мезолитического могильника на Южном Оленьем острове, в составе которой присутствует монголоидный компонент [Зубова, 2012].

Второй фактор выделяет в положительную область группы, отличающиеся от сибирских более умеренной выраженностью восточной составляющей, а от населения средней полосы Восточно-Европейской равнины более сложным набором одонтологических фенотипов. Максимальные нагрузки здесь приходятся на коленчатую складку метаконида, благодаря чему от европейского блока отделяются группы Прибалтики и Карелии, а от сибирской совокупности – серии из могильника Венгерова-2а и серовская.

При исключении из анализа китайских и серовских материалов распределение статистических нагрузок на признаки несколько меняется (табл. 5). В составе первого фактора высокие отрицательные нагрузки по-прежнему приходятся на лопатообразность, дистальный гребень тригониды и шестибугорковые нижние первые моляры, однако нагрузка на коленчатую складку метаконида приобретает положительный знак. Во втором факторе практически

Таблица 5. Нагрузки на признаки в составе первых двух факторов при сравнении неолитического населения Западной Сибири и мезо-, неолитического Восточной Европы

Признак	Фактор 1	Фактор 2
Лопатообразность (2 + 3) I ¹	-0,60	0,20
Бугорок Карабелли M ¹	0,88	0,15
6M ₁	-0,40	0,51
4M ₁	0,18	0,73
4M ₂	0,72	0,00
Дистальный гребень тригониды M ₁	-0,62	0,44
Коленчатая складка метаконида M ₁	0,41	0,82

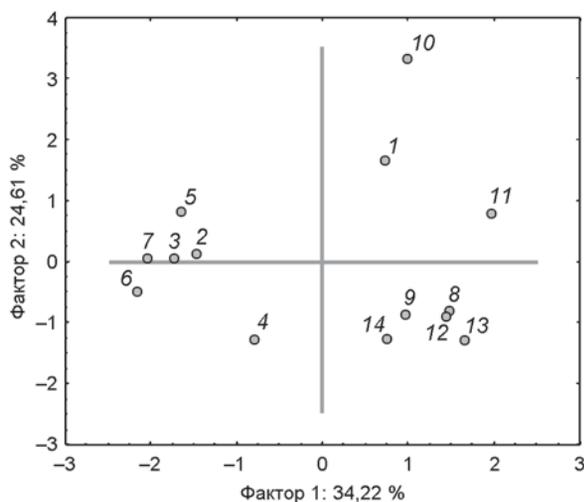

Рис. 2. Распределение западно-сибирских и восточно-европейских серий в пространстве первых двух факторов. Усл. обозн. см. рис. 1.

исчезает нагрузка на бугорок Карабелли и возрастает на четырехбугорковые нижние первые моляры. В результате этих трансформаций самостоятельное направление одонтологической дифференциации, которое формируют нагрузки на маркеры северо-европейского реликтового комплекса, оформляется более явственно, чем в предыдущем варианте анализа. В обоих случаях серии дифференцируются на основании морфологической сложности их состава и частоты коленчатой складки метаконида, варьирующей без строгой связи с маркерами восточного одонтологического ствола. Судя по всему, в анализируемой совокупности популяций колебания частоты коленчатой складки метаконида и могут отражать сохранившиеся у мезо-неолитического населения следы древнего морфологического пласта, характеристики которого не сложились в специализированный западный или восточный одонтологический комплекс. В Восточной Европе его присутствие определяет специфику состава мезолитического населения северных районов (рис. 1, 2), в Сибири выделяет из общей массы популяций носителей серовской культуры (см. рис. 1) и группу, оставившую могильник Венгеро-2а (см. рис. 1, 2).

При сопоставлении только азиатских серий распределение на графике меняется (рис. 3, табл. 6): исчезают крупные контрастные совокупности, противопоставляющиеся по комплексам «восточных» и «западных» признаков. По координатам первого фактора, тем не менее, серии из Барабинской лесостепи и предгорий Алтая разделяются на две группы. Первые попадают в область отрицательных значений, а вторые, за исключением серии с оз. Иткуль, – поло-

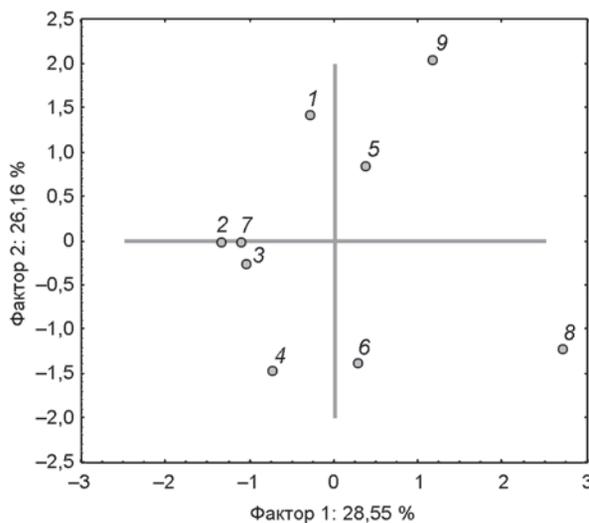

Рис. 3. Распределение неолитических серий из Центральной и Западной Сибири в пространстве первых двух факторов.

1 – Венгеро-2а; 2 – Протока-1; 3 – Сопка-2/1; 4 – Корчуган-1а; 5 – Солонцы-5; 6 – Усть-Иша, Лебеди-2, Васьково-4; 7 – Иткуль; 8 – китойская культура; 9 – серовская культура.

Таблица 6. Нагрузки на признаки в составе первых двух факторов при сравнении западно-и центрально-сибирского неолитического населения

Признак	Фактор 1	Фактор 2
Лопатообразность (2 + 3) I ¹	0,43	-0,01
Бугорок Карабелли M ¹	0,79	0,48
6M ₁	-0,42	0,75
4M ₂	-0,73	0,45
Дистальный гребень тригонида M ₁	0,33	0,11
Коленчатая складка метаконида M ₁	0,30	0,75

жительных. В пределах этого фактора относительно близки серии из Сопки-2/1, Протоки-1 и Иткуля, остальные заметно удалены от них и распределяются независимо друг от друга. Второй фактор дифференцирует выборки кузнецко-алтайской культуры по степени их сходства с китойской или серовской. Серия из Солонцов-5 ближе к серовской, объединенная – к китойской.

Выводы

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что антропологический состав носителей неолитических культур юга Западной Сибири был сложен и формировался на основе несколь-

ких компонентов, появившихся в регионе в разное время. Наиболее древний из них, восходящий к автохтонному палеолитическому населению Алтае-Саянского нагорья (Лиственка, Афонтова Гора II), прослеживается только у обитателей Барабинской лесостепи. Изученные здесь неолитические группы сохранили пониженную лопатообразность верхних резцов, повышенную частоту шестибугорковых нижних первых моляров и наличие передних и задних ямок на нижних молярах.

Большая часть указанных архаичных особенностей отсутствует у представителей кузнецко-алтайской культуры. В их составе доминирует более поздний антропологический компонент восточного происхождения, носители которого появились в Западной Сибири в постпалеолитическое время и, возможно, вытеснили автохтонные палеолитические популяции Алтае-Саянского нагорья в менее благоприятные для проживания заболоченные районы Барабинской низменности. Генетически этот компонент связан с монголоидной большой расой, и в нем с экстремально высокой частотой представлены признаки, общие для восточного одонтологического ствола, – лингвальная и вестибулярная лопатообразность верхних резцов, дистальный гребень тригониды. Что касается коленчатой складки метакониды, то, с одной стороны, имеющегося в настоящий момент числа наблюдений для китойского населения явно недостаточно, чтобы обсуждать этот вопрос, но, с другой – отсутствие данного признака у носителей кузнецко-алтайской культуры является показателем не абсолютной его связи с лопатообразностью и дистальным гребнем.

Повышенная частота коленчатой складки метакониды значима для выделения в составе неолитического населения Барабинской лесостепи и предгорий Алтая третьего антропологического компонента, по всей видимости имеющего северо-западное происхождение. Пока из всех изученных одонтологических материалов он представлен только в сложной по составу серии из могильника Венгерovo-2.

Результаты статистического анализа свидетельствуют о наличии определенной биологической изоляции между населением Барабинской лесостепи и предгорий Алтая. Восточный компонент, доминирующий у популяций Приобского плато и Кузнецкой котловины, практически не представлен у обитателей Барабинской лесостепи. Одонтологический статус серии из могильника Венгерovo-2а позволяет говорить и о том, что внутри локальных ландшафтных районов существовала своя структура популяционных взаимосвязей, в которой отдельные группы населения в течение длительного времени могли оставаться изолированными друг от друга.

Список литературы

Аникович М.В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии: мат-лы конф. – Новосибирск: Наука, 1969. – С. 62–64.

Бобров В.В. Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. – С. 19–33.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011а. – Т.1. – С. 106–108.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011б. – Т. XVII. – С. 14–19.

Гравере Р.У. Одонтологическая характеристика древнейшего населения Латвии и фатьяновцев // Изв. Академии наук Латвийской ССР. – 1977. – № 4 (357). – С. 78–93.

Зубова А.В. Одонтологические данные к проблеме «монголоидности» населения Восточной Европы в мезолитическую эпоху // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXIII: Антропология. – 2012. – № 1. – С. 44–53.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения распределения маркеров архаики в одонтологических комплексах населения Евразии эпохи неолита // Вестн. антропология. – 2013. – № 4 (26). – С. 107–126.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул: Изд-во Барнаул. юрид. ин-та МВД России, 2005. – 128 с.

Кунгурова Н.Ю., Чикишева Т.А. Результаты исследования неолитического могильника Солонцы-5 на р. Бия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 121–129.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2014. – 205 с.

Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология археологических памятников эпохи неолита и раннего металла Барабинской лесостепи // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 140–143.

Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 36–57.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 128 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерovo-2 и открытие неолитического могильника Венгерovo-2 // Проблемы археологии, этногра-

фии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 199–205.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.А. Уникальный погребально-ритуальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 117–122.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Неолитический могильник Корчуган // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 185–190.

Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 11–21.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. – СПб.: Теза, 2004. – 157 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Чикишева Т.А., Зубова А.В., Поздняков Д.В. Характеристика палеоантропологических материалов из неолитического погребения на поселении Венгерovo-2 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 259–264.

Haussler A.M. Dental anthropology of Russia, Ukraine, Georgia, Central Asia: evaluation of five hypotheses for Paleo-Indian origins. – Arizona: Arizona State University, 1996. – 757 p.

Zubova A.V. Non-metric dental trait variation among Eastern European and Western Siberian forest-steppe Neolithic populations // Bull. of Intern. Association for Paleodontology. – 2014. – Vol. 8, N 2. – P. 244–257. – URL: <http://ojs.sfzg.hr/index.php/IAPO/article/view/480>

Материал поступил в редколлегию 29.04.15 г.

УДК 903.57+572.7

А.П. Бородовский¹, С.С. Тур²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com*²*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: tur@email.asu.ru*

БАРАНГОЛЬСКИЙ НЕКРОПОЛЬ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ НИЖНЕЙ КАТУНИ (антропологический аспект)*

Статья посвящена результатам комплексного исследования материалов из раскопок Барангольского некрополя, расположенного в горной долине нижней Катунь и относящегося к северному локальному варианту пазырыкской культуры Горного Алтая. Наряду с археологическими данными анализировались демографические, краниометрические, остеометрические и палеопатологические особенности барангольской выборки. В результате проведенного исследования установлено, что популяции нижней и средней Катунь, а также Юго-Восточного Алтая скифского времени имели общее происхождение, однако их хозяйственные занятия различались. В ареале распространения северного локального варианта пазырыкской культуры население помимо скотоводства широко практиковало земледелие.

Ключевые слова: Горный Алтай, нижняя Катунь, эпоха раннего железа, пазырыкская культура, палеоантропология, демография.

A.P. Borodovsky¹ and S.S. Tur²¹*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Pr. Akademika Lavrentieva 17, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: altaicenter2011@gmail.com*²*Altai State University
Pr. Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia
E-mail: tur@email.asu.ru*

BARANGOL: A PAZYRYK CEMETERY ON THE LOWER KATUN, GORNY ALTAI (Anthropological Study)

The article outlines the results of a comprehensive study of human skeletal remains from the Barangol cemetery, Gorny Altai, representing the northern variant of the Pazyryk culture. Archaeological, demographic, craniometrical, osteometrical, and pathological findings are discussed. Results suggest that the Early Iron Age populations of the lower and middle Katun River and the southeastern Altai were related by origin but differed in economic specialization. Apart from pastoralism, the northern Pazyryk people widely practiced agriculture.

Keywords: Gorny Altai, lower Katun River, Early Iron Age, Pazyryk culture, physical anthropology, paleodemography.

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.128-141

---

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14-50-00036 и гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

Введение

По климатическим условиям Горный Алтай разделяется на южную более засушливую часть и северную, более влажную и дождливую в летний период. Одной из естественных границ между ними является Семинский перевал. К югу от этого перевала каменные конструкции курганов слабо задернованы и имеют достаточно выразительные рельефные признаки, а к северу задернованность существенно увеличивается, вплоть до полной потери рельефных признаков в горной долине нижней Катунь. Последнее обстоятельство стало одной из причин слабой изученности данной территории в плане выявления памятников эпохи раннего железа. В конце 90-х гг. прошлого столетия даже была выдвинута гипотеза об отсутствии здесь вследствие особых климатических условий археологических комплексов скифского времени. Исходя из этого данная территория интерпретировалась как буферная между горными районами Алтая и степной зоной Верхнего Приобья [Могильников, 1986а, б]. Однако на протяжении конца XX – начала XXI в. удалось локализовать участок горной долины нижней Катунь (рис. 1) с погребальными памятниками [Бородовский, Бородовская, 2013]. В настоящее время наиболее представительными являются погребальные комплексы эпохи раннего железа (Барангол-1, -2, -4, Чултуков Лог-1, -2), в состав которых входит ок. 150 неразграбленных курганов. На основании данных о погребальной обрядности среди этих памятников выделяются однокомпонентные курганные группы (Барангол-1, -2, -4, Чултуков Лог-2), относящиеся к северному локальному варианту пазырыкской культуры, и многокомпонентный некрополь (Чултуков Лог-1), где наряду с пазырыкскими погребениями есть синхронные захоронения носителей других археологических культур (кара-кобинской, быстрианской).

Материалы и методы

Барангольский некрополь, состоящий из нескольких курганных групп (Барангол-1, -2, -4), расположен в Майминском р-не Республики Алтай в 60 км к югу от г. Горно-Алтайска, между селами Муны и Барангол, вдоль Чуйского тракта. Памятник открыт А.П. Бородовским в 1991 г., археологические исследования велись с 1991 по 2000 г. Могильное поле находится у подошвы каменной осыпи отрогов хребта Иолго и на примыкающей к горам вдоль Чуйского тракта прибрежной древней террасе р. Катунь. Курганы объединены в три цепочки, вытянутые с запада на восток поперек речной долины [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 121, рис. 28].

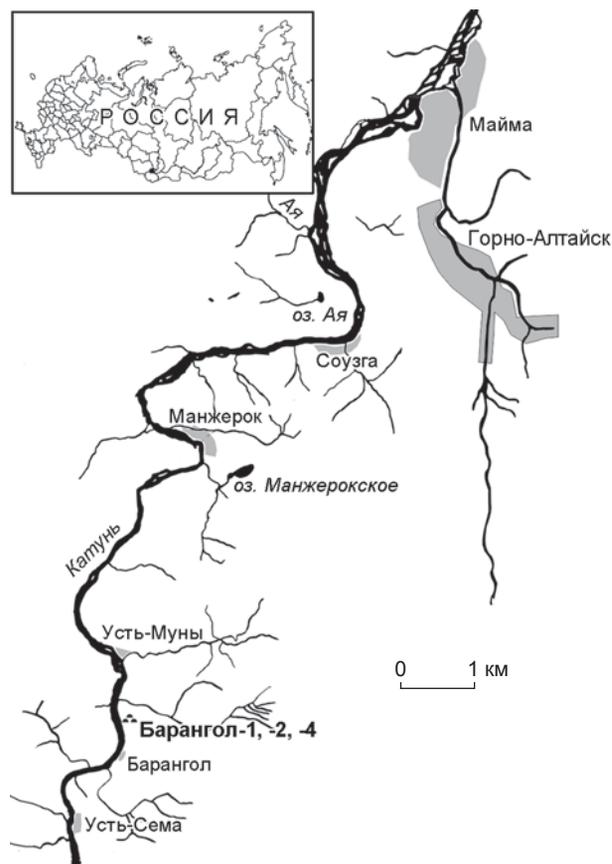

Рис. 1. Расположение Барангольского некрополя.

Курганная группа Барангол-1 находилась на южном краю могильного поля и состояла из 21 кургана (рис. 2). Памятник датируется рубежом V–IV – началом III в. до н.э. и относится к северному локальному варианту пазырыкской культуры. В пользу такой датировки говорят найденные в погребениях бронзовые медальевидные зеркала, бронзовый кинжал с прорезной рукоятью, разделочные ножи, миниатюрные акинаки и клевцы, котловидные подвески, гвоздевидные булавки с обтяжкой золотой фольгой (триквестры), железные кольчатые ножи и петлевидные серьги.

Курганная группа Барангол-2, расположенная к северу от первой, состояла из восьми курганов (рис. 3). Здесь встречены вторичные погребения. Памятник также относится к северному варианту пазырыкской культуры. Особенность погребальной обрядности и сопроводительного инвентаря позволяет датировать его III–II вв. до н.э.

Курганная группа Барангол-4, состоявшая из трех курганов с каменными насыпями и одной кладки, находилась в центральной части Барангольского некрополя. Курганы также относятся к северному варианту пазырыкской культуры и датируются I тыс. до н.э. (IV–III вв. до н.э.).

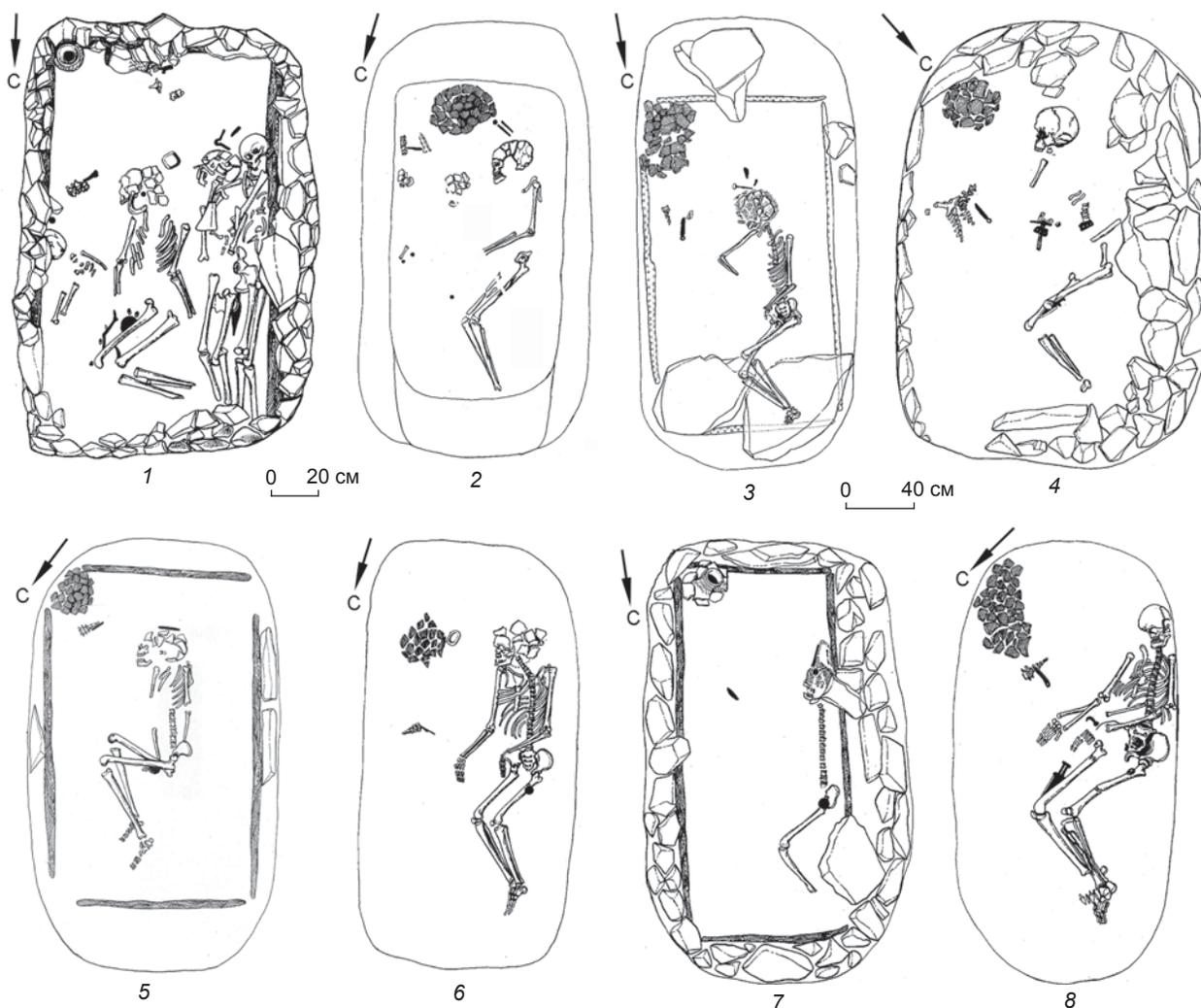

Рис. 2. Погребения курганной группы Барангол-1.

1 – кург. 1; 2 – кург. 2; 3 – кург. 5; 4 – кург. 6; 5 – кург. 3; 6 – кург. 4; 7 – кург. 7; 8 – кург. 8.

В целом для погребальной обрядности этнотерриториальной группы, оставившей Барангольский некрополь, характерен ряд признаков: расположение цепочек курганов с запада на восток поперек речной долины; размещение под насыпью одного погребения; немногочисленные сопроводительные захоронения коней (рис. 4); преимущественно южная ориентация погребенных, достаточно редкая для Горного Алтая в эпоху раннего железа. На протяжении всего периода функционирования некрополя постепенно увеличивалось количество коллективных погребений, появлялись вторичные захоронения. Погребальные комплексы с вторичными захоронениями, аналогичные обнаруженным на памятнике Барангол-2, представлены на нижней Катуне на курганных могильниках Чултуков Лог-1 и -2. На средней Катуне вторичные погребения известны в курганной группе Верх-Еланда II [Степанова, Неверов, 1994, с. 11–24; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 21–23]. На всех крупных некрополях эпохи

раннего железа Горного Алтая курганы группируются в микропечки. По мнению некоторых исследователей, это отражает семейный характер погребальных комплексов [Кубарев, 1991, с. 188]. Однокомпонентный Барангольский некрополь пазырыкской культуры расположен в непосредственной близости от многокомпонентной масштабной (более 100 курганов) курганной группы скифо-сакского времени Чултуков Лог-1. Такая ситуация достаточно типична для Северного Алтая во второй половине I тыс. до н.э. В частности, на горном участке долины р. Иня (Краснощековский р-н Алтайского края) также соседствуют однокомпонентные пазырыкские курганные группы (Ханкаринский Дол) и многокомпонентные погребальные памятники (Чинета II) эпохи раннего железа [Дашковский, 2011; Дашковский, Мейкшан, 2014].

Демографические показатели популяции, оставившей Барангольский некрополь, оценивались на основе таблиц дожития [Chamberlain, 2006], а также индекса

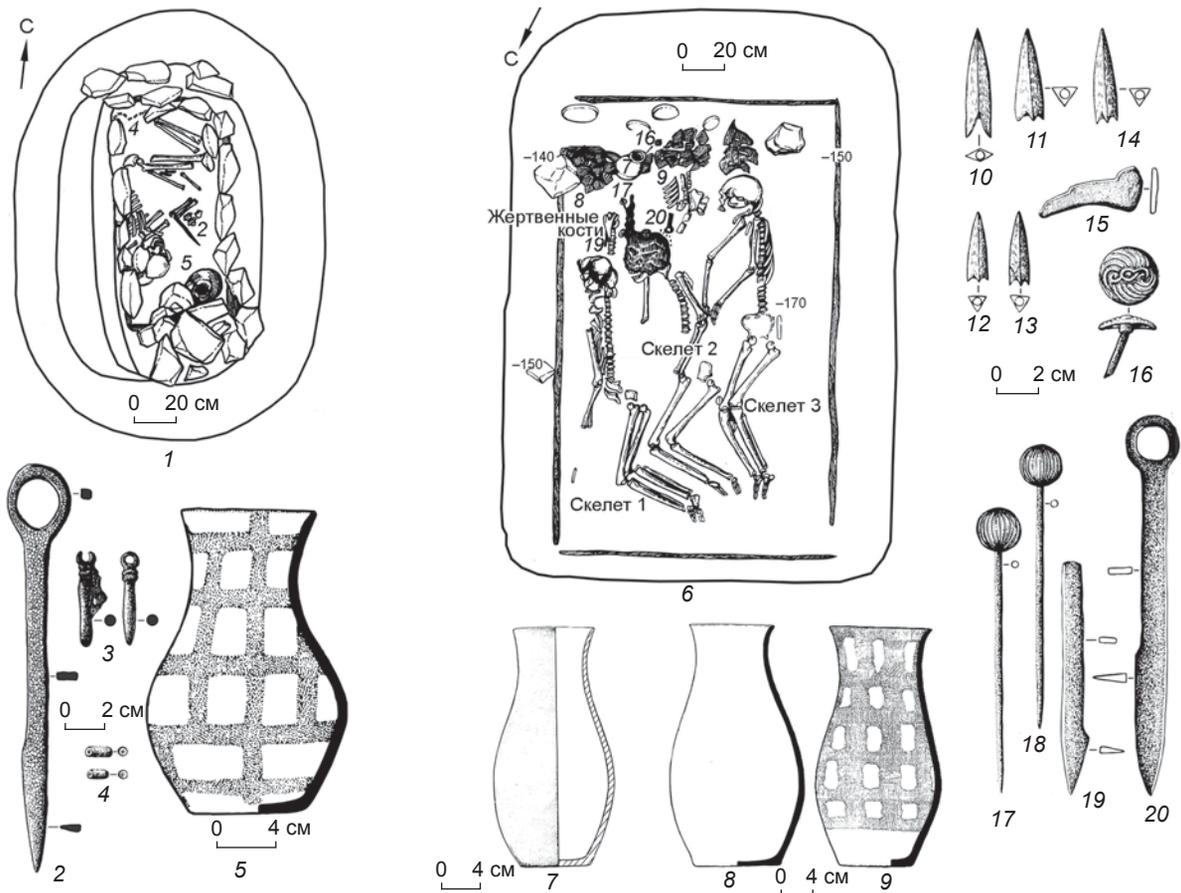

Рис. 3. Погребения курганной группы Барангол-2.

1-5 – детское захоронение в кург. 4 и находки из него (2 – железо, 3 – медь, 4 – паста, 5 – глина); 6-20 – коллективное погребение в кург. 7 и находки из него (7-9 – глина; 10-14 – рог; 15 – медь; 16 – железо, медь, золотая фольга; 17, 18 – медь, дерево; 19, 20 – железо).

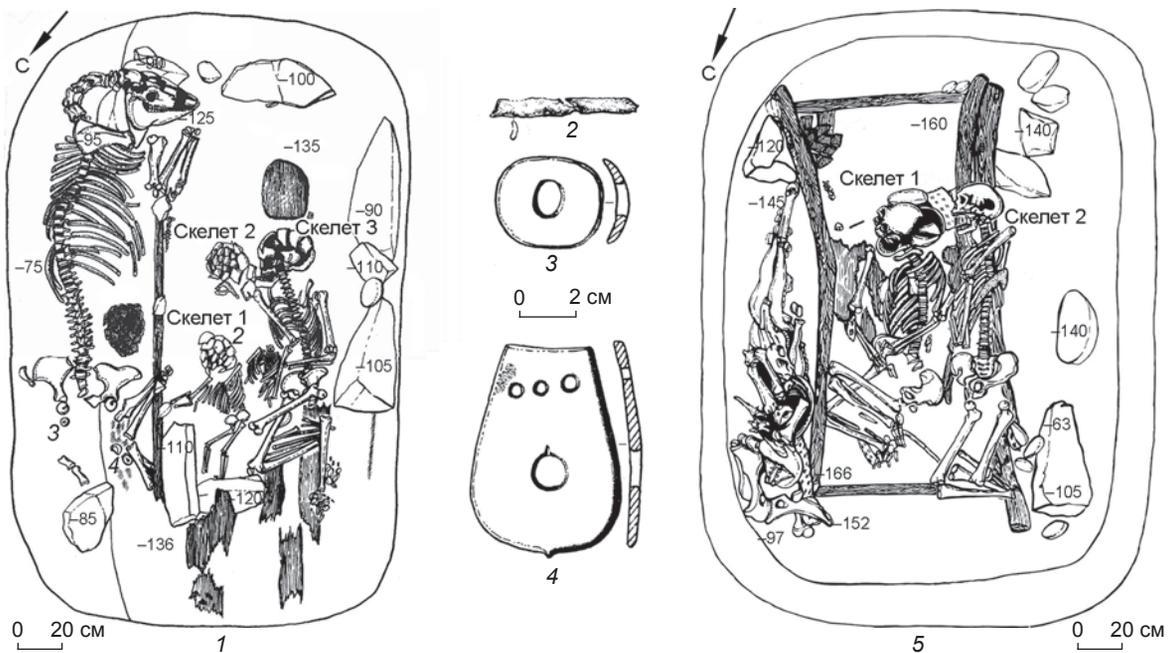

Рис. 4. Погребения с сопроводительным захоронением коня. Барангол-2.

1-4 – кург. 5 (2 – серебро; 3, 4 – рог); 5 – кург. 8.

ювенильности (Juvenility index – JI) [Vocquet, Masset, 1977]. Последний характеризует соотношение детей и взрослых в популяции и вычисляется как отношение количества детей в возрасте от 5 до 15 лет к числу взрослых в возрасте 20 лет и старше (D_{5-15}/D_{20-60}). Величина JI тесно коррелирует с такими демографическими показателями, как вероятность смерти в возрасте до 1 года (${}_1q_0$) и до 5 лет (${}_5q_0$), ожидаемая продолжительность жизни при рождении (e_0), а также общая фертильность (Total Fertility Rate – TFR) – среднее количество детей, рожденных женщиной на протяжении репродуктивного периода [Vocquet, 1979; Chamberlain, 2006, p. 35]. Использование индекса ювенильности при подсчете этих показателей позволяет избежать искажений демографического профиля, обусловленных неполной представленностью на многих могильниках погребений младенцев (<1 года) и детей раннего возраста (<5 лет).

Всего было исследовано 46 индивидов, из них: дети (0–14 лет) – 13 (28,3 %), взрослые (≥ 15 лет) – 33 (71,7 %), в т.ч. мужчины – 12, женщины – 17, не определенного пола – 4. Средний возраст смерти суммарной группы – 24,0 года, взрослых – 32,1, мужчин – 39,3, женщин – 29,3, детей – 4,9 лет. Соотношение полов составляет 1,0 : 1,4, хотя численное преобладание женщин не является статистически значимым.

Результаты и обсуждение

Судя по таблицам дожития (табл. 1), вероятность смерти у детей барангольской группы была наибольшей в самом раннем возрасте ($q_{0-4} = 0,182$) и минимальной в подростковом ($q_{10-14} = 0,061$). Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (e_0) составляла 24,5 лет. Вероятность смерти повышалась в 15–19 лет и после 35. Кривые смертности мужчин и женщин не совпадают (рис. 5). У мужчин вероятность смерти изменялась в основном прямо пропорционально возрасту и заметно увеличивалась только после 40 лет. Для женщин характерен высокий риск смертности в молодом возрасте, особенно в 15–20 лет. Повышенную смертность молодых женщин, которая отмечается во многих палеопопуляциях, обычно связывают с осложнениями беременности и родов в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки. В целом же демографические показатели барангольской группы и пазырыкского населения Юго-Восточного Алтая [Чикишева, 2003, с. 69–72], полученные на основе таблиц дожития, не обнаруживают существенных различий.

Если исходить из величины индекса ювенильности ($D_{5-15}/D_{20-60} = 0,217$), то ${}_1q_0 = 0,286$, ${}_5q_0 = 0,462$, $e_0 = 23,2$, т.е. вероятность смерти в младенчестве и раннем детстве была примерно в 2,5 раза выше, чем

это следует из таблиц дожития, а ожидаемая продолжительность жизни при рождении несколько ниже. Следует отметить, что из восьми детей, умерших в возрасте до 5 лет, лишь один не дожил до 1 года и нет ни одного умершего в первые полгода жизни, что не согласуется с общей динамикой младенческой смертности, пик которой, как известно, приходится на первый месяц после рождения. По свидетельству письменных источников XVII–XVIII вв., смертность на протяжении первого года жизни составляла в среднем порядка 30 %, и лишь половина новорожденных доживала до взрослого возраста [Guy, Masset, Baud, 1997, p. 222]. По данным этнографии, в скотоводческих группах младенческая смертность (<1 года) в среднем составляла 21 %, детская (<15 лет) – 34 % [Hewlett, 1991, p. 8]. Таким образом, можно заключить, что в Барангольском некрополе «не хватает» значительного числа захоронений младенцев. Малочисленность этой категории в возрастной структуре смертности отмечалась во многих археологических популяциях [Guy, Masset, Baud, 1997]. Причиной данного явления могут быть как тафономические процессы [Ibid., 1997], так и культурные традиции. Известно, что во многих обществах детей хоронили иначе, чем взрослых, в зависимости от их социального статуса. Смерть младенцев нередко не сопровождалась погребальными обрядами и не оставляла никаких «археологических следов» [Ucko, 1969, p. 269–270].

Уровень фертильности (TFR) в исследованной группе средний. На одну женщину приходилось 5,9 детей. Для сравнения отметим, что, по этнографическим данным, фертильность в скотоводческих обществах составляла в среднем $6,2 \pm 0,8$ [Hewlett, 1991, p. 7].

Череп и кости посткраниального скелета из Барангольского некрополя характеризуются следующими морфологическими особенностями. Мужские череп отличаются средними размерами, брахикранной формой, среднешироким наклонным лбом. Лицо больших размеров, средних пропорций, хорошо профилированное в горизонтальной плоскости и резко ортогнатное в вертикальной. Орбиты среднеширокие, низкие, хамеконхные по указателю. Высота носа на границе средних и больших величин, ширина ниже средней, указатель лепторинный. Переносье высокое, угол выступления носа средний. В целом череп имеют промежуточный европеоидно-монголоидный облик с преобладанием европеоидных особенностей (табл. 2). Сходные черты отмечаются и на женских черепах. Основные краниологические параметры барангольской выборки, имеющие расоводиагностическое значение, не выходят за пределы межгрупповой вариабельности краниотипа носителей пазырыкской культуры долин Юстыда, Барбугазы и Бугузуна, Уландрыка, плоскогорья Укок

Таблица 1. Таблицы дожития для группы из Барангола

Возраст (x)	D_x	d_x	l_x	q_x	L_x	T_x	e_x
<i>Суммарная группа</i>							
0–4	8	18,18	100,0	0,182	454,55	2 448,74	24,49
5–9	3	6,82	81,82	0,083	392,05	1 994,19	24,37
10–14	2	4,55	75,00	0,061	363,63	1 602,14	21,36
15–19	8	18,18	70,45	0,258	306,80	1 238,51	17,58
20–24	4	9,09	52,27	0,174	238,63	931,71	17,82
25–29	3	6,82	43,18	0,158	198,85	693,08	16,05
30–34	3	6,82	36,36	0,188	164,75	494,23	13,59
35–39	3	6,82	29,54	0,231	130,65	329,48	11,15
40–44	3,5	7,95	22,72	0,350	93,73	198,83	8,75
45–49	2,5	5,68	14,77	0,385	59,65	105,1	7,12
50–60	4	9,09	9,09	1,00	45,45	45,45	5,00
<i>Мужчины</i>							
15–19	1	8,33	100,0	0,083	479,18	2 468,92	24,69
20–24	0	0	91,67	0	458,35	1 989,74	21,71
25–29	2	16,67	91,67	0,182	416,68	1 531,39	16,71
30–34	1	8,33	75,0	0,111	354,18	1 114,71	14,86
35–39	1,5	12,50	66,67	0,188	302,10	760,53	11,41
40–44	2,5	20,83	54,17	0,385	218,78	458,43	8,46
45–49	1,5	12,50	33,34	0,375	135,45	239,65	7,19
50–60	2,5	20,83	20,84	1,00	104,20	104,2	5,00
<i>Женщины</i>							
15–19	5	31,25	100,00	0,313	421,88	1 476,64	14,77
20–24	3	18,75	68,75	0,273	296,88	1 054,76	15,34
25–29	1	6,25	50,00	0,125	234,38	757,88	15,16
30–34	2	12,50	43,75	0,286	187,50	523,50	11,97
35–39	1,5	9,38	31,25	0,300	132,83	336,00	10,75
40–44	1	6,25	21,88	0,286	93,78	203,17	9,29
45–49	1	6,25	15,63	0,400	62,51	109,39	7,00
50–60	1,5	9,38	9,38	1,00	46,88	46,88	5,00

Примечания: x – возраст, лет; D_x – число умерших в возрасте x ; d_x – доля умерших в возрасте x , %; l_x – доля доживших до возраста x , %; q_x – вероятность смерти в возрасте x ; L_x – общее число лет, прожитых в интервале x ; T_x – суммарное время жизни после возраста x ; e_x – ожидаемая продолжительность жизни в возрасте x .

[Чижишева, 2003], урочища Кызыл-Джар [Тур, Рыкун, 2004] и долины средней Катунь [Тур, 2003], что свидетельствует об общности происхождения населения этих районов. Из совокупности пазырыкских краниологических серий наиболее выделяются материалы из могильника Майма IV на нижней Катунь, которые больше сближаются с черепами саков Синцзяна и носителей тагарской культуры [Тур, 2004].

Длинные кости конечностей в барангольской группе имеют большие продольные размеры (табл. 3; рис. 6). Рост, вычисленный по формуле

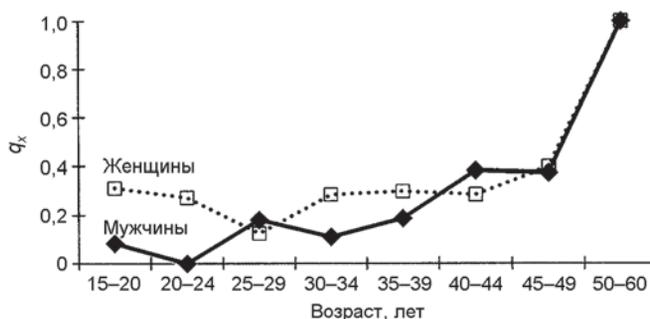

Рис. 5. Вероятность смерти населения, оставившего Барангольский некрополь.

Таблица 2. Средние размеры и указатели черепов из Барангольского некрополя

Признак	Мужчины			Женщины		
	<i>M (n)</i>	<i>S</i>	Min-max	<i>M (n)</i>	<i>S</i>	Min-max
1	2	3	4	5	6	7
1. Продольный диаметр	181,5 (6)	7,94	171–191	176,5 (2)	2,12	175–178
8. Поперечный диаметр	147,0 (2)	5,66	143–151	137,0 (2)	15,56	126–148
17. Высотный диаметр от <i>ba</i>	136,3 (4)	7,27	129–143	127 (1)	–	–
20. Высотный диаметр от <i>po</i>	114,3 (3)	7,23	106–119	108,8 (2)	6,01	105–113
5. Длина основания черепа	105,2 (4)	3,14	102–109	97 (1)	–	–
9. Наименьшая ширина лба	96,7 (8)	4,23	89–103	93,9 (4)	7,09	86–101
10. Наибольшая ширина лба	124,3 (2)	3,18	122–126	117,5 (2)	10,61	110–125
11. Ширина основания черепа	130,9 (3)	8,21	124–140	122,7 (3)	8,50	114–131
12. Ширина затылка	110,0 (2)	1,41	109–111	106,7 (3)	5,86	100–111
29. Лобная хорда	110,8 (7)	4,35	106–117	106,7 (2)	3,04	105–109
30. Теменная хорда	112,3 (4)	6,31	107–121	106,4 (2)	2,05	105–108
31. Затылочная хорда	93,6 (3)	4,91	89–99	95,0 (3)	8,56	89–105
Sub.№β. Высота изгиба лба	23,9 (7)	1,59	21,2–25,4	23,6 (2)	0,85	23,0–24,2
23а. Горизонтальная окружность через <i>oph.</i>	528 (1)	–	–	503,0 (2)	21,21	488–518
24. Поперечная дуга	318 (1)	–	–	313,0 (2)	24,04	296–330
25. Сагиттальная дуга	370,7 (3)	11,51	358–380	366 (1)	–	–
26. Лобная дуга	125,7 (6)	5,04	117–130	119,5 (2)	2,12	118–121
27. Теменная дуга	128,0 (4)	6,16	124–137	116,5 (2)	3,54	114–119
28. Затылочная дуга	113,3 (3)	8,50	107–123	116,0 (3)	14,11	103–131
7. Длина затылочного отверстия	36,5 (4)	2,06	33,9–38,9	31,0 (2)	4,67	27,7–34,3
16. Ширина затылочного отверстия	30,3 (4)	0,87	29,5–31,1	27,5 (2)	0,85	26,9–28,1
40. Длина основания лица	95,8 (2)	2,97	93,7–97,9	97 (1)	–	–
45. Скуловой диаметр	136,2 (5)	4,85	131–144	138 (1)	–	–
48. Верхняя высота лица	75,4 (5)	2,43	72–77	69,4 (3)	2,66	67,8–72,5
47. Полная высота лица	123,9 (2)	1,63	123–125	120 (1)	–	–
43. Верхняя ширина лица	109,4 (4)	4,76	103–114	–	–	–
43 (1). Биорбитальная ширина	102,4 (3)	5,17	97–106	–	–	–
46. Средняя ширина лица	102,7 (3)	10,21	91–110	–	–	–
60. Длина альвеолярной дуги	54,5 (3)	1,29	53,0–55,4	–	–	–
61. Ширина альвеолярной дуги	66,2 (3)	1,31	65,0–67,6	64,5 (1)	–	–
62. Длина неба	48,5 (3)	2,29	45,9–50,0	49,1 (1)	–	–
63. Ширина неба	42,8 (1)	–	–	42,8 (1)	–	–
55. Высота носа	53,3 (6)	2,20	51,5–57,5	51,9 (4)	1,72	50,0–53,8
54. Ширина носа	24,4 (7)	1,29	22,9–26,5	25,2 (4)	1,52	23,0–26,4
51. Ширина орбиты от <i>mf</i>	42,8 (5)	1,65	41,2–45,3	42,7 (3)	0,44	42,4–43,2
51а. Ширина орбиты от <i>d</i>	39,8 (4)	1,12	38,8–41,3	40,3 (2)	1,34	39,3–41,2
52. Высота орбиты	32,9 (5)	2,46	28,9–35,0	34,2 (3)	1,78	32,8–36,2
SC. Симотическая ширина	8,10 (7)	0,98	6,8–9,1	9,35 (4)	1,38	8,2–11,3
SS. Симотическая высота	4,29 (7)	0,61	3,3–5,0	4,45 (4)	0,71	4,0–5,5
MC. Максиллофронтальная ширина	19,4 (5)	1,42	17,7–21,3	19,6 (3)	2,14	17,2–21,3
MS. Максиллофронтальная высота	8,74 (5)	0,99	7,5–10,1	7,37 (3)	1,95	5,4–9,3

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
DC. Дакриальная ширина	21,3 (5)	2,33	19,2–25,2	20,2 (2)	2,55	18,4–22,0
DS. Дакриальная высота	12,50 (5)	2,36	11,2–16,7	11,7 (2)	0,14	11,6–11,8
FC. Глубина клыковой ямки	4,85 (4)	1,05	3,4–5,9	3,60 (2)	0,57	3,2–4,0
Высота изгиба скуловой кости	13,3 (5)	1,02	12,0–14,8	12,5 (1)	–	–
Ширина скуловой кости	57,5 (5)	2,31	54,3–60,8	56,1 (1)	–	–
Указатели:						
8 : 1. Черепной	80,8 (2)	2,48	79,0–82,5	77,6 (2)	7,88	72,0–83,1
17 : 1. Высотно-продольный (<i>ba</i>)	75,3 (4)	3,03	71,6–79,0	71,3 (1)	–	–
17 : 8. Высотно-поперечный (<i>ba</i>)	93,4 (2)	9,37	86,8–100,0	85,8 (1)	–	–
20 : 1. Высотно-продольный (<i>po</i>)	62,0 (3)	3,93	57,9–65,7	61,6 (2)	2,66	59,7–63,5
20 : 8. Высотно-поперечный (<i>po</i>)	76,7 (2)	9,21	70,2–83,2	79,6 (2)	4,66	76,4–82,9
9 : 8. Лобно-поперечный	67,0 (2)	1,36	66,1–68,0	68,4 (2)	0,14	68,3–68,4
9 : 10. Лобный	80,4 (2)	1,07	79,7–81,2	79,6 (2)	2,02	78,2–81,0
Sub.Nβ : 29. Выпуклости лба	21,6 (7)	1,63	19,1–23,6	22,1 (2)	1,43	21,1–23,2
29 : 26. Изгиба лба	88,6 (6)	1,60	86,6–90,9	89,2 (2)	0,96	88,6–89,9
26 : 25. Лобно-сагиттальный	34,3 (1)	–	–	33,1 (1)	–	–
27 : 25. Теменно-сагиттальный	33,4 (1)	–	–	31,1 (1)	–	–
28 : 25. Затылочно-сагиттальный	32,3 (1)	–	–	35,8 (1)	–	–
28 : 27. Затылочно-теменной	87,8 (3)	8,38	80,3–96,9	100,7 (2)	20,05	86,6–114,9
40 : 5. Выступания лица	92,0 (2)	5,66	88,0–96,0	99,7 (1)	–	–
48 : 45. Верхний лицевой	54,8 (4)	2,14	52,6–57,0	52,5 (1)	–	–
45 : 8. Поперечный фациоцеребральный	94,6 (2)	1,07	93,8–95,4	93,2 (1)	–	–
48 : 17. Вертикальный фациоцеребральный	56,7 (3)	2,30	54,2–58,8	57,1 (1)	–	–
9 : 45. Лобно-скуловой	70,1 (5)	2,93	65,0–72,0	73,4 (1)	–	–
61 : 60. Челюстно-альвеолярный	118,7 (2)	1,89	117,3–120,0	–	–	–
63 : 62. Небный	86,1 (1)	–	–	87,2 (1)	–	–
54 : 55. Носовой	46,1 (6)	2,09	44,0–49,4	48,6 (4)	2,20	46,0–50,8
52 : 51. Орбитный от <i>mf</i>	77,0 (5)	5,25	69,6–84,5	80,1 (3)	4,81	75,9–85,4
52 : 51a. Орбитный от <i>d</i>	81,5 (4)	7,13	72,3–89,0	86,7 (2)	1,67	85,5–87,9
SS : SC. Симотический	53,7 (7)	10,92	41,8–69,1	47,6 (4)	1,36	46,2–48,8
MS : MC. Максиллофронтальный	45,0 (5)	4,71	39,3–49,7	37,2 (3)	6,16	31,4–43,7
DS : DC. Дакриальный	58,4 (5)	5,50	52,3–66,3	58,3 (2)	6,65	53,6–63,0
Изгиба скуловой кости	23,1 (5)	1,67	20,8–25,0	22,3 (1)	–	–
Углы:						
77. Назомалярный	139,2 (3)	3,65	135,0–141,6	–	–	–
<Zm'. Зигмаксиллярный	129,2 (3)	6,49	124,5–136,6	–	–	–
Поперечного изгиба лба	137,1 (6)	3,86	130,8–141,2	136,2 (4)	3,20	133,3–139,4
32. Профиля лба от <i>n</i>	77,7 (3)	5,51	74–84	78 (1)	–	–
GM/FH. Профиля лба от <i>gl</i>	70,3 (3)	4,16	67–75	74 (1)	–	–
72. Общий лицевой	88,5 (2)	4,95	85–92	85 (1)	–	–
73. Средний лицевой	91,7 (3)	2,08	90–94	89 (1)	–	–
75 (1). Выступания носа	25,4 (5)	6,35	17–33	18,5 (2)	0,71	18–19

Таблица 3. Морфометрическая характеристика костей посткраниального скелета из Барангольского некрополя, средние значения

Признак	Мужчины				Женщины			
	Правая		Левая		Правая		Левая	
	M (n)	S						
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Ключица – Clavicula</i>								
1. Длина	135 (1)	–	154,5 (2)	21,60	146,2 (3)	13,12	147,2 (3)	12,65
6. Окружность	35 (1)	–	35,6 (2)	2,65	33,5 (3)	1,80	32,9 (3)	2,32
6 : 1. Указатель прочности	25,6 (1)	–	23,2 (2)	1,52	23,0 (3)	0,86	22,4 (3)	0,44
<i>Плечевая – Humerus</i>								
1. Наибольшая длина	329,8 (4)	12,59	330,0 (3)	12,20	310,7 (7)	15,43	307,1 (5)	11,89
2. Полная длина	326,4 (3)	16,64	326,0 (3)	11,72	307,3 (3)	12,66	310,8 (3)	3,03
3. Ширина верхнего эпифиза	49,2 (3)	2,41	47,1 (3)	0,93	47,0 (2)	3,61	46,2 (3)	2,37
4. Ширина нижнего эпифиза	63,2 (4)	1,36	62,7 (2)	0,64	55,9 (4)	2,68	57,3 (3)	3,33
5. Наибольший диаметр середины диафиза	23,8 (4)	1,55	23,0 (3)	1,79	21,1 (6)	1,01	20,6 (5)	0,92
6. Наименьший диаметр середины диафиза	16,3 (4)	0,81	16,5 (3)	1,13	15,8 (7)	1,31	16,2 (5)	1,02
7. Наименьшая окружность диафиза	61,9 (4)	1,97	61,8 (4)	2,22	57,1 (7)	2,08	57,1 (5)	1,57
7а. Окружность середины диафиза	68,0 (4)	3,16	66,6 (3)	4,11	61,1 (6)	2,07	60,6 (5)	1,60
9. Наибольшая ширина головки	42,8 (3)	1,64	41,1 (2)	1,34	44,7 (1)	–	39,9 (5)	2,31
10. Вертикальный диаметр головки	44,5 (3)	1,25	44,3 (3)	0,87	41,5 (3)	3,24	41,7 (4)	2,21
7 : 1. Указатель прочности	18,8 (4)	0,89	18,4 (3)	0,40	18,4 (7)	0,95	18,6 (5)	0,69
6 : 5. Указатель поперечного сечения диафиза	68,8 (4)	4,42	71,7 (3)	4,58	73,8 (6)	8,55	78,9 (5)	7,76
<i>Лучевая – Radius</i>								
1. Наибольшая длина	254,7 (5)	8,26	252,6 (2)	1,41	248,4 (2)	10,47	234,3 (3)	23,48
2. Физиологическая длина	240,2 (5)	7,34	237,5 (2)	0,71	235,3 (3)	8,13	223,0 (3)	21,93
3. Наименьшая окружность диафиза	40,4 (5)	3,09	39,8 (3)	2,50	37,0 (2)	2,83	35,8 (3)	2,22
4. Поперечный диаметр диафиза	16,2 (4)	2,00	16,2 (3)	2,33	15,5 (2)	3,08	14,7 (3)	2,07
5. Сагиттальный диаметр диафиза	11,5 (4)	0,87	11,2 (3)	1,09	10,8 (2)	0,11	10,6 (3)	0,54
3 : 2. Указатель прочности	16,8 (5)	0,92	16,7 (2)	1,44	15,7 (2)	0,66	16,1 (3)	0,90
5 : 4. Указатель поперечного сечения диафиза	71,6 (4)	7,37	70,1 (3)	12,20	71,1 (2)	14,82	73,7 (3)	14,31
<i>Локтевая – Ulna</i>								
1. Наибольшая длина	277,5 (2)	3,54	273,6 (4)	6,47	256,7 (3)	18,56	256,0 (3)	21,63
2. Физиологическая длина	244,0 (3)	1,00	239,3 (4)	6,90	224,5 (3)	15,98	223,7 (3)	17,62
3. Наименьшая окружность диафиза	35,8 (4)	2,06	35,0 (4)	2,30	33,7 (3)	3,40	33,7 (3)	2,89
11. Сагиттальный диаметр диафиза	12,9 (2)	0,28	13,4 (4)	0,84	12,5 (3)	1,06	12,3 (3)	0,77
12. Поперечный диаметр диафиза	16,8 (2)	1,96	16,7 (4)	1,69	14,9 (3)	1,51	15,5 (3)	1,39
3 : 2. Указатель прочности	14,5 (3)	0,89	14,6 (4)	1,07	15,0 (3)	1,33	15,1 (3)	0,79
11 : 12. Указатель поперечного сечения диафиза	77,3 (2)	7,35	80,1 (4)	3,73	84,1 (3)	8,91	79,4 (3)	7,97
<i>Бедренная – Femur</i>								
1. Наибольшая длина	458,3 (5)	12,70	457,5 (5)	8,29	425,3 (5)	27,3	428,8 (6)	25,5
2. Длина в естественном положении	450,8 (4)	9,60	454,4 (5)	8,14	439,2 (3)	10,68	432,5 (5)	19,16
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	28,6 (5)	2,15	27,5 (5)	2,26	26,6 (6)	2,03	26,3 (6)	1,36
7а. Ширина середины диафиза	25,3 (5)	1,59	26,0 (5)	2,07	24,3 (6)	1,53	24,1 (6)	0,79

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
9. Верхний поперечный диаметр	28,6 (6)	1,19	28,8 (5)	1,15	28,2 (5)	2,29	27,2 (4)	2,84
10. Верхний сагиттальный диаметр	25,3 (6)	2,43	25,1 (5)	3,00	23,7 (5)	0,68	23,4 (4)	1,43
8. Окружность середины диафиза	86,1 (5)	4,50	85,3 (5)	6,18	80,3 (6)	3,25	80,0 (6)	2,63
18. Высота головки	48,0 (3)	2,81	46,9 (3)	0,81	42,6 (5)	2,16	44,4 (4)	1,77
19. Ширина головки	47,4 (4)	2,44	46,6 (2)	1,21	44,3 (4)	1,59	42,5 (5)	2,03
21. Ширина нижнего эпифиза	78,6 (2)	0,07	80,3 (5)	4,18	74,9 (4)	1,05	75,4 (2)	0,18
8 : 2. Указатель массивности	19,1 (4)	1,10	18,8 (5)	1,29	18,3 (3)	0,98	18,7 (5)	0,98
6 : 7а. Указатель пиластрии	113,3 (5)	9,98	105,7 (5)	2,04	110,0 (6)	12,37	109,2 (6)	6,21
10 : 9. Указатель платимерии	88,9 (6)	11,86	87,5 (5)	11,85	84,6 (5)	8,42	87,0 (4)	12,77
<i>Большая берцовая – Tibia</i>								
1. Полная длина	366,6 (4)	11,03	376,8 (3)	4,52	344,0 (4)	21,35	343,2 (3)	20,52
1а. Наибольшая длина	373,5 (4)	9,95	382,9 (3)	3,31	349,3 (2)	21,22	341,8 (2)	26,52
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	73,9 (1)	–	74,2 (1)	–	68,5 (1)	–	70,0 (2)	0,78
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	50,5 (1)	–	50,5 (2)	2,26	46,9 (3)	3,16	45,5 (1)	–
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	26,0 (4)	1,53	24,7 (2)	3,04	24,9 (3)	1,03	24,0 (1)	–
9. Поперечный диаметр середины диафиза	23,3 (4)	3,59	22,9 (2)	0,21	21,8 (3)	1,28	21,0 (1)	–
8а. Сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	30,2 (4)	2,83	29,6 (2)	5,55	29,4 (4)	0,86	29,6 (1)	–
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	24,9 (4)	2,86	24,0 (2)	1,45	24,7 (4)	1,42	23,3 (1)	–
10. Окружность середины диафиза	79,5 (4)	6,34	76,8 (2)	6,01	76,7 (3)	3,51	71,5 (1)	–
10в. Наименьшая окружность диафиза	72,1 (3)	3,59	70,3 (2)	4,60	67,9 (4)	3,63	66,8 (1)	–
9 : 8. Указатель поперечного сечения	89,8 (4)	13,50	93,4 (2)	10,65	87,5 (3)	4,01	87,4 (1)	–
9а : 8а. Указатель платикнемии	82,5 (4)	6,28	82,1 (2)	10,50	83,9 (4)	2,62	78,8 (1)	–
10b : 1. Указатель прочности	19,5 (3)	1,22	18,5 (2)	1,00	19,8 (4)	0,80	18,9 (1)	–
<i>Таз</i>								
II2. Наибольшая ширина	264,0 (4)	12,11	–	–	260,3 (3)	10,02	–	–
<i>Указатели и комбинированные признаки</i>								
R1 : H1. Луче-плечевой	78,1 (4)	2,31	77,1 (1)	–	77,7 (2)	3,64	75,9 (3)	4,61
R1 : T1. Луче-берцовый	69,6 (3)	1,99	67,0 (1)	–	70,1 (2)	2,99	69,6 (2)	3,09
H1 : F2. Плече-бедренный	71,9 (3)	1,17	70,5 (2)	2,02	72,7 (3)	1,56	72,3 (4)	1,84
T1 : F2. Берцово-бедренный	82,2 (2)	0,23	81,6 (2)	1,60	80,8 (3)	2,04	79,6 (3)	0,22
(H1+R1)/(F2+T1). Интермембральный	71,2 (2)	0,95	69,7 (1)	–	71,0 (2)	1,36	70,3 (2)	0,94
II2 : F2. Тазо-бедренный*	57,0 (3)	1,16	–	–	58,3 (2)	3,19	–	–
FH : F2*	10,1 (5)	0,43	–	–	10,4 (5)	0,60	–	–
Рост (по формуле Троттер и Глезер)	172,2 (6)	2,55	–	–	159,9 (6)	6,28	–	–

*Для бедренной кости используются усредненные данные обеих сторон.

Троттер и Глезер [Trotter, Gleser, 1958], составляет 172 см у мужчин и 168 см у женщин. Соотношение наибольшей ширины таза и длины бедренной кости отражает тенденцию к долихоморфности общих размеров тела. Относительная ширина эпифизов, характе-

ризующая массивность длинных костей конечностей, невысокая. Весо-ростовой указатель, в качестве эквивалента которого может служить соотношение ширины головки и длины бедренной кости, также невысокий. Отмеченные особенности сближают барангольскую

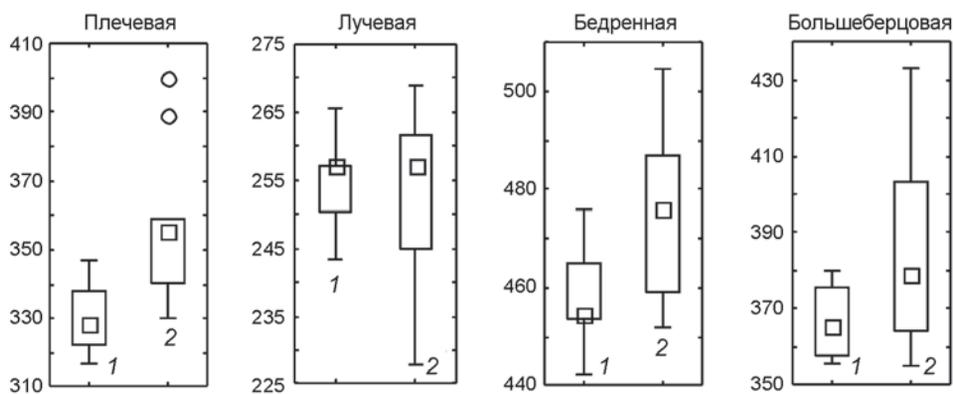

Рис. 6. Диаграмма размаха продольных размеров длинных костей конечностей (правая сторона, мужчины). 1 – Барангольский некрополь; 2 – пазырыкская культура Юго-Восточного Алтая (суммированы данные Т.А. Чикишевой [1994] и неопубликованные данные по Кызыл-Джару С.С. Тур, М.П. Рыкун).

группу с носителями пазырыкской культуры Юго-Западного Алтая [Чикишева, 1994] (а также неопубликованные данные С.С. Тур, М.П. Рыкун) и отличают от синхронного населения лесостепного Алтая [Тур, Рыкун, 2015] и Тувы [Радзюн, Казарницкий, 2011]. Несмотря на общее сходство, в морфологии посткраниального скелета обитателей нижней Катунь и Юго-Восточного Алтая скифского времени прослеживаются некоторые особенности. У мужчин барангольской группы продольные размеры длинных костей конечностей и, соответственно, длина тела меньше. Известно, что ростовые процессы в значительной мере зависят от питания. Сокращение в диете доли белкового компонента нередко приводит к уменьшению длины тела, особенно у мужчин. К сожалению, сравнительные материалы очень малочисленны, и отмеченные различия могут иметь случайное происхождение. Необходима более представительная выборка.

Одним из важных индикаторов палеодиеты является зубной кариес – заболевание, характеризующееся очаговым разрушением твердых тканей зуба под действием кислот, которые образуются в результате ферментации углеводов бактериями, содержащимися в зубном налете. Согласно клиническим и экспериментальным данным, высокая частота кариеса связана с потреблением сахаров и термически обработанных крахмалов. Диета, богатая белками и жирами, наоборот, ассоциируется с очень низкой частотой этого заболевания. Таким образом, кариес может служить своего рода индикатором соотношения в диете продуктов животного и растительного происхождения.

В исследованной выборке кариес довольно широко распространен – заболевание охватывало 84,6 % (22 из 26) взрослых старше 20 лет. Признаки кариеса были отмечены в общей сложности на 18,9 % (90 из 485) зубов из числа всех обследованных и чаще встречались у женщин, чем у мужчин (20,3 против 16,9 %), однако половые различия статистически незначитель-

ны ($p = 0,436$). Увеличение частоты этого заболевания в мировом масштабе в определенной мере коррелирует с развитием земледелия [Turner, 1979]. Число кариозных зубов в земледельческих группах, как правило, превышает 7 % [Larsen, Shavit, Griffin, 1991]. Подчеркнем, что на Северном Алтае крупные запасы злаков (15 кг пшеницы мягкой, обыкновенной) эпохи раннего железа известны в пещерных хранилищах (Денисова пещера) в верхнем течении р. Ануй [Деревянко, Молодин, 1994, с. 105, 166].

Судя по датировке курганных групп Майма IV, Чултуков Лог-1, -2, Барангол-1, -2, -4, носители пазырыкской культуры проживали на севере Горного Алтая с рубежа VI–V вв. до н.э. до начала II в. до н.э., что соответствует общей хронологии существования этой культуры на всей территории Горного Алтая. С археологической точки зрения однокомпонентность Барангольского некрополя позволяет иначе оценивать тезис о пестроте населения в эпоху раннего железа на средней и нижней Катунь [Жирюшин, Степанова, 2004]. В настоящее время очевидно, что здесь присутствуют как многокомпонентные (Кайнду-1, Чултуков Лог-1), так и однокомпонентные (Барангол-1, -2, -4, Чултуков Лог-2) синхронные погребальные комплексы. Это отражает не только различную степень интеграции населения разного происхождения, но и интенсивность культурных контактов, получивших отражение в погребальной обрядности. Следует подчеркнуть, что с антропологической точки зрения однокомпонентность группы населения, оставившего Барангольский некрополь, не подразумевает его гомогенность.

Расположение погребальных памятников (Майма IV, VI, XIX; Чултуков Лог-1, -2; Барангол-1, -2, -4) эпохи раннего железа в долине нижней Катунь на расстоянии 15–25 км относительно друг друга позволяет предполагать синхронное существование нескольких территориальных групп населения. Расстояние между

некрополями соответствовало однодневному конному переходу. Для них характерно расположение не вдалеке от летних стоянок. Это подтверждает керамический комплекс Барангольского некрополя, который аналогичен керамике на соседнем сезонном (летнем) поселении Муны-1 [Borodovsky, 1995; Бородовский, 2001].

Интенсивные культурные контакты отражает и типология поселений Северного Алтая эпохи раннего железа, предложенная М.Т. Абдулганеевым и В.Н. Владимировым. Наряду с двумя типами быстрианских поселений (тип 3, 4) выделяется смешанная группа (тип 6), распространенная от лесостепи до гор и относящаяся по керамическому материалу к различным археологическим культурам (поселение Майма I) [Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 49, 51–59]. Еще одна типология поселений Горного Алтая эпохи раннего железа была разработана П.И. Шульгой [1990, с. 11, 12]. Несмотря на критику [Бородовский, 2000] неоправданного выделения поселений с преимущественно земледельческой или скотоводческой деятельностью для горной долины нижней Катунь, вполне обоснованно существование третьего типа – с комплексным хозяйством. Эта разновидность, очевидно, является специфичной для данной территории. Для средней Катунь в пазырыкское время характерны поселения, типичные для остепненной зоны, население которой вело полукочевой образ жизни, обусловленный сезонными откочевками на высокогорные пастбища [Миронов, 2000, с. 12].

Особенности экономического потенциала пазырыкского населения горной долины нижней Катунь нашли отражение в палеоантропологических материалах Барангольского некрополя. Высокая частота кариеса в выборке свидетельствует в пользу того, что население помимо скотоводства занималось земледелием. Распространение этого заболевания у скотоводов степных и лесостепных районов Сибири в эпоху раннего железа обнаруживает существенные межгрупповые различия [Кошкин, 1974; Медникова, 2005; Мерфи, 2001, с. 140; Чикишева, 2003, с. 76; Ражев, 2009, с. 326]. Наиболее высокая частота кариеса (10,6 % зубов) отмечалась в долине средней Катунь [Тур, Рыкун, 2011]. У пазырыкцев Юго-Восточного Алтая он встречался относительно редко (1,8 % зубов). В лесостепных районах Верхнего Приобья частота кариеса была существенно выше, чем в степных, однако ниже, чем на средней Катунь [Там же]. Новые данные, полученные при изучении материалов Барангольского некрополя, показывают, что эпицентром распространения этого заболевания в эпоху раннего железа являлась горная долина нижней Катунь. Здесь не только общая частота кариеса достигает максимальных значений, но и, в отличие от средней Катунь, сокращается разрыв в заболеваемости мужской и женской части населения.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что по материалам Барангольского некрополя региональное своеобразие северного локального варианта пазырыкской культуры в горной долине нижней Катунь достаточно отчетливо проявляется в особенностях хозяйствования. Для хозяйства эпохи раннего железа Северного Алтая характерно сочетание общих черт скотоводческой экономики (разнообразие стад мелкого рогатого скота) и специфики, связанной с более значительным удельным весом земледелия.

О занятиях скотоводством населения, оставившего Барангольский некрополь, можно судить по результатам анализа остеологических материалов (курдючных костей овец «жертвенной пищи») из погребений Барангола-1, проведенного А.Д. Гальченко. Они позволяют говорить о наличии тонкорунных овец, дававших шерсть высокого качества (не уступала шерсти мериносов). Подчеркнем, что овечья шерсть из Пазырыкских курганов, по мнению С.И. Руденко, дает основания для выделения трех пород овец: грубошерстных, слабожирнохвостых, тонкорунных [1953, с. 73]. Однако количество скота в горной долине нижней Катунь традиционно было несравнимо меньше, чем на более южных и северных остепненных территориях. Например, при освоении этой долины русскими в середине XIX столетия мигранты очень быстро столкнулись с проблемой ограниченности пастбищных угодий вследствие залесенности. Косвенно о таких особенностях может свидетельствовать значительно меньшее количество сопроводительных захоронений коней в пазырыкских погребениях Северного Алтая.

Удельный вес земледелия в хозяйстве населения эпохи раннего железа в долине нижней Катунь, несомненно, был выше в сравнении не только с более южными районами Горного Алтая, но и с близлежащей территорией средней Катунь. Антропологические материалы в полной мере отражают такие особенности. С одной стороны, они демонстрируют явное соответствие уровня гетерогенности населения, оставившего Барангольский некрополь, таковому других пазырыкских групп Горного Алтая; с другой – свидетельствуют о своеобразии хозяйствования этого населения, явно в большей степени связанного с земледелием, чем носители пазырыкской культуры на более южных территориях.

Пазырыкские традиции также представлены в предметном комплексе Барангольского некрополя. Например, для женских захоронений этого погребального комплекса характерны головные уборы-парики, окрашенные в черный цвет и заколотые бронзовыми шпильками с круглыми деревянными резными навершиями (см. рис. 3, 17, 18). Они яв-

ляются одним из наиболее типичных элементов пазырыкской культуры [Кубарев, 1987, с. 135; 1991, с. 111, табл. LXII, 5; Феномен..., 2000, с. 78, 163–167]. Кроме того, в целом ряде женских захоронений эпохи раннего железа в горной долине нижней Катунь (Барангольский некрополь, Чултуков Лог-1) головные уборы-парики были украшены длинными заколками (триквестрами) (см. рис. 3, 16). Полиметаллические (железо, медь, золото) триквестры известны в погребальных комплексах раннего железного века на Северном Алтае (Суртайка-1, Покровский Лог, Черный Ануй-3, Верх-Еланда II) и в Туве. Однако их частота встречаемости и разнообразие в погребениях эпохи раннего железа в горной долине нижней Катунь (Майма IV и XIX, Чултуков Лог-1, Барангол-1, -2) позволяют рассматривать это украшение как характерный палеоэтнографический элемент северного варианта пазырыкской культуры [Бородовский, Бородовская, 2009].

В заключение хотелось бы особо отметить, что комплексное археолого-антропологическое исследование некрополей эпохи раннего железа на Северном Алтае является наиболее эффективным методом решения проблем феномена поликультурности [Савинов, 2002, с. 155] на территории Южной Сибири во второй половине I тыс. до н.э. В рамках этого историко-культурного явления детальная характеристика одно- и многокомпонентных погребальных комплексов позволяет формировать наиболее объективное представление о происхождении и контактах различных этнотерриториальных групп населения Горного Алтая эпохи раннего железа.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н.** Типология поселений Алтая VII–II вв. до н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – 148 с.
- Бородовский А.П.** Вторичные погребения эпохи раннего железа на нижней Катунь (по материалам Барангольского некрополя) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – Вып. XI. – С. 197–200.
- Бородовский А.П.** Многослойный поселенческий комплекс Муны на нижней Катунь // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии Горно-Алт. гос. ун-та. – 2001. – № 7. – С. 56–67.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Триквестры скифского времени Северного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 51–55.
- Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.** Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 220 с.
- Дашковский П.К.** Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский Дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. – Иркутск, 2011. – С. 160–163.
- Дашковский П.К., Мейкшан И.А.** Исследование курганов скифского времени на могильниках Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – Вып. XX. – С. 94–100.
- Деревянко А.П., Молодин В.И.** Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – 260 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени средней Катунь. – 292 с.
- Кошкин Г.А.** Распространенность кариеса у людей тагарской культуры // Изв. лаборатории археологических исследований / Кем. гос. пед. ин-т. – 1974. – Вып. 5. – С. 68–71.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 304 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с., 80 с. табл.
- Медникова М.Б.** Палеоэкология Центральной Азии по данным антропологии // Антропоэкология Центральной Азии. – М.: Науч. мир, 2005. – С. 256–289.
- Мерфи А.М.** Обзор результатов палеопатологического анализа погребений скифского периода на могильнике Аймырлыг (Тува) // Археол. вести. – 2001. – № 8. – С. 125–150.
- Миронов В.С.** Культура населения Средней Катунь в скифское время: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000. – 19 с.
- Могильников В.А.** Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986а. – С. 35–67.
- Могильников В.А.** К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1986б. – С. 29–32.
- Радзюн А.Б., Казарницкий А.А.** Osteометрическая характеристика населения скифского времени из могильника Аймырлыг // Вестн. антропологии: науч. альманах. – 2011. – Вып. 19. – С. 130–138.
- Ражев Д.И.** Биоантропология населения саргатской культуры. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 492 с.
- Руденко С.И.** Культура населения горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.
- Савинов Д.Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея: археологические культуры и культурогенез. – СПб.: Изд. дом СПб. гос. ун-та, 2002. – 202 с.
- Степанова Н.Ф., Неверов С.В.** Курганный могильник Верх-Еланда II // Археология горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 11–24.
- Тур С.С.** Антропологический состав населения Средней Катунь скифского времени (внутригрупповой анализ) // Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Ч. 2: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Прил. II. – С. 137–169.
- Тур С.С.** Краниологические материалы из могильников северных предгорий Алтая скифского времени // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 253–257.

Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы пазырыкской культуры из могильников в урочище Кызыл-Джар // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии / Горно-Алт. гос. ун-т. – 2004. – № 12. – С. 32–48.

Тур С.С., Рыкун М.П. Заболеваемость зубным кариесом среди населения Алтая скифского времени // Экология древних и традиционных обществ: сб. докл. конф. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 341–344.

Тур С.С., Рыкун М.П. Сравнительный анализ посткраниального скелета скотоводов лесостепного Алтая эпохи бронзы и скифского времени // Человек и Север: Антропология, археология, экология: мат-лы Всерос. конф., г. Тюмень, 6–10 апреля 2015 г. – Тюмень, 2015. – Вып. 3. – С. 43–46.

Феномен алтайских мумий / под. ред. А.П. Деревянка, В.И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 157–174.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 63–120.

Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 18 с.

Bocquet J.-P. Une approche de la fécondité des populations inhumes // Bull. et Mémoires de la Soc. d'anthropologie de Paris. Sér. XIII. – 1979. – Т. 6, fasc. 3. – P. 261–268.

Bocquet J.-P., Masset C. Estimateurs en paléodémographie // L'Homme. – 1977. – Vol. 17. – P. 65–90.

Borodovsky A.P. Cultural Genesis and Infiltration of Early Population in the Lower Katun River during the Paleometal Period: Material from the Multilayered Site Muny 1 // J. of Korean Ancient Historical Soc. Hanguk Sanggosa Hakbo. – 1995. – N 20. – P. 269–301.

Chamberlain A. Demography in Archaeology. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 235 p.

Guy H., Masset C., Baud C.-A. Infant Taphonomy // Intern. J. of Osteoarchaeology. – 1997. – Vol. 7. – P. 221–229.

Hewlett B.S. Demography and Childcare in Preindustrial Societies // J. of Anthropol. Res. – 1991. – Vol. 47, N 1. – P. 1–37.

Larsen C.S., Shavit R., Griffin M.C. Dental Caries Evidence for Dietary change: an Archaeological Context // Advances in Dental Anthropology / eds. M.A. Kelley, C.S. Larsen. – N.Y.: Wiley-Liss, 1991. – P. 179–202.

Trotter M., Gleser G. A re-evaluation of estimation of stature based on measurements of stature taken during life and of long bones after death // Am. J. of Phys. Anthropol. – 1958. – Vol. 16. – P. 79–123.

Turner C.G., II. Dental Anthropological Indications of Agriculture among the Jomon People of Central Japan // Am. J. of Phys. Anthropol. – 1979. – Vol. 51. – P. 1035–1046.

Ucko P.J. Ethnography and Archaeological Interpretation of Funerary Remains // World Archaeology. – 1969. – Vol. 1. – P. 262–280.

*Материал поступил в редколлегию 22.02.15 г.,
в окончательном варианте – 12.03.15 г.*

УДК 572.029; 572.795

Г.А. Аксянова*Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия
E-mail: gaksyanova@gmail.com***РУССКОУСТЬИНСКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН***375-летию Русского Устья
и его старожилам посвящается

Впервые публикуются результаты нового антропологического обследования русских старожилов Сибири в низовьях р. Индигирки. Летом 2013 г. нами обследовано 216 чел. взрослых русскоустынцев, а также детей школьного возраста разных национальностей из числа коренных жителей Аллаиховского улуса Республики Саха (Якутия). Приведены данные опроса по этнической генеалогии выборки, материалы по ее фамильному и расовому составу. На карте антропологических типов Сибири русскоустынцы представляют эндемичный морфологический вариант группы смешанного происхождения. В его основе европейский комплекс внешности при определенной мозаичности (противоречивости) черт из-за проявлений азиатской монголоидной тенденции. В целом по данным физической антропологии современная выборка русскоустынцев ближе всего к северным коми и русским, а также к национально-смешанным группам европейско-азиатского пограничья.

Ключевые слова: *русские старожилы, Якутия, Русское Устье, физическая антропология, этническая идентичность, фамилии, физический тип популяции, метисация.*

Г.А. Аксянова*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
Leninsky Pr. 32a, Moscow, 119991, Russia
E-mail: gaksyanova@gmail.com***RUSSKOYE USTYE: ANTHROPOLOGICAL STUDY**

Results of a new multidisciplinary study of the descendents of Russian Old Settlers in Siberia are outlined. In summer 2013, 216 adults and schoolchildren, Russians and Siberian natives, were studied at Russkoye Ustye on the Indigirka River, Yakutia, with regard to origin, ethnic identity, surnames, and physical type. This is an admixed group revealing mostly Caucasoid and, to a lesser extent, Mongoloid ties, and trait combinations are occasionally mosaic. Based on the combination of diagnostic features, the closest groups are northern Komi and northern Russians as well as admixed populations of the contact zone between Europe and Asia.

Keywords: *Russians, Old Settlers, Yakutia, Russkoye Ustye, physical anthropology, ethnic identity, surnames, population, physical type, admixture.*

DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.142-155

Введение

Этнографическая группа русских старожилов заполярной части Сибири – русскоустынцы – постоянно

*Работа выполнена в рамках государственной целевой программы «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков Республики Саха (Якутия)».

проживает сейчас в двух населенных пунктах нижней Индигирки, неразрывно связанных тесным социальным контактом: это село Русское Устье и поселок городского типа Чокурдах, центр Аллаиховского улуса Республики Саха (Якутия)*. Часть населения

*В настоящее время часть потомков старожилов Русского Устья постоянно живет в г. Якутске, где в составе обще-

несколько месяцев в году проводит на небольших рыболовных участках. Из традиционных промысловых занятий товарного назначения в настоящее время сохранилось только речное рыболовство, которое служит экономической базой для большинства местного населения. Транспортное собаководство и пушная охота (добыча соболя) как массовое явление, необходимое для жизнеобеспечения, а в советское время и для выполнения плана, ушли в прошлое. Этнографическая и лингвистическая специфика русскоустыинцев на фоне остального местного населения в повседневной жизни сейчас практически не выражена. Но это не касается всего, что связано с историей старожильческой группы и ее фольклора. Местное население, включая представителей коренных малочисленных народов, в равной мере затронул урбанизированный образ жизни; все свободно владеют литературным русским языком (подробнее об истории группы и ее современном положении см., напр.: [Чикачэв, 2007, 2010; Дружинина, 2013; Зензинов, 1914; Вахтин, Головкин, Швайтцер, 2004]). В районе действуют три рыболовецкие общины и три культурно-этнографических объединения, в которых этническая составляющая играет важную, но все же не определяющую роль. Эта ситуация отражает исторически сложившееся в последние столетия совместное проживание в низовьях Индигирки юкагиров и эвенов, русских и якутов, приводившее к новым межэтническим контактам и росту числа национально-смешанных браков.

Русское старожильческое население Сибири впервые вошло в круг научных интересов исследователей на рубеже XIX–XX вв. при изучении аборигенов Якутии [Геккер, 1896; Майнов, 1900, 1912]. В 1920-х гг. в ходе масштабной антропологической работы на Алтае были обследованы также русские и русско-алтайские потомки [Ярхо, 1947], в 1940-х – камчадалы и русские старожилы Камчатки [Дебеч, 1951]. Позднее эти группы были изучены по новым антропологическим методикам (И.В. Перевозчиков и др.). Дважды обследованы потомки старожильческого и староверческого населения в Забайкалье (И.М. Золотарева, В.В. Бунак). Целенаправленное и широкое изучение русских старожилых Сибири проведено сотрудниками Института этнографии АН СССР в 1960-х гг., что нашло отражение в ряде серьезных научных публикаций В.В. Бунака, Г.М. Давыдовой, В.П. Алексеева с соавторами. Тогда были обследованы по нескольким методическим программам старожильческие группы на Алтае, Енисее и Ангаре, в Забайкалье, на Олёкме и Индигирке. Наи-

более полная публикация этих материалов представлена в хорошо известной специалистам книге «Русские старожилы Сибири» [1973]. Небольшой раздел здесь посвящен и русскоустыинцам, кратко рассмотренным как «метисы индигирские». Сравнение этой выборки с енисейскими русскими, якутами и ламутами/эвенами показало ее приближение к сибирским народам, в первую очередь к якутам.

Сравнительный анализ особенностей кожных узоров в тех же старожильческих группах Сибири провела Н.А. Долинова [1992]. По этим данным русскоустыинцы в среднем ближе к этнически русским выборкам – европейским и сибирским. Однако специфичным для них оказалось мозаичное по расовой направленности сочетание высокого дельтового индекса, не уступающего значению у сибирских народов, и высокого индекса Камминса, что характерно уже для европейцев.

При анализе данных старожильческой группы необходимы корректные сведения по антропологии аборигенных народов. Такие сведения по физическому типу северных групп получены в середине прошлого века Г.Ф. Дебечом [1951] и И.М. Золотаревой – участницей Юкагирской (Колымской) экспедиции 1959 г. [1968, 1975а]. Среди аборигенного населения Сибири специалистами выделяется несколько групп антропологических типов (рас): байкальская – распространена у тунгусоязычных народов и юкагиров, центрально-азиатская – характерна для монголоязычных народов и восточно-сибирских тюрков, арктическая – представлена на Чукотке и Камчатке, уральская – в Западной Сибири, южно-сибирская – у аборигенов Алтае-Саянского нагорья.

Новое антропологическое обследование русских старожилых устья Индигирки проведено мною летом 2013 г. в составе этнографо-антропологической научной группы сотрудников Института этнологии и антропологии РАН (Москва) и Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИИПМНС) СО РАН (Якутск). Цель исследования – изучение формирования и современного развития старожильческих групп в Сибирской Арктике, предмет – антропологический состав русских старожилых северных районов Якутии в начале XXI в.

В 2013 г. в Якутии отмечался 375-летний юбилей русской старожильческой популяции Сибири, которая сложилась за полярным кругом в районе одного из рукавов устья Индигирки, названном Русское Устье. В этнографической литературе группа известна по географическому этнониму как русскоустыинцы или индигирщики/индигирцы. Полевые материалы в современной популяции старожилых получены в 10-дневный срок – исключительно короткий для Крайнего Севера из-за территориальной

ственной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» есть секция русских арктических старожилых.

удаленности района и малочисленности его населения*. Профессиональная часть полевой работы и лабораторная обработка данных проводилась мной при организационной и финансовой поддержке ИГиПМНС СО РАН.

Примененные методы исследования являются традиционными в физической антропологии, их научное использование в исторических целях практикуется не одно десятилетие: это расовая морфология (соматология), зубная морфология (одонтология), отдельные биологические маркеры (тип ушной серы и др.), антропологическая фотография; методы вариационной статистики, графический анализ. Комплексный антропологический подход к этногенетической проблеме формирования одной из групп русских старожилов северных районов Российской Федерации позволил сделать методологически важный вывод о соотношении результатов анализа по разным системам антропологических признаков.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования являются выборки постоянного населения Аллаиховского улуса Республики Саха (Якутия). В июле–августе 2013 г. в пгт Чокурдах и с. Русское Устье было обследовано 216 чел.:

1) взрослые (17–65 лет) потомки русских старожилов Индигирки (русскоустыинцы) – 57 мужчин и 44 женщины; большинство сфотографировано по цифровой технологии в соответствии с методом антропологического портрета – в трех проекциях;

2) дети школьного возраста (7–17 лет, оба пола) – этнические русские, якуты, эвены, юкагиры, в т.ч. потомки национально-смешанных браков; 101 чел. в Аллаихе и 14 чел. из других арктических районов Якутии.

В настоящей работе в основном рассматриваются материалы по классической расоведческой программе, этнической генеалогии и фамильному составу изученной выборки русскоустыинцев. При анализе антропологических данных использованы методы многомерной статистики в компьютерном пакете Statistica (кластерный анализ, факторный анализ, многомерное шкалирование).

Расоведческая программа наиболее полно разработана именно в отечественной антропологии как популяционное направление в биологии человека. Она включает измерительные (количественные, кефалометрические) и описательные (качественные, кефалоскопические) признаки головы и лица, а также

обязательно длину тела – всего более 50 первичных определений на одном человеке. Все маркеры являются фенами, которые имеют генетическую природу и обладают диагностической ценностью для выявления морфогенетического сходства между группами. Таксономическое поле представлено евразийским, европеоидно-монголоидным континуумом многообразных антропологических типов среди коренного населения Северной Евразии. Большое разнообразие физической внешности автохтонных народов обширного циркумполярного пояса, взаимодействие европейских переселенцев и аборигенов северо-востока Азии, сопряженность этнических и расогенетических процессов обуславливают целесообразность применения здесь расоведческой программы. Представляются актуальными также географический и собственно биологический аспекты полученных на Индигирке материалов, поскольку антропологический ландшафт даже арктических территорий меняется с течением времени, а смешение народов и рас – один из механизмов этих изменений.

Генеалогический состав выборки по этническим компонентам устанавливался как усредненная доля предков определенной национальности на основе индивидуального углубленного опроса каждого обследованного лица во время заполнения анкетных данных в антропометрическом бланке или рабочей тетради. Работа с похозяйственными книгами и записями актов гражданского состояния не проводилась, что является стандартным подходом в краткосрочных расоведческих исследованиях. К тому же в постсоветской России сведения о национальности не обязательны при заполнении персональных данных в любых документах. Во время устного очного анкетирования выяснялась этническая самоидентификация индивида, а на основе его генеалогической памяти также национальность двух предыдущих поколений. Дополнительные сведения уточняющего характера вносились после опроса родственников и местных жителей старшего поколения.

При определении фамильного состава изученной выборки и выраженности полового диморфизма по комплексу черт ее физической внешности применялись авторские методики. Их подробное описание и статистическая апробация опубликованы в доступных научных изданиях, на которые даны ссылки в тексте статьи.

Результаты и обсуждение

Старожильческая популяция русскоустыинцев, которая сформировалась в XVIII–XIX вв. в низовьях Индигирки, никогда не была изолированной группой в социальном и биологическом отношении. На нача-

*Огромную помощь при сборе материала оказала руководитель проекта и нашей полевой группы С.Е. Никитина (г. Якутск), за что выражаем ей глубокую благодарность.

ло XXI в. это популяция среднего уровня генетической открытости. Браки традиционно заключаются с представителями любых народов (азиатских и европейских). Из сибирских этносов основным брачным партнером выступает наиболее многочисленная здесь этническая группа – якуты. У взрослого населения русскоустыинцев, по данным анкетирования, доля якутского генофонда сейчас в 2–3 раза больше, чем собственно арктических народов, которых самые ранние европейские переселенцы встретили в Заполярье (юкагиры, эвены, чукчи). Однако за последние 50–60 лет она уменьшилась за счет пришлого европейского населения (табл. 1). Источником азиатской монголоидной составляющей генофонда чаще всего

были местные женщины разных национальностей и их потомки. Это универсальная модель брачного поведения для русских-сибиряков, кроме старообрядцев. В исследованных выборках взрослого населения преобладает русский этнический компонент (преимущественно собственно русскоустыинский). Доля же другого европейского компонента не превышает 9 %. Азиатский монголоидный компонент составляет от 15 % в мужской выборке до 24 % в женской.

Этническая самоидентификация. В исследованных выборках взрослого населения это преимущественно «русские» (редко «местнорусские», что ранее в Чокурдах имело негативную коннотацию).

Таблица 1. Генеалогический состав всех выборок по данным устного опроса обследованных лиц, %

Выборка	Этническая самоидентификация						Доля этнического компонента в генофонде					
	Русские	Якуты	Эвены	Юкагиры	Прочие	Не определены	Русский (в т.ч. русскоустыинский)	Другой европейский	Якутский	Эвенский	Юкагирский	Другой азиатский
<i>Взрослые русскоустыинцы</i>												
Мужчины (57 чел.)	95*	1,8	0	1,8	1,8 (татарин)	0	77 (63)	7**	11	0,3	3	Чукчи – 0,6, буряты – 0,3
Женщины (44 чел.)	89*	7	0	4,5	0	0	67 (54)	9**	16	3	4,5	Чукчи – 0,3, буряты – 0,6
<i>Дети (школьный возраст, оба пола)</i>												
Русские старожилы, нижняя Индигирка (16 чел.)	100	0	0	0	0	0	95 (70)	ок. 5 укр., бел.	0	0	0	0
Сибирские народы (25 чел.)	0	64	24	0	4 (киргизка)	8	0	0	61	34	1	Буряты – 2, киргизы – 2
Метисы русско-сибирские суммарно (65 чел.)	45*	25	17	6	0	8	48*** (16)	Редкие случаи: укр., бел., молд., пол., евр., тат., чув., башк. в числе предков	34	11	4	0
В том числе:												
русско-якутские (34 чел.)	56*	35	0	0	0	9	52*** (19)	Редкие случаи: укр., бел., тат., чув.	44	0	0	0
с юкагирским компонентом (12 чел.)	50	8	0	33	0	8	52*** (19)	Редкие случаи: укр., бел., пол., евр.	20	0	23	0
с эвенским компонентом (19 чел.)	21	16	58	0	0	5	36*** (10)	Редкие случаи: укр., молд., башк.	24	38	0	0

Примечания: показатели по возможности округлены. В детских выборках только индивиды, у которых взяты восковые отпечатки зубов.

* Учтены отдельные случаи украинской или белорусской идентичности.

** В числе предков есть украинцы (укр.), белорусы (бел.), молдаване (молд.), поляки (пол.), немцы, евреи (евр.), татары (тат.), чуваша (чув.), башкиры (башк.).

*** Учтены также редкие случаи других европейских компонентов (указаны в следующей графе).

Несколько человек, чаще среди женщин, приписывают себя к другим народам на основе своей родословной (якутам, юкагирам, татарам, украинцам, белорусам). Русский язык назвали родным 98 % опрошенных мужчин и женщин (остальные – якутский или русский и якутский).

Фамильный состав. Его можно определить как умеренно разнообразный, что характерно для европейских и западно-сибирских приполярных или среднетаежных групп, включая метисные популяции: коэффициент разнообразия (доля разных фамилий в общей численности выборки) варьирует слабо – 0,456–0,477, кроме рассчитанного по паспортным данным у женщин – 0,727 [Аксянова, 2007]. В мужской выборке наиболее распространенными являются фамилии Киселёв и Чикачёв (по 15,8 %), Портнягин (14,0 %), Черёмкин (7,0 %, в т.ч. у одного, считающего себя татаринком по национальности матери), Шкулёв (7,0 %). Ровкин и Шахов – по 3,5 %, остальные – по 1,8 %: Банщиков, Бердников, Варякин, Дондя (Чикачёв по матери), Дудко, Ефимов (самоидентификация «якут»), Зуев, Ильин, Казаков, Кунаков, Кузьмин, Петренко, Стрюков, Суздалов («юкагир»), Федорцов, Хохлов, Чернецкис, Щелканов, Щербачков. Самая пестрая родословная по составу азиатских предков у носителей фамилии Шкулёв.

В женской выборке наиболее распространены фамилии (по паспортным данным) Портнягина (13,6 %), Ефимова (9,1 %, в т.ч. у одной, считающей себя якуткой), Киселёва (6,8 % в т.ч. у одной «якутки»). Чикачёва, Щербачкова – по 4,5 %, остальные – по 2,3 %: Аржакова, Баркова, Бердникова, Бурнашёва, Климова, Колесник, Кучукова, Малышева, Моржова, Минеева (самоидентификация «юкагирка»), Мясоедова, Потапова («якутка»), Петренко, Распутина, Ровкина, Солдатова, Стрюкова, Титова, Рудницкая, Терентьева («юкагирка»), Уланова, Чернецкис, Черниговская, Чикина, Шкулёва, Щелканова, Яковлева. Фамильное разнообразие в этом случае на высоком уровне и значительно превосходит разнообразие девичьих фамилий в той же группе.

Внешние физические особенности. Можно сказать, что русскоустыинцы воплощают физический тип здорового крепкого мужчины – пропорционально сложенные, атлетические, без избыточной массы тела, быстрые и ловкие, среднего или высокого роста, с привлекательными лицами во всем их многообразии. Данные классической расоведческой программы описания внешности представлены в табл. 2. В мужской выборке выделены две подгруппы в зависимости от наличия (со слов обследованных) иноэтничной примеси. Вторая подгруппа (национально-смешанные) по большинству признаков отчетливо демонстрирует отклонение в сторону монголоидного центрально-азиатского типа, который среди местных этнических общ-

ностей характерен для якутов: длина головы уступает физиономической высоте лица, нособровное расстояние увеличено, лицо и нос более высокие и относительно более узкие, чем в первой подгруппе, борода развита слабее, чаще встречаются радужины темных оттенков и извилистая форма спинки носа, лицо немного более уплощено, переносье более низкое, губы утолщены. При этом различия между подгруппами не очень заметны внешне, что доказывают обобщенные фотопортреты (рис. 1).

На популяционном уровне, т.е. по усредненным выборочным данным, суммарная мужская выборка демонстрирует очень специфическое сочетание европеоидных, монголоидных и промежуточных признаков. В европеоидно-монголоидном масштабе она характеризуется следующими особенностями физического типа. Длина тела у мужчин немного выше среднего уровня (169,3 см), голова среднеширокая (мезокефальная – головной указатель 78,6 %), лицо удлиненное, среднеширокое, нескуластое и профилированное, т.е. без уплощенности, губы средней толщины. Характерны очень большая физиономическая (полная) высота лица, очень высокий и широкий лоб. С заметной частотой (19,3 %) отмечена монгольская складка века – эпикантус (часто лишь в редуцированной форме). Преобладает слабое развитие бороды. Волосы на голове прямые и темные, отмечен иссиня-черный оттенок (12 %); тугие или волнистые встречаются относительно редко. Частота светлых радужин низкая в сравнении с европейскими группами русских. Нос хорошо выступающий, в среднем с пониженным переносьем и разной формой спинки (преобладает прямая, реже встречается вогнутая). Следует отметить ряд примечательных деталей, например, характерную для северных монголоидов форму бровей (расширенные и редкие в наружной трети), случаи абсолютно прямых волос на голове, при этом мягких, встречающиеся веснушки на лице (часто у женщин) и очень светлую кожу на теле. У монголоидного населения веснушки – редкость, этим признаком обладают в основном европейцы. Данный элемент внешности русскоустыинцев – следствие значительной депигментации кожи в условиях пониженной инсоляции и относительной изолированности группы. Дополнительно следует обратить внимание на важный момент: у рыбаков лицо часто сильно загорелое, тогда как на закрытых участках тела кожа у мужчин в 85 % случаев очень светлая. То же мы наблюдали у оленеводов – нганасан, аборигенов Таймыра. Аналогичное соотношение, возможно впервые в научной литературе, описал Ю. Талько-Грынцевич [1902] у коренных народов Байкальского региона. Упоминания о смуглости людей Севера базируются прежде всего на цвете кожи лица. Это не соответствует научной методике оценки

Таблица 2. Антропологическая характеристика физической внешности русских старожилков Индигирки (русскоустыинцы)

Признак	Мужчины			Женщины, суммарно*
	без зарегистрированной инородничной примеси	национально-смешанные*	суммарно*	
1	2	3	4	5
Численность выборки	26	31	57	44
Средний возраст, лет	38,1	34,9	36,4	41,0
Длина тела, см	168,7	169,8	169,3	156,9
Продольный диаметр головы, мм	196,9	196,5	196,7	184,3
Поперечный диаметр головы, мм	154,2	155,0	154,6	149,3
Наименьшая ширина лба, мм	111,5	110,4	110,9	108,2
Скуловой диаметр, мм	143,7	143,3	143,5	137,1
Нижнечелюстной диаметр, мм	108,7	110,5	109,6	104,2
Физиономическая высота лица, мм	196,3	196,8	196,6	185,3
Разность продольного диаметра и физиономической высоты лица, мм	+ 0,6	-0,3	+ 0,1	-1,0
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	127,4	130,5	129,1	122,4
Высота носа (от нижнего края бровей), мм	58,2	59,9	59,1	57,3
Нособровное расстояние, мм	5,5	7,0	6,3	8,4
Ширина носа, мм	37,7	37,1	37,4	33,8
Ширина рта, мм	53,2	53,8	53,5	49,8
Высота верхней губы, мм	17,6	17,5	17,6	16,7
«Толщина» обеих губ, мм	15,6	17,6	16,7	15,3
Выступание кончика носа, мм	14,7	14,2	14,4	13,1
Указатели, %:				
головной	78,3	78,9	78,6	81,0
челюстно-лобный	97,5	100,1	98,8	96,3
лицевой морфологический от нижнего края бровей	88,7	91,0	90,0	89,3
носовой от нижнего края бровей	64,8	61,9	63,3	59,0
Волосистой покров на груди (у лиц с 22 лет), %:				
1 – очень слабый	78,3	75,9	76,9	–
5 – очень сильный	–	–	–	–
средний балл	1,30	1,48	1,41	–
Рост бороды (с 22 лет), %:				
1 – очень слабый	53,9	69,0	59,6	–
5 – очень сильный	–	–	–	–
средний балл	1,73	1,62	1,71	–
Форма волос, %:				
1 – тугие	7,7	6,5	7,0	9,0
2 – гладкие и плосковолнистые мягкие	73,2	74,1	73,7	77,3
2ж – то же, жесткие	11,5	6,5	8,8	11,4

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5
3 – волнистые суммарно / в т.ч. 3ж – жесткие	7,6 / 3,8	12,9 / 3,2	10,5 / 3,5	2,3 / 2,3
жесткие суммарно (1, 2ж, 3ж)	23,0	16,2	19,3	22,7
Цвет волос (шкала Фишера – Заллера), %:				
Y – иссиня-черные	11,5	12,9	12,3	6,8
X – черно-каштановые	23,1	41,9	33,4	25,0
W – темно-каштановые	30,8	29,0	29,8	31,8
V – каштановые	23,1	6,5	14,0	18,2
U – каштановые с пепельным оттенком	7,7	6,5	7,0	6,8
T – темно-русые, вариант 1	3,8	3,2	3,5	2,3
S – темно-русые, вариант 2	–	–	–	6,8
рыжие	0	0	0	0
балл 4 – черные (Y – U)	96,2	96,8	96,5	88,6
балл 3 – темно-русые (T – P)	3,8	3,2	3,5	9,1
балл 2 – русые (O, N, M)	–	–	–	–
балл 1 – светло-русые (L – F)	–	–	–	2,3
балл 0 – белокурые (E – A)	–	–	–	–
средний балл	3,96	3,97	3,97	3,86
Цвет глаз (шкала Бунака), %:				
балл 2 – темные (№ 1–4)	42,3	58,1	50,8	63,7
балл 1 – смешанные (№ 5–8)	42,4	25,8	33,4	31,8
балл 0 – светлые (№ 9–12)	15,3	16,1	15,8	4,5
средний балл	1,27	1,42	1,35	1,59
Эпикантус (наличие), %	19,2	19,4	19,3	40,9
Складка верхнего века (отсутствие), %	7,7	6,5	7,0	4,6
Горизонтальный профиль лица, %:				
1 – плоский	–	3,2	1,8	20,4
2 – средний	15,4	22,6	19,3	36,4
3 – выступающий	84,6	74,2	78,9	43,2
средний балл	2,85	2,71	2,77	2,23
Выступление скул, %				
1 – слабое	88,5	100,0	94,7	56,8
средний балл	1,12	1,00	1,05	1,50
Высота переносья, %				
1 – малая	3,8	9,7	7,0	31,8
2 – средняя	73,1	87,1	80,7	65,9
3 – большая	23,1	3,2	12,3	2,3
средний балл	2,19	1,94	2,05	1,71
Поперечный профиль спинки носа, %:				
1 – плоский	–	–	–	2,3
2 – средний	30,8	29,0	29,8	45,5
3 – выступающий	69,2	71,0	70,2	52,2
средний балл	2,69	2,71	2,70	2,50

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Общий профиль спинки носа, %				
1 – вогнутый	23,1	22,6	22,8	31,8
2 – прямой	53,9	45,1	49,1	56,9
3 – выпуклый	11,5	12,9	12,3	2,3
4 – извилистый	11,5	19,4	15,8	9,0
Профиль верхней губы, средний балл	1,96	2,00	1,98	1,80
«Толщина» верхней губы, средний балл	1,50	1,84	1,68	1,48
«Толщина» нижней губы, средний балл	2,19	2,52	2,37	2,07

* Выборки включают несколько человек с якутской самоидентификацией (1 муж., 3 жен.), юкагирской (1 муж., 2 жен.), татарской (1 муж.). Все эти лица – потомки национально-смешанных браков с русскоустыинским компонентом.

пигментации на закрытых участках тела с помощью специальных шкал.

Современная мужская выборка русскоустыинцев имеет редкую, даже уникальную особенность в соотношении трех размеров: в среднем довольно высокий рост, очень высокий лоб и очень большая физиономическая высота лица. Обзор надежно сопоставимых популяционных данных, которые получены во второй половине XX в., показал, что на территории Сибири эта тенденция характерна в первую очередь для этнолокальных групп смешанного европеоидно-монголоидного формирования (например, северные алтайцы-тубалары, чулымские тюрки, назымские хантыйско-русские метисы; табл. 3). Многомерный кластерный анализ совокупности из тех же 35 азиатских и европейских этнических групп, которые представляют разные антропологические типы Евразии, демонстрирует самостоятельную позицию русскоустыинцев по комплексу трех продольных размеров – длины тела, морфологической высоты лица от нижнего края бровей и высоты лба (рис. 2). Анализ матрицы попарных евклидовых расстояний выявил в данном случае ближайшие к потомкам русских старожилов Индигирки этнолокальные группы. Ими являются низовые чуваша Буинского р-на Татарстана и назымские хантыйско-русские метисы в ХМАО (межгрупповое расстояние 3,7–4,1 усл. ед.), русские байкало-кударинские, татары-мишари Буинского р-на и русские томские (5,0–5,4),

Рис. 1. Обобщенные фотопортреты русскоустыинцев без иноэтничной примеси (а, в) и национально-смешанные (б, г). Выполнены А.М. Маурером (НИИ и Музей антропологии МГУ) по полевым антропологическим фотографиям автора.

Таблица 3. Длина тела и высота лица у народов Северной Евразии (мужские выборки)

Группа	Длина тела, см	Физиономическая высота лица, мм	Морфологическая высота лица, мм	Высота лба, мм	Источник
<i>Азиатские группы</i>					
Русские индигирские	169,3	196,6	129,1	67,5	ПМА*
Якуты сев. и центр. (4 гр.)	163,0	199,8	138,2	61,6	[Золотарева, 1975б]
Юкагиры тундровые (2 гр.)	158,2	192,1	134,6	57,5	[Золотарева, 1975а]
Эвены тундровые	157,5	193,3	133,5	59,8	[Там же]
Ламуты Чукотки и Камчатки	160,4	195,8	135,0	60,8	[Дебец, 1951]
Чукчи анюйские	158,8	185,7	128,6	57,1	[Там же]
Эскимосы суммарно	162,5	198,2	136,2	62,0	»
Камчадалы	163,6	190,5	130,4	60,1	»
Русские Камчатки	164,8	191,0	130,6	60,4	»
Русские байкало-кударинские	167,3	192,0	129,1	62,9	[Золотарева, 1957]
Русские тарбагатайские/семе́йские	170,2	188,3	125,8	62,5	[Там же]
Долганы с русской примесью	161,9	195,9	134,8	61,1	[Золотарева, 1965]
Нганасаны	156,4	197,0	131,0	66,0	[Аксянова, Золотарева, 1992]
Ненцы тундровые (5 гр.)**	157,5	192,7	130,0	62,7	[Аксянова, 2003]
Ханты назымские	163,3	191,7	128,2	63,5	ПМА
Хантыйско-русские метисы назымские	166,4	193,7	129,1	64,6	»
Селькупо-русские метисы	165,3	190,8	128,9	61,9	»
Русские томские	168,7	192,2	130,0	62,2	»
Татары саргатские – метисы с казанскими	166,9	195,8	133,0	62,8	»
Чулымцы	160,0	195,2	130,9	64,3	[Аксянова, 1991]
Хакасы-кызыльцы	161,4	199,6	133,1	66,5	[Там же]
Алтайцы-тубалары	164,6	200,3	133,9	66,4	[Аксянова, 1992]
Алтай-кижи	163,9	198,5	133,9	64,6	[Там же]
Алтайцы-теленгиты	166,9	202,1	136,3	65,8	[Алексеева, 2005]
Казахи Алтая (Кош-Агач)	168,4	201,9	137,4	64,5	Там же
Хакасы-сагайцы	164,1	201,7	137,3	64,4	»
Тувинцы зап. (Дзун-Хемчикский р-н)	163,2	201,9	135,0	66,9	»
Якуты центр. (Горный р-н)	162,6	198,9	134,0	64,9	»
Халха-монголы центр. (Бурд)	165,8	200,8	135,7	65,1	»
<i>Европейские группы</i>					
Ненцы колвинские	167,2	193,3	132,7	60,6	[Аксянова, 2005]
Коми – метисы с ненцами	166,6	191,2	130,7	60,5	[Там же]
Татары-мишари (Буинск)	170,4	195,3	131,9	63,4	ПМА
Чуваши низовые (Буинск)	170,4	194,5	130,3	64,2	»
Русские вологодские (3 гр.)	171,7	187,8	124,6	63,2	[Zolotareva, 1993]
Русские Севера (Вост. Европа, 8 гр.)	169,1***	186,3	127,1	59,2	[Витов, 1997]

*Полевые материалы автора.

**Суммарная выборка азиатских и европейских групп.

***Показатели роста, которые получены в 1954–1956 гг., увеличены на 3 см.

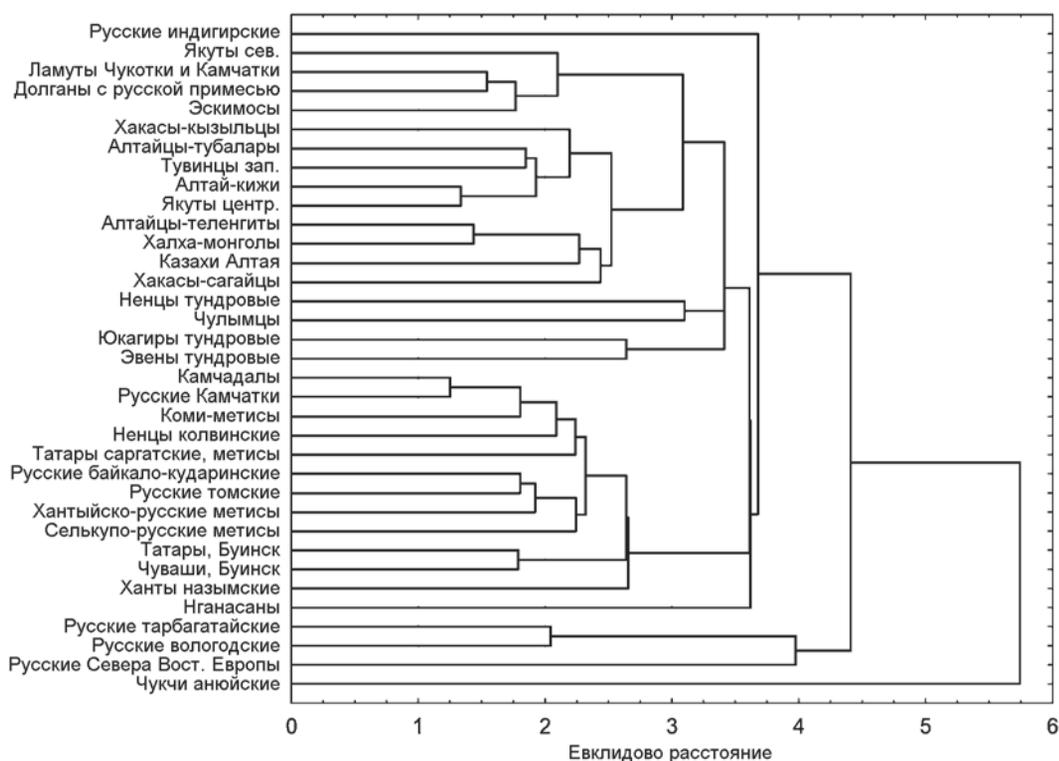

Рис. 2. Соотношение евразийских этнических групп (мужские выборки) по комплексу трех размеров (длина тела, морфологическая высота лица и высота лба).

русские тарбагатайские Забайкалья, татары сибирские саргатские – метисы с казанскими татарами и русские вологодские (6,1–6,7). Наиболее удаленные от русских Индигирки группы по этим признакам – нганасаны (13,1), эвены тундровые и чукчи анойские (14,7–14,8), юкагиры тундровые (15,9); среднеудаленные – якуты центральные (Горный р-н; 8,7), долганы с известной русской примесью (11,3), якуты северные и центральные (12,5). Современные потомки старожилов Индигирки ближе к европейским и европейско-сибирским метисным группам (включая другие территориальные группы русских старожилов Сибири), чем к местным монголоидным по расовому типу народам. Из числа автохтонных популяций к русскоустыинцам ближе по сочетанию трех указанных размеров тюркские этносы (якуты и долганы), чем самодийцы Таймыра и аборигены северо-востока Азии.

Внешние особенности женской русскоустыинской выборки соответствуют общим закономерностям межполовых различий. У женщин в среднем меньше размеры тела и головы, более округлая форма головы и лица, менее выступающий и относительно более узкий нос, чаще вогнутая спинка носа, сравнительно более узкая нижняя челюсть, немного светлее волосы, но темнее глаза, значительно чаще встречается эпикантус, усилены выступание скул и уплощенность лица.

Степень выраженности полового диморфизма была рассчитана по авторской методике для 29 расоводиагностических признаков внешности [Аксянова, 2011]. Она оказалась на границе среднего и высокого уровней по межгрупповой шкале. Группа русскоустыинцев по сочетанию суммарных оценочных параметров аналогична метисным выборкам народов Западной Сибири – селькупско-русским метисам и потомкам смешанных браков сибирских и поволжских татар. Паттерн межполовых различий в ней обнаруживает разные направления изменчивости: с одной стороны, он в основном соответствует европейской модели и не противоречит метисной, с другой – отличается яркой манифестацией азиатской модели по таким признакам, как ширина нижней челюсти, морфологическая высота лица, эпикантус. Очевидно, генеалогические истоки современной выборки старожилов Русского Устья, выявленные опросом, находят отражение в их расовых популяционных характеристиках как своеобразного антропологического комплекса Сибирской Арктики. При оценке биологического состава по шкале выраженности межполовых различий изученная популяция характеризуется как умеренно дифференцированная, морфологически стабильная. Русскоустыинцы являются частью общего круга брачных связей населения Аллаихи.

Таблица 4. Сравнительные материалы

Группа	Длина тела, см	Модуль головы, мм	Головной указатель, %	Челюстно-лобный указатель, %	Модуль лица морфологический, мм	Лицевой указатель морфологический, %	Носовой указатель, %	«Толщина» губ, мм
Русское Устье, 26 чел. без иноэтничной примеси	168,7	175,6	78,3	97,5	135,6	88,7	64,8	15,6
Русское Устье, все 57 чел.	169,3	175,7	78,6	98,8	136,3	90,0	63,3	16,7
Коми, Инта	168,5	174,3	79,7	100,5	135,3	90,3	61,4	14,9
Коми, Усинск	167,3	173,2	80,6	99,5	136,0	91,1	61,1	14,8
Коми-метисы	166,6	172,9	80,1	101,6	136,6	91,9	59,4	15,7
Ненцы колвинские	167,2	174,5	81,4	104,1	138,6	91,9	62,2	15,6
Ханты назымские	163,3	173,0	79,7	101,3	134,8	90,7	65,2	15,4
Хантыйско-русские метисы	166,4	173,8	80,4	99,4	136,0	90,4	62,2	16,7
Ханты юганские	158,2	172,5	79,5	104,1	133,9	91,2	63,4	14,9
Нганасаны	156,4	175,1	84,7	109,7	141,0	86,8	60,4	15,8
Якуты северные (4 гр.)	163,0	176,0	81,6	111,9	143,7	92,7	54,7	17,7
Юкагиры тундровые (2 гр.)	158,2	175,2	81,7	114,3	141,3	90,9	59,8	17,1
Долганы с русским компонентом	161,9	174,0	84,9	111,6	141,5	90,9	57,2	17,3
Камчадалы	163,6	172,3	78,8	113,0	136,6	91,4	63,5	16,1
Русский Север (8 гр.)	169,1	172,0	81,0	103,2	133,6	90,7	61,6	16,0

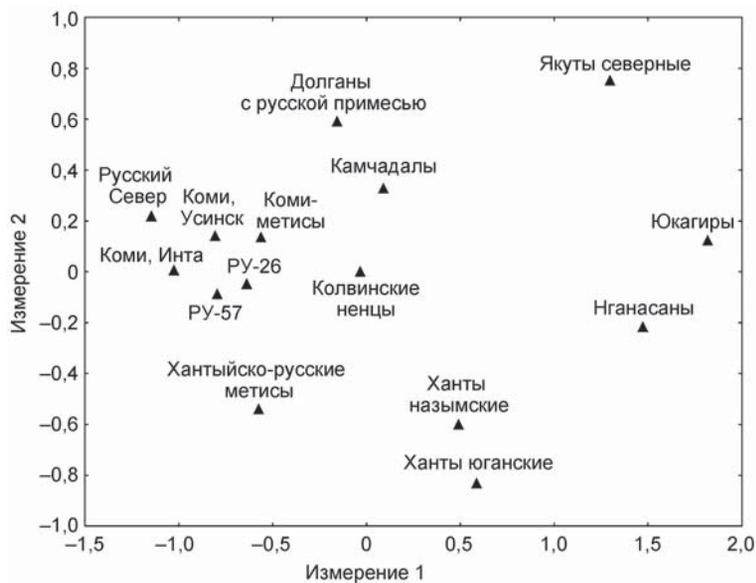

Рис. 3. Положение русскоустынской выборки на фоне групп Северной Евразии (21 признак внешнего облика в мужских выборках; многомерное шкалирование).

РУ-26 – потомки русских старожилов без иноэтничной примеси; РУ-57 – полная выборка русскоустынцев.

С целью выявления ближайших аналогий физическому типу русскоустынцев проведено межгрупповое сопоставление мужских выборок с использо-

ванием большого набора показательных характеристик в методически наиболее сопоставимых материалах (табл. 4). Графический результат анализа методом многомерного шкалирования показан на рис. 3, методом кластерного анализа – на рис. 4. Оба они наглядно демонстрируют на основе научной расоведческой программы уровень суммарного сходства старожилов с несколькими этнотерриториальными группами циркумполярного пояса Евразии – от севера Восточной Европы до Камчатки, от европеоидных и переходных форм до разных проявлений монголоидного типа. Русскоустынцы определенно объединяются прежде всего с северными коми (ижемцами бассейна р. Уса), особенно с той их частью, в которой есть ненецкая примесь. К числу близких относится также объединенная выборка северных русских. Следующую ступень занимают группы недавнего смешанного в национальном и расовом отношении происхождения, причем каждая из них вполне индивидуальна антрополо-

гически. Это живущие в коми-ненецком пограничье колвинские ненцы (колвинцы), назымские хантыйско-русские метисы в ХМАО, долганы с известной у них

по соматологии северных групп

Цвет волос	Цвет глаз	Борода	Эпикантус, %	Профиль лица	Скулы	Высота переносья	Профиль носа	Спинка носа, %		Форма волос, %		Профиль верхней губы, проехлия, %
								Вогнутая	Выпуклая	Тугие	Волнистые	
средний балл			средний балл									
3,96	1,27	1,73	19,2	2,85	1,12	2,19	2,69	23,1	11,5	7,7	7,6	23,1
3,97	1,35	1,71	19,3	2,77	1,05	2,05	2,70	22,8	12,3	7,0	10,5	14,0
3,15	0,42	3,23	2,2	2,71	1,03	2,33	2,77	16,7	14,4	0,0	8,7	12,9
3,25	0,59	3,29	7,8	2,56	1,14	2,19	2,78	12,9	11,3	6,2	14,1	20,6
3,65	0,73	2,95	13,3	2,36	1,24	1,93	2,42	20,9	11,6	4,4	17,8	31,8
3,90	1,31	1,93	31,0	2,04	1,41	2,00	2,38	28,6	3,6	10,3	20,7	48,0
3,90	1,35	2,03	29,0	2,26	1,13	1,71	2,10	56,8	0,0	29,0	6,4	56,7
3,50	0,72	2,75	16,7	2,61	1,11	2,00	2,61	44,4	0,0	11,1	5,6	17,6
3,82	1,31	1,85	29,5	2,28	1,23	1,67	2,23	67,2	3,3	21,7	5,0	62,3
4,00	1,96	1,13	50,0	1,31	2,05	1,17	2,00	49,4	5,6	57,6	4,3	81,1
3,99	1,73	1,45	56,8	1,31	2,15	1,29	2,24	12,3	23,3	55,4	8,2	76,5
4,00	1,75	1,05	59,1	1,11	2,32	1,09	1,98	34,1	2,3	63,3	3,3	95,1
3,86	1,32	1,33	27,0	1,68	2,00	1,68	2,55	9,1	22,7	9,5	19,0	50,0
3,92	1,60	2,31	20,2	1,40	2,09	1,88	2,12	15,6	10,0	32,4	12,7	44,5
2,53	0,58	2,94	0,0	2,35	1,42	2,57	2,78	23,2	16,7	0,1	28,9	11,1

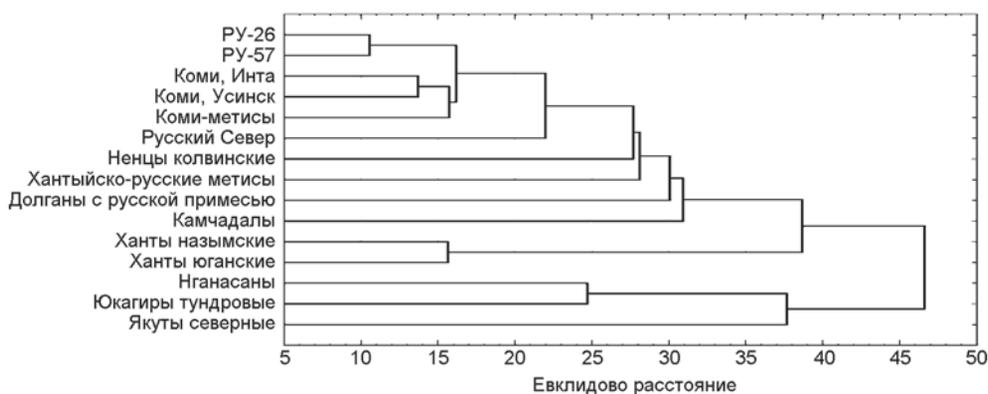

Рис. 4. Дендрограмма таксономических связей в североевразийском пространстве (21 признак внешнего облика; мужчины).
Усл. обозн. см. рис. 3.

русской примесью, наконец, камчадалы Камчатки. Следующими по удаленности оказались обские угры – две группы хантов. И самыми отличающимися от старожилов Индигирки по внешнему облику являются, несомненно, североазиатские народы – монголоидные по расовому типу, но территориально наиболее близкие к ним. Таким образом, распределение групп связано с нарастанием доли монголоидного компонента, что совпадает с их географическим размещением с запада на восток. Только русскоустыинцы не соответствуют этой закономерности. Далеко на восток их

предки принесли европейский фенотип, который поддерживается смешением с новыми европейскими по типу переселенцами.

Метисную природу старожилов Русского Устья сильнее подчеркивают результаты других программ – одонтологической и отдельных биомаркеров, которые в данном случае подробно не рассматриваются. Более выраженное восточное своеобразие группы по одонтологической программе обычно объясняют эпохальной инертностью зубной системы. Видимо, определенную роль играет также отсутствие полового отбора

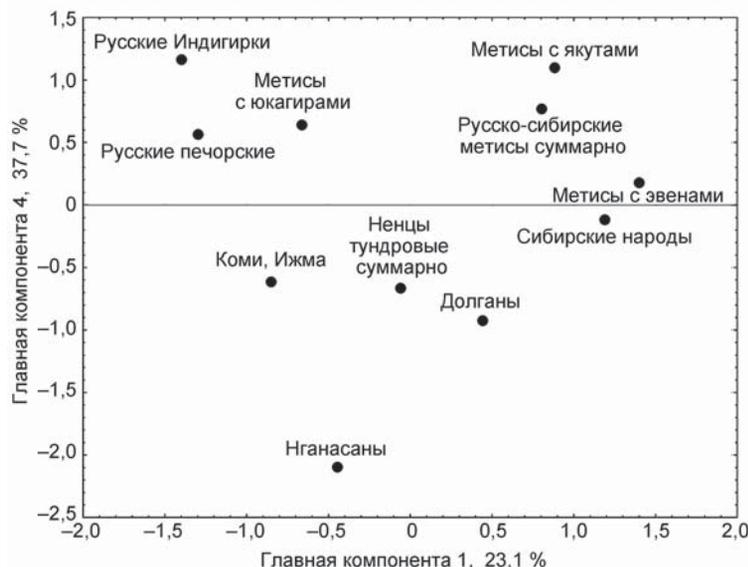

Рис. 5. Соотношение разных групп северного населения по координатам главных компонент 1 и 4 зубного комплекса (14 признаков; детские выбоки суммарно по полу).

по незаметным признакам. И если по соматологической программе можно говорить о преобладании якутского влияния, то при разделении полученного у школьников Аллайхи зубного материала на маленькие подгруппы выявлены все же вероятные остаточные следы генетического контакта русскоустыинцев с юкагирами (рис. 5).

Заключение

На основе комплексной характеристики по пакету биологических морфогенетических программ установлено, что современная группа русских старожилов Индигирки, известная как русскоустыинцы или индигирщики, обладает значительным антропологическим своеобразием метисного варианта. Это своеобразие эндемичного уровня, которое обусловлено смешанным европейско-азиатским (европеоидно-монголоидным) ее составом вследствие биологического взаимодействия пришлого и местного сибирского населения – этнических якутов, эвенков, юкагиров и чукчей. Судя по данным устного генеалогического опроса обследованных жителей, а также ранее полученным материалам по антропологии народов Сибири, основным источником восточного (азиатского, монголоидного) сдвига в характеристике современного взрослого населения русскоустыинцев стали северные группы этнических якутов при меньшем биологическом влиянии со стороны автохтонов Субарктики – юкагиров, эвенков, чукчей. Антропологические данные позволяют уверенно говорить о двух жизненных моментах

местного полиэтничного сообщества: во-первых, о наличии сибирской примеси в составе всех выделенных подгрупп русскоустыинцев, обследованных летом 2013 г. (независимо от указаний респондентов в своих родословных на смешение с представителями сибирских народов); во-вторых, о широкой распространенности межэтнических брачных контактов в среде местных сибирских этносов, а следовательно, и в большом числе аборигенных внутрисибирских национально-смешанных потомков не только в настоящее время, но и в прошлом.

Проведенное в 2013 г. антропологическое исследование русской старожильской популяции формирует научно документированную базу для следующего общего заключения. Эта этнографическая группа русских старожилов Сибири является малой популяцией, которая с начала своего формирования в XVII–XVIII вв. открыта для разносторонних межэтнических брачных контактов. Крайняя удаленность района потенциально могла обусловить совсем другой сценарий ее развития – как относительно изолированной группы европейцев по соседству с аборигенными народами. Социальные причины и условия жизни на азиатском Крайнем Севере, в сочетании с фактом полноценной биологической совместимости всех современных народов и рас, оказались сильнее географических и культурных препятствий. Небольшая по численности сельская полиэтничная популяция русскоустыинцев изначально реализует микромодель развития современных городских полиэтничных сообществ – всегда гетерогенных. В данном случае это модель мирного взаимодействия европейских и азиатских народов, по антропологическим особенностям весьма разнообразных. На севере Якутии в низовьях Индигирки на протяжении последних столетий успешно реализован биосоциальный феномен, который за рубежом назвали «плавильным котлом» разных национальных культур и различных антропологических типов.

Список литературы

- Аксянова Г.А. Соматология // Тюрки таежного Причулымья: (популяция и этнос). – Томск: Изд. Том. ун-та, 1991. – Разд. II, гл. 4. – С. 128–153.
- Аксянова Г.А. Изучение физического типа населения как метод этногенетического анализа (на примере алтайцев) // Материалы к серии «Народы и культуры». – М.: ИЭА РАН, 1992. – Вып. X: Антропологические исследования. –

Кн. 2: Новое в методике и методологии антропологических исследований. – С. 86–104.

Аксянова Г.А. Соматология // Этнография и антропология Ямала. – Новосибирск: Наука, 2003. – Ч. 2, гл. 2. – С. 200–292.

Аксянова Г.А. Современные представления об антропологическом составе народа коми и его генетических истоках // Антропология коми. – М.: ИЭА РАН, 2005. – С. 53–176.

Аксянова Г.А. Фамильное и антропологическое разнообразие коренного населения Приуралья и Западной Сибири // Расы и народы. – М.: Наука, 2007. – Вып. 33. – С. 277–330.

Аксянова Г.А. Проявление полового диморфизма в антропологическом облике народов Северной Евразии // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 2. – С. 125–141. – URL: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/va15.htm

Аксянова Г.А., Золотарева И.М. Антропологический тип современных нганасан (исследование взрослого населения) // Нганасаны: Антропологическое исследование. – М.: ИЭА РАН, 1992. – С. 31–113.

Алексеева Т.И. Антропологический состав населения Центральной Азии и вопросы расогенеза // Антропоэкология Центральной Азии. – М.: Науч. мир, 2005. – Гл. 2. – С. 35–67.

Вахтин Н.Б., Головкин Е.Б., Швайцлер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты сознания. – М.: Новое изд-во, 2004. – 296 с.

Витов М.В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. – М.: ИЭА РАН, 1997. – 201 с.

Геккер Н.Л. К характеристике физического типа якутов: (антропол. очерк). – Иркутск: [Типо-литогр. П.Н. Макушина], 1896. – 90 с. – (Зап. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. об-ва по этнографии; т. III, вып. 1).

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 262 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. XVII).

Долинова Н.А. Дерматоглифика русских переселенцев Сибири и Кавказа // Материалы к серии «Народы и культуры». – М.: ИЭА РАН, 1992. – Вып. X: Антропологические исследования. – Кн. 1: Материалы и исследования по антропологии 80-х годов. – С. 62–81.

Дружинина М.Ф. Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии: материалы для фразеологического словаря русских говоров. – Якутск: Издат. дом СВФУ, 2013. – 280 с.

Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. – 2-е изд. – М.: [Тип. П.П. Рябушинского], 1914. – 133, [3] с. Репр. воспр.: Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2013. – 140 с.

Золотарева И.М. Некоторые данные по этнической антропологии населения Забайкалья // Зап. Бурят-Монгол. НИИ культуры. – 1957. – Т. XXIV. – С. 203–241.

Золотарева И.М. Антропологическое исследование долган // СЭ. – 1965. – № 3. – С. 27–39.

Золотарева И.М. Юкагиры (антропологический очерк) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 148–177.

Золотарева И.М. Антропология некоторых народов Северной Сибири // Юкагиры: (ист.-этногр. очерк). – Новосибирск: Наука, 1975а. – С. 97–110, 154–192.

Золотарева И.М. Территориальные варианты антропологического типа якутов (в связи с проблемой их происхождения) // Этногенез и этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1975б. – С. 231–248.

Майнов И.И. Помесь русских с якутами // Рус. антропол. журн. – 1900. – № 4. – С. 37–57.

Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области // Зап. Рус. геогр. об-ва. Отд. статистики. – 1912. – Т. XII. – 29 с.

Русские старожилы Сибири: ист.-антропол. очерк. – М.: Наука, 1973. – 188 с.

Талько-Грынцевич Ю. К антропологии Забайкалья и Монголии // Рус. антропол. журн. – 1902. – Кн. X, № 2. – С. 34–67.

Чикачëв А.Г. Русские в Арктике: Полярный вариант культуры: ист.-этногр. очерки. – Новосибирск: Наука, 2007. – 303 с.

Чикачëв А.Г. Русское сердце Арктики. – Якутск: Лит. фонд, 2010. – 496 с.

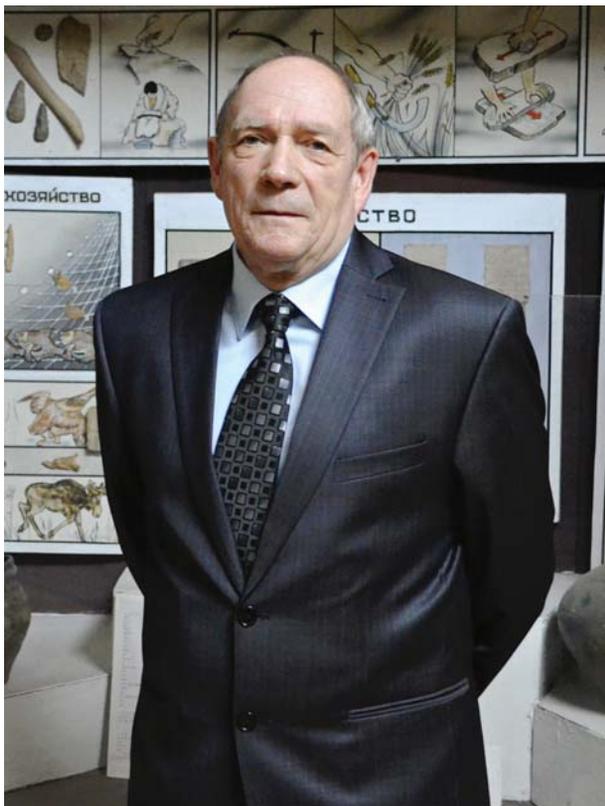
Ярхо А.И. Алтае-саянские тюрки: антропол. очерк. – Абакан: Хакобнациздаг, 1947. – 148 с.

Zolotareva I.M. Somatological Characteristics of the Vologda Russians among Anthropological Types of the Northern Russians // Physical Anthropology and Population Genetics of Vologda Russians. – Helsinki: Finnish Anthropol. Soc., 1993. – P. 21–32. – (The Finnish Anthropol. Soc. Transactions; N 32).

*Материал поступил в редколлегию 07.11.14 г.,
в окончательном варианте – 19.12.14 г.*

ПЕРСОНАЛИИ

ПРОФЕССОР ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ БОБРОВ: К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Известный российский ученый Владимир Васильевич Бобров родился 5 июня 1945 г. в семье кадрового офицера, участника Великой Отечественной войны. Школьные годы Владимира были типичными для детей военнослужащих: он учился в нескольких школах в местах службы отца – на Украине, в Германии, затем в г. Кемерове. Сибирь и Кузбасс стали по-настоящему родными для него. Уже в старших классах молодой человек решил посвятить себя археологии.

В 1962 г. В.В. Бобров поступил на историко-филологический факультет Кемеровского государственного педагогического института (впоследствии – Кемеровский государственный университет), с которым до настоящего времени связана творческая жизнь ученого. В студенческие годы он ежегодно работал в археологических экспедициях под руководством своего первого наставника А.И. Мартынова, впоследствии доктора исторических наук, профессора. Главным научным полигоном в эти годы являлись преимуще-

ственно погребальные памятники тагарской и таштыкской культур. Именно пластическое искусство эпохи раннего железа стало первой самостоятельной научной темой, которая была разработана впоследствии в кандидатской диссертации «Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля (тагарская культура)», успешно защищенной В.В. Бобровым в 1973 г. Да и первая монография, написанная в соавторстве с учителем, посвящена изучению курганов тагарской культуры*. В студенческие годы В.В. Бобров также участвовал в полевых исследованиях других экспедиций, работавших в Сибири и на Дальнем Востоке. Особенно много, по воспоминаниям самого Владимира Васильевича, дало ему участие в экспедиции, руководимой А.П. Окладниковым (впоследствии академиком), на Амуре. Алексей Павлович стал его научным руководителем в аспирантуре. В 1966 г. после окончания института В.В. Бобров был распределен на кафедру всеобщей истории на должность ассистента.

Самостоятельные полевые исследования Владимира Васильевича проводит с 1973 г. Он и сегодня (более 40 лет!) активно работает в поле. Экспедиции В.В. Боброва связаны преимущественно с Кузбассом, однако ему приходилось работать и в Красноярском крае, Томской области, Барабинской лесостепи. Спектр научных интересов ученого чрезвычайно широк (от неолита до Средневековья), но излюбленными темами становятся эпохи неолита и бронзы. Не случайно, что, пожалуй, наиболее значительными результатами его полевых изысканий явилось фундаментальное изучение Танайского археологического микрорайона (оз. Танай на границе Новосибирской и Кемеровской областей), продолжавшееся на протяжении 20 лет (1986–2006 гг.). Эти работы не только обогатили науку качественно новыми источниками, но и позволили сформулировать и обосновать оригинальные научные теории, касающиеся различных этапов эпохи бронзы большого района Западной Сибири. На тот же творческий период приходится разработка концепции развития историко-культурных процессов в эпохи неолита и бронзы в Кузнецко-Салаирской горной области – регионе, с данной точки зрения до работ Владимира Васильевича прак-

*Мартынов А.И., Бобров В.В. Серебряковский могильник. – Кемерово: Кем. гос. пед. ин-т, 1971. – 119 с. – (Изв. лаборатории археологических исследований; вып. 3).

тически неисследованном. Она представлена в докторской диссертации В.В. Боброва «Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы», которая была успешно защищена в форме научного доклада в 1992 г.

К несомненным творческим успехам относятся и ряд монографических исследований ученого, написанных в содружестве с коллегами и учениками. Следует особо подчеркнуть их мультидисциплинарный характер. С моей точки зрения, важное значение имеют монографии, посвященные проблемам заключительной стадии эпохи бронзы (ирменской культуре) и изучению бронзолитейного производства носителей лугавской культуры Южной Сибири*.

В последнее десятилетие В.В. Бобров исследует поселенческие комплексы эпохи неолита в Барабинской лесостепи. Особенно важные результаты получены им на поселении Автодром-2, где произведены масштабные раскопки. Накопленные материалы позволили ученому обосновать автохтонную и миграционную линии развития неолитических культур региона, по существу, на качественно новом уровне охарактеризовать артыгскую культуру**.

После защиты докторской диссертации все большее значение в деятельности В.В. Боброва стала занимать работа по организации гуманитарной науки в Кузбассе. Особенно значимым является налаживание тесных творческих контактов с академическими структурами Сибирского отделения РАН. В 1995 г. под руководством В.В. Боброва была создана совместная с Институтом археологии и этнографии СО РАН Кузбасская лаборатория археологии и этнографии. Она стала первой академической структурой гуманитарного профиля в Кемеровской области и успешно работает на протяжении 20 лет. Активное участие принимал Владимир Васильевич в создании нового академического учреждения в составе Кемеровского научного центра СО РАН – Института экологии человека (2004 г.), в котором он и сегодня является заместителем директора, а также возглавляет отдел гуманитарных исследований.

Особым и, без сомнения, любимым родом деятельности для В.В. Боброва всегда была и остается преподавательская работа. С 1994 г. Владимир Васильевич является профессором кафедры археологии Кемеровского государственного университета, а с 1998 г. до настоящего времени возглавляет ее. Он читает ряд

ведущих курсов, руководит полевой археологической практикой. Мне всегда приятно наблюдать профессора в экспедиции не только с лопатой на раскопе, но и у вечернего костра, читающего студентам научную лекцию. Под его руководством 11 аспирантов подготовили и защитили кандидатские диссертации, из них двое стали докторами наук.

Еще одной чертой юбиляра, о которой нельзя не сказать, является его постоянное стремление к совершенствованию, к творческим контактам с коллегами. Уникальны его совместные работы с коллегой и близким другом – профессором Петербургского университета Д.Г. Савиновым. Я никогда не забуду неоценимую помощь, которую оказал мне Владимир Васильевич при исследовании очень непростых объектов, таких, например, как Айдашинская пещера.

В.В. Бобров – автор и соавтор ок. 400 научных работ, в т.ч. девяти монографий. О его высоком научном рейтинге свидетельствует постоянная поддержка руководимых им проектов ведущими отечественными фондами: РФФИ, РГНФ, ФЦП «Интеграция», ФЦП Министерства образования и науки РФ. В настоящее время Владимир Васильевич является председателем регионального экспертного совета РГНФ. О высоком научном авторитете свидетельствует участие В.В. Боброва в советах по защитах кандидатских и докторских диссертаций. Он является членом ученых советов учреждений, в которых работает, членом Президиума Кемеровского научного центра СО РАН. Владимир Васильевич входит в редакционные коллегии и редсоветы нескольких рейтинговых научных журналов, в т.ч. «Археология, этнография и антропология Евразии».

За весомый вклад в развитие науки и образования профессор В.В. Бобров удостоен звания Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, знака «Почетный профессор Кузбасса», других региональных и ведомственных наград.

Свой очередной юбилей Владимир Васильевич встречает полной энергии и творческих планов. Впереди новые экспедиции, книги, открытия.

В.И. Молодин

Материал поступил в редколлегию 18.03.15 г.

*Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1992. – 163 с.; Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия среднего Енисея (лугавская культура). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 98 с.

**Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артыгская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 106–108.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия

ВДИ – Вестник древней истории

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ГИМ – Государственный Исторический музей

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

РА – Российская археология

СВФУ – Северо-Восточный федеральный университет

СЭ – Советская этнография

ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР

УрО РАН – Уральское отделение РАН

ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique

- Аксянова Г.А.** – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия. E-mail: gaksyanova@gmail.com
- Богданов Е.С.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru
- Бородовский А.П.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: altaicenter2011@gmail.com
- Гладышев С.А.** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: paleomongolia@yandex.ru
- Деревянко А.П.** – академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: derev@archaeology.nsc.ru
- Дураков И.А.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: idurakov@yandex.ru
- Зориктуев Б.Р.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия. E-mail: imbt@imbt.ru
- Зубова А.В.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: zubova_al@mail.ru
- Каномата Й.** – доктор наук, адъюнкт-профессор Университета Тохоку, Япония. Tohoku University, Kawauchi 27-1, Aoba ward, Sendai, 980-8576, Japan. E-mail: kanomata@m.tohoku.ac.jp
- Кобелева Л.С.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru
- Колобова К.А.** – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kolobovak@yandex.ru
- Конева Л.А.** – кандидат биологических наук, доцент Института естественных и социально-экономических наук Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Виллойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия. E-mail: konebala@ngs.ru
- Корниенко Т.В.** – кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета, ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия. E-mail: zigzina@rambler.ru
- Кулик Н.А.** – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kulik@archaeology.nsc.ru
- Майничева А.Ю.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: mainicheva@archaeology.nsc.ru
- Маркин С.В.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: markin@archaeology.nsc.ru
- Медведев В.Е.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru
- Молодин В.И.** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Окладников А.П. – академик АН СССР, доктор исторических наук, директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР (1966–1981 гг.)

Олсен Д. – профессор Аризонского университета, США; School of Anthropology, University of Arizona, 1009 East, South Campus Dr., P.O. Box 210030 Tucson, Arizona 85721-0030, USA. E-mail: jwo@arizona.edu

Табарев А.В. – доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: olmec@yandex.ru

Тур С.С. – кандидат исторических наук, заведующая кабинетом антропологии Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, Ленинский пр., 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: tur@email.asu.ru

Филатова И.В. – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: inga-ph@mail.ru

Чикишева Т.А. – доктор исторических наук, заведующая сектором антропологии Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: chikisheva@ngs.ru